

**ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ
1914-1917 гг.**

T. 1

ТАЛЕРГОФСКІЙ АЛЬМАНАХЪ.

ПРОПАМЯТНАЯ КНИГА

австроійскихъ жестокостей, изувѣрствъ и
насилій надъ карпато-руссскимъ народомъ
во время всемірной войны 1914 — 1917 гг.

Выпускъ первый.

Тerrorъ въ Галичинѣ въ первый
періодъ войны 1914 — 1915 гг.

— ЛЬВОВЪ, 1924. —
Изданіе „Талергофскаго Комитета“. Типографія СТАВРОПІЛІЙСКОГО ИНСТИТУТА
подъ управліеніемъ А. И. ЯСЬНОВА.

Отходящая тьма предъ разсвѣтомъ особенно черна и грозна. Послѣдній судороги бури, проломные порывы шквала наиболѣе неистовы и яры. Побѣдный восторгъ достиженія, торжествующій прорывъ новой жизни и воли жертвенно искупляются раныще жестокой и жуткой мистеріей сугубыхъ томлений и муки. Искупительный путь къ Воскресенію ведетъ черезъ крестные страданія Голгофы.

И такой именно страшной и мучительной крестной жертвой искупила и наша многострадальная родина—истарыи нуждой прибитая и неизбывимымъ горемъ повитая Прикарпатская Русь — свой долгожданній, но, увы, оказалася столъ непродолжительнымъ и непрочнымъ, освободительный, воскресный миражъ 1914—1915 годовъ. Закаленная въ многоюжковой борьбѣ и неволѣ, привычная къ наипотѣшнѣмъ гонениямъ и мукамъ, она, извѣтная страдалица-раба, подверглась тутъ такой бѣшеной облавѣ и травѣ, такимъ чудовищнымъ издѣлательствамъ и пыткамъ, предъ которыми вчужбѣ блѣднѣютъ самые мрачные и дикие ужасы средневѣковыхъ изувѣчствъ и боенья, которые превзойдены ужъ развѣ только ницѣнѣніемъ лютыемъ кошмаромъ „чрезъчайныхъ“ застѣновъ и нортъ.

Въ смертельномъ предчувствіи близкаго паденія и бѣгства, въ судорожномъ страхѣ мрачного и поворнаго конца, обезумѣвшій врагъ пытались выместить на своей безвинной и бевозѣйтѣйной жертвой послѣднюю, отчаянную свою ярость, упирно упиться ея сиротскими слезами и кровью въ свой крайній, предъутренний часъ.

И упился тутъ ими онъ въ волю, сверхъ всяческой мѣры и краю! Запилъ, обагрилъ ими всю жалкую жертву-страну. Оплевавъ, осквернилъ скорбное лицо мученицы трупнымъ ядомъ своей кощунственной слюны. Опалилъ, прожегъ ее сплошь ялобнымъ заревомъ безъ смысленныхъ пожаровъ и костровъ. Разорилъ ея убогія, старыя хижины, ограбилъ или уничтожилъ злостно ея сѣреный, нищенскій скарбъ. Поругалъ ея тихія, завѣтныя святыни, авѣрская оскорбилъ ея чистую вѣру и народную честь. Завалилъ свой бѣглый, злопамятный путь бечевленными трупами ея лучшихъ, любимыхъ сыновъ. А тысячи, тысячи другихъ ялобно повергъ въ свою цѣпкія тюрмы, истязалъ ихъ и мучилъ нещадно, а затѣмъ и увлекъ за собою на своеемъ предъизвѣсномъ бѣгу.

О, да будетъ же проклята въ мірѣ его гнусная, страшная память, пусть сгинетъ на вѣчные вѣки эта отъ дакій, безумный коміръ!

Но выставить и пригwoдить весь этотъ коміръ и ужасъ къ позорному столбу истории все-таки желательно и нужно. Хотя бы только для бесстрастного и нелидцепріятного суда грядущихъ временъ, хотя-бы для прославленія увѣковѣченія испытанныхъ тутъ нащимъ народомъ ужасныхъ мъществъ, извѣтительствъ и мукъ. Для достойнаго и приватнаго запечатлѣнія на пропамятныхъ скрижалиахъ исторіи его сверхъчестивеннаго долготерпѣнія и вѣрнаго и устойнаго героизма на искуственномъ крестѣ.

Воспринялъ нашъ доблестный мученикъ-народъ всю эту же стоку казни и хулу, какъ и всѣ прежніе гоненія и казни подъ австрійскимъ ярмомъ, не за какую-нибудь дѣйствительную измѣну или другую опредѣленную вину, которыхъ тутъ въ общемъ, въ спокойномъ национально-культурномъ быту и трудеъ его, и не было, и быть не могло, а просто и исключительно только благодаря тому, что рядомъ, бокъ-о-бокъ, жила-циѣла могучая, единокровная ему Россія, передъ которой дрожкая тюрьма народовъ — Австрія всегда испытывала самый ялобный и неистовый страхъ. И въ этомъ-то суетномъ страхѣ, въ этой трусивой враждѣ ея къ Россіи, съ одной стороны, а въ русскомъ же обликѣ, совинѣй и даже имени нашего влюблѣннаго народа, съ другой, и сидѣуетъ, очевидно, признать ту главную, основную причину, тотъ внутренній двигатель зла, которые и вызвали нынѣ, въ безумномъ военномъ утвѣрѣ, весь этотъ чудовищный, жуткій коміръ.

Словно въ дикомъ, разбѣжномъ разгулѣ, какъ въ безумномъ, кровавомъ бреду, разомъ ринулись на несчастную жертву, вдругъ сорвавшись съ празднѣхъ сорвъ и цѣпей, какъ всѣ органы государственной стражи и власти, такъ и всякия темныя и враждебныя силы въ странѣ вообще.

Такъ, съ первыхъ-же сполоковъ бури, заранѣе обреченная на гибель, вся вѣрная национальнымиъ завѣтамъ, сознательная часть мѣстнаго русскаго населенія была сразу-же объзвана вѣтъ всякаго закона и циата, а вслѣдъ за этимъ и подвергнута тутъ-же беспощадной травѣ и бойнѣ. По отношенію къ этимъ — по государстvenной логикѣ Австріи — завѣдомымъ и обязательнымъ „измѣнникамъ“ и „шпionамъ“ — „руссофиламъ“ — всѣ экстренные мѣры военнѣстія и мести стали теперь, вѣтъ обычнѣхъ нормъ и условій культуры и правопорядка, умѣстны, цѣлесообразны и хороши. Всѣ наличнѣе средства и силы государственной охраны и власти, всѣ наружнѣя и тайныя полиціи, кадровая и полевая свора юнкеровъ, а даже отдѣльные воинскіе части и посты, дружно двинулись теперь противъ этихъ ненавистнѣхъ и опасныхъ „тварей“ и стали бѣшено рыскать по несчастной стражѣ безъ всякой помѣхи и узы. А за ихъ гроаны и удобными спинами и штормами привольно и безудержно засуетился также, захлебываясь отъ торжествующей злобы, вражды и хулы, и всякий ужъ частный австрійскій накишенъ и сбродъ, съ оканінѣмъ братомъ-изувѣромъ — Кайномъ несчастнаго народа — во главѣ..

И это послѣднєе уродливое явленіе, ужъ помимо самой сущности вещей, слѣдуетъ тутъ выдвинуть съ особымъ воинуще-ніемъ и прискорбiemъ на видъ, на поворъ грядущимъ поколѣніямъ, на проклѣніе отъ рода въ родѣ! Потому что, если всѣ чужие, инородные сограждане наши, какъ евреи, поляки или нѣмцы, и пытались тутъ всячески тоже, подъ шумокъ и хаосъ военной разрухи, безнаказанно свести со своимъ безимпомѣннымъ политическими противникомъ свыи старыя споры и счеты или даже только такъ или иначе прокляти и выместить на немъ свой угарный „патріотический“ пыль или гнѣвъ вообще, то всѣ-таки дѣлали все это, какъ ни какъ, завѣдомо чужie и болѣе или менѣе даже враждебные намъ элементы, да и то далеко не во всей организованной и сплошной своей массѣ, а только, позоруя, въ самыхъ худшихъ и малокультурныхъ своихъ лизахъ, дѣйствовавшихъ же томъ-же большей частью по прямому наущенію властей или въ стадиумѣ порѣы сфанатизированной толпы. А между тѣмъ, свой-же, единокровный братъ, вскормленный и натравленный Австріей „украинскій“ дегенератъ, уchtъ исключительно удобный и благопріятный для своихъ партійныхъ провоковъ и пакостей моментъ, возвелъ всѣ эти гнусные и подные навѣты, надругательства и казни надъ собственнымъ народомъ до высшей, чудовищной степени и мѣры, облечъ ихъ въ настоящую систему и норму, вложилъ въ нихъ всю свою пронырливость, настойчивость и силу, весь свой ялобный, предательскій ядъ. И мало, что досытъ, въ волю — доносами, травлей, разбоемъ — надъ нимъ надругался, гдѣ

могъ, что на муки самъ его предалъ и злостно ограбилъ до тла, но наконецъ даже, въ добавокъ, съ цинической наглостью хама, пытаются вдругъ утверждать, что это онъ самъ пострадалъ такъ жестоко отъ любой австрійской грозы, что это ему именно принадлежитъ этотъ скорбный, мученический вѣнецъ... А дальше ужъ, въ злостномъ бреду и цинизмѣ, вѣдь, некуда, не съ чѣмъ идти!

Возвращаясь же самимъ событиямъ, приходится прежде всего отмѣтить, что началось дѣло, конечно, съ повсемѣстного и всеобщаго разгрома всѣхъ русскихъ организаций, учрежденій и обществъ, до мельчайшихъ кооперативныхъ ячеекъ и дѣтскихъ пріютовъ включительно. Въ первыи же днѣ мобилизации всѣ они были правительствомъ разогнаны и закрыты, вся жизнь и дѣятельность ихъ разстроена и прекращена, все имущество опечатано или расхищено. Однимъ мановенiemъ грубой, обезумѣвшей силы была вдругъ вся стройная и широкая общественная и культурная организованія и работа спокойнаго русскаго населения разрушена и пресѣчена, одни изъ юрскими ударомъ были разомъ уничтожены и смыты благодатные плоды многолѣтнихъ народныхъ усилий и трудовъ. Всякій признакъ, слѣдъ, зародышъ русской жизни былъ вдругъ сметенъ, сбить съ родной земли...

А вслѣдъ за тѣмъ поплыть ужъ и подлинный, живой погромъ. Безъ всякаго суда и слѣдствій, безъ удержу и безъ узы. По первому неизѣмному доносу, по прихоти, корысти враговъ. То цѣлью, гремящей облавой, то тихо, вырывочно, вровь. На людяхъ и дома, въ работѣ, въ гостиахъ и во снѣ.

Хватали всѣхъ сплошь, безъ разбора. Кто лишь признавалъ себя русскимъ и русское имя носилъ. У кого была найдена русская газета или книга, икона или открытка изъ Россіи. А то просто кто лишился вымытъ, какъ „русскофиль“.

Хватали, кого попало. Интеллигентовъ и крестьянъ, мужчинъ и женщинъ, старииковъ и дѣтей, здоровыхъ и больныхъ. И въ первую голову, конечно, ненавистныхъ имъ русскихъ „поповъ“, доблестныхъ пастырей народа, соли галицко-русской земли.

Хватали, надругались, гнали, Таскали по этапамъ и тюрьмамъ, морили голодомъ и жаждой, томили въ кандалахъ и веревкахъ, избивали, мучили, терзали, — до потери чувствъ, до крови.

И, наконецъ, кавказъ — висѣлицы и расстрѣлы — безъ счета, безъ краю и конца. Тысячи безвинныхъ жертвъ, море мученической крови и сиротскихъ слезъ. То по случайному дикому произволу отдельныхъ звѣрей-пачакъ, то по гнуснымъ, пыльнымъ приговорамъ нарочитыхъ полевыхъ лже-судовъ. Но неизѣмѣшимъ провокациямъ и доносамъ, съ одной стороны, а чудовищной жестокости, прихоти или ошибки, съ другой. Море крови и слезъ...

А остальныхъ потащили съ собою. Волокли по мытарствамъ и мукамъ, мучили по лагерямъ и тюрьмамъ, вновь терзали голодомъ и стужей, изводя лишеніями и моромъ. И, словно въ адскомъ, чудовищномъ фокусѣ, согнали, скрутили все это, наконецъ, въ лагерь пытокъ и смерти — приснопамятномъ Талергофѣ, по проклятому названію которого, такимъ образомъ, и воевгавляется нынѣ настоящій пропамятный альманахъ.

*

Печальная и жуткая это книга. Потрясающая книга бытія, искусства и муки многострадальной Галицкой Руси въ кошмарные дни минувшаго грознаго лихолѣтія. Прославленій памятники и скорбный поминникъ безвинно выстраданной ею искушительной, вечерней жертвы за Едину, Святую Русь!

Замѣтная, пропамятная книга. Конечно, пока-что она далеко еще не закончена, не полна. Еще много въ ней пробловъ и изъяновъ, а даже, можетъ быть, ошибокъ вообще. Цѣльные округи и периоды, многія подробности и черты — за отсутствіемъ свѣдѣній и справокъ — въ ней пока пропущены совсѣмъ. Нѣкоторыя данныя, въ особенности — изъ современныхъ газетъ, недостаточно прояснены и, можетъ быть, не точны и смутны. И, наконецъ, въ ней вовсе пѣть еще надлежащей исторической цѣльности и призмы, нѣтъ стройности и глади вообще. Лишь сырой и отрывочный сборникъ черновыхъ материаловъ и датъ. Но все это нисколько не измѣняетъ самой сущности и вѣрности вещей. Но все-таки уже вполнѣ скворитъ и оживаетъ вся общая картина во всей своей ужасной яркости и широтѣ.

И эта жуткая и скорбная картина такъ грозно вопиетъ сама ужъ за себя!

Ю. Яворскій.

Д-р Василий Романович Ваврик.
Талергофец, известный общественный деятель и писатель

1964.

Выпускъ первый.

КЛАДИЩЕ ВОЗЛЕ ТЕРЕЗИНСКОЙ КРЕПОСТИ.

Здесь покоятся жертвы австро-венгерского террора времен 1914-1917 гг. и жертвы гитлеровских злодействий времен II-ой Мировой Войны.

ПЕСНЬ ТЕРЕЗИНА

1914-1917 гг.

Ой, ціарю, ціароньку,
На що нас карбувешъ,
За яку провину в тюрьмах
Мучиши і мордуешъ.

Ой, скажи нам, ціароньку,
Чим ми провинились,
За що в мурах і болоті
Ми тут опинились?

Предисловие къ первому выпуску.

Предлагая благосклонному читателю первую книгу о страданияхъ русского народа Прикарпатья во время мирового пожара, мы должны предупредить его, что въ этой книжѣ будетъ отведено място только тому историческому материалу, который въ воображению читателя долженъ нарисовать яркую и позную картину австро-мадьярского террора, творившаго надъ русскимъ народомъ у него дома, въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси, въ самомъ началѣ великой войны, иль 1914 году. Въведеніе его пока въ тотъ первый периодъ войны, который въ отношении Галиции означененъ послѣднимъ отходомъ австро-мадьярскихъ войскъ за р. Санъ, и дальше за Дунайцъ. Дѣлая это по слѣдующемъ соображеніямъ.

Однинь изъ самыхъ наихудшихъ побуждающихъ обстоятельствъ является то, что этотъ периодъ, хотя и связанъ ить многими случаяхъ органически съ понятиемъ концентрационныхъ лагерей для русскихъ людей въ глубинѣ Австрии, иль общая сложность всѣхъ таежныхъ, явленій беспощадной кронавой расправы и при той безмежной широтѣ мучительной картины нечеловѣческаго издѣятельства и политического террора надъ невинными русскимъ народомъ, несравненно грандиознѣ и иреч въ истории обширнѣйшей мартирологіи караторусскаго народа во время войны, чѣмъ са-

мы ужасныя минуты страданій десятковъ тысячъ русскихъ во всѣхъ концентрационныхъ австрійскихъ лагеряхъ. Талергофы, Терезінтъ, Вѣна и другія мѣста заключенія русскихъ страдальцевъ — это все-таки известная система террора, въ нихъ были опредѣлены условия, имѣла свою форму, однинь словомъ — все то, что легче дѣлается формально установить и определить. Ибо одно указаніе на характерный индексъ, съ особенной яркостью выдѣляющійся на фонѣ мученической жизни заключенныхъ, даетъ уже представление о цѣломъ комплексѣ тѣхъ факторовъ, благодаря которымъ приходилось страдать талергофцамъ или терезинцамъ физически и нравственно. А изборотъ, весь ужасъ и мученія, перенесенные русскимъ населеніемъ въ Австро-Венгрии, глядитъ образомъ, на первыхъ порахъ войны, т. е. до момента вытѣсненія русской арміей австро-мадьярскихъ войскъ за Дунайецъ и по ту сторону Карпатскаго хребта, не имѣли предѣла: это была сплошная полоса неразборчиваго въ средствахъ, безсистемнаго террора, черезъ которую прошло поголовно все русское населеніе Прикарпатья.

Черная гроза военнаго и административнаго австро-мадьярского террора, клокотавшая надъ русскимъ населеніемъ въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси въ этотъ первый периодъ войны, была

настолько свирепа, что вполне подтверждало то мнение, какое постепенно стало утверждаться за испытанными первые приступы, а затем очутывшимися в концентрационных лагерях в глубине Австрии, какъ о болѣе счастливыхъ...

Слишкомъ велики и беконечно же стоки были страданій карпато-rossовъ по этой первыи періодѣ войны на ихъ же прадѣльной землѣ, уничтоже дома. На нихъ мы должны остановиться ближе. Это тѣмъ болѣе необходимо, что съ каждымъ годомъ, отдававшимъ напы дни отъ того жестокаго въ истории русскаго народа времени, память о немъ начинаетъ тускнѣть и затираться изъ народномъ сознаніи.

А къ тому-же, въ то время, какъ о ужасахъ концентрационныхъ лагерей писалось сравнительно много въ начаѣ войны въ русской, швейцарской, итальянской, французской и даже польской (социалистической) печати, а посѣтѣ войны познаніе болѣе или менѣе обстоятельныи сѣдѣй въ галицко-руssкихъ и американскихъ печатныхъ изданиихъ, — о анстро-мадѣрскихъ анфестиахъ надѣ неизвестными имъ членами русскимъ населеніемъ, находившимися подъ властью Австрии, совершающихъ на мѣстахъ, писалось очень мало и къ тому-же случайно, отрывочно, а главное — противорѣчично. Всѣ тѣ случайныи сѣдѣй объ этомъ жестокомъ періодѣ, какъ попадали въ нечай, не могли претендовать на полноту и элементарную беспристрастность именно потому, что были сопротивленіи и писались изъ исключительно болѣзниенныхъ общественныхъ условий, не становившихъ непосредственного поенія фронта. Современнѣй глязѣ силоши и рядомъ нестрили по поподу каждого отдельного случая этой разнудленной рас-

правы сѣдѣйними беззастѣнчино тенденціоннаго характера. Этой преступной крайностью грышила, за рѣдкими исключеними, особенно галицкая польская и „украинская“ печать. Въ ней мы направно будемъ искать выраженія, хотя бы послѣднаго порицанія массоновъ явленіемъ безперемонной и беспопадной, безъ суда и безъ сгѣдѣстъи, кроналой жизни нашихъ крестьянъ, кроналой жизни наихъ преступлений, на то только, что они имѣли несчастье быть застинутыми мадѣрскимъ или польскимъ (анстро-мадѣрскимъ) полемъ патрулемъ тѣхъ полѣвъ иль гѣсу и при допроѣ офицера-мадѣря или польца, неизвестнаго совершение русскаго языка, прогонетами флагманскую фразу, что они всего только „бѣдные руссины“! А посѣтѣ этого говорить о такихъ случаяхъ, когда передъ подобными „судьями“, по доносу изъ большинствъ слушаютъ какаго „люди“-мадѣрщина, чѣмъ сего обвиняется въ открытомъ „руссофильстве“? Не рѣдо кончались они пѣкѣскими разстрѣлами, а въ лучшемъ случаѣ сожженiemъ села. Широкая публика обѣ этомъ не могла знать подробно иѣ тѣ любопытные дни несбоцаго военаго утара, а еще менѣе она знаетъ сейчасъ.

И поэтому ясно оказывается именно та необходимость, чтобы раньше, чѣмъ писать обѣ ужасахъ Талергофа, и на эту кровавую полосу страданій русскаго народа въ попюзахъ родныхъ Карпат, бросыти больше сѣла и по-простѣльнѣ взглянуть на нее. Она настолько изрѣзанна и, пожалуй, исключительно въ исторіи недалней военной мартирологіи Европы, что было бы алмѣтнымъ упущеніемъ со нашей стороны, не остановиться на ней ближе въ отдельной первой книжкѣ, не указать на то, что не только предварио Талергофъ и ему сопутствовало, но было куда ужаснѣе Талергофа. Обѣ этои и будетъ

говорить предлагаемая первая часть „Талергофскаго Алманаха“.

Въ этой книжѣ читатель найдеть разнородный матеріалъ, правдиво и реальнѣо рисующий грозную картину страданій Галицкой и Буковинской Руси, а склонившись на политico-общественныхъ очеркотъ, статей, отрывковъ изъ дневниковъ разныхъ лицъ и, наконецъ, изъ бешетристическихъ рассказовъ и стихотвореній, написанныхъ на фонѣ пережитой обездоленного народа изъ первого періода войны. Отъ его вниманія не ускользнетъ тоже иное указаніе на то, кто изъ соѣдѣнъ и даже родныхъ братьевъ сознательно прилагалъ свою руку къ этому страшному преступленію анстро-мадѣрскихъ пѣмѣцъ и мадѣръ надѣ народомъ.

И только въ посѣдѣющихъ выпущахъ „Талергофскаго Алманаха“ будемъ постепенно знакомить нашего читателя съ дальнѣйшей исторіей жестокаго мученичества Карпатской Руси, со всѣми еи подробностями; посыпавъ серьезное вниманіе непрекращающемся ужасу надѣ русскимъ народомъ и въ другихъ періодахъ войны, какъ тоже чужбинъ, вдали отъ родныхъ Карпат, вдали отъ прадѣльной земли. Въ нихъ мы отведемъ достаточное мѣсто описанію мученическаго заточенія совѣтскѣйшней части карпато-руssкаго народа въ Талергофѣ, Терезинѣ и др. концентрационныхъ лагеряхъ изъ глубинъ Австро-Венгрии и въ то же время изъ отѣльного выпускѣ постараемся вернуться къ тому жуткому австро-венгерскому террору, какъ съ половины 1915 года, послѣ отхода русскихъ войскъ изъ предѣалъ Карпатской Руси за рѣзу Збрuczъ и Стыръ, съ новымъожесточеніемъ бушевавшимъ повсемѣстно по русской Галичинѣ и Буковинѣ.

Принимаясь за работу надѣ составленіемъ „Талергофскаго Алманаха“, мы видѣли изъ общихъ чертакъ указаны на порядокъ и схему нашего труда. Изъ этого читатель видѣтъ, что въ немъ не обѣ однотъ Талергофъ будеть рѣчи. Наша задача значительно шире и многогороднѣе. Почему и название нашей книги о страданіяхъ карпато-руssкаго народа во время великой мировой войны является лишь символическимъ, отнесенными. Оно заимствовано изъ одной линии частности мартирологіи нашего народа, по своей яркости оказавшейся до извѣстной степени отличительнымъ послѣднѣи выѣмѣніемъ признакомъ для русского национального движения въ Прикарпатьи. Характерная частность, указанная въ заглавии мѣстѣ нашей книги, рисуему намъ въ отѣльныхъ выпускахъ „Алманаха“.

Никто не скажетъ, что наша задача легка. Она и тяжела, и глубокоответственна. Задѣ мы должны охватить и передать отѣльныи и знаменательныи явленія этого жуткаго для нашего народа времени и изъ обширнѣхъ тысячиныхъ случаевъ беззастѣнчаго насилия соткать яркую и яркую памятную картину того, какъ страдалъ карпато-руssкий народъ во время войны, подъ игомъ б. Австро-Венгрии.

Наша задача тяжела еще потому, что она прежде всего отвѣтственна, какъ передъ лучшимъ будущимъ нашего народа, такъ тѣмъ, передъ великимъ памятю его мученическаго героязма, проявленнаго имъ въ первнй борѣблѣ безпопаднѣи и сильнымъ противникомъ за свои основнѣи права совѣтской націи. Это обстоятельство и требуетъ отъ насъ, чтобы составленія нами мартирологіи карпато-руssкаго

въ то-же время и книгой глубокаго национального воспитаній будущихъ поколѣй нашего народа.

Въ заключеніе необходимо замѣтить, что фактическій матеріаъ, собранный въ настоящей книжѣ, далеко еше не полный и не исчерпывающій вполнѣ данную жуткую историческую картину, но изъ этого выловати, съ одной стороны, несмѣя склонять материальными средствами, которыми располагала эта дальнозоркость отношеній редакціи, съ другой же —

Виновники и мучители.

Великая война много горя принесла человечеству, большие горы, тѣлья радости. Затяжная, упорная и жестокая, въ концѣ концовъ тяжелѣла спинами, легка она на душу всѣхъ народовъ,принимавшихъ въ ней прямое или косвенное участіе, долго-долго будутъ помнить ее — златую и пещадную...

Но особенно ужасной, неизгѣданно тяжелойоказалась война для окраинной западной Руси въ Галичинѣ, Буковинѣ и на бывш. Угорской, или Карпатской Руси. Огненной линией силоюного ужаса накатилась она на нашу землю, залила весь русскій край по ту и эту сторону Карпатскаго хребта и сноси разрушительной стихіей на сююхъ пути уничтожила все живое, смѣлое, открытое и хорошее

въ нашемъ народѣ. Злой и кровавый демонъ побѣдивъ въ 1914 году хинно налетѣть на нашу мирную страну.

И съ первыхъ же ея дней начались мучительныя минуты горы жестокихъ страданій карпато-русскаго народа, начался грозный періодъ въ его истории, періодъ великой мартинголіи. Началась война, начались насилия, началась короткая расправа Австро-Венгрии надъ русскимъ населеніемъ Прикарпатіи, надъ душами его представителями.

Но кто къ состоянію описать этотъ ужасъ искривляющіеся поюю и правдино, или хотя бы въ смутномъ приближеніи къ живой, непреклонной правѣ?.. Это приди-ли смогли бы сдѣлать великие таланты литературы и художества.

Еще не раздалися первые выстрелы на похъ брами между готовившимися къ ожесточенной схваткѣ, еще настоящая война фактически не началась, какъ безконечная сотни и даже тысячи представителей нашего народа сгонились со всѣхъ уголокъ Прикарпатья въ тюрьмы. Среди ужаснейшихъ условий, при отвратительнѣйшихъ избѣгательствахъ и физическихъ насилияхъ, закованные въ цѣпи, изнемогающе жестоко содрантыми топтами австро-мадьярской арміи, уличной блыснующейся тошной и не рѣдко сопровождающей конноемъ, неповинные и безъ родноты или народные мученики на дальнѣйшей муки. А въ то же время другая часть ихъ благословленной Руси Триединую, широкую, стекоеніемъ вѣслицы, или въ послѣднюю минуту передъ разстрѣломъ, стоя на краю своей могилы.

Непрерывными ридами падаютъ народно-мученики въ тюрьмы, оставляя за собой кровавую трону. А тамъ ощущаютъ тоскливой вереницей, безпушино, сохранившись въ душѣ горячее чувство любви къ гонимой, терзаемой Родинѣ, къ своему народному идеалу, проходили другие, чтобы принять мученическую смерть у густого лѣса вѣслицы или отъ австро-мадьярскихъ пуль.

А было ихъ — тысячи, десятки тысячъ!..

Тутъ были и немощные старики, и женщины, и даже дети. Подавляющее большинство составляли крестьяне, но здесь тоже находились и интеллигенты. Народное и национальное горе всѣхъ сравняло. Но наконецъ-то — кто были эти мученики? За что ихъ терзали голодомъ, грубымъ физическимъ насилиемъ, чтобы избавиться безчеловѣчно надъ ними? И кто были ихъ мучители и виновники мученикъ?

И вотъ тутъ-то, при попыткѣ сбратиться съ несложными, казалось бы, отвѣтами, ясно чувствуется необходим-

ность глубже проникнуть въ толицу всѣхъ тѣхъ современныхъ условий и факторовъ, которые должны послужить основаниемъ для нашего отыска и которые играли решающее значение въ этой величайшей мартирологіи нашего народа.

Мы все чувствуемъ нашимъ инстинктомъ, напримѣръ национальнымъ чутью, что положеніе карпато-русского народа въ эту войну было неизвѣдально тѣжелымъ, глубокотрагическимъ. Для настѣлѣкъ этого должно быть очевиднымъ, что это положеніе было исключительнымъ, а потому безпримѣрнымъ. Безпримѣрнымъ потому, что его нельзя сравнить съ положеніемъ Бѣлѣгайдѣца, подъ германской оккупацией, а даже Арміи въ Турціи, хотя тѣ (особенно послѣднѣ) страдали физически, можетъ быть, больше русскихъ. въ Австро-Венгрии.

Наша мартирология не выросла изъ исторіи органической неизвѣдности, вытекающей изъ наличія такого обстоятельства, какъ война. Ее сущность заключается не столько въ самомъ фактѣ упорной и сирийской войны на территории русского Прикарпатья, сколько въ комическѣй цѣлью рода другихъ исключительныхъ, особыхъ причинъ, раскрытие которыхъ единственно даетъ возможность понять, почему она была та кой жестокой и трагической. Въ то времѧ, какъ насилия и терроръ въ Бѣлѣгайдѣ и другихъ странахъ всестрѣль обильнымы! однимъ факторомъ — войной, адѣсь, въ стишеніи Прикарпатской Руси, этого недостаточно. Война тутъ была лишь удобомъ и имъ предложомъ, а подлинныи причины, дѣйствительныи побужденія къ этой поворотной казни арміи у кого-то изъ умѣй и въ душѣ самостоятельно, какъ самодобывающи внутреннимъ праственнымъ силы, еще задолго до войны. Всѧ карпато-русскій народъ, его душевныи достоинства и пороки, знали нашего кре-

стьянина и интеллигента, принимавшихъ участіе въ общественной и политической жизни края передъ войной, неизвѣданны на минуту допустить мысли, чтобы Австро-Венгрия, изѣбѣанская надъ десятками тысячъ заключенныхъ въ тюрьмахъ и лагеряхъ, и сотнями посыпая ихъ на висѣлицы и на разстрѣлы, — изъ душѣ было уѣждено, что эти несчастные несутъ справедливое наказаніе хотя бы за попытку преступленія, называемаго уложеніемъ военно-полевого судопроизводства. Австро-венгерскіе суды приговоряли весьма часто карпато-руссовъ къ смертной казни не потому, что они были дѣйствительными преступниками, шпионами или явными измѣнниками Австро-Венгрии, а потому, что этого заранѣе хотѣлъ кто-то, добивавшись кто-то, поддо наусыканія. Въ этомъ и заключается выразительная особенность нашей мартирологии.

И теперь, отѣчая прямо на вопросъ, кто такие эти мученики, намъ уже легче будетъ сказать, кто ихъ мучители, кто виновники ихъ мученій?

Исключеніемъ объектомъ для австро-мадьярскихъ жестокостей надъ карпато-русскимъ населеніемъ во времѧ войны, особенно въ начальѣ ея, было — русское народное движеніе, т. е. сознательные исполнители национального и культурного единства малороссовъ со всѣмъ осталымъ русскимъ народомъ, а практическіи — члены О-ва им. М. Качковской изъ Галиции, Буковины и Карпатской Руси..: Это что цѣкое, сердцевинное ядро, тѣтъ сознательный элементъ нашего народа, который свято и бережно хранилъ основоположныи завѣты единства национальной и культурной души всего русского народа; это та часть карпато-русского народа, которая оставалась вѣрной великой своей исторіи и не измѣнила своему имени. И изъ-за этого ихъ мучили... Единственно про-

тивъ нихъ только была направлена вся сила австро-мадьярского террора.

Противники же этого убѣждѣнія пошли другой дорогой. Передъ ними открывалось другое, безпрѣдѣльное поле. Ихъ жадъ другой, «подвигъ». Часть карпато-русского народа, среди тѣхъ самыхъ страдальцевъ, несшая на алтарь своей общей Родины — Родной Руси — свою жизнь, а другая — творила поварное и лукавое дѣло, сознательного братоубийцы Канія..

Роль этихъ народныхъ предателей, т. н., «украинцевъ», въ эту войну общеизвѣстна. Дѣтеныши национального измѣнника русского народа изъ похъ Поляны, вскормленные подъ крыльямиъ Австро-Венгрии, при заботахъ содѣйствіяпольской администрации краинъ моментъ войны Австро-Венгрии съ Россіей, т. е. въ знаменательный гдъ исторіи русского народа моментъ собиранія исконно-русскихъ земель на западѣ, сыграли меркнѣю и поддуль роль не только изъ отненіи Россіи и идеи всеславянскаго объединенія, ставъ всѣцѣю по сторонѣ Австро-Венгрии, но въ особенности гдъ отвопеніи безконечныхъ зверствъ австро-мадьярскаго террора и насилия надъ карпато-русскимъ населеніемъ.

Крутое, больно вспоминать о томъ тиженіемъ періодѣ близкой еще исторіи нашего народа, когда родной братъ, пишущий изъ однихъ бытовыхъ и этнографическихъ условий, безъ содржанія души становился не только всѣцѣю по сторонѣ физическихъ мучителей части своего народа, но даже больше — требовать отъ нихъ мучений, наставлять на нихъ.. Прикарпатскіе „улѣ-карии“ были однини изъ глахныхъ, ниновниковъ, нашей народной мартирологіи во времѧ войны. Въ ихъ низкой и подвой работѣ необходимо искать причинъ того, что карпато-русскій народъ ношибе, а наше русское национальное движеніе въ частно-

сти съ первымъ моментомъ войны очутились въ предѣлахъ Австро-Венгрии пѣхъ закона, въ буквальномъ смыслѣ на положеніи казненного преступника. Это печальная истина. Въ ней не нужно убѣждаться кому либо изъ насъ. Она нерушимо установилась въ памяти и сознаніи каждого русскаго Галичинца, Буковинца и Угорца.

Современникъ помнитъ еще главные переходы и черты внутренней борьбы между русскимъ национальнымъ движениемъ и т. н. украинофильствомъ въ послѣдніе времена передъ войной, эта борьба велась за утвержденіе въ нашемъ народѣ двухъ противоположныхъ, исключительныхъ себѣ идеино-национальныхъ хиронозерий — съ русской народностью, съ Россіей, или противъ нихъ. Австро-вѣтскому правительству было понятно, смыслъ этой борьбы и оно не могло оставаться равнодушными. Тѣмъ болѣе, что Австро-Венгрия поѣзда никогда не были равнодушны къ малышиямъ слушавшимъ, дающимъ ей возможность ослабить внутреннюю силу каждого изъ славянскихъ народовъ насеявшихъ ихъ, путемъ насильственнаго вѣздѣгній, выраженного красноречиво и съ государственной аксиомой: „divide et impera“, но кромѣ того, что особенно для нея, ей империалистическихъ цѣлей было важно, она сообразила, что изъходъ этой борьбы могъ бы ускорить осуществленіе ея замытой мечты — известныи престолъ „des Fürgestuens von Kiew“ одного изъ Габсбурговъ. И неудивительно, что во времена этой борьбы, между Австро-вѣтскими и южными „украинцами“ установились отношенія обоянного доворѣя и предранности. Австро-вѣтское правительство доиграло „украинцевъ“, какъ сюзигъ преданныхъ и нѣтимныхъ лакомы, въ итъ свою очередь наши „украинцы“ выжали отъ радости

по случаю такой ласки хлѣбодателей и изъ кожи вѣлии вони, чтобы исчески оправдать это доворѣ. И они старались...

Здѣсь не нужно прибѣгать къ возможностямъ формальныхъ доказательствъ, чтобы указать, какими несложными и прозрачными средствами осуществлялись „украинцы“ борьбу съ русскимъ национализмомъ движениемъ. Эти средства слишкомъ известны каждому изъ насъ. Ихъ легко найти въ каждомъ выразительномъ событии общественной жизни Прикарпатья на протяженіи послѣднаго десятка лѣтъ передъ войной. Клевета и доносъ, доносъ и клевета на своихъ национальныхъ противниковъ передъ благоговѣніемъ нашею — вотъ ихъ понесенные, испытанные средства ...идейной! борьбы съ „москофильствомъ“. Фраза „москофины“ —раги габсбургской монархіи и „украинского народа“, эта упрощенная форма открытаго доноса и циничной клеветы на наше идеальное движение, сдѣлавшись существеннѣйшей потребностью довоеннаго „украинскаго“ общества. На нѣсколько лѣтъ до войны эта галицкая „украинская“ пресса воспроизвѣняла повторяла основной смыслъ этой фразы на разные языки и при всевозможнѣйшихъ случаяхъ. „Украинцы“ повторяли ее на своихъ собранияхъ, парламентахъ, сѣвадахъ и — мало того — „украинскіе“ депутаты иѣнскаго парламента и галицкаго и буковинскаго соймъ съ театральными жестами произносили съ парламентскими трибуналами: Вотъ гѣрманскій харвартеръ и убѣдительныхъ случаевъ этой подлой работы.

Въ 1912 году, осенью, разыгралась на Балканѣ кровопролитная война. Ее события находились въ тѣсной связи съ тѣжелыми событиями великой европейской войны. Балканская война сдѣлалась причиной, съ одной стороны, сильнаго охважденія австро-руссихъ

отношеній; а съ другой — въ сильной степени отразилась на положеніи и безъ того поистинѣ прибитаго карпато-русскаго народа въ Австро-Венгрии. На югѣ грохотала освободительная война между славянами Болгарии и Сербіи, а также Греками, съ одной стороны, и ихъ вѣконовын поработителями — Турками, съ другой, а въ тоже время австро-вѣтской властью въ Галичинѣ и Буковинѣ — съ арестоваными русскими Галичиной и Буковиной, мѣдѣйское же правительство торопило съ инсценировкой многогодового политического процесса занякторусскихъ крестьянъ изъ Мармарощи Сигетѣ. Въ чёмъ дѣло? Это станетъ понятнымъ, когда вспомнимъ, какъ въ то время въ моментъ угрозы австро-русскої войны изъ-за балканскихъ событий, всплыли себѣ прикарпатскѣе т. н. „украинцы“: Но это они сами дали отѣѣть. И такъ, депутатъ австро-вѣтскаго рейхстага Смаль-Стодикъ на засѣданіи delegatent отъ 15 октября 1912 года, въ своеѣ рѣчи заявлялъ отъ имени „украинскаго“ парламентскаго клуба и „всего украинскаго народа“, что послѣ того, какъ „исѣѣ надежды „украинскаго народа“ соединены съ блескомъ Габсбургской династіи, этой единственной законной наследницѣ короны Романовичей — серпзиной угрозы и препятствіемъ на пути къ этому блеску, кромѣ Россіи, является тоже „москофильство“ среди карпато-русскаго народа, „то движение — сказали огнь — является арміей Россіи на границахъ Австро-Венгрии, арміей уже мобилизованной...“

Въ томъ же смыслѣ высказывались, отъ имени „нѣгого украинскаго народа“ съ парламентской трибуны и депутаты Василько, Оленинскій, Окуневскій, Костя Ленинскій и цѣлый рядъ другихъ. Не трудно заключить, насколько подобные доносы оказывали прямое вліяніе на

вѣтрокое отношеніе австро-мадѣярской власти къ мирному населенію Прикарпатья. Ибо достаточно сказать, что, въ отпѣть на рѣчи Смаль-Стодика въ delegatent, министръ Ауфенбергъ отвѣтилъ, что „ѣѣ, кто обѣзъ, силомъ прекратить русское движение въ Галичинѣ“.

Подобныя заявленія приходилось тоже очень часто читать и на стоявшихъ галицкой „украинской“ печати. Такъ, напр., изъ №1912 г. газеты „Діло“ заявлялъ, что „когда посточная Галичина станетъ „украинской“, соціальной и сильной, то опасность на восточной границѣ сорвѣшенно исчезнетъ для Австро-вѣтїя“. Поэтому ясно, что Австро-вѣтъ поддерживалъ „украинство“ въ Галичинѣ, такъ какъ, дескать, все то, что въ карпато-русскомъ народѣ неноситъ знамени „украинскаго“, явившись для нея (Австро-вѣтска) опаснымъ. „Къ уразумѣнію этого — читаемъ дальше въ той же статьѣ „Діло“ — приходитъ уже высшіе политические круги Австро-вѣтїя... А, тамъ, посѣтъ такого удамнаго дебюта, дальше все дѣло пошло еще лучше и чинѣ. Какъ бы гѣ глубокомысленное развиженіе и разысканіе деклараций дополночногъ на засѣданіи delegatent отъ 15 октября, это же „Діло“ въ номерѣ отъ 19 ноября 1912 года писало буквально сдѣдующее: „Москофины ведутъ измѣническую работу, подстрекая темное населеніе къ измѣнѣ Австро-вѣтскому рѣшительному моменту и къ принятию русскаго врага съ хѣбомъ и солью въ рукахъ“. Всѣхъ, кто только учитъ народъ поступать такъ, сѣѣтъ и мѣдѣнно арестовывать на мѣстѣ и предавать въ руки жандармовъ...“

Послѣ этого, кажется, уже нельзѧ быть болѣе откровеннымъ въ своемъ цинизмѣ.

Думается, что этихъ нѣсколько считать изъ заявленій парламентскихъ представителей „украинцевъ“ и изъ главного ихъ печатного органа въ Галичинѣ достаточно, чтобы имѣть нѣпреклонныя доказательства позорной Канинова работы этихъ доносчиковъ и подстражекъ австрійского правительства противъ карпато-русскоаг народа. Необходимо только имѣть въ виду, что такимъ способомъ т. н. „украинцы“ боролись съ русскимъ национальнымъ движениемъ еще и до 1912 года. Въ 1912 году они лишь сочли нужнымъ не скрываться съ этими средствами, а выступить открыто. И кроме того, что здесь приведено, только ярко выраженные, т. ск. декларативные случаи ихъ доноса и клеветы.

Само собой понятно, что подобный способъ борьбы неминуемо долженъ быть привести къ глубокопечальнымъ результатамъ. Благодаря этой работѣ „украинцевъ“, австрійское правительство хватилось крайнихъ, репрессивныхъ, жестокихъ мѣръ по отношенію русского национального движения въ Галичинѣ, Буковинѣ и даже въ Закарпатской Руси, где, кстати говори, не было никакой народной организаціи, а только отъ поры до времени вспыхивало стихійное движение русскихъ народныхъ массъ противъ мадьяризаторской политики правительства. И если въ 1910 году по ихъ настоянию австрійская администрація закрыла въ Буковинѣ всѣ русско-народные общности и ихъ имущество конфисковала, а въ Галичинѣ стѣ этого времена начались открытый походъ власти противъ русскихъ бурьи и русского языка, и если въ 1912 году всѣ подиагъ этихъ услугливыхъ лакеевъ завершились арестами только нѣсколькихъ сотенъ русскихъ Галичанъ и Буковинцевъ, то въ 1914 году, во время войны,

также Канинова работа „украинцевъ“ ввергла уже весь карпато-русскоаг народъ въ пучину несметныхъ ужасовъ, жестокихъ физическихъ страданій.

Прежде всего и больше другихъ они виновны въ великой военной мартирологіи нашего народа, не только какъ косвенные виновники, побуждавшіе австро-мадьярское правительство путемъ кавербетическіхъ доносовъ къ жестокой физической расправѣ надъ русскимъ населеніемъ. Принципиально, но тоже какъ непосредственные участники этого насилия. Въ нашей мартирологіи не рѣдки случаи физического насилия и террора, чинимыхъ многими изъ нашихъ т. н. „украинцевъ“. А галицкие „украинские сѣчевые стрѣльцы“, забогатившиеся организованными Австріей для борьбы съ Россіей, въ надеждѣ послать ихъ въ авантгардъ войскъ, двинутыхъ въ Малороссію? Русское крестьянское населеніе юго-восточной части Галичины хорошо помнитъ ихъ кровавая насилия изъ-за национально-культурныхъ убѣждений: и тутъ виновники „мученій и мучителей“ выступаютъ уже въ одномъ партійномъ дѣї.

Некуда правды дѣлать, „украинцы“ сыграли постыдную, поднюю роль въ отношеніи карпато-русскоаг народа. Это они сегодня сами сознаютъ. Имъ стыдно за свою низкую работу. И поэтому то понятно, почему сегодняшніе „украинцы“ съ такой гнатаельностью и предупреждительной заботливостью подыскиваютъ тѣ рѣдкіе случаи, когда жертвой австро-мадьярского террора являются тоже „украинцы“*. Понтыремъ, такихъ случаевъ не много, и они въ общей сложности всего этого ужаса, какой творилася повсемѣстно надъ карпато-русскоаг нарodomъ, примо-таки теряются. Но и это не спроста дѣлается, а съ цѣлью. Обращая вниманіе на фактъ, скажемъ,

появившійся мадьярскими войсками „украинца“ сподвижника Берелонского или предыдущія кого-нибудь изъ нихъ въ Тардерофѣ, они тѣмъ самымъ, посредствомъ нѣсколькихъ случаевъ, пытаются убѣдить кого-то, что, молъ, и „украинца“ имъ эту великую войну, чутъ ли не паршиву, со сторонниками русского движѣнія, были гонимы и преслѣдуемы австрійскими правительствомъ и что уже поэтому маловѣроятно, чтобы они сами призвали это правительство къ расправѣ надъ своимъ народомъ.

Но къ чему эта ихъ недалекая и лукавая хитрость? Кого она уѣдѣтъ? Приводимъ „украинскимъ“ факты, если и должны послужить доказательствомъ чего-либо, такъ именно тѣи нерушимой, грустной правды, что и эти незапятнанные жертвы насилия, павшихъ по сторонѣ „украинцевъ“, были тоже погибелью ихъ-же гнусной и подлой хули и беззастѣнчивой калечети на русскомъ народѣ. Принципиальнѣ, Клевецъ упорно на своихъ национальныхъ противниковъ, на большую часть карпато-русскоаг населения, передъ дѣлаками и совершенно неознакомленными съ мѣстными условными и правами австрійскими Нѣмцами или жестокими Мадьярами, они заодно обвиняли и себя, весь народъ. И поэтому что въ началѣ войны, когда на русскую Галичину надвинулись несмѣтныя толпы вооруженныхъ Нѣмцевъ-крестьянъ изъ алпійскихъ краевъ Австріи и сгорающихъ желаніемъ жестокаго реванжа по отношенію Русскихъ за 1848 годъ — Мадьяръ, въ высшей степени возбужденныхъ своей патріотической и „украинской“ прессы противъ „преступной москофіи“ русского Прикарпатья, какъ общаго и преобразованаго изъ ашаго явленія, — трудно было бы ожидать отъ смѣрѣныхъ прими-

тельцевъ, чтобы они были и въ состояніи, къ тѣхъ, конечно, случаюхъ, где „украинцы“ почему-либо не могли непосредственно руководить терроромъ и винять на него, — строго различать иѣ толѣи нашеаго народа „москофида“ отъ „украинца“. Непрѣтнія для „украинцевъ“ недоразумѣнія при такихъ условіяхъ были неизбѣжны. Но тѣмъ не менѣе нужно отдать имъ справедливость, что и такихъ недоразумѣній съ ними было очень мало. Но рѣдкіе случаи, по сравненію съ тѣмы, что приходилось испытывать сторонниками русского національнаго движѣнія.

А кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду еще одного обстоятельства, изъчночно непосредственное отношеніе къ понятію о томъ, что такое „украинская мартирологія“ при Австріи-Италии, въ Тардерофѣ, съ самого начала его познаній, дѣйствительно находилъ десятокъ-полтора тоже прикарпатскихъ т. н. „украинцевъ“, попавшихъ туда по недоразумѣнію, которыхъ уже никакъ неизѣмъ былъ заподозрить изъ-за нихъ ни было, хотя бы отъмененіемъ, симпатіяхъ къ русскому народу, къ Россіи. И вотъ тутъ важно отмѣтить то, что некоторые изъ нихъ (какъ напр. Жаровскій, Иашкевичъ, изъ Перемышля и др.) въ моментъ величайшаго террора въ лагерѣ играли такую роль, что было бы затруднительно сказать: попали они въ лагерѣ по недоразумѣнію, случайно, или сознательно были посланы въ качествѣ агентовъ австрійского политического сыска, для того, чтобы провоцировать злочинныхъ, а потому, оклеветавъ, доносить на нихъ приставленныхъ властимъ? А такая же „мартирологія“ тѣстъ „украинцевъ“ не дѣлаетъ! Да и вообще неѣло и ни съ чѣмъ несобразно говорить о какой бы ни было мартирологіи „украинцевъ“, о завѣдомомъ

насилії Австро-Угорії над тими во
время побіти, постіть того, какъ пано-
чально-политическая идеология прика-
ратского украинофильства органически
была связана съ австро-ізмечкою
империализмомъ и пруторена къ его
военнымъ успѣхамъ надъ Россіей, даже
иъ послѣдній моментъ передъ разваломъ
Австро-Угорії. И если, сегодня они
пытаются говоритьъ объ этомъ, такъ,
поговоримъ, единственно и исключительно
потому, чтобы хотѣ отчасти сладить
то жуткое и гладивоепечатліе, какое
называли они у ісѣль культурныхъ наро-
довъ своей Канной работой по етно-
шенною русскаго народа Прикарпатья.

Но этотъ трижды не спасетъ ихъ
передъ суровыми судомъ нашего народа
и судомъ беспристрастной истории. Сини-
комъ много горя, кропавого горя испы-
тало русское. Прикарпатье по ихъ винѣ
и настонії. И въ данномъ случаѣ для
нихъ было бы куда собралии и благо-
родіе мочатъ и не касаться этого
вопроса, если ужъ такъ-таки не хватаетъ
моральныхъ силъ открыто и честно соз-
наться въ своемъ величайшемъ преступ-
лении, чѣмъ пытаются напрасно обѣ-
злять себѣ такими деменциами спо-
собомъ, сваливши тенеру пеношу на по-
конаика — Австро-Угорію.

Но указываютъ на „украинцевъ“, на
ихъ роль, мы на то-же время не можемъ
не вспомнить и о другихъ, которые въ
значительной, если не въ однинокой
съ „украинцами“ степени были тоже
вдохновителями кроваваго австро-мадыр-
ского террора надъ карпато-русскимъ
народомъ во времена великой побѣды. Этого
требуетъ справедливость. А они были
значительная часть галицкихъ Поляковъ
и въ, главныи образомъ тѣхъ, которые
къ своеї национально-политической
цѣли шли параллельной дорогой съ „ук-

ринцами“ и для которыхъ материальной
базой для идеинъкъ устремленій была
Австро-Угорія, а центральнымъ усло-
віемъ — разрушение русскаго государ-
ства и обесчиненіе величаго русскаго народа. Здѣсь преобладающая часть
галицкой администраціи ісѣль ступеней,
начиная съ намѣстника края и кончая
разгнанными при судѣ или жандармомъ
и глубокой деревни, состоявшей пре-
имущественно изъ Поляковъ, и слова
нужно отнести тоже тѣ други польского
общества, общимъ выразителемъ которы-
хъ во времена войны ивиаде Іосифъ
Писарский, организаторъ и юръдикъ поль-
скихъ легионовъ для вооруженной борьбы
противъ Россіи въ рядахъ австро-
мадырской и ізмечкої арміи. Подобно
какъ и у прикарпатьскихъ „украинцевъ“,
богъзіенная ненависть къ Россіи къ
русскому народу, привнесла австрійской
пікою, была основнымъ стимуломъ полит-
ической идеологии этихъ Поляковъ.
Эта параллельность тѣхъ, тождествен-
ности и общности вѣнзинъ политиче-
скихъ условий для тѣхъ частій галицкихъ
Поляковъ и нашихъ „украинцевъ“,
прошли красной непрѣрывной линіей черезъ
всю общественную жизнь русской Гали-
чину на протяженіи ішкольскихъ десят-
ковъ лѣтъ, передъ войной и особенно
ирко наступали иъ отношеній русскаго
национального движений въ такие моменты,
какъ 1912 и 1914 г. г.

Въ отношеній русскаго движений и
его многочисленныхъ сторонниковъ зна-
чительная часть польского общества рус-
ской Галичины, подобно какъ и галицкіе
„украинцы“, согрѣшила и тѣ періоды
было. Она вполнѣ сошлась съ „укра-
инцами“ на пункѣ тупой ненависти къ
русскому народу, къ его культурной
стѣнѣ, а видно и къ нашему националь-
ному движению, — на пунктѣ крайнаго

руссофобства. И тутъ нужно искать при-
чину того, что въ 1912, а особенно въ
1914 году, въ моментъ, когда австрій-
ское правительство примѣнило нефронт-
ный военный и административный тер-
роръ по отношенію нашего народа, поль-
ское общество не только было равно-
душіемъ къ всѣмъ жестокостямъ физической
страданій, но даже болѣе — оно при-
няло и „украинцевъ“.

Что это было такъ — иѣть особен-
ной нужды доказывать. Это несомнімое
утвержденіе, противъ котораго никто изъ
руссихъ Галичанъ, дѣйствительно про-
шедшіхъ полосу страданій въ 1914 году,
направить не станетъ. Достаточно вѣдъ
указать только то, что добрая пози-
ція чрезмѣрно ревнивыхъ исполнителей
насильственной политики центрального
австрійского правительства по отношенію
галицко-русскаго народа въ 1914 году
и задолго до него — были подобны, дѣй-
ствовавшіи въ данномъ отношеніи вполнѣ
сознательно, въ угоду способа раз-
вития национально-политической идеологии, идео-
логіи возвышеній исторической (Іагел-
лонівской) Польши при помоши Австрії
на развалинахъ национальной и полити-
ческой Россіи. Краснорѣчиемъ вырази-
телемъ нагидовъ этой части галицко-
польского общества и польской адми-
ністраціи въ краѣ былъ злопамітный на-
мѣстникъ Галичины М. Бобжинский, зали-
вавший, между прочимъ, въ 1911 году
галицкому сем'ю, что „я борюсь про-
тивъ „руссофобства“ потому, что оно
является опаснымъ для государства, но
борюсь съ нимъ и какъ полникъ, вѣр-
чую въ русскую міру, въ стремленіи соз-
дать при помоши Австрії и Германії
исполнилъ наезжую Україну“. И по от-
ношенію нашего народа между одними
и другими установилось полное едино-
дніе. Единыи ненависти, единое желаніе
уничиженія.

национально-культурное движение къ Га-
личинѣ. Его угроза не могла оставаться
безреактіатной, тѣмъ болѣе, повторюемъ,
что въ данномъ отношеніи онъ не былъ
изъ одиничностей среди галицкихъ Поля-
ковъ, а являлся въ то-же время истолко-
вателемъ предъѣдомъ убѣжденія большинства
польского общества.

А галицко-польская пресса? Кто
изъ насть не читалъ ен постінной гиус-
ной трапезѣ на русскомъ движениѣ, а въ
началѣ войны, когда австрійскія воениз-
и политическія власти пришли къ насиль-
ственno, путемъ насиемѣстныхъ расстрѣ-
ловъ, висѣньи и тысынъ арестовъ,
ликвидировать наше движение, — какъ
всѧ себя она? Въ преобразованиѣ
своемъ большинствѣ она такъ же, какъ
и „украинская“ пресса, только сканда-
вала въ этихъ жестокостяхъ и подо
клеметала на несчастныхъ жертвы австрій-
скаго кропаваго террора и въ при-
лючочномъ испущеніи требонала дальній-
нихъ жертвъ..

Да, русское движение среди карпато-
русскаго народа, это стихійное и совзна-
тельное выраженіе единства великаго
русскаго народа, проявляє упорную
силу війни обірской культуры на въ
еї этнографической разнинности въ
русскомъ народѣ иъ смыслѣ объединеній,
показалось для кое-кого слишкомъ опас-
нымъ. Для Поляковъ въ ихъ стремленіи
къ восстановленію старой Польши, а да-
тѣхъ сѣльщиковъ изъ нашего народа, ко-
торые окончательно покидали въ ноги
сказки про обѣсоблемоемъ и обѣсобле-
неніе малорусскаго племени отъ про-
чаго русскаго міра, въ стремленіи соз-
дать при помоши Австрії и Германії
и исполнить наезжую Україну!. И по от-
ношенію нашего народа между одними
и другими установилось полное едино-
дніе. Единыи ненависти, единое желаніе
уничиженія.

При таких условиях жестокая мартирология нашего народа во времена, а в особенности в начале русско-австрийской войны была неизвестной. И она тяжелым, убийственным, ураганом пронеслась по беззоденному русскому Прикарпатью...

Воть они — главные виновники мартирологии карного русского народа! Благодари им — то Прикарпатья Русь сдѣлалась беззащитной жертвой жестокаго австро-мадьярского террора во времена войны. Именно они сознательно и несумненно дѣлали все, чтобы эта мартирология совершилась, ибо они были ими нужны изъ ихъ национально-политическихъ расчетахъ, также какъ это было нужно и австрийскому правительству. И на нихъ прежде всего надѣялась тишина и правственная ответственность за совершение Австро-Венгерской кианы надъ русскимъ народомъ Прикарпатья, ответственность, иллюзионная и различинныхъ точекъ зорѣй.

Въ первую очередь и больше другихъ виноваты т. п. „украинцы“ тѣль, что ихъ позорная работа по отношению къ сторонниковъ общерусского национального движения въ Прикарпатьи была работой преступныхъ братцевъ, работой Калина. Слѣдуетъ прежде всего должно взыскаться по праственному отношению. А затѣмъ, таку же ответственность несетъ вышестоявшая часть польского общества. Она въ данномъ отношении грызла противъ своихъ родственныхъ сосѣдовъ, въ тамъ — и сущности общепольянского объединения. И только послѣ этого, какъ одни, такъ и другіе являются ответственными съ общеевропейской точки зорѣй.

Правда, къ числу этихъ виновниковъ, а отчасти и мучителей, нельзя не причислить подававшаго большинства австрийскаго, а въ первую очередь галицкаго еврейства, оказывавшаго австрийскому правительству въ его наименіяхъ и подданныхъ надѣи на спасение народа и при всѣхъ ихъ разномысльностяхъ весьма значительную помощь. Это иѣро по существу. Но, съ другой стороны, это уже не такъ удивительно и необычайно, въ особенности, если принять во вниманіе исключительную предрасположенность эгоистичнаго еврейства къ австрийскому правительству и то, что это все таки — евреи, дѣйствующие обыкновенно изъ корыстолюбивыхъ побуждений.

А тѣль, — скончатъ и близкіе родственные союзки...

И вотъ изъ этой-то причастности т. п. „украинецъ“ и Поляковъ къ мартирологии нашего народа и вытекающей ее особенности и исключительности. Въ ней поистоту есть то, чего не было въ военной мартирологии другого народа.

Противъ русского народа въ Прикарпатьи съ самого начала войны направились положительно всѣ, чтобы убить и немъ все живое, чтобы грубымъ насиліемъ и жестокимъ мученіемъ поколебать въ немъ и разрушить многообразные устои его национальной и культурной жизни, чтобы изъ души его вытравить глубокозасѣянное сознаніе о его национальной правдѣ.

Но напрасными оказались всѣ ихъ кровавые усилия...

М. А. Марко.

ДОКУМЕНТЫ.

I. Предвоенная травля на русскихъ Галичанъ.

І. Списки политически-неблагонадежныхъ.

Еще задолго до мировой войны австрийскимъ старостами велись списки „неблагонадежныхъ“ въ политическомъ отношеніи лицъ, Разумѣется, такими „политически неблагонадежными“ лицами были исключительно приверженцы русской идеи.

Приводимъ для образца въ оригинальномъ одинъ изъ такихъ списковъ. (См. сагд. стр.). Въ ниже приведенномъ документѣ въто что знаменательно: въ графѣ 8 — „Болѣе подобныхъ свѣдѣній о неблагонадежности или подозрительности“ — жандармы отмѣтили „преступленія“ нашихъ лѣдей. Такими „преступленіями“ были: „лѣдитъ въ Россію“, „агитаторъ и пропагандистъ кандидата Маркова въ парламентъ“, „предсѣдатель русской фінансовой партии“, „предсѣдатель Гусской Дружини“ или просто „русскофиль“. Это тѣ проступки, которые влекли за собою революцій старосты и родъ тѣль, какъ мы находимъ въ никакиеприведенномъ въ графѣ 9: „Заключеніе, какъ съ нимъ (т. е. съ лицомъ, попавшимъ, благодаря этимъ страшнымъ уликамъ, на чорную доску) поступить въ случаѣ призыва (революціи) или мобилизации“. И жандармы относительно каждого такого лица выводили свои заключенія: „Ворко слѣдить, въ случаѣ чего — арестовать“, „выслать въ глубь страны“ и т. д.

Дальнѣе мы наталкиваемся адѣль на одинъ очень любопытный фактъ. Въ графѣ 10 приведенного документа относительно Ивана Сороки, воята изъ Рѣпинца, читаемъ, что онъ „ревностный русофиль“ и потому за нимъ слѣдуетъ „зарко слѣдить, въ случаѣ чего — арестовать“, а въ рубрикѣ „Примѣчай“ онъ отмѣченъ, какъ „волостной старшина (воятъ) въ служебномъ отношеніи безупречный, исправный и т. д.“ То же обѣ Иванѣ Мышковѣ, волостномъ писарѣ въ Рѣпинце. Въ спискахъ онъ значится, какъ „главный двигатель русофильской пропаганды“, что также, какъ въ отношеніи воята, выываетъ необходимость зарко за нимъ стяжки и въ случаѣ необходимости ареста, несмотря на то, что въ рубрикѣ „Примѣчай“ жандармерия отмѣчаетъ, что „какъ волостной писарь, онъ исправный и безупречный“.

Слѣдовательно, службѣ вѣрою своимъ назначены, будь ихъ рабы, они тѣя за это поклашаютъ, привозятъ твою служебную полезность и незамѣтность, но, то, что ты „русскофиль“, ставить ни во что-тѣи твои общественные заслуги и уже заблаговременно, когда еще староста сердечно трепещетъ тобо по плечу, какъ „ротгабадо wojta“, или когда заглядываешь къ тебѣ по обязанностямъ жандармъ и ты принимаешь его, какъ свою доброжелателя, обрекаешь тоба на тюрьму и висѣлицу.

VERZETCHNIS

* politisch unverlässlicher Personen. *)

	Zl.	Vor und Zuname	Ort und Dienststelle	Standiger Wohnort	Sonstige Verwandte	Beschäftigung	Nahere Angaben im Alten- und Möbiliengeschäft bzw. „verdächtig“	Anmerkung
1	1	Gabriel Muliwicki	1871 Raniotka	Verehlt, 4 Kinder	In Kamienska keine	Schuhmacher	Antrag was mit ihm verkehrt Russland besuch hat	Schuhfabrikanten verehlt Russland besuch hat
2	2	Dr. Ladislaus Stępnicki	1861	*	3 Kinder	Arzt	Obmann der Agitator u. Verteilung des Papiers	In den Interessen des Landes ist sich in einer wichtigen Position
3	3	Roman Stepnicki	1860	*	Vater wie u. 2 Mutter, u. 2 Geschw.	Herr der Rechte in Lemberg	Vertreter des Chancery am Konsulat in Krakau	Vertreter des Chancery am Konsulat in Krakau
4	4	Johann Haduzko	1859 Chortekow	verehlt, 2 Kinder	Bruder u. Schwager	Tagblatter Tagblatter	Demokratie der Verteilung des Papiers	Demokratie der Verteilung des Papiers
5	5	Dmytro Pecuch	1860	*	Frau u. 1 Kind	Gemeindevertreter	Vertreter des Chancery am Konsulat in Krakau	Vertreter des Chancery am Konsulat in Krakau
6	6	Johann Panas	1858 HNr. 103	—	Schwester u. Brüder	Tagblatter	Demokratie der Verteilung des Papiers	Demokratie der Verteilung des Papiers
7	7	Johann Muryk Sohn des Hryko	1860 HNr. 364	—	—	Brüder	streng überwachen	In der Anordnung als Ge- schäftsleiter eines der Aus- stände von Warschau
8	8	Simeon Swieciecki	1862	Uhlnde	Frau u. 4 Kinder	Gemeindevertreter	streng überwachen	Geistliche der russischen Propaganda
9	9	Julius Zieliski	1856	*	1 Sohn 8 Tochter	Fr. th. Pfarrer	streng überwachen	Geistliche der russischen Propaganda
10	10	Johann Srokola	1870	Reppenów	4 Kinder	Brüder	streng überwachen	Geistliche der russischen Propaganda
11	11	Johann Myakow	1876	*	3 Frau u. 2 Kinder	Vater	streng überwachen	Geistliche der russischen Propaganda
					2 Schwestern	Brüder u. Schwestern	streng überwachen	Geistliche der russischen Propaganda

12	Johann Kozak		–	Eltern	Gefüge bei der Landwirtschaft	Werbeflichtig- tung über Landes, streng über- wachen er, verhalten fanstischer Anhänger der russischen Staatsidee u. Aest.	Kirch – zweitweise Infor- mierung über die Russen, der Schultheiß der Stadt Marijewen aus Königlichem Thronbuche kann nicht mehr denken, Marijewen aus Königlichem Thronbuche kann nicht mehr denken
13	Iloko Romanów Sohn des Oktawia	1877	Ukrainisch- Hrn. 70	3 Kinder	zahltreiche Verwandte I u c o	Grunderwerb der russischen Staatsidee u. Aest.	unterminnt: verachtige Aufsätze nach Lenburg unterdrückt wieder- holende Reisen nach Russland
14	Iloko Koszyński	1870	Piastka Hrn. 10	Frau u. Kinder	ditto	ditto	verlassen
15	Kirylo Prytula	1870	Pobiedna Hrn. 56	Frau u. 4 Kinder	ditto	radikaler Russophile u. Agitator	Aufsätze nach Lenburg
16	Michael Babirecki	1882	gebürgt in Hrn. Pomorze	—	angeblich in Guts- besitz u. Kindern in Hrn. Pal. (Karlskrona Russland)	der Rhodionage ver- dächtige — kommt nach Polen nach Ustica Polenika zu stoffen auf Russland	unterminnt wieder- holende Reisen nach Russland
17	Stefan Fiechnik	1884	Podlaska Hrn. 116	Vater u. Geschwister	—	Weber u. Ge- hilfe bei der Landwirtschaft	unterminnt wieder- holende Reisen nach Russland
18	Johann Konfinski	1884	Horpin	3 Kinder	—	gr.-tech., Pädaver	unterminnt wieder- holende Reisen nach Russland
19	Hryhiko Koszycki	1870	Sokolow Hrn. 8	Frau u. 3 Kinder	zahltreiche Verwandte in der Ortschaft	fantastischer Ad- gesinn u. durch rats- scherifftlich rast- und sozial	unterminnt wieder- holende Reisen nach Russland
20	Fed'ko Koszycki	1870	TINr. 72	Frau u. 4 Kinder	ditto	Russophile offener Agitator	unterminnt wieder- holende Reisen nach Russland
21	Johann Jasków	1886	Sokole	—	Reserve for post 80 L.	radikal Russophile u. Agitator	unterminnt wieder- holende Reisen nach Russland
22	Teodor Jasków Sohn des Steina	1889	ditto	—	Gefüge bei der Landwirtschaft	gewesener Agitator	unterminnt wieder- holende Reisen nach Russland
23	Wasil' Kahaj	1878	Buk	2 Kinder	—	Schemie	gewesener Agitator
24	Aleksander Kurij	—	ditto	Fran. u. zwei Kinder	radikaler Russophile u. Agitator	gewesener Agitator	unterminnt wieder- holende Reisen nach Russland

Kamionka, 21. December (1913?).

* Всі цікаві факти про підприємства та підприємців України

2. Борьба съ этикологическимъ правописаниемъ.

Изъ Лениковини получено нами слѣд. письмо:

Чтобы запечатлѣть гъ памяти русского народа неравную борьбу за русский языкъ и этикологическое правописаніе на самыхъ крайнихъ западныхъ рубежахъ Червонной Руси предлагаются гѣскою документами, касающимися этой борьбы.

Въ началѣ всеобщей мобилизации я былъ военными властями гъ моемъ

18 пѣх. полку гъ Перемышль арестованъ и отведенъ къ гарнизонной, тюрьмѣ, а при отходѣ моего полка на русскій фронтъ меня обратно отвели изъ полка и я, конечно, подъ надзоромъ всей командини, пошелъ воевать. Послѣ трикратныхъ аудиторскихъ допросовъ на фронтѣ и нѣсколькоихъ сраженій съ русскими отступающими отрядами, я былъ ночью 15 августа ст. ст. 1914 г. взятъ въ русский пленъ, что и было моимъ спасеніемъ...

А. К. Хома.

Wydѣl Rady powiatowej
w NOWYM SÄCZU.

L. 3469.

Do

PANA ANDRZEJA KONRADA CHOMY, PISARZA GMINNEGO

w ŹEGIESTOWIE.

Wydѣl powiatowy na posiedzeniu dnia 6. września 1918. uchwiili udzielić Panu naguny z powodu niewlaściwości w urzêdowaniu Pañskiem jako pisarza gminnego, skonstatowanych wedle wyników dochodzenia, a w szczególno¶ci z powodu prowadzenia wewnętrznego urzêdowania w jêzyku przeładowanym naleciôstwami jêzyka rosyjskiego i wedle urzêdownie nie uznanej pisowni etymologicznej, — niestosowania siê do zarządzeń Naczelnika gminy, samowładnego wystosowania pisma imieniem Zwierzchności gminnej bez wiedzy Naczelnika gminy, — wreszcie z powodu zaniechania sporządzenia na czas listy pospolitaków.

O czem siê Pana zawiadamia z tem, ze w razie powtórczenia siê podobnych niewlaściwości b dzie przedłożony c.k. Starostwu wniosek na usunięcie Pana z urzędu pisarza gminnego w tamtejszej gminie.

Sekretarz:
(KOBAK)

Prezes Rady powiatowej:
(WITTIG).

Wydѣl Rady powiatowej
w NOWYM SÄCZU.

L. 3469.

O D P I S.

Nowy Sacz dnia 17. września 1918.

Do

C. K. STAROSTWA

w NOWYM SACZU.

Odnoszenie do tamtejszego pisma z dnia 28/1 1918. L. 8541/S. donosimy przy dołączaniu %. aktów tutejszych dochodzeń dyscyplinarnych, że Wydѣl powiatowy na posiedzeniu z dnia 6/9 1918. uchwalił: 1) zaktumikować c. k. Starostwie, iż nie znajduje podstawy do przedstawienia wniosku na usunięcie Konrada Andrzeja Chomy z urzędu pisarza gminnego w Źegiestowie i że należy jedynie wydać zarządzenia, zmierzające do tego, by urzêdowanie wewnętrzne urzędu gminnego w Źegiestowie było prowadzone stosownie do obowiązujących przepisów w jêzyku krajowym i w pisowni urzêdownie uznanej, 2) udzielić wymienionemu wyżej pisarzowi gminnemu nagany z powodu skonstatowanych w dochodzeniu niewlaściwości w urzêdowaniu.

O wydanych ze swej strony zarządzeniach zechce c. k. Starostwo zawiadomić Wydѣl powiatowy.

Prezes Rady powiatowej
Wittig, wr.

Sekretarz.
Kobak, wr.

Nowy Sacz dnia 17. września 1918.

L. 8469.

ZWIERZCHNOŚCI GMINNEJ

w ŹEGIESTOWIE

do wiadomości z poleceniem doręczenia przyleglego ./ pisma adresatowi Andrzejowi Konradowi Chomic, tamtejszemu pisarzowi gminnemu, za dowodem. doręczenia ./ który tu odesłać należy.

Zarazem poleca się Zwierzchności gminnej, aby przestrzegała, by urzêdowanie wewnętrzne tamtejszego urzędu gminnego, stosownie do obowiązujących przepisów, prowadzone było bezwarunkowo w jêzyku krajowym i wedle pisowni urzêdownie uznanej.

Sekretarz:
(KOBAK).

Prezes Rady powiatowej:
(WITTIG).

1. 159/pr

Do

Pana Chomys, pisarza gminnego

w Żegiestowie.

Na podstawie §§ 2 i 3 ustawy z 5. maja 1869, dz. u. p. Nr. 66, i rozporządzenia całego Ministerstwa z 26. lipca 1914, dz. u. p. Nr. 154, zakazuję Panu wydalać się z Muszyny aż do odwołania.

Od tego zakazu wolno wniesć rekurs do ck. Namiestnictwa, który podał należy w ck. Starostwie w dniach 14. licząc od doręczenia. Rekurs nie ma mocy wstrzymywającej.

Ck. Radca Namiestnictwa i Starosta
hrabia TOS.

3. Poszuki za spionami.

Переписка между Львовом, Станиславовом и Черновцами въ дѣлѣ: Діяконовскій — Івануса; Діяконовскій — Билинскій.

На доносе жандарми — «мідійна Пасканіка изъ Черновца, что будто некоторые личности изъ Чорткова находятся изъ близкихъ союзеныхъ съ гр. Бобринскимъ, (жандармы засыпали фамилии: Діяконовскій, Билинскій, Ивануса) — дѣлаетъ чиронекъ Landes-gendarmerie - Kommando очередной доносъ во Львовъ. Львовское отдѣление генер. штаба при 11 корп. посыпаетъ называемый доносъ для проверки въ Станиславовъ, заявляя: „устрою доѣрочно и незамѣтно пропасти съѣздѣти!“ Станиславовскій штабсъ-офицеръ докладываетъ окончательно львовскому ген.

штабу слѣдующе: 1) Діяконовскій — считался изъ неизвестныхъ; 2) о. Билинскій де Галеса состоять приходянками въ Шмалькоцахъ, Чортковскаго уѣзда, потому былъ препроводженъ изъ Станиславова, а окончательно перевѣзенъ въ Доброцѣ; онъ является однимъ изъ опаснейшихъ русскихъ агитаторовъ; 3) судья Ивануса — сознательный руссофильский агитаторъ, какъ судья — былъ изъ-за частной непримѣнности дисциплинарными путемъ назначенъ и т. д.

Ивануса и Билинскій — утверждаютъ со всей уверенностью станиславовскій штабсъ-офицеръ — получали русской деньги (russisches Geld) для агитационныхъ цѣлей. Переписку приводимъ въ поданныхъ документахъ.

Nowy Sącz dnia 31. lipca 1914.

K. k. Landesgendarmeriekommmando № 13.

E. № 24 res.

Deakowski, Bilinski de Salessa

und Iwanussa der Spionage verdächtig.

Abteilung Czernowitz № 1.

Posten zu Nowosielitz-Bahnhof № 16.

An das

k. k. Landesgendarmeriekommmando № 13

Nowosielitz Blf. am 13 Februar 1914.

in Czernowitz

Am 13. Februar 1914 geriet Gend. Postenf\u00fcler Emilian Paskaniuk am Bahnhofe Czernowitz mit einem zirka 28—30 Jahre alten, den besseren St\u00e4nden angeh\u00f6renden Manne in ein Gespr\u00e4ch \u00f6ber den Marmarossigter Prozess.

Im Verlaufe desselben erz\u00e4hlte der Mann dem Paskaniuk, dass einige Pers\u00f6nlichkeiten aus Czortkow schon seit l\u00e4ngerer Zeit mit dem Grafen Bobrinski in brieflicher Verbindung stehlen und auch oft\u00eers Geld von demselben, vermutlich zu Spionage oder irgendwelchen Propagandazwecken, erhalten und zwar:

Deakowski, Komissar der kk. Bezirkshauptmannschaft Czortkow,
Bilinski de Salessa, gr. kat. Pfarrer in Czortkow und
Iwanussa, Richter in Czortkow.

Wo und was dieser Mann ist und von wo er sei, wisse Paskaniuk nicht, jedoch gibt er an, dass als er noch beim Milit\u00e4r in Czernowitz diente, er denselben oft\u00eers in Czernowitz gesehen habe.

Die Meldung wurde dem kk. Landesgendarmeriekommmando № 13 und dem kk. Gendarmerieabteilungskommmando № 1 in Czernowitz erstattet.

WOPATA, Wachmeister.

— 24 —

K. K. LANDESGENDARMERIEKOMMANDO № 13.

PRÄS. CZERNOWITZ, am 15/2 1914.

ad K. N 31 res R. A. ./ BLG.

Generalstabsabteilung des k. u. k. 11. Korps

in

Czernowitz, am 16. Februar 1914.

Lemberg.

Wird zur Kenntnis übermittelt.

(Подпись неразборчива.)

K. u. k. Generalstabsabteilung des 11. Korps.

Präs. Lemberg, am 19/2 1914.

K. Nr. 261. ./ Bign.

An
den exponierten Gendarmerie-Stabsoffizier
in

Lemberg, am 19/2 1914.

Stanislau.

Es wird d. h. ersucht, die umstehend gemachten Angaben überprüfen lassen zu wollen und das Erhebungsergebnis anher mitteilen zu wollen.

Die Erhebung wäre streng vertraulich und unauffällig durchzuführen.

g. g. R.

Präs. Stanislau am 20/2 1914

k. k. exponierter Stabsoffizier

E. Nr. 54 res. Adj. mit Beilag.

— 25 —

An die

k. u. k. Generalstabsabteilung des 11. Korps

in

Czortkow. am 10. März 1914.

L E M B E R G .

Ein Kommissär namens DEAKOWSKI ist hier unbekannt und existiert ein solcher dieses Namens überhaupt nicht. Sollte jedoch ein gewisser Cyrill DIAKOWSKI gemeint sein, dann melde ich, dass dieser vor einem Jahr nach Lemberg als Finanzrat versetzt wurde. Derselbe galt jedoch hier als ungefährlich.

Der gr. kat. Pfarrer BILINSKI DE SALESSA war nie in Czortkow, sondern in Szrankowce, Bez. Czortkow. Derselbe kam vor ca. drei Jahren als Kanonicus nach Stanislau, wurde jedoch von dort nach einiger Zeit nach Dobropole versetzt. Derselbe gilt als einer der gefährlichsten ruthenischen Agitatoren.

Der Richter Iwanussa ist seit mehr als Jahresfrist von Czortkow abtransfert; ist ein überzeugter russophiler Agitator, galt als sehr parteilicher Richter, und ist mir auch bekannt, dass er wegen seiner Parteilichkeit, die auf nationaler Basis fußte, im Disziplinarwege bestraft wurde.

Dass Iwanussa wie Bilinski russisches Geld zu Agitationszwecken erhält, gilt als sicher!

Подпись неразборчива.

DI. E. №. 54 res. Adj. Gesehen!

K. k. Exponierter Stabsoffizier in Stanislau

Stanislau am 11. März 1914.

Exponierter Stabsoffizier beurlaubt.

W.—K.

Подпись неразборчива.

K. u. k. Generalstabsabteilung des 11. Korps

Präs. Lemberg, am 14/3 1914.

K. Nr. 261. ./ Bign.

S.—V.

II.

Увозъ изъ Львова арестованныхъ „русофиловъ“.

Президіумъ ц. к. Дирекції поліції во
Львовѣ, отримано 28 августа (н. ст.)
1914 г. № 4926.

Въ Президіумъ ц. к. Намѣстничества.

**Доносъ на святоюрськихъ священ-
никовъ.**

Львовъ, 24 авг. 1914 г.

Ц. и к. Планъ-Командантству
во Львовѣ.

II. Войнъ терроръ.

I.

**Мѣры противъ „русофильской“
пропаганды.**

Президіумъ ц. к. Намѣстничества.
Львовъ, 8 августа 1914.
№ 18385/пр.

Русофильская пропаганда.
Циркуляръ.

Всѣмъ госп. ц. к. старостамъ и ц. к. ді-
ректорамъ полізъ во Львовѣ и Краковѣ.

Настояній наприженіи отношеній
между нашей имперіей и Россіей требу-
ютъ энергичной борьбы съ москофиль-
скими діяліями, не скрываясь спо-
кійно симпатіи къ Россіи.

Такъ какъ сторонники и организа-
ціи этого преждебного государства дви-
женій могутъ въ сердечный моментъ на-
губно помянуть на лѣбетѣ националь-
ного герба и наѣтіи национальныхъ во-
оруженныхъ силъ, слѣдуетъ немедленно
принять соотвѣтствующіе мѣры, чтобы
энергично раздавить это движеніе всѣ-
ми находившимися въ распоряженіи пред-
ставами.

Также противъ всіхъ русофиль-
скихъ национальныхъ и публичныхъ, мани-
фестацій, или на собранияхъ, или на не-
печати, или иными какимъ-либо образомъ,
слѣдуетъ безжалостно наступить, прибѣ-
гая ко всѣмъ законнымъ средствамъ,

а въ особенности къ самому широкому
примѣненію средствъ экзекуціи и съ ви-
новниками поступать безъ всякихъ снис-
хожденій.

Объ этомъ увѣдомленію господина
старосту (г. директора), согласно рекспі-
тицу ц. к. Мин. Вн. Дѣлъ отъ 1 авг. 1914 г.
№ 9140 М. I. для точнаго исполненія,
при чёмъ указаній, данныхъ мѣстными цир-
кулярами отъ 25 іюня 1914 г. № 150/д
и 26 іюня 1914 г. № 17707 (пр.), отно-
сительно предотвращенія сербскихъ по-
шушеній, сербофильтской пропаганды и юж-
но-славянскаго движенія студентовъ, слѣ-
дуетъ примѣнить по аналогіи и при подавле-
ніи русофильскихъ стремлений и мани-
фестацій.

Принятъ по министерскому распо-
ряженію отъ 25 іюня 1914 г. Вѣсти го-
суд. зак. № 158 пріостановка ст. 8, 9, 10,
12 и 13 основнаго закона отъ 21 дек-
1867 г. Вѣсти го. зак. № 142, дасть
Вамъ возможность принять успѣшныя мѣ-
ры по разъяснѣнію отъ 5 мая 1869 г.
Лізур. го. суд. зак. № 67, для подавленія
этого преждебного государства движеній.

О всѣхъ въ этомъ дѣлѣ побѣдѣ-
ніяхъ и возможныхъ мѣрахъ ить каждому
отдельному случаю слѣдуетъ безоговор-
ительно мнѣ доносить.

За ц. и к. Намѣстника
Грофціїкъ.

Уже несколько разъ я имѣлъ честь
обратить вниманіе ц. к. Н. на необходи-
мость излечить изъ Львова арестован-
ныхъ опасныхъ для государства моско-
филовъ, которые, въ числѣ около 2000,
съ большими трудами разысканы иъ мѣст-
ной тюрьмѣ въ тюрьму лѣгкаго краево-
го уголовного суда иъ полицейскомъ
арестному дому.

Уже само разысканіе, въ виду не-
востатка мѣста, по санитарнымъ сообра-
женіямъ угрожаетъ нарывомъ эпидемі-
ческихъ болѣзней иъ еще болѣе сте-
нени становится опаснымъ въ виду воз-
можности всыпки бунта, всѣдѣствія воз-
мущеній тѣхъ, заключенныхъ, которые
уже теперь высказываютъ громкія угрозы.
Что они, молъ, посыпаются

Эти угрозы, въ случаѣ неблагопрі-
ятной перемѣзы всесильныхъ обстоятельствъ,
нагибное могли бы отразиться кровопод-
іаніемъ на наѣзжемъ населеніи города.

Поэтому настоятельно прошу ц. к. Н.
безотлагательно приступитьъ къ увозу
этого крайне опасного для государства
и общества элемента изъ Львова въ глубь
страны.

Львовъ, 27 августа 1914 г.

Редицелдеръ.

Штатъ безграниценную симпатію къ
австро-імпераціи несущимъ симъ и ви-
ди, что, исходя изъ безчестной измѣны
нашихъ москофиловъ, не одна сотня на-
шихъ певинныхъ солдатъ уже прошли
свою кровь и еще дальше должна буде-
ть проливаться, не могу утешить своихъ на-
бліоденій, къ которымъ я принадлежу по-
длого опыта, что этихъ пора-
зительныхъ тайни не открыты Высокому
Плану-Командантству еще во время, когда
бы этимъ самимъ обратить внимание вѣ-
стей въ сторону, откуда для государ-
ства можетъ появиться неизнѣмимъ предѣлъ. Итакъ: До нынѣ несчастливъ, го-
сударства, какъ въ этомъ уаждынѣ, зи-
нити москофиловъ, которые, не скры-
вались, лѣпуть къ москальмъ, т. е. къ Рос-
сии, а лучшею доказательствомъ этого
изъявленіи являются арестованія и пер-
енесеніе тремъ такими личностями.

Кто дастъ толчокъ къ изѣбнѣчес-
кому понедѣнію? Именно москофилскіе
спіциенники, которыхъ наше правитель-
ство всегда поддерживало и все имъ по-
зволило. До сихъ поръ арестовано очень
много такихъ инцидентовъ, однако не
еще, ибо тѣ, которые собственно
дали толчокъ къ изѣбнѣческому поне-
дѣнію, остаются до настоящаго времени
на свободѣ, чтобы быть въ состояніи до-
ставлять москальмъ сообщеній, которыя
просто пагубны для плаванія нынѣшней
войны.

Поэтому я обращаю внимание Высшаго Планы-Командиства на священников и даже каноников юрисдикции местного львовского митрополичьего капитула, духовъ и глагомъ преданныхъ Россіи и избѣшившихъ изъ своихъ квартиръ, очень много компрометирующего и уличающаго ихъ материала, въ случаѣ, если бы у нихъ былъ произведенъ неожиданный обыскъ.

Приведу фамилии этихъ священниковъ: о. Андрей Ільинецъ, о. Мартинъ Пакѣжъ, о. Александъръ Бачинскій, а также зять о. Ільинца о. Дорожинскій: всѣ они живутъ и скрываются въ стенахъ с. Юрія по Львову, такъ какъ тамъ для нихъ безопаснѣе всего. Эти выше указанные фамилии очень хорошо известны российской охранѣ, съ которой они вели переписку до послѣднаго момента.

Высокое командинство изволитъ заявлять этими личностями, и тогда еще бѣже убѣдится въ правильности, когда при обыскахъ найдеть оснований для этого.

Съ глубочайшимъуваженiemъ

Алойзій Вожиковскій.

IV.

Приказъ военнаго Командира по Львову.

(«Прик. Русь», № 1479/1480 отъ 23 ноября 1914 г.).

Сообщаетъ переведенный съ иѣменного текстъ распоряженіе австрійской военной команды по Львову, на основании котораго разстрѣльно и погашено множество русскихъ галичанъ. Документъ найдеть въ письменномъ столѣ директора львовской полиціи.

Ц. и к. Военная Команда по Львову.

К. Н. 283.

Д.

Строго
секретно.

Вѣ

Президіумъ ц. к. Дирекціи Поліції
по Львову.

Львовъ, 15 августа 1914 г.

Къ свѣдѣнію.

Гофманнъ.

(На обратной сторонѣ).

Президіумъ ц. к. Дирекціи Поліції
по Львову.

Поступило 18 августа 1914 г.

№ 4509.

Къ свѣдѣнію.

(Нѣсколько печатныхъ подпісей).

(Внутри)

Ц. и к. Военная Команда по Львову.

К. Н. 283.

Ц. к. Краевої Обороны Дипломатій Судъ
и т. д.

Подчинившись на восточной границѣ, изъ районѣ Белзецъ—Сокаль—Подільчичъ—Гуситинъ, русскіе войска пронесли на русофінськое населеніе Восточной Галичини, находившееся уже издавна въ измѣнническихъ спонсіяхъ съ Россіею, огромное ипечатіе.

Государственныя изгубы и шпионство, съ одной стороны, въ терроръ по отношенію къ нерусскому населенію тамъ, где оно находится, къ меньшинствамъ, съ другой (Сокаль, Залівцы, Гуситинъ), наносятъ самыи опасенія и прямъ угрожающія образъ. Если немедленно не будуть принятъ самыи строгі мѣры, то районъ военныхъ дѣйствій въ Восточной Галичинѣ и Буковинѣ можетъ всѣдѣстнѣе преступлій замысловъ русофінськаго населенія окан-

чаться въ серійной опасности, наступление же и начальни военныхъ дѣйствій могутъ быть значительно затруднены. Скорое наказаніе является крайне необходимымъ, какъ острастнѣй пріемъ однѣмъ и въ доказательство другимъ, что австрійское правительство имѣетъ власть и силу для того, чтобы наказать виновныхъ и охранять ненавистныхъ.

Эти пріемы смогутъ только тогда оканчить свое дѣйствіе, когда они будутъ производиться на глазахъ тѣхъ, кто были свидѣтелями выше названныхъ преступлений.

Казнь хотя бы даже, напріемъ, ста человѣкъ по Львову произведетъ бы на населеніе Залівцы, сильные первыя котораго требуютъ сильныхъ ипечатій, гораздо менѣе дѣйствіе, чѣмъ казнь хотя бы только двухъ лицъ изъ самыхъ же Залівцевъ.

Военная команда приказываетъ по-этому:

1. Исполните приговоры за всѣ предусматриваемыи исполнительными исполненіемъ преступлій, подлежащи постановленію судомъ, страждущее наказаніе которыхъ является необходимымъ, какъ уголовнаго пріема, должно происходить тамъ, где преступленія были совершены.

2. Во всѣхъ этихъ случаяхъ должно приминяться сокращенное судопроизводство, чтобы наказаніе по возможностямъ скоро, буквально по штату (auf dem Fusse), сдѣлывало преступлѣніемъ.

3. Приминство сдѣлъ по всѣхъ этихъ случаяхъ должно быть поручено судьямъ, которые, съ одной стороны, благодаря своему опыту, даютъ рѣшательство, что они успѣютъ разобраться въ исключительныхъ отношеніяхъ и освободить себя отъ неизжнаго формализма, съ другой же стороны, будучи лишиенными всѣкой чу-в

ствительности, имѣть въ виду одно: только благо государства.

4. Этого рода дѣла должны быть поручены установленному львовскому судою, краевої обороны аудитору, секретарю суда и лейтенанту запаса Гехту и установленному коломыскому судомъ краевої обороны аудитору и обер-лейтенанту запаса д-ру Рихъ или другому аудитору, который отчитывалъ бы выше указаннымъ требованіемъ.

5. Въ трудныхъ, не совсѣмъ ясно представляемыхъ (nicht ganz klar darliegenden) случаяхъ преступлений, можно, для ускоренія судебнаго, потребовать отъ военной команды содѣствія поліцейскаго чиновника.

Сіе препровождается гг. Дирекціи Суда Краевої Обороны по Львову и Коломыѣ, изъ Президіума Дирекціи Поліціи по Львову и Черновицамъ, командированому штат-офицеру по Львову и Станиславову и тѣ краевое жандармское Управліє № 18.

V.

Поліцейскій мѣтрополітъ.

(«Прик. Русь» № 1483, 1914 г.).

Президіумъ ц. к. Дирекціи Поліціи
по Львову.

Поступило 25 (п. ст.) августа 1914 г.

№ 4876.

Ц. и к. Военному Команданту, вѣдь.

Въ послѣднее время многія лица, заподозренныи въ государственной измѣнѣ, шпионствѣ и другихъ враждебныхъ государству дѣйствіяхъ, были отданы подъ военный судъ, а задержанныи этихъ лицъ въ военномъ тюрьмѣ на время войны требуютъ особыхъ интересовъ государства. Поэтому честь имѣю просить повѣтъ

въ этомъ смыслѣ на военные суды и въ особенности действовать въ томъ направлении, чтобы тоже въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ военно-судебное спасѣтие, въ виду отсутствія соотвѣтственнаго матеріала, должно быть приостановлено, обвиняемые не отпускались на свободу, а наоборотъ препровождались пъ къ дирекцію полиціи для дальнѣйшихъ по-лицевскихъ мѣропріятій.

Львовъ, 28 августа 1914 г.

Рѣннендеръ.

VI.

Изъ секретнаго рапорта ген. Римма.

Первымъ комендантамъ г. Львова послѣ отступленія русскаго войска, былъ генералъ-майоръ Фр. Риммъ, "который до войны служилъ адъютантомъ въ проложеніе четырехъ лѣтъ въ качествѣ начальника генерального штаба 11. корпуса. По про-исходженіи измѣнѣ, имѣлъ онъ широкія связи въ местномъпольскомъ обществѣ", что способствовало ему путь работъ на новою отвѣтственномъ посту коменданта города. По истеченіи мѣсяца управления городомъ сообщилъ оѣ рапортомъ главнокомандующему арміей тѣ отношенія, которыя были на лицѣ во Львовѣ. Рапортъ этотъ имѣетъ название: "Внѣчтѣніи и наблюденія, собранныя мною послѣ освобожденія Львова, въ качествѣ коменданта города. 22 июня — 27 июля 1915 г."

Поскѣ общихъ замѣчаній о настро-еніи населенія, сдѣлалъ специальное изложenie объ отношеніяхъ въ политическихъ партіяхъ, обоснованное на весьма точныхъ информаціяхъ.

Мѣгнѣе столь авторитетного лица должно было повлиять на отношеніе австрійскаго правительства къ от-

дѣльнымъ партіямъ и лицамъ, потому считаемъ, что перепечатаніе выдержекъ изъ этого рапорта послужить до нѣкоторой степени разъясненiemъ нашей мартиродологии.

Пропуская несущественную положенія, припомнемъ лишь непосредственно на касающіяся соображеній генерала Римма:

"Гал. Русскіе раздѣляются на двѣ группы: а) русофилы (Russophil, Staatsfeindliche und Hochverrater) и б) украинофилы (Oesterreichreicher).

Русской партіей руководятъ дену-татъ Марконы; принадлежатъ къ ней д-ръ Дудыненчикъ, Семенъ Бендинський, Колдра, д-ръ Глушкевичъ, д-ръ Сохон-кій, Малецъ и др. Ихъ стремленіе обще-изгнанія: окончательное соединеніе съ Россіей и пролонгированіе.

Еще до объявленія войны эта партія занималась измѣной, но что я неоднократно безрезультатно обращалъ вниманіе.

Военные события были лучшимъ до-казательствомъ, что эта партія еще въ мирное время работала сообща съ врагомъ путь направления создания благоприятныхъ условий къ соединенію Вост. Галичинъ съ Россіей (см. брошюру "Das Galizien der Gegenwart").

Во Львовѣ организовалась русская национальная партія подъ руководствомъ д-ра Дудыненчика въ "Народному Союзѣ", съ цѣлью служить российскому правительству, подъ покровительствомъ гр. Бобринскаго, при русификаціи края и распространеніи православія.

Въ составѣ "Народного Союза" входили также австрійскіе государственные чиновники, какъ напр. соѣдникъ лѣ. вѣдомства Казимиръ Тихонскій, госуд. прокуроръ Третьякъ и Сивуцкій. Въ виду изложенія линии являются дальнѣйшими доказательства, что рус-

ские (russofil.) являются государственными измѣнниками; следовательно бы ихъ не содрогаясь уничтожить. Если вообще возможно русскихъ (russofil.) исправить (избѣгнуть свѣтѣйшій Грабскаго), то это возможно единственно при примѣнѣніи средствъ беспощаднаго террора.

Пронизывающіе часто взгляды на пар-тии и лица („убѣжденный русофиль“) принадлежатъ къ области сказокъ; мое мнѣніе подсказываетъ мнѣ, что несъ "ру-софиль" являются радикальными и что сдѣлустъ ихъ безошибочно уничтожать.

Украинцы являются друзьями Ав-стрии и подъ ея началомъ руководствомъ правительственные круги могутъ сдѣлаться честными австрійцами. Пока что украинская идея не совсѣмъ проникла въ русское простонародье, тѣлько менѣе замѣтна естъ въ российской Украинѣ.

При никакомъ уровняѣ просвещеніи украинского мужика не сдѣлается удивляться, что материальные соображенія стоятъ у него выше политическихъ соображеній. Воспользовались этимъ Рос-сияне въ время оккупации и такими, обра-зовъя перепиши исторію украинской общины въ русофильскій лагерь.

Сдѣлустъ, однажды, принять укра-инцами, что также случаи были рѣдкіи и что въ концѣ концовъ украинцы остав-лись вѣрными австрійскому царствую-щему дому"...

Изъ "Gazet-и Рогам-сї" 1919 г.
NN. 4574, -75, -77.

VII.

Объявленія военныхъ судовъ.

I. Три смертныхъ приговора.

(Изъ официальной "Gazet-и Lvovskoi-oi".

Приговоромъ суда п. к. Львовскаго военного коменданта въ Мукачевѣ, отъ 30. Сентября 1914 года К. 183, — 14 признаны:

1) **Романъ Березовскій**, гр.-католический настоятель прихода изъ Протесонъ, Жидачевскаго уѣзда, рожденный 26 сентября 1874 г. въ Валятичахъ, вдовецъ, отецъ 3 дѣтей, не бывший раньше подъ судомъ;

2) **Левъ Кобылянскій**, громадскій писарь изъ Сенечоля, Долинскаго уѣзда, рожденный 27 января 1857 г. въ Надворнѣ, гр.-катол. мѣрономопѣдіанъ, холостой, не бывший раньше подъ судомъ;

3) **Пантелеймонъ Жабякъ**, крестьянинъ, рожден. въ 1867 г. въ Сенечолѣ, женатъ, отецъ 5 дѣтей, не бывший подъ судомъ;

пополнены въ преступленій шпиона-ств по 321 ст. уголовного закона, выразившагося въ томъ, что называемые, а именно: Романъ Березовскій въ по-стѣнкахъ числахъ: антаг. и первыхъ числахъ сентябрь 1914 г., а Левъ Кобылянскій и Пантелеймонъ Жабякъ въ первыхъ числахъ сентября 1914 г., въ время военного положенія Австро-Венгрии въ виду Россіи, т. е. во время войны, по взаимному соглашенію старались узнать о силахъ и состояніи армій въ краѣ, обѣ ея памѣреніяхъ, планахъ, расположеніяхъ и движеніяхъ, а также о со-стояніи предметовъ, относящихся къ военной оборонѣ государства, съ целью сообщать обѣ этиемъ непріятелю, — и приговорены за это, на основаніи § 444 уголовного судопроизводства, къ **смертной казни** черезъ повѣ-ченіе.

Приговоръ принесенъ въ исполненіе.

("Прик. Русь", 1914 г. № 1479).

2. Новосандецкая расправа.

L. 595/mob.

OBWIESZCZENIE.

Wyrokiem doraźnym Expozytury c. i k. Sądu wojennego w Nowym Sączu z dnia 28. września br. K. 1/14. zostali: Piotr Sandowicz, w Żegiestowie urodzony, 56 lat liczący, greckokatolickiego obrządku, żonaty, proboszcz w Brunarach, i Antoni Sandowicz, w Roztoce wielkiej urodzony, 27 lat liczący, greckokatolickiego obrządku, stann wolnego, słuchacz Akademii, zamieszkały w Brunarach, za zbrodnię zdrady stanu po myśli §. 334:c. kodeksu karnego wojskowego (par. 58:c. kodeks karny cywilny) na śmierć przez rozstrzelanie zasądzeni.

**Wyrok został w dniu 28. września 1914.
w Nowym Sączu wykonany, co podaje się
do publicznej wiadomości.**

Nowy Sącz dnia 3. października 1914.

Z C. K. STAROSTWA.

Первый періодъ австрійскаго террора въ Галичинѣ.

Бережанскій уѣздъ.

Въ Бережанскомъ уѣздѣ, по имѣющимся сѣдѣдѣніямъ, были арестованы сѣдѣдѣнія лица: свящ. Александру Чубатый съ женой изъ с. Жукова; свящ. Мих. Гориніскій изъ Болоты; священикъ Влад. Коновальцъ изъ Малехова и Вавы изъ Заланова; свящ. Григорій Качала изъ с. Лієнника; чиновникъ табачн. фабрики Исидоръ Цымбікъ; свящ. Іоаннъ Потеребко изъ Мельничъ и много другихъ, фамилии которыхъ оставались невыяснены.

Вотъ что рассказываетъ о своемъ арестованіи о. Григорій Качала: Меня арестовали 4 августа 1914 г. Въ полѣ нашелъ меня лежащимъ въ травѣ неизѣстный мѣръ фемблебелъ и сельский стражникъ и велѣли мнѣ идти домой, где должны были ждать меня какої-то австрійскаго офицера.

Въѣсто офицера встриѣтиль я дома жандарма. Во время обыска жандармъ взялъ почему-то чешскій проповѣдническій журналъ „Kazatelna“ и составилъ протоколъ, а затѣмъ увелъ къ уѣздному старостѣ въ Бережанахъ.

Комиссаръ старосты заявилъ, что не имеетъ доносъ, будто бы я пугалъ снонхъ прихожанъ страшнымъ голодомъ, который возникнетъ во время войны.

По пути изъ старосты въ тюрьму, на мою просьбу, мы зашли въ окружной судъ.

Прокуроръ прочелъ протоколъ и, подпись жандарму книжку, отправилъ его, замѣтивъ:

— My z ksiedztemъ juž sami zgo-
biemy porządek.

Послѣ ухода жандарма прокуроръ пригласилъ меня садиться и сказалъ:

— My tych aresztantów mamy już bez liku; ktoś tam na drodze rogląda się inną kiwnątą ręką lub głową, inny znów siadł pod kruszakiem dla załatwienia... a żandarmy by to zoczyli, zaraz każdego chwycia i dostawia tutaj jako podejrzanego szpicę. Dalej już niema gdzie pomieścić tych aresztantów. Ja tutaj w papierach żandarna nie znajdę nic katygodnego, a więc mogę księdza puścić do domu. Radzę tylko chować się przed żandarmami.

Со страхомъ пробрался и между патрулью ночью, какъ порт, домой, но на другой день явился тольце жандармъ съ пятью другими и забралъ меня прямо въ бережанскую тюрьму. Въ тюремной канцелии объявили мне приказъ львовскаго дивизионнаго суда обѣ арестъ, послѣ чего отправили на вокзалъ.

Тутъ я встрѣтился съ благочиннымъ изъ с. Мозголовки о. Томовичемъ, также въ обществѣ жандарма.

Во Львовѣ въ какой-то канцелярии, не то военной, не то тюремной, фельдфебель-енер отнялъ у насъ всѣ „опасныя“ пеши, какъ часы, портмоне съ деньгами, братчики кольца и т. п., давая намъ во время этой операции наставления, что моль не слѣдуетъ священникамъ духовныхъ паствы заниматься шпионажемъ, что оѣ этого не наѣдимся и пр.

Нѣкій молодой украинофиль, слу-
жащий этой канцелярии, угрожалъ памъ
внѣшней, пока фельдфебель бережливо
прятагъ, какъ доказательство измѣны, ото-
бранныхъ у насъ мелочи.

Былъ здѣсь также свящ. Дуркотъ
съ двумя сыновьями.

На третий день перевели настъ въ большую камеру, въ которой помѣщалось уже 48 человѣкъ, между ними ви-

комые священники Савула, Пилипець, Билинський.

Мени и сыни. Баковича изъ Львови-
ничъ допрашивали лѣтъ Станиславъ Зас-
курскій (или Загорянскій); хотя нашъ
сѣдователъ хвастался во время допроса,
что онъ львовскій адвокатъ, но счи-
тился обращениемъ онъ былъ похожъ болѣе на
австрийскаго капитана или стараго линда,
обучавшаго новобранцевъ и всячески ста-
рицающимся показать имъ свою власть
и превосходство.

Папа Станиславъ бросался на меня с кулакомъ, угрожая смертью и стараясь страхомъ заставить меня признаться, что я занимался пропагандой православіи; но, получивъ отъ меня въ десятый разъ отвѣтъ, что я никакой пропагандистъ вообще не занимался, а только однажды прочелъ въ церкви посланіе митрополита Шептицкаго о пропагандѣ бѣзъ всякихъ комментарій, — онъ распорядился отвести меня обратно въ камеру. Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что о. Баконичъ, весьма верный и большой союзникъ поѣзда этого съ ума и умерть въ Талеочовѣ.

Жизнь въ тюрьмѣ была невывидная.
Кажется, 2-го сентября я уѣхалъ
съ вторымъ транспортомъ въ Талергофъ;
не помню даже хорошо, съ кѣмъѣхъ,
потому что все мы были истомлены жаждой.

Въ нашемъ вагонѣ ѿхало 85 чено вѣтъ, кромѣ конюнъ, который довольно удобно расположился по серединѣ теплушкѣ, занявъ одну треть всего помѣщенія и отталкивая настѣ прикладами на право и на лѣво въ углы вагона.

Бхали мы пять сутокъ, получивъ за все время путешествія разъ чай съ ромомъ, а разъ рисовый супъ.

По пути на вокзалъ были прикладами, куда попало. Меня ударили въ бедро; счастье, что я тогда несъ шинель свящ. Петровскаго изъ Рыкова. Помню

также, что, когда мы грузились во Львовъ на главномъ вокзалѣ, полицейскій ударилъ свящ. Марицкаго дважды саблею плашмя по шей. Тотъ упалъ, и уже товари-

ши изъ его четверки вынесли его на рукахъ изъ вестибюля по лѣстницѣ въ вагонъ.

Свящ. Гр. Качала.

Бобрецкій уѣздъ.

Сейчас посыпь объявления мобилизации в 1914 г. начались аресты виднейших русских деятелей в уезды. Насколько можно было установить, числорестованных достигло до начала военных действий 195 человекъ.

Въ особенности пострадало русское населеніе отъ австрійцевъ въ то время, когда уже стали развертываться военные дѣйствія въ Вост. Галичинѣ. Терроръ былъ до того страшный, что населеніе сидѣло безвыходно дома, чтобы не попадаться на глаза австрійскимъ пачечамъ.

Въ м. Новыѣ Стрѣлискахъ солдаты закололи Григорій Вонка, стоявшаго въ своемъ саду и смотрѣвшаго на проходившія австрійскія войска.

Трупъ убитаго крестьянина солдаты внесли въ хату, которую затѣмъ сожгли вмѣстѣ съ покойникомъ.

Въ с. Бортникахъ жандармы арестовали и увезли четырехъ 10-лѣтнихъ мальчиковъ за то, что они смотрѣли на проѣзжавшій поѣздъ.

Въ первыхъ дняхъ августа 1914 г.
былъ арестованъ с. Иванъ Яксыновъ, мѣст-
ный настоятель прихода, мобилизованный
въ качествѣ военного священника. Его возв-
ратили съ фронта въ посадъ въ тыльную
г. Коломыю, послѣ перевѣза въ военную
тюрьму въ Вѣнѣ, оттуда перевѣзли въ Дро-
зендорфъ, а наконецъ отправили въ Та-
ленгштадтъ.

Кромъ него арестовали въ Бортинахъ Іосифа Слюзара, черезъ нѣсколько дней войта Федора Сенева, Андрея Дзен-

дровского, Семена Хоменка, а въ концѣ августа Евгению Пахтингеру. Арестованныхъ перевозили поодинокъ въ тюрьму въ Бобрскъ, а отсюда вмѣстѣ съ львовскимъ транспортомъ сослали въ Талергофъ.

Всѣ упомянутыя лица вернулись домой наканунѣ развали Австріи, кромѣ Андрея Двендровскаго, почившаго „подъ сосновами“ въ Талергофѣ.

Въ с. Волощинѣ мадьяры привязывали къ пушкѣ Ивана Терлецкаго и еще одного 80-лѣтнаго старика и понолоки такими образомъ съ собой. Судьба ихъ неизвѣстна.

Австрийцы, въ особенности мадьяры и немцы, не считались и съ религиозными чувствами нашего народа. Они вы-
зывали къ насъ презрительное отношение.

вались въ церкви, грабили ихъ и устраивали тамъ настояцій огрій. Къ подобнымъ фактамъ, имѣвшимъ мѣсто и въ другихъ уѣздахъ, можно прибавить также случаи оскверненія и грабежа церквей въ Бобрецкомъ уѣзда. Послѣдніе имѣли мѣсто въ селеніяхъ Гриневѣ, Суходолѣ, Островѣ и въ м. Новыѣхъ Стрѣлынскѣхъ

в. „Принц. Русь“ № 1456
31 окт. (13 ноября) 1914.

С. Водники. (Рассказъ крестьянина Михаила Ив. Звѣрка, старика 74 лѣтъ).

— Меня арестовали 24 августа 1914 г. по доносу одного изъ односельчанъ за то, что я читалъ газету „Русское Слово“. На разсвѣтѣ явился ко мнѣ на дому австрійскій юнкеръ Кобриль и, арестовавъ меня безъ обѣска, отвелъ м. Звенигородъ въ полицію, где из-

дывались надо мной выбѣгъ съ комендантомъ Ковалевскимъ. Иль Зненигородка отправили итальянскимъ порядкомъ въ Стартове Село на желѣзную дорогу.

Тутъ полицейский избѣгъ меня и моего спутника - арестанта Ивана Наконечного до крови. Во Львовъ прѣѣхали мы подъ сильной охраной въ праздники Успенія и насы помѣстии въ тюрьмѣ „Бригадахъ“ по Кавказимовской улицѣ.

Во Львовъ сидѣлъ я избѣгъ съ другими русскими галичанами цѣлую неделю, а тамъ погрузили насъ въ товарные вагоны и подъ пломбой отправили въ западъ. По пути въ Переимышль дали намъ на обѣдъ бочку воды.

Иль Львова въ Талергофѣ ходилъ мы съ понедѣльника до пятницы. Въ вагонахъ, расчитанныхъ на шесть лошадей или же сорокъ человѣкъ, находилось по 80 и больше людей. Невозможная жара и страшно спиртный воздухъ въ вагонахъ безъ оконъ, казалось, убьетъ насъ, пока дѣждемъ къ мѣсту назначения, въ Талергофскій адъ.

Физический мученія, которымъ насы подвергли австрійскій власти въ началѣ нашего ареста, были знамѣниты. Чтобы усилить ихъ, намъ никоимъ образомъ не разрѣщалось спаситъ съ вагона, двери были наглухо заперты, даже естественная надобность приходилось удовлетворять въ вагонѣ.

С. Букавина. 19 августа 1914 г. въ с. Букавинѣ австро-мадьярскій войска, отступая передъ русскими, разбрѣли на рѣкѣ мости, желая такъимъ образомъ задержать наступленіе врага. Затѣмъ пошли въ село, где на самотѣ краю находилась усадьба 55 лѣтнаго крестыни Михаила Кота, получившаго при-

вать переселиться съ семьей въ самую деревню, иль виду возможнаго обстрѣла перехода черезъ рѣку русскими войсками. Упомянутый крестынинъ, подчинился военному приказанию, настѣхѣ отвѣзъ свое семейство изъ глуби села, въ сѣль вернулася еще домой, чтобы вынести самое необходимое изъ своихъ пожитковъ. Увидѣвъ свое хозяйство совершенно разграбленнымъ австрійцами, обратился къ офицеру съ просьбою — хотѣлъ частично возмѣстить ему изъ казенныхъ суммъ причиненный войсками убытокъ. Въ отвѣтъ на его просьбу послѣдовала грубый окрикъ офицера и громкій смѣхъ солдата, зарѣвавшихъ еще въ добояніи двѣ его синины, поѣхъ чѣго они ушли дающіе. А черезъ гѣскою минуту подѣхало къ загородѣ гѣскою малярскихъ наемниковъ. Спросили стоявшаго подъ воротами евреи — идѣть ли аѣфъ „русифицировъ“? и подумать что нетъ никакой тутъ-же австрійцы Михаила Кота безъ всякаго добропса и суда. Свидѣтельми этого дикаго произвола были крест. Никита Ворона и еврей Исаакъ Гастенъ-убитый, сознательный и просвѣтительный русскій человѣкъ, оставилъ жену и пестро дѣтей.

Сообщающій эти строки находился въ то время съ подвойдой въ военныхъ обозахъ. Въ 1915 году, поѣхъ отступленія русской арміи, былъ арестованъ и отвезенъ германцами въ стрѣльскую тюрьму, откуда послѣ полуторамѣсячнаго заключенія былъ сосланъ въ Грацъ, а затѣмъ въ Талергофъ. Причиной ареста послужили наговоры настоятеля прихода изъ с. Молотова, „украинца“ Виктора Соколовскаго.

Vasiliy Konya

Богородчанскій уѣздъ.

„Львовскій Вѣстникъ“, по точно установленнымъ документамъ, сообщающій съдѣлывающій данный обѣ австрійскихъ австрійцахъ наѣтъ несчастныхъ русскими, населеніемъ Галичины.

Наиболѣе пострадавшими надо считать мѣстности, которыя расположены въини Карпатъ, где все время велись ожесточенные бои. Населеніе вѣнамъ горь превычайно обѣстаетъ, какъ отъ голодъ, такъ и отъ внезапныхъ налетовъ мадыры, а отчасти и польскихъ стрѣльцовъ. Они итогаются въ села и деревни, беанистуютъ, грабить мирное населеніе, отнимаютъ все, что только покажется имъ пригоднымъ для своихъ надобностей и, иль довершенье всего, при каждомъ наїете забираютъ мужское населеніе и уводятъ его въ горы.

Въ Порогахъ они угнали весь крестьянскій скотъ и увѣли съ собой въ горы болѣе 400 мужчинъ.

Въ с. **Раскольномъ** увѣли 140 человѣкъ. Была сдѣлана попытка наѣтъ на **Солотвину**, но въ это время подоспѣли наши козаки и прогнали грабителей. О предметахъ: продовольствіи, и говорить нечего: мародеры обираютъ каждый уголокъ дома, исе, что только

попадается подъ руку, забираютъ и уносятъ, и протестовать противъ этого не приходится изъ боязни поплатиться жизнью, какъ это и имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Однако, въ м. **Солотвину** они поплатились сами за свой безчинства.

Однажды польскіе стрѣльцы, не подозрѣвши близости козаковъ, порались въ селеніе и начали грабить и набивать жителей. Обѣ этомъ тотчасъ узнали козаки, которые и поспѣшили на выручку жителей. Стрѣльцы, испугавшись, не успѣли вѣсъ уѣхать, и многихъ изъ нихъ начали прятаться въ домахъ и оттуда сѣрѣять по козакамъ. Однако, поспѣвши непродолжительной перестрѣлки, они должны были уступить натиску козаковъ и часть ихъ сдалася, а часть погибла отъ пушкъ.

Мадыры совершенно не считаются съ вопросомъ о дѣйствительности симпатій населенія къ русскимъ. Во многихъ случаяхъ они убиваютъ людей, совершившо дѣлекихъ отъ-каихъ-либо политическихъ возвѣрѣй и только потому, что тѣ или протестовали противъ насилий, чинимыхъ надъ ними, или же не умѣли говорить по мадырски.

Борщевскій уѣздъ.

С. Волковцы. Възвладомицю 1914 г., въ августѣ мѣсяцѣ, начались аресты русскихъ людей въ Борщевскомъ уѣзѣ. Я бытъ въ то время со своимъ дѣлами въ уѣздномъ старостѣ, где одинъ изъ знакомыхъ чиновниковъ показалъ мнѣ телеграмму львовскаго намѣстничества, гласившую: „арестованы всѣхъ руссофильтъ, хотя бы только подозреваемыхъ.“

Въ виду скаго наступленія русскихъ войскъ австрійцы не успѣли арес-

товать всю интеллигенцію въ уѣзѣ. Пострадали только свящ. Куріловичъ изъ Воронецъ и его семья, состояніи изъ жены, двухъ сыновей и вѣти Богдана Драгомирецкаго, крою того свящ. Смольный изъ с. Пановецъ. Послѣдній служилъ оправдаться и бытъ отпущенъ на свободу.

Сильно потерпѣло крестынство въ Борщевскомъ уѣзѣ. Было арестовано иѣсколько десятковъ человѣкъ въ с.

Пановиць та Худиковиць. Арештованихъ отправили черезъ Станиславовъ на Венгрию. На пограничной ст. Ланочине бросились на нашъ эшелонъ, «украинскіе січовики» съ целью переколотъ неизвестныхъ, «измѣнниковъ», во благоударни энергіи скорты мы уѣхали.

Для лучшаго представлений того безправства, которое примѣнялось австрійскими властями въ Галичинѣ, слѣдуетъ рассказать характерный примеръ. Именно, въ сентябрь 1914 г. австрійский ландштурмъ жандармы отступили за Дубистръ на Буковину, гдѣ обнаружилъ надѣни командаованіе жандармскій офицеръ, румынъ Трубой. Однакожъ привели къ нему трехъ людей: итальянца, крестьянина, еврея и иѣзюго ресторатора, обвиненныхъ въ измѣнѣ.

Трубой бѣгъ допроса и суда скомандовалъ понѣсить несчастныхъ.

Подозреваемыхъ расстрѣливали гдѣ попадало, даже въ поѣздахъ.

Приведу второй, не менѣе ужасный случай, разсказанный монімъ братомъ, генераль-аудиторомъ Курковичемъ, членомъ военнаго трибунала въ Вѣнѣ.

Однакожъ — раскальывать братья — я напечаталъ на столѣ у себя въ канцеляріи обикновенную карточку, писанную карандашомъ. Это было рапортъ однаго изъ моихъ подчиненныхъ, въ которомъ онъ сообщалъ, что, перѣѣхавъ изъ Премышля въ Меджику, застрѣлилъ въ погонѣ второго класса опасности русофилъ.

Расстрѣльный былъ, конечно, русскій галичанинъ.

Н. М. Курковичъ.

Бродскій уѣздъ.

Я была арестована полицейскими агентами, который отвелъ меня въ пустой домъ мѣстного купца Розенталя, гдѣ уже находилось несколько человѣкъ изъ Бродска. Спали гдѣ кто могъ; выѣхѣ постѣни служили купеческой книги. Изъ дому увели меня полурадѣй. Такъ прошибѣлъ вѣдь дѣвъ недѣлю въ голодѣ и холода. Родные приносили теплую одежду и пищу, но не были къ намъ допущены карауломъ. Не оставалось ничего другого, кроме всегдашней надежды, что страданіи наши кончатся и меня отпустятъ на свободу.

Послѣ нѣжілого пребыванія въ бродской казармѣ отправлено всѣхъ арестованыхъ во Львовъ, гдѣ мадамы, проводятъ нашу партію цѣлый день, по городу отъ одной тюрьмы къ другой, помѣщаютъ насъ наконецъ въ тюрьму по улицѣ Баторія. Черезъ недѣлю мы были переведены въ «Бригадиц». Здѣсь при-

шлось мнѣ заботиться; у меня пошла носомъ кровь, почему меня и отправили въ городскую больницу, гдѣ и пролежала спокойно два мѣсяца. Оправившись немного, я вернулась обратно въ тюрьму, а отсюда уѣхала вѣдь съ другими русскими людьми изъ Талергофъ.

Анна Ф. Сушинская.

Въ Старыхъ Бродахъ былъ арестованъ упр. школы Чедарчука Василь. Въ Ганѣ Старобородскіхъ — Мартинюкъ Тимофей, Каминскіе Акимъ и Анна, Чорнобай Александра, Литвинъ Петръ, Кущета Николай, Шедрикъ Марія, Корибутъ Прасковія, Проказюкъ Ксения, Котельницкая Ксения, Рыжиланскій Петръ, Синготъ Иванъ, Кущета Антонъ. Въ с. Бучина были арестованы Чорний Стефанъ, Сѣчкарукъ Євдорій, Галадко Николай, Рудакевичъ Євдорій, Панкоецкий Стефанъ и Ковальчукъ Онуфрій.

Бучацький уѣздъ.

Въ газетѣ „Прикарпатская Русь“ (1915 г. № 1523) помѣщено списокъ русскихъ людей, арестованыхъ въ свое время австрійскими властями въ Бучацькому уѣзда. Въ самомъ гор. Бучацѣ были арестованы 15 человекъ, въ томъ числѣ дѣръ Ва. Ос. Могильницій і ції, егоже жене і синъ гимнізистъ, судья О. М. Костецкій і др.

Въ с. Нагоринѣ были арестованы 3 крестьянина, въ с. Медевѣдовѣцѣ о. Іоаннъ Ульвансікій, въ с. Новавелкѣ о. Ник. Красицій, въ с. Грорѣвѣ о. Ром. Копистинскій, пп. Озерянинъ о. Іоаннъ Андриашъ, въ с. Барішѣ о. Вас. Козловскій, въ с. Соморахахъ Новавелкѣ и Наропцѣ по одному крестьянину, въ с. Соколовѣ с. Н. Илевичъ, въ с. Дорунѣ учитель Г. Н. Задорожній и нѣсколько крестьянъ.

Домъ дѣра Могильницкаго въ Бучацѣ былъ сожженъ и срапненъ съ земли, причемъ даже каменные ограды вокругъ дома были разрушены и уничтожены до тла, а въ большому фруктовомъ саду не осталось ни одного дерева. Все было взорвано и унесено громилами.

Аресты „місновскихъ агентовъ“⁴.

„...Віасъкій вѣсти підприємни цій рядъ репресійнихъ і превенційнихъ середниківъ, які пропонують передонсій въ крещтановіи московськихъ агентівъ і шпіонівъ та

⁴ Продовження строки виїти изъ Української газети „Дів“, якотої була въ 1914 г. главною информаційною функцією австрійської поліції въ воєннихъ властяхъ. Підъ „московськими“ і вестр. воєннихъ властяхъ. Мельника запозичено відъ измѣрій і шпіоністівъ і поспѣхъ ареста вислано его въ Талергофъ, откуда онъ вернулся дому совершиенно болниакъ. 20 октября 1918 г.

Редакція „Львівськаго“.

и розвязанню русофільськихъ товариствъ. Середъ того арештовано такожъ чимало „старорусинів“ въ Бучачі й околиці. Въ першій мірі опинився підъ ключемъ австрій дѣръ Могильницій і ції.. Перенесена въ него въ дому строга ревізія мала дати такъ обтяжаючий і компрометуючий матеріалъ, що слідуючого дня арештовано такожъ дѣръ й жінка і сина. Разомъ зъ Могильницкимъ постигла однаково дому суди ю Костецкого і начальникомъ почти въ Нагорині Кисієвѣського... Попри сихъ головнихъ провідниківъ русофільського руху, чи радше зради і шпіонажу, арештовано рівношікъ кількохъ співчленій, о. Куванка въ Осіянії, о. Ульвансікого зъ Медевѣвцій та чимало місіївъ і селянъ. Въ тій мірі опонували власті зъ такою осторожністю і строгостю, що поспішили въ арешт люде, які ніколи не брали участі въ русофільськимъ житті, аїї паніть не були русофілами, а хіба оставали въ родинній виїзді въ попередно арештованими. Всіхъ арештованихъ вивезено на разі до Коломиї. Розвезено въ цій поїзді всі русофільські товариства...“

„Дів“ 1914 с. № 180.

С. Корлець. Нашого села не ми новала обиця сульба, постигла всѣ русській селеній въ Галичинѣ. Арестовано у насъ члена і основателя читальнії им. М. Качковскаго, крестьянина Панна Іва Мельника, 61-лѣтнього старичка.

Павелъ Илановичъ бувъ главнимъ первочѣмъ изъ нашихъ деревень і несмотря на то, что самъ бытъ неграмотны, много поработать надъ просвѣщеніемъ нашихъ молодежи. Мельника запозичено відъ измѣрій і шпіоністівъ і поспѣхъ ареста вислано его въ Талергофъ, откуда онъ вернулся дому совершиенно болниакъ. 20 октября 1918 г.

Василій М. Андришин.

Городецкий уездъ.

Городомъ. Корреспондентъ „Утра Россіи“ Мих. Ратовъ передаетъ разсказъ одного крестьянина изъ Города про ужасы, какіе творили австрійскій власти при приближеніи русскихъ:

„Вотъ видите, на этихъ деревенькахъ передъ окнами висѣли заподорбніе въ „руссофильствѣ“. Такъ прямо на деревенькахъ вѣшили. Сутки поинести, снимутъ — и другихъ на нихъ же вѣшаютъ. Много ужасовъ набрались. Здѣсь вотъ обноманная вѣтка. Повѣсили одного, обломилась, подтинули его позаше. А тутъ за угломъ учителя растрѣлили. Поставили къ стѣнѣ, а напротивъ 5 солдатъ съ ружьями. Дважды дали залпъ, хотѣли оно и упали... хотите посмотретьъ?“⁴¹

Попши. На стѣнѣ выбито нѣсколько дыръ отъ ружейныхъ пуль.

И трудно себѣ представить, что на этомъ самому мѣстѣ, гдѣ мы стоимъ, разыгралась такая ужасная трагедія. Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, со связанными назадъ руками, подожженными пунзами, свалился несчастный — по доносу шпиона.

А шпиона развезли австрійскій власти массу. На заборахъ, стѣнахъ — всюду висѣли обѣзьянки съ расцѣпками: за учителя — столько-то, за священника — столько-то, за крестьянина цѣна ниже и т. д.

И достаточно было одного голо- словного доноса, чтобы несчастныхъ скватили и бросили въ тюрьму либо предали казни.

Много страшныхъ вещей рассказывали напѣть хозинь...“⁴²

(„Прим. Руск.“, 1915, № 1521.)

Расправа.

(Сообщ. И. Н. Веека).

Послѣ сраженія у Краснаго австрійцы отступили за Львовъ на линію Городокъ-Яворовъ. Я стоялъ со взводомъ на деревенькѣ Подамаче, вблизи Городка. Два дня уже продолжался бой и положеніе австрійцевъ становилось все болѣе критическимъ. На третій день, когда мы, пользуясь временными затишьями, отдахали, привезли къ намъ нѣсколькихъ пленныхъ русскихъ солдатъ, а вмѣстѣ съ ними 60 мѣстныхъ крестьянъ и около 80 женщинъ и детей. Крестьяне оказались жителями селъ Чуцнева, Оттенгаузена и Подамача.

Миръ приказалъ конвоировать узниковъ. По дорогѣ я узнала отъ солдата-мадьяра, что арестованные ими крестьяне „руссофили“...

Миръ сдѣлалось страшно, хотя я и не знала, какая судьба ожидаетъ моихъ единомышленниковъ. По дорогѣ подошелъ къ одному крестьянину, сдѣловавшему старику скровозанесеннымъ отъ побоевъ лицомъ, какой-то еврей и со всего размахомъ ударили его въ лицо. Съ негодованіемъ я вспыхнула въ бешеватнаго крестьянина и оттолкнула еврея. Въ этомъ моемъ поступкѣ миръ пришлось вспомѣтій опровергнуть передъ чиномъ начальствомъ.

Наконецъ, мы пришли на мѣсто, которое я буду помнить до конца моей жизни. Чистое поле, на которомъ ворогъ однокаго дерева толпились солдаты. Тутъ-же стояла группа офицеровъ. Насмѣшки и крики, въ родѣ „русския собаки, наѣбники“, посыпались по адресу ожидающихъ своей участіи крестьянъ.

Видъ сѣдыхъ стариковъ, женщинъ съ грудными дѣтенышами на рукахъ и плачущихъ отъ страха, голода и усталости дѣтей, обѣзьянвшихся за одежду своихъ матерей, произоходилъ такое удручающее впечатлѣніе, что даже у одного изъ офицеровъ-ѣвреевъ покалывалась на глазахъ слеза. Стоявший рядомъ лейтенантъ, вспѣтивъ слезы у товарища, спросилъ: „Что съ тобой?“ Тотъ отвѣтилъ: „Ты думаешьъ, что эти люди виновны въ чемънибудь? Я уѣхѣренъ, что нѣтъ!“ Тогда лейтенантъ бѣзъ маѣтъ заминки сказалъ: „Вѣдѣ же это руссофили, а ихъ сѣдовало еще до войны вѣдь перешѣли!“

Однѣ изъ несчастныхъ, парень лѣтъ 18-ти, пробовалъ было бѣжать. Въ догонку послали ему пулю. Но его можно считать счастливымъ, потому, что остальныхъ ожидало еще худшее.

Мужчинъ отѣздили отъ женщинъ и дѣтей и выстроили по ряду вблизи деревни. Женщины же и дѣти поставили въ сторонѣ подъ карауломъ. Я ожидала, что ихъ будутъ судить.

Но... нѣсколько минутъ томительного ожиданія — и началась казнь...

Содѣять румыны подводятъ одного крестьянина за другимъ къ дереву, а втого солдатъ-мадьяра, добровольно плачутъ, вѣшать. Съ жертвами обращаются, самымъ нечеловѣческимъ образомъ. За-кладывая петлю, плачутъ бѣзъ ихъ изъ подбородка и изъ лица. До сихъ поръ я не въ состояніи говорить объ этой казни безъ содроганія. Достаточно будеть сказать, что всѣхъ вѣшали одной и той же петлей. По истеченіи пяти минутъ повѣшенному снимали и тутъ-же, по приказанію присутствовавшаго врача, прикладывали пыткомъ.

Женщинъ и дѣтей австрійцы заставили быть свидѣтелями страшной смерти.

Крестьяне умирали спокойно.

Трупы повѣшеннныхъ сложили въ общую могилу и срастили съ землей, чтобы отъ вея и сѣда не осталось.

Послѣ рассказанаго события меня отправили въ часть на Венгрію, где пришлось видѣть подобная же картины на Угорской Руси. Напр. изъ селъ Веречѣ, Берегового комитата, арестовано по доносу мѣстного еврея 78 крестьянъ, а расправа бѣзъ обычна — петля...

(„Прим. Руск.“, 1914 г. № 1422.)

С. Дубровиця. Жители села Дубровиця знали уже въ первыхъ днихъ мобилизаціи о предстоящихъ арестахъ русскихъ людей.

Сообщилъ объ этомъ своему приходчику о. Илья Лагодъ Левъ. Порохнавъ (погибъ на итальянскомъ фронѣ), взвѣтый на военную службу и определенный въ жандармскій отрядъ, стоявшій въ сосѣдней деревнѣ Ловину. Узнавъ случаино, что комендантъ получилъ приказъ изъ львовского штаба корпуса арестовать селянъ Лагоду, онъ, подвергнувшись самъ большой опасности, рѣшилъ предупредить о. Лагоду о грозящемъ ему арестѣ.

Однако, уже поздно было думать о бѣгствѣ. 14 августа явились на приходъ сема жандармы и приступили къ самому тщательному обыску, во время которого комендантъ, саркастически улыбаясь, сказала по польски: „Ишу царскаго портрета, рубль, винтовку и бомбы, ибо знаю, что русские все это привозили на аэропланахъ“.

Увидѣвъ портретъ Толстого, комендантъ весело обрадовалась и вязя его, какъ доказательство „государственной измѣны“.

Арестованъ былъ о. Лагоду, жандармы отвели его въ с. Ловину, где заперли его вмѣстѣ съ сельскимъ старостой Ва-

сияєм Цяпальомъ, ізь здані школи. Межу тѣмъ за стѣнъ ізь другої комінтої шелъ допросъ лікесіондѣтей-мазепинцевъ изъ с. Лозина и хѣсного сторожа, поимка Домарацкаго, изъ села Рокитна.

Послѣ обѣда отправлено обоихъ арестованныхъ подводой во Львовъ. По пути чутъ не растерзали ихъ отрядъ уважавшихъ въ Брюховичахъ солдатъ. Однако, главное было впереди. Переходъ черезъ предмѣстье Замарстиновъ, наткнулись на толпу, обкрадившую арестованныхъ каміни, а какою-то еврея ударилъ о. Лагоду по головѣ.

На мѣстѣ, въ военой львовской тюрьмѣ, прочно составленный въ Лозинѣ жандармомъ протоколъ въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что священникъ Лагодъ уговаривалъ военно-обвинявшихъ прихожанъ на исповѣди — не стрѣлять въ русскихъ.

Затѣмъ заперли свящ. Лагоду въ одиночную камеру, а послѣ 2-недельнаго заключенія отпрали съ транспортомъ земляковъ въ Талергофъ.

Въ день ареста свящ. Лагоды проходилъ житель с. Дубровиць Евстахій Кутній черезъ с. Брюховичи, который, услышавъ, что кучка мазепинцевъ злорадно разсуждаетъ обѣ арестѣ о. Лагоды, вступился съ ними въ споръ, за что сейчасъ тутъ же бѣль арестованъ и уведенъ въ далекій Терезінъ.

Подобная же участь постигла такжѣ и вѣсколькихъ другихъ русскихъ крестьянъ, изъ с. Дубровиць, причемъ часть изъ умерла въ заточеніи или отъ по-слѣдствія послѣдніго — уже дома.

Кромѣ того изъ львовскихъ „Бригадищъ“ бѣль поішъ Адамъ Мановскій, за то, что указалъ дорогу разбушевшому его казачему разг҃яду.

Послѣ возвращенія австрійцевъ въ 1915 г. былъ сдѣланъ доносъ, что цер-

ковъ въ Дубровицѣ сооружена на „московскіе руби“. Въ этомъ дѣлѣ допрашивали іѣскошкіхъ лицъ полковникои перемышльского штаба корпуса, послѣ чего бѣль присудѣнъ къ смертной казніи замѣстителю мѣстного сельского старости Якову Бѣлинку, однако, исполненіе приговора было затѣмъ отложено, такъ какъ Бѣлинка соскался на свое участіе въ усмиреніи боснійскаго мятежа изъ 1878 г., чѣмъ частично поколебалъ достовѣрность доноса, а затѣмъ уже при вторичномъ разг҃ядованіи успѣло совершение оправдатъ себѣ отъ этого неѣзды обвиненій.

Въ с. З-луки были разстрѣляны австрійцами 5 крестьянъ: Иванъ Коналъ, Иванъ Михайловичъ, Станиславъ Дахиоповичъ, Григорій Сіїда, Василій Стедицъ.

Въ с. Портъчи возѧлъ Янова: И. Байдару, Ф. Ільчиницъ, Н. Кроль С. Ізвѣтъ, М. Кроль и Ф. Оробій.

Въ с. Зушицахъ было арестовано 40ъ человѣкъ, 16 изъ которыхъ поѣхали въ Каменобродъ.

Въ с. Повѣтичъ австр. солдаты, загнавши ридъ жителей въ церкви и про-дергавши ихъ тамъ четверо сутокъ, отпрали ихъ послѣ тѣхъ Судовую Вишню, где ихъ спасли отъ смерти русскіе казаки.

Особенно же злобно относились австрійцы къ русскому населенію послѣ первыхъ сраженій, кончившихся побѣдою русскихъ войскъ. Всю свою злобу старались выместить на мирномъ населеніи края. Очевидцы рассказывали, что австрійцы, отступавши подъ нахмуромъ русской арміи, просто мѣтили свой путь отступленія побѣгненными русскими крестьянами. Снідѣтельствуетъ обѣ, тѣмъ, между прочимъ, сотрудникъ львовской газеты „Wick Nowy“, єхавшій изъ Городка во Львовъ уже послѣ отступле-

нія австрійцевъ и видѣвшій чутѣ-ли не на каждомъ придорожномъ деревѣ висѣвшихъ крестынъ..

Въ м. Гороціѣ, какъ сообщаетъ свящ. Осінъ Яворський, австрійцы поѣхали, уже поѣхѣ занятій русскими Львовомъ 14 мѣсяціемъ. Здѣсь же австрійцы разстрѣляли воята изъ села Н-и-е-в-а, однако, смерть невиннаго не удовлетворила еще кровожадныхъ австрійскихъ патріотовъ: мѣстные евреи австрійцы надругались надъ его трупомъ, закинувъ ему петлю на шею и волоча его по городу.

Въ числѣ арестованныхъ городецкихъ мѣщанъ были также отецъ и братъ мѣстного нашего писателя Д. Н. Вергунъ, Никона и Григорій Вергунки, причемъ дому ихъ было разрушено до основанія. Судью Крынницкаго австрійцы арестовали съ цѣлою семьей, но, отступивъ, отпустили его старушку-матъ съ внуками домой, а самого съ женой увезли на западъ.

(„Прин. Русь“, 1914 г. № 1428.)

Въ с. Великопольѣ было арестовано 70 крестьянъ, но во время случившагося пакъ-развѣя боя передъ домомъ разорвались прапоры, изъ виду чѣмъ австрійцы паруные разѣбались, такъ что смоглиѣхъзять и арестованіе.

Въ томъ-же селѣ законоли мадьяры Ивана Отѣліярика, П. Чабана (получилъ

восьмь колотыхъ ранъ, причемъ обѣ руки оказались у него переломленными), С. Бенду, В. Яцька, Марію Кметъ и В. Кмета.

На поляхъ Великополя законоли австрійце трехъ крестьянскихъ мальчиковъ изъ с. Малычъ. Отступая изъ Великополя, австрійцы захватили съ собой много мѣстныхъ жителей, въ томъ числѣ также шестнадцать 10—16 лѣтнихъ мальчиковъ и дівчинку. Всѣхъ ихъ освободили русскіи войска въ с. Галичанцѣ.

Въ м. Наменобрѣдѣ повѣсіли или разстрѣляли австрійцы 55 человѣкъ. Прибывающіи туда русскіи войска похоронили убитыхъ.

Въ с. Ставчанахъ были во время отступленія захвачены австрійцами мѣстные крестьяне М. Струмінскій, Р. Да-нилишинъ, Н. Яротъ, П. Кусінськъ, а также Н. Да-духъ, О. Тузиакъ и А. Рітера изъ с. Польонії. Въ томъ же селѣ австрійцы сожгли іїскошкіе деревни крестьянскихъ хатъ.

Въ м. Жашковичахъ былъ арестованъ (21 августа) студентъ В. А. Санрукъ, который затѣмъ былъ отпрашенъ въ Талергофъ. (В. А. былъ 27 июля 1915 г. зачисленъ въ армію и отправленъ на фронтъ. Примѣр. ред. „Т. Альм.“)

(„Прин. Русь“, 1914 г. № 1435.)

Гусятинскій уѣздъ.

С. Тудоровъ. Мои воспомінанія начинаются съ августа мѣсяца 1914 г. Однажды послѣ Богослуженій я вышелъ изъ церковной ограды и направился домой. Въолѣ волостной канцеляріи я увидѣлъ тегу, окруженнуу народомъ и австр. солдатами. Нехорошее предчувствие запечатлилось у меня въ душѣ.

Послѣднішъ къ себѣ въ домъ и позавтрахалъ. вышелъ я на дворъ, но тутъ уже встѣртися съ двуми жандармами, заявившими мнѣ, что будуть производить обыскъ. При обыске найдено окно пол-стата книжечекъ изд. О на им. М. Качковскаго, что и послужило причиной моего ареста.

Вначалѣ я думалъ, что конвойные отвезутъ меня въ уѣздное старство изъ Кончицинцахъ. Вскорѣ, однако, убѣдился, что дѣло не такъ скоро кончится, когда изъ Кончицинца почутили меня черезъ Сухоставы въ Чортковѣ. По дорогѣ пришлось не мало вытерпѣть, отъ проходящихъ войскъ, которыхъ при встрѣтѣ съ „російскимъ шпиономъ“ всячески старались показать свой „патріотиазъ“ и вымѣстить на немъ всю свою влобу.

Сухоставскій сельскій староста, ма-
зепинецъ, первымъ долгомъ испомнилъ
о „рубльяхъ“, за которые я будто бы
продалъ Австрію.

Я уѣщалъ себя единственno тѣмъ,
что зналъ судьбу постигла не только мени
одного, а и многихъ другихъ земляковъ,
что имѣтъ съ другими легче будеть
сложитъ голову во имя правды и мечты,
ваделланънъ гѣжаками.

Въ Чортковѣ подъ нѣчѣ отвели меня
на покозыть, где и встрѣтился съ свиц-
Ковчевъ, иль Лисовецъ, также аресто-
ванными по подозрѣнію въ „шпионствѣ“.

На слѣдующій день утромъ при-
были мы въ Таниславъ. Сначала по-
мѣстили насъ въ тюрьму „Дубровъ“, а
чезрѣ пѣсоколько часовъ перевели въ вое-
нную тюрьму.

Тутъ встрѣтились и со старыми ана-
комыми, о. Боднарукомъ изъ Братковецъ,
съ избыткомъ до полусмерти о. Бабемъ
изъ Товстобабы, о. Алпріаніемъ изъ
Оверинъ и о. Кульчицкимъ. Они сидѣли
уже пѣсоколько дней. Въ общемъ въ ка-
мерѣ № 44 было насеъ 14 человѣкъ, каш-
ковое число ежедневно увеличивалось. За исключеніемъ казеннаго хлѣба, пищу
покупали мы на собственныхъ деньги.
Ежедневно выплачивали насъ на $\frac{1}{2}$ часа
на прогулку изъ тюремнаго двора.

Съ распространеніемъ слуховъ о за-
нятии русскими войсками Нѣжинена, иль

тырьмъ пошли сгущаны приготовленія къ
высылкѣ узниковъ на западъ. Прежде
всего къ намъ перевели всѣхъ полити-
ческихъ изъ „Дубровъ“, между которы-
ми нашлись также знакомые, какъ о.
Кувыктъ изъ Оссовецъ, о. Богаченскій изъ
Говилова и родной мой братъ Емиліанъ.

Арестантъ, большей частыи инте-
ллигенты, мужчины и женщины разныхъ
возрастовъ, едва помѣстились въ тюрьмѣ,
заполнили же камеры. Число жильцовъ
нашей камеры увеличилось съ 14 до 100
человѣкъ.

Вечеромъ настъ, иль количествѣ из-
бысковыхъ сотъ человѣкъ, вынесли на
шоссе и, среди злойной браны и наѣвательства
со стороны собиравшейся толпы
и солдатъ, подъ градъ камней, отира-
вали на желѣзну дорогу.

шѣй нинѣ, умирали за любовь къ рус-
скому имени, къ своему народу.

Послѣ долгихъ мѣтарствъ, страда-
ний и принудительныхъ работъ въ Та-

лергофѣ, меня освободили въ мартѣ 1915 г.,
разбрѣшивъ мнѣ прожи-
вать подъ надзоромъ полиціи въ Вѣнѣ.

Сели. Феофіла Коневецкій.

Добромильскій уѣздъ.

Гор. Добромиль. Иль мѣстной рус-
ской интеллигенти не осталось изъ До-
бромиля къ началу войны почти никого.
Всобще арестовали австрійцы въ До-
бромиль 41 человека. Въ числѣ другихъ
были арестованы мѣстный настоятель
прихода о. Владимира Лисинкя, секретарь
городъ управы Петър Тѣханскій и адво-
катъ д-ръ Мирославъ Ільницкій. Ха-
рактерно, что тутъ-же было арестовано
также самъ уѣздный староста-полкъ
Іосифъ Линге за то, что будто бы спиши-
валъ иль принялъ на истребленіе „ру-
сифлагъ“ иль уѣздъ.

Вообще въ Добромильскомъ уѣзда, какъ вѣдѣ, не обошлось безъ
казней и разгрѣвовъ русского населе-
нія. Центральнѣй мѣстность для этихъ
казней было село Кузьминъ. Сюда
принесли арестованыхъ со всей окрест-
ности и заѣхъ же гнѣвали. Вѣйницы
были устроены очень просто. Въ стѣну
одного крестьянскаго дома вбили рядъ
желѣзныхъ крюковъ, на которыхъ затѣмъ
и гнѣвали несчастнаго жертвы. Въ общемъ
казнило вдѣль 30 человѣкъ, въ томъ
числь 20 изъ с. Бирчи.

Среди замученныхъ такимъ обра-
зомъ жертвъ удалось выигрѣвать иловатъ
четырехъ крестьянъ изъ с. Тро-
стянка — Кассіана Матвѣя, Евстахія
и Ивана Климовицкіхъ и пастуха Дулу.

Въ с. Краснинѣ застрѣлилъ
астр. офицеръ крестьянина Павла Ко-
ростенскаго за то, что тѣтъ не могъ
указать ему, куда пошли русскіе воїска.

„Птич. Русь“ 1914 г., № 1483.

С. Крецовъ. 11 августа 1914 г.
быть арестованъ въ с. Крецовѣ свящ.
Владимѣръ Венгриновичъ, который опи-
сываетъ свои переживанія слѣдующимъ
образомъ:

Послѣ предварительного трикрат-
наго обыска на приходѣ и въ церкви,
я очутился подъ арестомъ. Комиссаръ
уѣздного староста въ сопровожденіи
жандармовъ и солдатъ просмотрѣлъ всѣ
закоулки, перетрѣзъ всѣ церкви и ризы,
засѣмъ домашнюю библиотеку, сельскую
читальную, а даже погребъ псаломника
и лавочника Андрея Мицишина. Мнѣ
было объясено, что ищутъ російскій

флагъ, который будто бы былъ вымѣ-
шанъ изъ церкви въ день поминального
богослуженія по архіерою Фердинанду.
Во время обыска допрашивали также обѣ
изображеній Почаевской Богоматери,
которыми я будто бы надѣялся своимъ
приложаніемъ отправляющихся на войну.
Вымѣнило мнѣ въ вину также то, что
при дорожные стомбы указывали въ Кре-
цовѣ были покрашены въ зеленый цвѣтъ
съ золотыми надписями, что, по мнѣнію
представителей власти, включая въ себѣ
преступленіе государственной из-
мыны. Эти „вещественные доказатель-
ства“ были забраны вѣмѣстъ со мной въ
Синокъ. Въ мѣстномъ уѣздномъ старо-
стѣ допрашивали меня комиссаръ отно-
сительно моего „руссифлагъ“.

Считая себя русскимъ, я поднялъ въ про-
токолъ, что признаю культурное и на-
ціональное единство всего русскаго на-
рода, несмотря на политическую при-

надлежность отдельныхъ его частей къ разнымъ державамъ. Послѣ допроса я очутился въ тюрьмѣ, ожидалъ рѣшенья добромильскаго старосты. Добромильскій староста Линеѣ былъ противникомъ арестованій нашихъ людей, аниа великодушно, что причиной преслѣдованій являются не каки-нибудь изъ преступленій, а политическія соображенія административныхъ и военныхъ властей. Послѣ недѣльянаго вакханія и быть отпущенъ на свободу, а староста Линеѣ за свое человѣческое обращеніе съ населеніемъ былъ отданъ подъ судъ и долго просидѣлъ съ нашими людьми въ вѣнѣской тюрьмѣ.

Вторично я былъ арестованъ жандармомъ "украинцемъ" Онуферкою изъ Кривичъ подъ Перемышлемъ. Послѣдній увелъ меня изъ дома въ день Успенія Пр. Богородицы въ 6 ч. утра, не разрѣшивъ отслужить обѣдню и взять съ собою на дорогу иѣкоторыя книги и зонтики.

Въ полицейскомъ арестѣ изъ Пере-мышля сидѣлъ и вмѣстѣ съ иѣкимъ крестьяниномъ-погрѣбомъ изъ Пинкуличъ. Когда насы переносили въ тюрьму при окружномъ судѣ, онъ съ замѣтчикомъ настойчивою затребовалъ возвращеніе отобранныхъ у него книгъ и бюста Ивана Наумовича, взятыхъ въ его домѣ во время обѣзка. Дерка цвѣточницами такимъ образомъ свои драгоцѣнности крѣпко при груди упомянутый погрѣб перенесъ ихъ среди надувратной уличной толпы въ зданіе суда. Тотъ-же кресты ини-патрѣють умеръ отъ синагоги тифа въ Талергофѣ и быть погребены изъ одинъ день съ покойными Панюковскимъ и Галици и врачомъ Дорикомъ.

По пути въ Талергофѣ, наѣтъ поѣздъ задержался иѣкоторое время изъ Новомъ Санѣтѣ. Чемъ дѣлали находившіяся толпы съ препровожденіемъ изъ ссылки — трудно описать! Въ одномъ

вагонѣ со мной находился десятокъ священниковъ, а между ними престарѣлый о. Іосифъ Черкасскій, умерший позже въ Талергофѣ. Отецъ Іосифъ лежалъ на полу товарищаго вагона. Вдругъ вырываетъ въ вагонъ фельдфебель съ обиженной шашкой, бросается на лекающаго старика и заноситъ надъ его головой кабукомъ, угрожая размозгитъ голову. Охрана молчала, съ удовольствіемъ наблюдала вѣнѣскую картицу.

Въ одномъ изъ мѣстечекъ на Венгрии, когда стражи и большинство арестантовъ спали, и, проснувшись и улыбаясь, что ридомъ съ вагономъ продаются вино, попросилъ дежурного караулъя достать бутылку вина. Расплатившись за товаръ, я первымъ доложилъ угости дежурному. Вино развязало ему языкъ. Отвязываясь кругомъ, иѣгъ ли непронесенныхъ синдикетъ, содатикъ сказалъ мнѣ шлюпотомъ слѣдующее:

— Отче, я также русскій. Тяжело мнѣ смотрѣть на ваши мученія, тѣль боѣ, что самъ явлюсь невольничимъ участникомъ вашіхъ страданій. Но вамъ бы волосы дыбомъ стали, когда бы мы узнали тѣ инструкціи, которыми дали намъ изъ Львова наше начальство!

Возвратившись изъ маѣтѣсцѣ 1917 г. изъ Талергофа въ свой приходъ, я увидалъ о сѣдѣющихъ печальныхъ событіяхъ, постигшихъ двухъ монхъ прихожацъ. Именно, во время оккупации русскими войсками Галичини управляемыи креонинскими побѣтѣцами спирталиъ себѣ съѣдѣніе тѣлу помѣщицкимъ лопатѣ. При допросѣ, где спиртаны барския лошади, указывая кресты-янини Николай Конитко, 40 лѣтъ, родомъ изъ Лихай, ихъ мѣстонаходженіе. Когда-же русские отступили изъ Галичини, Конитка потынули передъ военный судъ изъ Синокъ, откуда онъ уже не вернулся боѣ, оставилъ дома жену и шестеро дѣтей. Оче-

видно, онъ былъ убитъ. Другой крестьянинъ, Петръ Ткачъ изъ с. Креонинской Волыни, вышелъ во время отступленія русскихъ въ поле — посмотретьъ на убитыхъ, причиненные переходящими войсками. Подоспѣвшіе австрійцы, замѣтивъ его, арестовали и вѣтъя повѣсили его на верѣбѣ при дорогѣ. Трупъ висѣлъ изъ продолженіе шести сутокъ.

Въ дѣлѣ недѣль постъ моего арестованія были арестованы и сосланы въ Талергофѣ мѣстная учительница Оксана М. Лисонская-Бедацкая и 15 крестьянъ. Селиц. Въ Венгрию.

С. Тарнава. Иѣзъ записокъ о. Г. А. Полянского. 7-го августа 1914 г. находился я съ женой въ винчукѣ въ селу вояйтѣ приходского дома, когда во дворѣ къ памѣтѣ забѣхалъ повоква съ жандармомъ въ четырехъ солдатами; черезъ иѣсколько минутъ постѣ нихъ явился также мѣстный вояйтѣ. Жандармы кратко заявили, что имѣтъ порученіе отъ уѣзжаго начальства произвести у меня тицаточный объѣсъ. Перерывъ вѣсъ комната, жандармы отобрали книгу разныхъ писемъ и опечатали ихъ приходской печатью, а вѣтъя отправились на чердакъ въ поискахъ за дальнѣшими уликами моей неблагонадежности. Къ великой своей радости они нашли на чердакѣ самодѣлочный глобусъ грубой работы и вѣтъя солдату вязть его въ уѣзжую старость, какъ доказательство "шпионской" работы. Затѣмъ вѣтъя мнѣ собрались въ дорогу.

Въ Добромильскѣ я былъ заключенъ въ одѣгальную, довольно чистую камору при мѣстномъ судѣ. Вътъ же и очутился на 41-омъ году служеніи церкви и народу. Избы чистую сорѣнѣ и сознавая свою правоту, и быть убѣждѣнъ, что причиной моего ареста явились мои влагады на национальное единство русскаго народа и та культурная работѣ,

которую я вѣль среди народа въ продолженіе своей жизни. Это успокаивало менѣ до иѣкоторой степени, но съ другой стороны, я сильно беспокоился за судьбу своихъ дѣтей и внуковъ. Такжѣ беспокоила менѣ мысль, какъ появѣстуетъ изгѣстіе о моемъ арестѣ на моего отца, 95-лѣтнаго старика-священника, и что сдѣляютъ власти съ моими четырьмя братами-священниками?

Утромъ я былъ вызванъ въ канцелярію суда для свиданія съ прѣѣхавшей женой. Жена передала мнѣ привезенную постель и бѣлье и сообщила, что разлука наша будетъ, по всей иѣвѣроятности, продолжительной, такъ какъ въ мої приходъ прѣѣхала уже замѣтитель — въ лицѣ добромильскаго законочитѣлена, назначеннаго на мое мѣсто временнаго настолтелемъ прихода. Видно, зналь епископъ, что я буду арестованъ, и заблаговременно назначилъ на мой опустѣвшій приходъ нового священника.

Въ добромильской тюрьмѣ обращались съ узниками по человѣчески. Въ частности мнѣ было разрѣшено читать книги и газеты. Въ Добромильѣ просидѣлъ я недѣло.

18 августа въ камору вонесли надзирателъ съ тѣмъ-же жандармомъ, который меня арестованъ, и вѣтъя мнѣ собирались для сѣдѣваній изъ Перемышля. На вонесеніе отставили меня изъ закрытой по избѣженіе изѣѣнѣтельствѣ съ стороны уличной толпы. Жандармы сѣѣть рядомъ со мною, а на ковѣахъ примѣстися солдатъ съ отпечатками у меня глобусомъ въ рукахъ. Вносающій уже рассказалъ мнѣ, что по городу ходила вѣсть, будто бы я начерталъ на томъ глобусѣ раздѣлъ Австро-Іапаніи.

Въ восемь часовъ вечера прѣѣхали мы изъ Перемышля. Въ канцеляріи военной тюрьмы фельдфебель отыскалъ у меня иѣкіе вещи, имѣвшіяся у менѣ въ карманѣ.

нхъ посыпъ чего вѣгѣль отвести меня въ камеру № 25, где уже находилось болѣе двадцати человѣкъ, почти все знакомы. Находилось здѣсь иѣзѣлько священниковъ, знакомый адвокатъ изъ Сиона, студенты Климъ и Грицикъ, помѣщикъ Товарницкій и др. И все время перемышльская военная тюрьма постепенно наполнялась все новыми, заподозрѣнными въ государственныхъ наимѣнѣ, русскими людьми со всѣхъ концовъ Галичинъ.

Хары были военные. Вначалѣ трудно приходилосьѣть, ибо не было ни ложки, ни ножа, и лишь со временемъ мы прѣбрѣли на свои деньги семь ложекъ, а посредствомъ цагана-арестанта добыли иѣзѣлько ножиковъ. Этотъ-же цаганъ снабжалъ заключенныхъ табакомъ, карандашами и бумагой. За отсутствіемъ спичекъ курильщики пользовались стеклами отъ очковъ для зажиганій папирою отъ солнечныхъ лучей. Во время прогулокъ во дворъ тюрьмы я встрѣчался со многими знакомыми и друзьями. На прогулку выводили вмѣстѣ съ нами также двухъ солдатъ, убившихъ въ Пикуничахъ еврейскую семью. Повидимому, настѣнко держали аѣзы, наравивъ съ простыми рабочими.

Немало удивился я, когда къ нашей компаніи присоединились также гѣлькощыхъ украинофизовъ, напр. свящ. Ив. Сорокиничъ изъ Йіїковичъ и адвокатъ, „украинскаго“ организатора изъ Мостискъ д-ра Л., который самъ искрено недумалъ по этому поводу:

— Представьте себѣ, и предсѣдатель однинадцати „украинскихъ“ общесть и организаторъ „Сѣчей“ въ Мостискомъ уѣзѣ — и мени дернули арестовать...

Однако, черезъ недѣлю его отпустили на свободу вмѣстѣ съ остальными, арестованными по недоразумѣнію, украинофизами.

Наконецъ я дождался допроса передъ

военнымъ судьей. Трижды вызывали меня туда, предъявляя мнѣ самыя неѣзѣль обвиненій. Всѣ вопросы военного аудитора сводились къ тому — „русофиль“ ли я?, а какъ доказательство этого становилось мнѣ въ вину то, что я состоялъ членомъ многихъ русскихъ просвѣтительныхъ и экономическихъ обществъ во Львовѣ. Также и азоволучный глобусъ являлсяѣзѣлью доказательствомъ моей виновности, хотя я и разъяснялъ судью, что онъ сдѣланъ мною для лучшаго и нагляднаго объясненія исторіи вѣтхаго завѣты своимъ прихожанамъ. Впрочемъ, въ концѣ концовъ судья, повидимому, уѣдѣлся въ моей невинности, ибо, когда впослѣдствіи посыпалъ на меня доносы со стороны двухъ моихъ прихожанъ, а затѣмъ еще доносы со стороны иѣзѣлько Ивашикевича, сдѣльшаго вмѣстѣ съ нами въ тюрьму, онъ не придавалъ имъ доносамъ большого значенія, и, послѣ краткаго допроса меня и свидѣтелей о. Максимовича и г. Товарницкаго, оставилъ меня уже подъ покровомъ. Тѣмъ не менѣе доноси Ивашикевича явился причиной моего заключенія въ одиночной камерѣ. Въ частности онъ, чтобы заслужить пріязнительность властей и добиться скорѣйшаго освобожденія, обвинилъ меня въ получении отъ русскаго правительства „рубленъ“, а также въ томъ, что я, подъ предлогомъ поѣздки къ моей сестрѣ въ Красностаѣ въ Россіи, имѣлъ какія-то подозрѣтельныя сношенія съ русскими военными властями.

Одиночная камера, въ которую я былъ теперь переведенъ, была куда удобнѣе комнаты № 25. Въ ней находились, кромеѣ парты, столы, скамейка и стулья, а главное, не было клоповъ. Проводилъ я время въ чтеніи, а также въ составленіи записокъ, которыя я писалъ обгорѣвшей синичкой и разжигаемымъ шоколадомъ.

Въ военной тюрьмѣ въ Перемышль проходилъ я въ общемъ 5 недѣль, въ томъ числѣ 3 недѣли въ одиночномъ заключеніи. Четыре недѣли караулили насъ солдаты, посѣдѣ чѣмъ сѣбѣнии львовскіе городовые. Послѣдній донесали намъ до крайности: каждыѣ 5-10 минутъ открывали глазокъ въ двери и заглядывали въ камеру; однѣ изъ нихъ, когда я молился, припала въ камеру и съ грубой руганью отнимали у меня молитвенникъ, если же я отѣхалъ или читалъ, явительно убѣщавъ меня молиться, такъ какъ это болѣе приличествуетъ мнѣ, какъ священнику, чѣмъ шпionство, которое вогъ привело меня въ тюрьму...

За дѣлъ недѣли до моего отѣханія Перемышль образовался у меня на ногѣ нарыхъ, въ виду чего меня отѣхали къ тюремному врачу, а тотъ перевелъ меня въ военный госпиталь для операций. Однако, дежурный военный врачъ, вѣбно смотрѣя меня глазами, присунулъ:

— Что? Пона, предателя, шпиона лѣчить? Ни за что въ сѣѣтъ! У меня довольно работы съ ранеными воинами-патріотами. Убѣриасъ воѣнъ! — И только на слѣдующий день я получилъ медицинскую помощь въ другомъ частномъ лазаретѣ саперовъ.

Послѣ этого оставаясь въ тюрьмѣ пришлось мнѣ уже недолго. 17-го сентября, во время обѣда, забыли тревогу. Были настѣжъ открыты всѣ камеры, и всѣмъ намъ, политическимъ арестантамъ, было приказано скорѣе собираться къ выѣзду изъ Перемышля. Въ тюрьму возвинило небывалое движение. Во дворѣ стали строиться: по главѣ духовенство, затѣмъ мірская интеллигенція, студенты, крестьяне, а въ концѣ эшелона — женщины-арестантки. Всѣхъ настѣнко было ссыпано въсмыслить чѣмѹльки. Между рядами

стать бѣгать незнакомый фельдфебель, нанося направо и налево удары по чѣмъ попадало. Я отѣхалъ легкѣй пощечиной. Больше всѣхъ попадали лицамъ полного тѣлосложенія. Увидѣвъ передъ собой священника изъ Куновскаго, Семенова и Р. Крушинскаго, бѣженца фельдфебель набросился на нихъ. Тогда о. Крушинскій сталъ звать на помощь, послѣ чего изъ капелларіи выѣхѣлъ офицеръ и запретилъ фельдфебелю быть насты. Побои прекратились, но зато усилилась отбѣгѣйшія брань. Тутъ уѣхѣ тѣрмные сторожа дальнѣо своему австрійскому „патріотизму“, такъ что у всѣхъ настѣнко, въ особенности у женщинъ, просто винули уши.

Послѣ провѣрки мы подошли подъ конвоемъ къ готовому уже побѣду. Я и священники Н. Миланчичъ, Е. Гомза, О. Сапрунъ, Р. Крушинскій, М. Растанецъ, А. Куновскій и др. вошли въ товарищій вагонъ. Въ общемъ помѣстилось настѣнко 36 человѣкъ, а на свободномъ мѣстѣ посерединѣ вагона размѣтилось пять караульнныхъ солдатъ-крестьянъ изъ аборсовкаго уѣзда; это были славнѣе и добрые люди, по уѣзжанію — наши единомышленники, всячески намъ помогавшіе и защищавшіе настѣнко въ пути отъ настѣнокъ и изѣдательствъ со стороны вѣтринной разъяренной толпы. Выѣхѣвъ изъ Перемышля, мы увидѣли вокругъ города сѣѣкъ оконъ и военныхъ укрѣблений, а также на гѣрько-жѣльѣ, изъ чего мы заключали, что русскіи войска находятся недалеко...

Куда настѣнко везли — мы не знали, и только далеко уже за Перемышлемъ увидали отъ караульнныхъ солдатъ, что настѣнко отправляютъ въ какой-то неизвѣстный, далекій Талергофъ...

Селиц. Генрихъ Полинскій.

Долинский уездъ.

Во время вторичного вторжения австрийцев въ долинскій уѣздъ, въ первой половинѣ октября 1914 г., были арестованы ими въ с. Княжому кѣ, по доносу мѣстныхъ малолицентъ, бѣ крестьянъ и одинъ крестьянинъ. Однѣ изъ арестованныхъ дали доносчику 100 коронъ и посѣкъ этого бѣзъ отпущенъ на свободу, всѣ же остальные были побѣглии изъ с. Вигодѣ, подъ мостомъ. Имена побѣглииныхъ: Матвѣй Петрикъ Иванъ Гайдукъ, Осипъ Фединикъ, Дорофей Сосиникъ и Елена Кондердь.

Двумя жандармами, полномочь Ходжой и "украинецемъ" Винникомъ, было предложено властимъ списокъ лицъ, которыхъ слѣдуетъ побѣглии. На первомъ мѣстѣ въ спискѣ стоялъ настоятель мѣстнаго прихода С. Т. Рудъ. Однако, въ виду прихода русскихъ войскъ, австрийцы

не успѣли исполнить своихъ замысловъ. („Прик. Русъ“, 1914 г., № 1493).

Въ г. Долинѣ австрийцами было сквачено крестьянинъ Иванъ Шимкононъ, которому, послѣ продолжительного допроса и издѣльствия, объяснили, что онъ приговаривается къ смертной казни за "предательство". Но затѣмъ, "сквалинили" предложили уплатить 100 коронъ (30 рублей) штрафа „за измѣну", и, "онъ" будетъ помилованъ⁴. Ко счастью Шимкона, у него нашлась требуемая сумма и онъ былъ отпущенъ. Одновѣды же его — Иванъ Гайдукъ, Елена Кондердь, Матвѣй Петрикъ, Дорофей Сосиникъ и Осипъ Фединикъ, по-видимому, не имѣвшіе въ своемъ распорѣженіи требуемой суммы, были вѣтъ побѣглии.

(„Львовский Вѣстникъ“).

Дрогобычскій уѣздъ.

Въ г. Дрогобычѣ арестовали австрийцы служащаго город. управы Степана Кушнѣра, городового Ивана Кушнѣра, ремесленника братьевъ Лесликовыхъ, мѣщанина Ихна и болѣе десятка другихъ русскихъ людей.

Въ с. Стебникѣ было арестованъ жандармами свящн. Петру Ив. Лавурук; онъ былъ затѣмъ отпущенъ въ Переѣши, где представлъ передъ военнымъ судомъ, но былъ оправданъ, причемъ судья сказалъ ему при освобожденіи: "Происходитъ что-то невозможное; съдится обвиненіе, а все основывается на единихъ силеніяхъ и должностяхъ, часто анонимныхъ, доносахъ". Впрочемъ, виноватъ оказалось, что жандармы арестовали о. Лавурука безъ какого бы то

ни было приказа, по собственному побуждению.

Тѣмъ не менѣе о. Лавурук остался недолго на свободѣ. Черезъ пѣсколько дней вторично явился къ нему жандармъ и, арестовавъ его, вывѣзъ вглубь Австрии. Вторичный арестъ послѣдовалъ послѣ доноса мѣстныхъ полковн., что о. Петръ распространяетъ православіе.

Кромѣ того тогда были арестованы: инженеръ Михаилъ А. Ивасенка, Петръ О. Сушкевичъ съ двумя сестрами и Иванъ Сушкевичъ. Послѣднаго арестовали за то, что во время обѣда наши членовитъ письма, въ которыхъ находились положенія: "Теперь деньги лягутъ ко мнѣ, какъ поробы", въ чёмъ жандармы усмотрѣли явное доказательство, что онъ получаетъ рубли.

Въ Стебникѣ же были арестованы дальнѣ: наемщикъ Степанъ Станица, рабочий Михаилъ Дмитровъ столяръ Иванъ Душинъ и сельскій староста Илья Дмитровъ; у послѣднаго забрали, какъ соргус delicti, икону сп. Николая. Крестьянинъ Матвѣй Хоминъ съ сыномъ былъ арестованъ по доносу позика, управляющаго народной школы, съ которымъ Хоминъ раньше судился. Подъ арестъ попалъ также помѣщикъ Терещкій, но онъ скучѣть добиться ослобожденія.

Всѣхъ арестованныхъ погнали ма- дыры за Карпаты.

Въ с. Уличномъ былъ арестованъ свящн. Антонъ Вербіцкий съ сыномъ гимназистомъ; хотя военный судъ и Перемышль оправдалъ обоихъ отъ всякихъ обвиненій, но по скромности премии они были арестованы вторично и высыпаны на вападѣ.

Въ Старомъ Кропивницкомъ были арестованы свящн. Скородинскій, гостиничный у него соѣзникъ намѣстничества Кокуриничъ и крестьянинъ Свиць.

Въ с. Унятичахъ были арестованы пѣсколько крестьянъ и помѣщикъ Антонъ Красильниковъ, а иль с. Нагувичахъ свящн. Михаилъ Единакъ.

(„Прик. Русъ“, 1914 г. № 1489).

4-го октября 1914 года ворвался австрийскій разъездъ изъ села Медведицѣ, Унятини и Попели. Въ Медведицѣ солдаты арестовали крестьянъ Н. Савника, ф. Гаприна и Марію Коновалъ и увезли ихъ съ собой. Въ с. Нагувичахъ солдаты арестовали крестьянъ Иль Конника и Алиу Дрогобычную, а иль с. Попедѣ пришли войта и всѣхъ ихъ поѣхали передъ хатой крестьянинъ Линюка.

(„Прик. Русъ“, 1914 г. № 1451)

Г. Дрогобычъ. Въ началѣ войны и служилъ подтиными инспекторомъ въ г. Полубежѣ, прогrob. уѣзда. За время съ 1 августа по 15 сентября 1914 г. было четыре раза арестовано по доносу мѣстными жандармами. Въ послѣдній разъ съѣдѣстие продолжалось двое сутокъ, но и все-таки былъ освобожденъ изъ-подъ ареста, благодаря, главнымъ образомъ, пахтмѣстру жандарміи Дайтвогу, прожившему нѣсколько въ Рулѣхъ, который лично поручился за меня и за мою "благодѣтельность". Темъ не менѣе и былъ поставленъ подъ надзоръ жандарміи, а затѣмъ мнѣ было приказано вынуждено вѣтъ изъ Дрогобыча. Жилъ и некоторое время въ Бѣль и Моравскомъ Преронѣ, а вернулся домой только въ августѣ 1915 г.

Но тутъ я опять былъ арестованъ по доносу мѣстныхъ "патріотонъ" и отправленъ изъ Перемышля передъ ночью полевой судъ, которымъ, однако, было окончательно оправданъ и возвратленъ въ своихъ правахъ.

Александръ Горніцкій.

С. Уличное. Утромъ 24 августа 1914 г. направился я въ церковь для епископіи богослужѣнія. Подъ церковью подошелъ ко мнѣ пахтмѣстъ, украинца-иностранца. Пастушина, съ приказомъ: — Вернитесь, отче, домой сойчастъ будеть у васъ обыскъ. Я уже посыпалъ за волтомъ и комендантъ жандарміи.

Послѣ краткаго препирательства пахтмѣстъ заставилъ меня вернуться на приходство, а неѣдѣть, затѣмъ явился туда и самъ въ сопровождѣніи войта и другого жандарма, тоже украинца-иностранца. Перегнали въхъ дноюшъ иконо-саду. Ночь разбрѣзали мнѣ еще переночевать дома, подъ падоиденіемъ остильшаго изъ комнатъ жандармовъ, и на сѣдній день, около десяти часъ утра,

Всёлились собираться въ путь. Подъѣхали подводы. На одной посадили меня съ сыномъ Иваномъ и дочерью Стефаніею, а на другой посадили гостившихъ у меня братьевъ Энгельмуда и Густава Ланговъ, какъ нашихъ сообщниковъ. Узнавъ по дорогѣ отъ жандармовъ, что мы отправляемся изъ Перемышля, я просилъ курировъ передать обѣ этомъ моей женѣ. Въ Нижнихъ Галяхъ мы сѣли въ поѣздъ, а вѣдь съ нами подъѣхали и жандармы. Изъ Банскунтицы подъѣхали наѣтъ отвѣти въ военную тюрьму въ Перемышль. Тутъ только было объясняено намъ, что мы арестованы. Явился солдатъ капраль, присталенный къ политическому арестантамъ. Оскѣдившись о моей фамилии и вѣдь принадлежности, сообщилъ намъ, что въ тюрьмѣ есть уже много крестьянъ и интеллигентовъ, въ частности священниковъ. Затѣмъ онъ попросилъ дежурного фельдфебеля допросить наѣтъ себѣстасъ, что особенности моей дочки, чтобы дать ей возможность вернуться скорѣе домой, гдѣ осталась большая, стѣпная мать, моя жена. Понимому, фельдфебель долженъ обѣ этомъ въ капраицѣ, ибо немного спустя выѣзжали наѣтъ передъ воинскимъ судомъ.

Стоимъ въ коридорѣ. Тутъ находилась также какая-то еврейка изъ подъ Іѣлска, вызванная въ качествѣ свидѣтельницы противъ этого крестьянина, который потребовалъ въ ея извѣчной нюхательной махорки, а на вопросъ, почему онъ не беретъ австрійскаго табаку, отвѣтилъ, что русскій табакъ лучше, чѣмъ и явилось причиной преданія его военному суду за „руссофильство“.

Судѣй-аудиторъ вызвалъ къ допросу прежде всего нашего жандарма Бринса; черезъ четверть часа онъ вышелъ въ коридоръ и со смущеннымъ видомъ сказалъ мнѣ: — „Кажется, вѣсѣтъ,

пустить себѣстасъ на свободу“. Послѣ этого позвали къ судѣ мени, причемъ было разг҃блено войти въ комнату также и моимъ дѣткамъ. Допросивъ меня, заявилъ аудиторъ, что не находить въ мной никакой вины, а потому отпускаетъ наѣтъ на свободу. Счастливые, что освободились изъ тюрьмы, мы возратились домой.

Однако, уже 28-го августа явился къ намъ вторично командантъ Бринъ и приказалъ мнѣ съ сыномъѣхать вѣдь съ нимъ въ Дрогобичъ, будто бы для совѣтстваго представления уѣздному старостѣ оправдательныхъ бумагъ изъ перемышльского военнаго суда. На этотъ разъ дочь осталась дома. Сопровождавшіе наѣтъ жандармы были безъ штыковъ, такъ что мы действительно не заходили въ нашу поѣздкѣ никакой опасности.

Въ Дрогобичѣ жандармы, миновать уѣздное старство, направили наѣтъ въ зданіе уѣзднаго суда, гдѣ заключили всѣхъ наѣтъ въ тюрьму (меня съ сыномъ и обоихъ Ланговъ). Тутъ только почувствовали мы свое бесѣдѣе противъ прокурора. Въ тюрьмѣ сидѣло уже пѣсколько священниковъ, напр. о. Отто и о. Ендакъ, много крестьянъ, дрогобичскихъ мѣщанъ, крестьянский поэтъ Федоричка и другие. Нашего кучера отправили жандармами домой, скажавъ ему, что въ тюрьму наѣтъ не выпустятъ скоро. Не помогли старанія моихъ адвокатовъ, представлявшихъ политическими властямъ, что и оправдали военнымъ судомъ, слѣдѣтельно — невиновенъ. Черезъ некоторое время, когда русская армія приближалась къ Дрогобичу, наѣтъ выѣзжалъ на жгучую дорогу и отправили на западъ. На станціи Мишана Нижнѧя собралось войскъ нашихъ вагоновъ много жандармовъ и солдатъ, чтобы посмотреть на

„руссифилють измѣнниковъ“. Къ открытию вагону подошелъ также какой-то офицеръ и вѣдь съ карбурульнымъ поставть меня въ дверяхъ вагона, чтобы людимъ лучше было видно „пона-предателъ“, причемъ началь мени быть по головѣ, а жандармовъ стали таинить мени за руки изъ вагона, угрожая тутъ же на фонварѣ повѣсить; держася за смертельный страхъ за жандармскую перекладину вагона, и потерять сознаніе, но къ счастью, крестьяне Федоричка и Низовыи, лѣханіе вѣдь съ мной, схватили меня за ноги и на силу вырвали изъ рукъ озѣбрѣвшихъ людей. Пришелъ и вѣсѣтъ только въ Вадовицахъ, гдѣ наѣтъ согнали съ поѣзда и разѣбѣли въ тюрьму при окружномъ судѣ. Обращеніе съ наѣтъ тюремщикомъ было ужасное. „Ничего не помогали также и жалобы, которыя представляли покойный о. Сенникъ предсѣдателю суда. По истеченіи двухъ недѣль наѣтъ выѣзжалъ черезъ Вину и Семеринъ въ Талергофъ.

Сели. Мишана Бервицкій 17.

Крестовый путь.

(Сообщеніе сестр. I. R. Винницкаго).

Наѣтъ выѣзжалъ изъ камеры дрогобичской тюрьмы для сѣдѣданій на вокзалѣ. Камеры, предназначенные для четырехъ, имѣли по двадцати и больше человѣкъ, такъ что мы были ради, увидѣніемъ сѣѣть и вздохнути слѣдѣмъ воздухомъ. Подъ воротами тюрьмы стояла уже заражай предупрежденіемъ толпа и неистово ревѣла: „смерть измѣнникамъ!“, причемъ сразу же посыпалась на наши головы градъ камней; затѣмъ запруженная народомъ улица вскорѣнѣлась, подалась немножко назадъ, и пропустить наѣтъ, окруженнѣемъ значительнымъ конвоемъ, впередъ, двину-

лась всѣдѣть за нами по направлѣнію вокзалу. Здѣсь мы немного отдохнули за жандармской рѣшѣткой, но ненадолго, такъ какъ нѣкоторые изъ дрогобичскихъ измѣнниковъ, неспѣ службу въ же- дорожной милиціи, обкладывали наѣтъ прикладами и кулаками. Понадало намъ также отъ бѣгуній съ фронта солдатъ, пристававшихъ на каждомъ шагу къ интернированнымъ. Къ студенту Вербицкому подошелъ офицеръ и, со словами: „почему смотришь на менѣ?“, ударили его по головѣ. Мы съ минуты на минуту ждали, что вѣтъ-вѣтъ солдаты бросятся на наѣтъ и изобѣгать или даже поубивать наѣтъ всѣхъ. Къ счастью, начальникъ конвой, дрогобичскій еврей, успѣлъ во время посадить наѣтъ въ вагоны, причемъ ему пришлось съ револьверомъ въ рукахъ защищать наѣтъ отъ разъяренной толпы.

Неимовѣрно тяжелымъ оказался наѣтъ перехода изъ Руманіи въ Вадовица. Попутно польское и еврейское населеніе, наускивавшее жандармовъ и солдатъ, бросалось на каждой станціи на наши вагоны, на которыхъ находились провокационныи надписи: „jада здрајусъ“, — а даже кое-кто изъ болѣе ретивыхъ врывался въ самые вагоны, наносилъ намъ оскорблѣнія словомъ и дѣйствіемъ. Были также попытки со стороны нападающихъ вызвать у бѣгуній солдатъ, пристававшихъ къ ридомъ сидѣвшимъ интеллигентамъ, въ частности къ духовенству. Хуже всего приходилось намъ, когда въ вагоны выѣзжали офицеры. Тѣ били нагайками всѣхъ, безъ разбора. Двое изъ бѣгуній въ вагоны, отъ постінаго искуста и побои, сошо съ ума, а дѣлица Н. въ полуспомѣшательствѣ пытались даже удавиться платкомъ.

Наконецъ, поѣтъ продолжительного

и тяжелого пути (съ 2—18 сентября), мы очутились ночью из Abtissendorf-ъ подъ Талергофом. Тутъ окружили насы солдатъ, подъ конвоемъ которыхъ, среди новыхъ избѣгательствъ и побоевъ, до-

Жидачевский уѣздъ.

Въ с. Устьи надъ Дѣбетромъ, ворвавшись въ село австрійцы унесли 10 человѣкъ крестьянъ (две мужчины и по-семь женщинъ) и въ продолженіе двухъ дней зѣбрскіи изѣбѣвались надъ ними. Арестованнныхъ настолько, спрашивали — русскіи ли они, или же поляки, причемъ крестъ Федора Горака, называвшаго себѣ русскіи, отобрали и тутъ же убили. Опасаясь судьбы несчастнаго Горака, арестованные женщины заявили, что они польки, послѣ чего имъ было приказано молчать попольски. Польскую молитву знала только одна изъ нихъ, и ее отпустили домой, остальныхъ же позари съ собой и во время сраженій держали позади боевой линии. Напоръ русскихъ войскъ со стороны Дорогоніка заставилъ австрійцевъ бѣжать, чтобъ спасло арестованныхъ отъ неминуемой смерти.

Въ своей неподвижности къ русскому населенію австрійцы подъзирались также и провокацией. Напр. въ с. Тернавѣ понималась какая-то женщина и прописалась къ крестьянамъ изъ ночи. Ее пріютилъ А. Каминскій. Утромъ поспѣшила напасть въ комнатѣ 3-рубльеву, а пѣтъ часъ поспѣшного униска хандары и арестованъ Каминскаго, какъ опасного шпиона. Доказательствомъ послужила русская ассигнація.

Неизѣбѣтная женщина дѣлала оставалась въ селѣ на свободѣ, но ей никто уже не позволялъ посещать въ своемъ домѣ.

Какъ относились къ этимъ изѣбѣтельствамъ и арестамъ галицкіе «укра-

ини», можно видѣть изъ слѣдующихъ фактъ:

Въ с. Дубравку чѣско-словенскому разъ-заѣжалъ благочинный Березовскій (у-крайнофель) изъ Лиховичъ Зарѣчныхъ, разспрашивалъ крестьянъ, о чѣмъ говорятъ имъ спящіи (руссіи), въ частности же, не распространяется ли онъ среди нихъ «руссофильства»?

Въ с. Яхозчахъ Подорожныхъ арестованы крестьяне по указаніямъ железнодорожнаго кондуктора изъ Стрия, «украинца» В. Найды, который за освобожденіе изъ-подъ ареста бралъ отъ крестьянъ 10-20 коронъ. Освобожденныхъ записывали Найды за такую-же плату «на Украину», украинъ темнѣй народъ, что только эти записанные останутся на свободѣ и на безопасности.

(«Прак. Русъ», 1914, № 1478.)

И былъ арестованъ 7 августа 1914 г. ит. с. Великой Волѣ, посѣлъ Николаевна надъ Дѣбетромъ, за то, что будто-бы и давалъ сигналы русскимъ войскамъ, когда австрійцы подходили къ г. Калинушъ ит. Польшъ. После обласка меня перенесли въ тюрму ит. Николаевѣ, а потому въ Стрия, Вадоница, St Micholi въ Ка-ринтии и, наконецъ, въ Талергофъ. До 14 марта 1916 г. и сидѣла въ Талергофѣ, затѣмъ меня зачислили на военную службу ит. Гранцъ, а черезъ дѣб недѣли отправили на итальянскій фронтъ. Послѣ контузіи и была придана къ рабочую дружину.

Северинъ Сем. Павловой, ст. студ. юрида, факульт.

Жолковскій уѣздъ.

С. Нагорцы. Настоятель прихода въ с. Нагорцахъ, о. Набакъ, возвращавшійся 31 н. ст. августа 1914 г., выѣхѣлъ со своимъ псаломщикомъ и его дочерью, изъ Могилевъ въ Нагорцы, быть на дорогѣ задержанъ австрійскимъ разг҃ѣдомъ. Солдаты приказали привести себѣ изъ Нагорцы. Всѣ трое проподѣли солдатъ до самаго села. Передъ соломъ-солдаты остановились и, обращаясь къ о. Набаку со словами: «Твоя служба кончена!», занесли ему глаза, призвали къ дереву и разстрѣляли. Затѣмъ солдаты хотѣли занять глаза псаломщику. Дочь посѣдѣвшія бросилась передъ ними на колени и, рыдая, умоляла пазачѣ не убивать ея отца и не дѣлать еї кругой стрѣлѣ. Тогда эти зѣбры со смѣхомъ, тутъ-же, на глазахъ отца, застрѣляли въ ес. Очерьѣ пришла за псаломщикомъ. Онъ не дѣлъ заявлять себѣ глаза, говори: «Я видѣть смерть моего сына-шпиона и моей дочери, не боюсь и своей смерти!». Тогда солдаты бросились на него со штыками. Онъ получать семь ранъ, но ни одна изъ нихъ не оказалась смертельной. Постѣ спащеніи расправы съ непинимыми людьми, разг҃ѣдники уѣздили, но подъ угрозой смерти запретили крестьянамъ хоронить спящінника. Попытавъ четыре дня лежалъ трупъ спящінника на поляѣ, и только на пятый день, подъ разгромомъ австрійцевъ русскими войсками, когда въ деревню приѣхалъ православный польской спящінникъ, онъ хоронилъ эту жертву австрійскихъ наездовъ.

Въ с. Баттичахъ австрійцы убили одного крестьянина, а въ с. Рѣчкахъ воѣдили крестьянку Пороновичъ за то, что она, узнавъ въ Угновѣ о приближеніи русской арміи, сказала объ этомъ сбояхъ.

Въ томъ-же селѣ австрійцы понѣли 18-го сентября войта въ с. Колодна.

спомыть сосѣдимъ. Ее пытали на улицѣ, избили до крови, а затѣмъ вывели за село и понѣсили. Приѣждавшую за ней сосѣдку, просившую содѣять не убивать несчастной женщины, она повѣсила тоже. («Прак. Русъ», 1914 г. № 1432.)

Въ Угновѣ, куда уже 15 сентябрь забыли казачій разг҃ѣдомъ, явились на слѣдующій день австрійскіе драгуны и арестовали старика-войта за то, что онъ, вмѣстѣ съ другими оставши, миши въ деревни стариками-крестьянами и женщинами, „не прогнанъ казакъ изъ села“. Его связали, избили до крови

Арестованые ит. с. Мядошина: о. Антонъ Жолковенскій, Дмитрій Даѣхъ и Степанъ Вутлеръ.

и положили на възъ. То-же самое слѣдилъ затѣмъ съ его женою и дочерью. Осталась только 85-лѣтняя старуха, мать войта. Избита и окровавленный войтъ попросилъ ее подать ему воды. Мать выпесла стаканъ воды, но драгуны не позволили дать ее сыну. Съ крикомъ: „Ты смыть подавай еще москалю воду!“ они набросились на старуху, связали ее тоже и забрали вмѣстѣ съ остальными сбояхъ.

С. Вел. Передимъхъ. 1. Федоръ Махницкій былъ арестованъ жандармами 4 августа 1914 г. Послѣднаго заключенія въ Жолквѣ онъ былъ переведенъ во Львовъ въ тюрму „Бригидки“, а отсюда высланъ въ Талергофъ 1 сентября 1914 г. Освобожденъ 29 февраля 1917 г.

2. Алексѣй Лесникъ, вольтъ, былъ арестованъ мадьярскимъ офицеромъ 6-го августа. Вмѣстѣ съ Махницкимъ былъ отправленъ во Львовъ и Талергофъ, где умеръ 15 февраля 1915 г.

3. Корнѣй Лесникъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Лесникомъ и высланъ въ Талергофъ. Вернулся домой больной и умеръ 15 декабря 1918 г.

4. Алексѣй Гамаль былъ арестованъ жандармами 16 августа, по доносу бѣреа Сидѣръ изъ Жолкви, по Львовѣ, отсюда былъ высланъ 28 августа въ Теребеніштадтъ, а 15 мая 1915 г. переведенъ въ Талергофъ. Освобожденный 12-го июня 1915 г., жилъ нѣсколько днѣвъ въ Гміндѣ, откуда отправился въ Вину на работы при жея дорогѣ. Послѣ возвращенія домой 12-го июня 1916 г. былъ взятъ на военную службу.

Здѣсь же были убиты мадьярами: Григорій Савицкій, Илья Сало, Михаилъ Гр. Лесникъ, Алексѣй Коваль и Екатерина Валіко, а ранено около 10 человѣкъ.

Алексѣй Поврзникъ былъ арестованъ мадьярами и отправленъ во Львовъ подъ военный судъ, но затѣмъ былъ отпущенъ ненавѣстнымъ офицеромъ — чехомъ на свободу.

Во время болѣе 2 сент. 1914 г. согрѣла половина школы и цѣлой и была разбита мадьярами церкви.

Въ 1915 г., во время отступленія русской арміи, жители Передимъхъ, опасаясь участія убийства и арестованыхъ односельчанъ, оставили свои хозяй-

ства и уѣхали изъ Россіи (95 семействъ). Въ сегдѣ осталось всего 5 семействъ. Въ 1918 г. эти бѣженцы вернулись домой, но далеко не всѣ, такъ какъ многие умерли въ пути, а другіе уже дома отъ разныхъ эпидемій.

Крестъ Алексѣй Гамаль.

Въ с. Даѣболяхъ однѣмъ изъ мадьяръ былъ раненъ пѣтымъ „подвернувшись“ подъ руку крестильнику Алексѣй Коваль; истекла кровью, несчастный собралъ всѣ сисы и поползъ изъ свою хату, но едва онъ скрылся за дверью, какъ толпа солдатъ заперла дверь и подожгла домъ. Козакъ егеръ подъ развалинами своего дома.

Въ томъ же самомъ сегдѣ много народа погибло только за то, что не научились говорить по-іѣменски. Въ другой разъ тамъ же мадьяры, найдя семью Іллесковыхъ спрятавшуюся отъ пуль изъ нихъ во время обстрѣла, начали колоть ее пѣтымъ. Илья 5 душъ раненыхъ одинъ, мальчикъ 9 лѣтъ, скончался. Точно за такую же провинность было убить и крестъ. Петръ Поврзникъ.

Въ с. Нагордцахъ мадьяры во время отступленія схватили по дорогѣ крестильянъ Трофима Мартини и Антона Максимова и повели ихъ въ с. Мервачи, но потому имъ надобно возвратиться съ задержанными и они ихъ тамъ же въ погонѣ прикончили.

Отъ руки палачей погибъ и на горинскій священникъ Набакъ, который, ничего не подозрѣвая о присутствіи мадьяръ, возвращалась къ себѣ домой, въ с. Нагордцы, изъ сосѣднаго мѣстечка Могилынъ. По дорогѣ его остановили мадьяры, долго пытали, а потомъ застрѣлили и тѣло бросили на дорогу. Лишь спустя пѣкоторое время не-

частнаго нашли со связанными руками, залитыми глазами и пѣсколькими ранами.

Въ сбѣднемъ **м. Нулиновѣ** мадьяры ранили 19 и убили 24 крестильянъ. Дѣтельны помогали въ этомъ мадьярамъ и австрійскіе полиціянты. Въ с. **Липовицѣ** жандармъ произѣдалъ, что крестильяны произнесъ глѣ-то фразу: „какъ бы пришли москали, то не было бы тутъ тогда воли хидамъ и полкамъ“¹. Жандармъ явился къ крестильнику, арестовалъ его, продержалъ подъ стражей пѣчные сутки, а потому вынесъ изъ огорода и застрѣлилъ. Все это было продѣлано съ возмутительнымъ хладнокровіемъ, точно вопросъ занялся не въ юридической жизни, а въ какой-нибудь игрѣ.

(„Ірак. Русь“, 1914, № 1611.)

С. Сулимовѣ. Въ Сулимовѣ первыи шагъ жертвой австрійскаго произвола мѣстный настоітель прихода о. Сайба Георг. Кміцикевичъ. Во время карманного обѣзѣа жандармы отобрали у него все деньги, первочинный костелъ, пеисно и другіе мелочи и отвезли его 3 августа изъ Жолкви, а по истеченіи недѣли во Львовъ, где помѣстили въ тюрмѣ „Бригидки“.

16 августа пригнали изъ Жолкви новый транспортъ арестованыхъ, въ которомъ находились студенты Ярославъ Сав. Кміцикевичъ и Федоръ Демковъ, учитель Василій Паночко, письмоносецъ Михаилъ Лонкѣ, изъ села „Русск. Дружинъ“ Павелъ Палайды и крестъ Илья Бандикъ, Семенъ Скамай и Данилъ Пѣвчінський, всѣ изъ Сулимина. Эсака Палайду опоясали жандармы трехцѣпными лентами и таны, подгоняя прикладами, вели изъ Жолкви во Львовъ.

Всѣ попали въ тюрму по доносу сулимишскаго учителя „українца“ Ильи Шертица. Доказательствомъ сего можетъ послужить сдѣланій факѣтъ: Вмѣстѣ съ другими были первоначально арестованы также сельскій староста Степанъ Нарембкѣ и писарь Петръ Кузьмакъ, по учителю Шертило, узнавъ объ арестѣ своихъ однодышенниковъ и родныхъ — Нарембкѣ и Кузьмакѣ, поспѣшилъ имъ на выручку. Послѣ краткой конференціи съ командицомъ жандармѣй, послѣдній послалъ жандарма въ Сулимишъ, приказавъ ему: „Idz rgrugrowadz supa rora“². Когда привезли Ярослава Сав. Кміцикевича и Вас. Паночку, сейчасъ же отпустили Нарембкѣ и Кузьмака.

Когда у саян. С. Г. Кміцикевича не стало чистаго бѣла, онъ написалъ объ этомъ изъ тюрмы домой. Черезъ пѣсколько днѣвъ привезъ ему такое мальчики — гімназисты — сынъ Богданъ и его тоницца Евст. Зваричъ и Иванъ Демковъ; на сдѣланій день, послѣ получения пропусковъ отъ военныхъ властей, мальчики направились обратно въ дорогу, но домой вернуться имъ не сумѣлосъ. Въ с. Жедотичахъ арестованъ изъ австрійскаго офицера, и, избѣгъ изъ кандалахъ отправился во Львовъ, откуда они вмѣстѣ съ другими были высланы изъ первыхъ днѣвъ сентября въ Талергофъ.

Но на этомъ не кончились еще ихъ злоключеніемъ: въ добавокъ они попали еще подъ военный судъ. Дѣло въ томъ, что при задержаніи ихъ въ Жедотичахъ былъ найденъ при нихъ стаканъ съ карасьбадской солью, кущеній по порученію больной матери. Подъ предлогомъ, что мальчики имѣютъ при себѣ динамітъ, они были тогда арестованы, а затѣмъ, уже изъ Талергофа,

поставлены передъ военный судъ въ Грацѣ, на которомъ были, конечно, оправданы, но, тѣмъ не менѣе, опять-таки водвѣнены обратно въ Талергофъ.

Въ 1915 году былъ призванъ въ армію Ярославъ Кимницкійчъ, а въ 1917 г. и младшій его братъ Богданъ. Оба были отправлены изъ Талергофа прямо на итальянскій фронтъ, где они со временем пошли въ пѣхоту въ Италию, а потому изъ Италии перебрахъ

Заліщицький уѣздъ.

С Зазулинцы. Меня арестовали въ 1915 г. по подозрѣнію въ шпионствѣ, по доносу мѣстного войта Максима Бурденко. Свидѣтельствовалъ противъ мене также двѣ бабы изъ с. Синькова и нѣсколько мѣстныхъ крестьянъ, причемъ въ вознагражденіе за эти показанія получили бабы отъ австрійскихъ военныхъ властей нѣсколько сотъ коронъ, а войтъ М. Бурденко — золотую медаль.

Благодаря ходатайству здешнего помощника д-ра Винницкого, я был отпущен из Станиславов, а оттуда вынесен, послѣ 2-недѣльного заключенія, въ Талергофъ. Въ мартѣ 1918 г. я былъ выпущенъ на свободу и получивъ разрешеніе жить подъ надзоромъ полиціи St. Peter am Offersbachе, искрѣ

Збаражскій уѣздъ.

Въ 1914 г. были арестованы австрийцами и сосланы въ Талергофъ:

С. Кошлики: 1) Свящ. Феофил Луцкъ, арестов. 15/8 1914 г., освобождены русскими войсками по завершении Тарнополья 23/8 1914 г.; 2) Павел Як. Берекета, арестов. 18/8 1914 г.,

изъ Россію, где мѣнѣй изъ нихъ, Богданъ, погибъ въ рд. Добровольцъ. Армія. Вернувшись въ 1917 г. изъ Талергофъ въ родное село суплионцы нашли однѣ только пустыни египт., такъ, какъ почти всѣ жители, боясь австро-турецкой расправы, ушли вѣтъ съ отступающими русскими войсками въ Россію, а все оставленное ими имущество было до та разграблено или уничтожено своими и чужими хищниками.

однако, былъ призванъ въ армію и отправленъ на фронтъ въ качествѣ простого солдата.

Кромъ того были сосланы въ Талергофъ слѣдующіе жители с. Вазулинецъ:
1) мой отецъ свящ. Кирилл М. Дольницкий;

2) Оома Ткачикъ (умеръ въ Талергофѣ);
3) Антонъ И. Нагоринскій изъ Бучача.

, что О. Ткачукъ былъ избранъ на постъ начальника властями въ 1914 г. и оставался имъ старостой, когда въ 1916 г. въ селѣ Дибѣстръ, онъ былъ арестованъ по доносу на него сына.

къ Талергофъ просидѣлъ до 1/10 1915 г.,
затѣмъ былъ взятъ на военную службу; 3)
3) Михаилъ Ст. Щевчукъ, арестов.
15/8 1914 г., умеръ отъ тифа въ
Талергофѣ 3/6 1915 г.; 4) Михаилъ
Ник. Сыкора, арестов. 15/8 1914 г., до
1/10 1915 г. просидѣлъ въ Талергофѣ,

С. Счастливка: Иванъ Шарый, арестованъ 8/8 1914 г., убитъ въ Таганрогѣ 1915 г.

С. Пальчицы: 1) Казимир Андреасович, учитель, арестов. 15/8 1914 г., освобожден русскими войсками по занятии Тарнополя 24/8 1914 г.; 2) Якоб Гудман, арестов. 1/8 1914 г., до 1918 г. проходил в Тадергоф; 3) Григорий Летник, арестов. 1/8 1914 г., умер в 1915 г. в Обергомбахе в Ник. Австрии; 4) Иван Сублейский, арестов. 14/8 1914 г., до 1916 г. в Тадерг., затмев. быть взят на военную службу; 5) Григорий Сублейский, арестов. 1/8 1914 г., до 1918 г. в Тадергоф; 6) Якоб Сублейский, арестов. 14/8 1914 г., до 1918 г. в Тадергоф; 7) Петра Ткачукы, арест. 14/8 1914 г. умер 4/1 1915 г. в Тадергоф; 8) Даниил Сунака, арест. 14/8 1914 г., до 1916 г. в Тадергоф, затмев. быть взят на военную службу; 9) Фелон Хоминь, арест. 1/8

1914 г., до 1916 г. въ Талергофѣ;
10) Федоръ Щирба, арест. 1/8 1914 г.,
до 1916 г. въ Талергофѣ.

С. Томи: 1) Иванъ Швманскій, арест. 1/8 1914 г. до 1916 г. въ Та-
лергрофѣ, взятъ быть взятъ на воен-
ную службу; 2) Степанъ Волининъ, арест.
1/8 1914 г. умеръ 1917 г. въ Гмнѣдѣ;
3) Степанъ Шевчукъ, арест. 1/8 1914 г.,
умеръ 1917 г. въ Талергрофѣ; 4) Фе-
доръ Гунька, арест. 1/8 1914 г., умеръ
1917 г. въ Талергрофѣ; 5) Петра Гас-
саѣ, арест. 14/8 1914 г., умеръ 1917 г.
въ Талергрофѣ; 6) Кислякъ (старшина),
арест. 14/8 1914 г., умеръ 1915 г. въ
Талергрофѣ; 7) Матрѣй Гунька, арест.
14/8 1914 г., до 1916 г. въ Гмнѣдѣ;
8) Иванъ Кислякъ, арест. 14/8 1914 г.,
до 1915 г. въ Талергрофѣ, взятъ быть
взятъ на военную службу; 9) Афанасій
Костюкъ, арестов. 14/8 1914 г., до

С. Черниховцы: 1) Свящ. Василій Курдынікъ, умеръ въ Талергофѣ; 2) учитель Владими́ръ Вас. Курдынікъ.

Золочевський ув'язн.

Г. Золочевъ. Въ самомъ Золочевѣ были арестованы австрійцами, между прочимъ, сѣдѣющій русскіе тѣатреи: адюкторъ д-ръ И. Н. Драгомирецкій, его помощникъ д-ръ И. В. Винницкій, судья Репетіто, преподаватель гімназіи С. Я. Трутпітъ, директоръ мѣстной „Самопомощи“ Саноцкій и др.

С. Бортновъ. Въ половинѣ августа 1914 г. явился ко мнѣ жандармъ Яворскъ съ мѣстнымъ жителемъ Макаромъ Солимо и произвелъ тщательный обыскъ. Найдены книжечки -- изданія Общества им. М. Качинскаго, въ русской газетѣ и брошюра реформистскаго содержанія ве-

хъѣть жандармъ отнести въ громадскую канцелярию, а менѣ съ десь другимъ отвезли въ С. Ольгинницу и заперли подъ арестъ. Тамъ просидѣли мы цѣлую ночь въ страшной духотѣ. Карапузинъ насъ Солима отказалъ нашей просьбѣ освржитъ немнго помѣщеніе арестантскому воззухомъ и только съѣхавши къ нему другой карапузный открылъ двери и подалъ намъ воды. На слѣдующий день отприняли насъ въ Золочевъ. Подъ самыми городомъ шедший впереди насъ жандармъ украсилъ себѣ трехцѣпную русской лентой, чтобы такимъ образомъ обратить на насъ вниманіе уличиной.

толпы. И въинспекторю, городская толпа, главнымъ образомъ — евреи, уви-
дѣвъ „русскофиловъ“, набросилась на насъ съ побоями и ругательствами. У меня
при этомъ оборвали поги у шапки, такъ
что на головѣ осталась одинъ котелокъ.
Такимъ образомъ занесли насъ въ тюрьму,
помѣщавшуюся въ мѣстномъ замкѣ. У
меня отняли хлѣбъ и закуску, кото-
рыми я запасся на дорогу. Въ замкѣ
ненавистный солдатъ склонилъ меня за
бороду и, угрожая висѣлицей, билъ по
головѣ, а пытавшихся вдохнуть, затѣмъ
вѣзъльти идти въ канцелярию. Несмотря на
мой преклонный возрастъ, я полетѣлъ ку-
никромъ отъ силового удара къ самому
столу. Понидионъ, солдаты были въ
сговорѣ, ибо ближайший солдатъ, къ
которому я покатился, толкнулъ меня
ногою въ другую сторону, а сидѣвшій
на кровати солдатъ опять оттолкнулъ
мо направление къ выходу. Ночь про-
сыдали мы въ тѣснотѣ, душномъ по-

мѣщеніи. Утромъ построили насъ во
дворъ въ четверки и отправили на пок-
азаль. Собравшаяся толпа охотъ шата-
лась возобновить свои безчинства, но,
благодаря человѣческому обращенію и
внегріи начальника сопровождавшаго насъ
въ скопѣ, мы благополучно дошли до
показа, погрузились въ товарищіе ваго-
ны и уѣхали во Львовъ. Во Львовѣ
размѣстили насъ въ „Бригидахъ“. Здѣсь
отдохнули мы немножко. По крайней
мѣрѣ, человѣчку не угрожало растер-
ваніе посереди улицы. Въ канунъ У-
спѣнія Пресв. Богородицы просили мы
чуть не раздѣляясь, а на стѣдующій
день насъ отправили по жеѣланной дорогѣ
въ дальнѣйшій путь. Въ Перемышль
намъ было выдано по хлѣбу на человѣ-
ка, а въ Чешской Прагѣ накормили
насъ обѣдомъ. Послѣ трехдневнаго пу-
тешествія мы очутились въ Терезинѣ...

Письмо Кукару.

— — —

Калушскій уѣздъ.

Во время самой мобилизациіи австр.-
власти почему-то не усѣгли распра-
виться съ русскими людьми этого уѣзда,
а потому только впослѣдствіи, когда
разбиты подъ Галичемъ мадьярскіе
войска отступили, двое назначеннѣхъ
для этого комиссаровъ уѣзданаго на-
чальства, съ помощью отряда гусаръ,
принесли за массовые аресты во всемъ
уѣздѣ, причемъ предлогомъ послужили,
какъ вѣдѣтъ, довоіе мѣстныхъ мазепин-
цевъ и евреевъ.

5 октября 1914 г. ночью у всѣхъ
русскихъ въ уѣздѣ были произведены
облавы, за которыми послѣдовали и
аресты.

Въ Калушѣ были арестованы 2
лица; въ с. Подгоркахъ — 14, въ

манѣ Крыжановскій съ сыномъ; въ
с. Берлогахъ — 2, въ томъ числѣ
свящ. Иоаннъ Маркевичъ; въ с. Ме-
дяни — свящ. Несторъ Коржинскій.

Въ с. Угринѣ мадьярскій гусаръ,
преслѣдуемый казаками, успѣлъ все-
таки арестовать студ. Аздыковскаго;
привязавъ его къ стѣлу, онъ пустилъ
лошадь галопомъ.

Жители села Крониника, Кадол-
бной и др. спаслись отъ мадьярской рас-
правы, такимъ образомъ, что скрылись
въ лѣсныхъ пещерахъ и только, до-
ждавшись прихода русскихъ войскъ,
возвратились въ свои селенія.

(„Прик. Рус.“, 1914 г. № 1491).

М. Войниловъ. Меня арестовали
въ половинѣ августа 1914 г. въѣхѣ
ст. Ивановъ Федоришкомъ и Мих. Бори-
сиковъ и отправили въ Станиславовъ,
а затѣмъ, черезъ 8 дней, эшелономъ от-
везли въ Талергофъ, где и пробылъ до
весны 1917 г.

Ив. Федоришко и Мих. Борисикъ
умерли въ Талергофѣ; и, большей рев-
матизмомъ и неспособностью къ труду, до-
живши свой вѣкъ дома.

Петръ П. Федоришко.

С. Вѣстовой. Въ с. Вѣстовой были
арестованы 28 августа 1914 г. слѣ-
дующіе жители:

1) свящ. Илларіонъ Сѣчинскій съ
женой, 2) воятъ Степанъ Ивашиничъ,
3) писарь Степанъ Шаррамайло, 4) кассиръ Михаилъ Мишевъ, 5) писа-
лопомъкъ Михаилъ Домранскій, 6) за-
вочникъ Иванъ Костевъ и 7) Михаилъ
Костевъ.

Свящ. Сѣчинскій съ женой былъ
отправленъ на автомобилѣ въ Краковъ,
а остальные были почему-то оставлены
въ Калушѣ въ тюрьмѣ.

Нѣсколько дней спустя были еще
арестованы: 8) Василій Яремичъ,
9) Мартинъ Федоровъ и 10) Василій
Гриневъ, которые были уже вывезены
въ Венгрию.

Въ руки властей предали насть
большей частью свои - же украинофилы,
которые тогда держали монополь ав-
стрийского патріотизма.

Въ арестахъ въ Калушѣ собра-
лось насть 83 человека. Когда пришлоось
отправлять насть на западъ, мы были
отправлены изъ вокзала и помѣщены всѣ
въ одинъ вагонъ Снаружи на вагонѣ
приклѣни надпись „83 руссофила“,
такъ что всякомъ будо видно, что въ
вагонѣ ѣдуть опасливѣши для Австрии
люди. Въ особенности мадьяры часто
заглядывали въ нашъ вагонъ и ругали
насть самой отборной бранью.

Начальникъ конвою, происходящій
изъ Болеслашичъ въ Переяславъ, не
позволилъ дать насть ни есть ни
пить въ продолженіе четырехъ сутокъ.
Въ Тарновѣ кака то дама предложила
настымъ фрукты и воду, но конвой не
разрешилъ воспользоваться этимъ.

Ночью насть эшелонъ прибылъ въ
Краковъ. Надо было перейти въ другой
подъѣздъ. Пришелъ новый караулъ и бро-
сился на насть съ остервенѣніемъ, на-
носилъ побои прикладами, когда-же одинъ
солдатъ изъ стараго конвоя сдѣлалъ
было замѣчаніе, что мы тоже люди и
что бѣтъ не разѣбрасться, то тутъ - же
быть тоже арестованъ. Да и вообще
далеко не всѣмъ военнымъ нравилось
дикое обращеніе съ настями. Такъ, офицеръ,
стоявший въ сторонѣ и наблюдавшій эту
картицу, приказалъ новымъ конвойнымъ
идти спать, а прежнімъ дальше охра-
нять насть и провожать къ мѣсту на-
значеній.

На противоположном концѣ ж.-дор. станции размѣстили настѣ въ двухъ вагонахъ. Голодные, усталые до невозможности, мы расположились на полу, какъ это могъ.

На сѣдмой день утромъ пѣшадь двинулся дальше. Вскорѣ мы выѣхали за галицкую границу и очутились на чешской землѣ. Тутъ начальникъ конвойа пробовалъ было вновь направить на насъ топку, сообщая на-право и на-лево, что изъ вагонѣ "шпионъ", но, когда чехи стали подтрунивать надъ нами и его "патріотическими" озлобленіями, онъ смущился и мочадъ уже до самой Праги.

Междѣ тѣмъ чехи первымъ долгомъ наѣхали наокорини, а тамъ обнадѣжили на лучшее будущее.

Мы вдохнули свободы. Безпрѣдѣ, оскорблений, побѣдѣ, казалось, остались позади, а впереди намъ представлялось сочувствіе братскаго, культурного народа и загѣтъ возвращеніе на родину.

Въ Прагѣ подали пассажирскіе вагоны и настѣ поѣздили въ крѣпость Тerezin, въ четырехъ миляхъ отъ баварской границы.

А въ маѣ 1915 года мы были перевезены въ Талергофъ.

Слѣдѣніе Шорамайлюка.

С. Подгорки. Въ одинъ изъ августовскихъ вечеровъ 1914 г., чувствуя себѣ весьма усталыми, я легъ отдыхать ранѣе обыкновеннаго.

Вдругъ ночью явился ко мнѣ гусарскій майоръ съ отрядомъ солдатъ и заявилъ, что имѣть приказъ арестовать меня и сына. Оставилъ възгъ менѣ вооруженнаго солдата, онъ сталъ производить въ домѣ тщательный обыскъ, который продолжался всю ночь. Отъ поры до времени явился ко мнѣ солдаты съ различными вопросами, а когда

на чердачѣ былъ найденъ кусокъ краѣной материи, они низнесли въ сильнѣю и, приложивъ къ моей головѣ револьверъ, вѣльми призвались, что я въ этотъ вечеръ былъ на чердачѣ и давалъ сигналы русскимъ войскамъ.

Утромъ майоръ съ солдатами и съ монитомъ скономъ пошли еще въ церковь и тамъ также промывали обуки, а поѣздъ посыпалъ настѣ обуки на подноду и поѣздили въ с. Вѣтровъ передъ воинской судьи.

Судъ присудилъ меня къ разстрѣлу. Но генералъ, прежде чѣмъ утвердить приговоръ, распорядился отослать еще разъ сѣдѣственную комиссию въ С. Подгорки и окрестности и наимѣтъ справки относительно моей виновности, а выяснить изъ сидѣтельскихъ показаній, что и совершилъ неинициаторъ и что доносы на меня лицемъ всякихъ основаній, отпугнули меня на свободу.

Но тутъ вмѣшился въ дѣло мѣстный жандармъ.

— Если онъ не подходитъ подъ воинскій судъ, то мы зайдемъ имъ сами, — заявилъ онъ и отправилъ меня въ уѣздное староство, а затѣмъ въ калицкую тюрьму.

По дорогѣ жандармъ не пожалѣлъ приклада, а истрѣбилъ иакомыслизіе, знаніе меня и мое убѣжденіе, не пожалѣлъ отборной ругани по моему адресу.

Въ тюрьмѣ я узналъ, что можно освободиться изъ заключенія, если д-ръ Куропачъ (украинофитъ) за него поручится. Указывали даже примѣры. Тутъ-же сообщили мнѣ вновь поступающіе въ тюрьму, что изъ три дня поѣздъ меня арестовали мою жену и избѣгнутое увезли въ неизвѣстномъ направлѣніи.

Изъ тюрьмы отправили настѣ, 60 человѣкъ, на вокзалъ въ Калушъ. Конвоировали свои-же крестьяне изъ до-

линского уѣзда. Мы просили ихъ, чтобы не дали настѣ по дорогѣ въ обиду, но безъ этого все-таки не обошлось. Тонца бросала въ настѣ камнями и пыталась даже накинуть настѣ на шеи веревки, а когда на вокзалѣ мы грувились въ товарищескихъ вагонахъ безъ ступенекъ, желѣзодорожники подогнали настѣ палками и флагштоками.

Въ Стражѣ желѣзодорожная администрація, узнавъ, что Львовъ заняты уже русскими войсками, направила напѣшилъ черезъ Освенцимъ въ Венгрію.

Никому не приходилось такъ плохо, какъ мнѣ. Менѣ считали всѣ, "шпиономъ", а на вагонѣ спаружи было написано крупными шрифтами "ночь козакъ". Никому хотѣлось посмотретьъ и отвести заобу на "шпионъ", "попа-козакъ", которыйѣсколько десятковъ лѣтъ жилъ въ Галичинѣ и занимался "шпионствомъ" въ пользу Россіи.

Наконѣцъ, эшелонъ прибылъ въ Остригомъ. Тутъ мы прошли подъ гдѣньемъ небомъ наскоро недѣль, пока окончательно не были перевезены въ Талергофъ, где я встрѣтился съ своей женой.

Слѣдѣніе. Іоаннъ Козакъ.

С. Небыловъ. 29 августа 1914 г. явился поздно вечеромъ въ мѣстное приходство два жандарма и спросили свящ. Романа Крыжановскаго. Одинъ изъ нихъ, по фамиліи Шотъ (или комендантъ жандармъ въ Жидачевѣ), заявилъ прослушившему о. Роману, что онъ имѣть порученіе отправить его въ Калушъ въ уѣздное староство.

Сынъ старика — священника, изъ то времена кандидатъ адвокатуры, предчувствуя бѣду и боѧсь, что отецъ не слѣдуетъ оправдаться передъ уѣздными властями, попросилъ жандарма разрѣ-

шить ему отправиться вмѣстѣ съ отпомъ въ Калушъ, чтѣ и было ему разрѣшено.

— Мы отправились на подводахъ тутъ-же ночью, — рассказывалъ упомянутый свящ. о. Романа, д-ръ М. Р. Крыжановскій. По пути Шотъ сообщилъ намъ, что имѣть строгій инструкціи относительно отца, а въ случаѣ поѣзда къ общству съ его стороны имѣть даже право убить его на мѣстѣ. Кроме того, уже передъ самимъ Калушемъ, заявилъ намъ, что цѣлью нашего сѣдмойдневнаго явился не уѣздное старство, а уѣздное жандармское управление.

Въ 3 ч. утра приѣхали мы въ Калушъ. Направились прежде всего въ старство, надѣясь, что староста Тремболовичъ (иначѣ въ Мостискахъ) разберетъ дѣло и освободитъ отца. Однако, старство было заперто. Въ виду этого жандармы помѣстѣли отца въ арестахъ, а я выѣхѣлъ въ городъ, въ надеждѣ достать отцу чѣмъ-нибудь поддѣлѣтъся, а также переговорить съ лѣтальными линами, могущими помочь нашему городу. Первымъ долгомъ направился я къ покойному уже иѣз. свящ. Петрушевичу, настоѧтельно мѣстнаго прихода, но тѣль насторѣбѣтъ отказался отъ всякаго ходатайства въ пользу отца, вѣрою боѧсь, чтобы и самому не попасть въ тюрьму. Такой-же самый результатъ, имѣй мнѣ обращенія и къ иѣз. некоторымъ другимъ анакомы...»

Послѣ моего возвращенія изъ города жандармъ проподѣли настѣ въ жандармское управление и передѣль отца комендантъ Дуему. Тотъ, поѣздъ составленія протокола, приказалъ отвести отца въ арестъ при уѣздномъ судѣ. Одновременно онъ разъяснилъ мнѣ, что всѣй стараїи не приведутъ ни къ чему, что жандармъ распоряжается теперь самостоѣтельно и что всѣ арестованы

будут еще сегодня до обеда отпра-
лены въ глубь Австрии.

После этого и проводить отца въ
тырму, а самъ не имѣя возможности
вернуться къ матери за отсутствиемъ
пропуска, пришелъ обратно въ жандар-
мское управлѣніе съ просьбой разре-
шить міръ переждать здесь до утра, на
что комендантъ Деумекъ согласился,
указавъ міръ пустую столону, где
и пришелъ на скамейкъ.

Но не прошло и 15-ти минутъ,
какъ въ столону явилась Деумекъ
и коротко заявляетъ :

— Вы арестованы по приказу
штаба дивизіи!

Зоветъ жандарма Шота и прика-
зываетъ отнести меня къ отцу.

Въ тюрьмѣ встрѣчены покойныхъ
уже наѣхъ священникъ Маркевичъ изъ
Берлогъ, Кукурудза изъ Каменъ, Скор-
дисского изъ Подмихайла, жену свящ.
Козакъ изъ Подгорокъ, дѣвушку изъ
Тужилова Сою Фидикъ, студентку Аль-
ександровскаго, юродиву старуху изъ Ту-
жилова др.

Около 8 часовъ утра было прика-
зано намъ собираться въ путь. Вывели
насъ во дворъ и прочи списки; было
насъ 73 человека. Около насъ верг-
лось нѣсколько австрійскихъ офицеровъ,
кажется—мадиаръ; они показывали намъ
на шею, что значило, что насъ ждетъ
висѣлица. Постѣ переклички подозвалъ
какой-то офицеръ нашего начальника
караула и спросилъ его — какъ онъ
национальность?, а узнавъ, что онъ по-
лякъ и называлъся Маркевичъ, вѣрѣлъ
ему соотвѣтственнымъ образомъ обращать-
ся съ нами — „стѣрѣть сокѣтъ,
если кто не станетъ слушаться“.

Построенные въ четверки, ряды
арестованыхъ тронулись по приказу ко-
манданта караула въ путь. Не успѣли

мы выйти со двора и ступить на улицу,
какъ тутъ уже ждала нашего выхода
многочисленная толпа, преимущественно
евреи. Сыны были крики:

— Бейте ихъ камнями! — И дѣй-
ствительно на насъ посыпалася градъ
камней, причемъ досталось, конечно,
и караульному, которые начали разго-
нить толпу. На ринѣ сообщили намъ
насѣщенію комендантъ, что позадѣ не
будетъ насть ждать, надо намъ поспѣ-
шить, всѣдѣстое чего скомандовалъ:
„Laufschritt“.

Началось вѣчно кошмарное. Стар-
ники, женщины съ грудными дѣтьми
и молодые люди, награжденные, кто че-
моданами, кто постелью и зимней одеждой,
блѣзали подъ непрекращающейся
градъ камней, среди страшной пыли
и язы. Поть катился съ насъ градомъ.
Нѣкоторые изъ караульныхъ подталки-
вали отставшихъ въ бѣгу прикладомъ,
а сзадиѣ ходило двое перехохныхъ мадиаръ.
Одни изъ арестованыхъ, евреи Ар-
нольдъ, адвокатскій писарь изъ Войни-
ловъ, не могъ справиться со своей но-
шей и упалъ по пути. Сестра же
подхватила его за руки и ноги иѣ-
скодко калушиками врѣсѣтъ и, неся его
на рукахъ, блѣзали вѣмѣтъ съ нами.
Однако, такъ какъ, повидимому, эти всѣ
такъ сильно ихъ раздражали, да кромѣ
того, кажется, они опасались подорванный въ
сочувствии еврѣо-имѣнину, то они
кусали его на бѣгу въ затылокъ. Та-
кимъ образомъ они прошли тутъ бол-
езненемъ и свою национальную соли-
дарность, и австрійскій патріотизмъ за-
одно...

На вокзалѣ настъ раздѣлили на дѣй-
грушки и начали грузить насъ въ то-
варищеские вагоны. Въ особенности тяжело
приходилось старикамъ, ибо ступенекъ
при вагонахъ не было. По объемъ сто-

ронамъ входа въ вагонъ стояло по двое
какихъ-то хулигановъ, которые кулаками
били въ вѣтылокъ каждого, кто не
былъ въ состояніи скоро вѣбраться въ
вагонъ. Не успѣли мы устроиться въ
вагонахъ, какъ нашъ комендантъ, послѣ
краткаго совѣтчанія съ лекуриномъ по
станціи, украинофильмъ Лукасевичемъ,
приказалъ всѣмъ помѣститься въ однью
вагонъ вмѣстѣ со стражемъ, которая заня-
ла третью вагону, тѣ есть, его середину
противъ дверей. При этомъ Лукасевичъ
распорядился маневрировать вагономъ
такимъ образомъ, что вагономъ бросало
ио продолженіе двухъ часовъ въ раз-
ные стороны, отчего все время падали
заключенные въ вагонѣ арестанты.

Наконецъ, вагонъ поставили передъ
вокзаломъ. Тогда стоявшая въ сторонѣ
и, по всейѣ вѣроятности, ожидавшая этого
толпа подошла къ нашему вагону. По-
спѣшала отбѣтывать руки. Полиціи
прокинули настъ, что мы мѣшаемъ имъ
воскресить вновь ихъ оѣчнину, евреи
ругали насъ изѣмѣнниками, а мазепинцы
укорили насъ рублями и лѣбовыми кѣ-
паро, бросая при этомъ въ вагонъ
камни и песокъ. Каравауль не препят-
ствовалъ безобразію, наоборотъ, комен-
дантъ постоянно поощрялъ толпу сло-
вами и жестами.

Наконецъ, въ два часа мы трону-
лись. Передъ каждой станціей нашъ ко-
мандантъ выгibaлся изъ сосѣднаго вагонъ,
который самъ занималъ, и кричалъ
со всейѣ силы: „Московичи!“ Момен-
тально собгались къ вагону ротоны съ
цѣлой станціи и начинились новыми из-
девательствами и угрозами. Больше всего
издѣвались надъ нами въ Болеховѣ и До-
линѣ, только въ Моршинѣ разогналъ
начальникъ станціи толпу и далъ намъ
возможность легче вдохнуть. Около семи
часовъ вечера приѣхали мы въ Сtry.

Здѣсь комендантъ караула запрѣтилъ
солдатамъ подавать намъ воду и хлѣбъ,
а самъ ушелъ въ городъ, всѣдѣстие
чего мы провели ночь относительно спо-
койно, хотя и въ голодѣ и жаждѣ.
Только проѣзжающіе на фронтъ солдаты,
наущенные желѣзодорожниками, загиг-
дали въ нашъ вагонъ, а такъ какъ
это были большей частью мадиары,
трудно было разобраться въ ихъ руга-
тельствахъ и угрозахъ.

На слѣдующій день къ вечеру прї-
ѣхали мы въ Дрогобичъ. Тутъ одинъ
изъ нашихъ упалъ въ обморокъ. По-
звали военнаго врача, и тотъ, несмотря
на то, что былъ евреемъ и въ австрій-
скомъ мундирѣ, категорически заявилъ,
что такъ дальше ходить невозможно. Въ
виду этого настъ раздѣлили на дѣй-
частіи. Міръ съ отцомъ посчастливилось
перейти въ вагонъ третьего класса.

Казалось-бы, что щада въ третьемъ
классѣ должна быть лучше. На самомъ
дѣй вышло не то. Изъ интелигенціи
въ вагонѣ 3-аго класса ходило толькъ
настъ двое, въ виду чего зловредный
желѣзодорожный персоналъ обращался
теперь съ оскорблѣніемъ къ намъ. Обы-
кновенно вооруженные какими-нибудь
жѣтѣнными инструментами, они откры-
вали вагонъ и угрожали намъ смертью.
Въ Переѣмѣшѣ, напр., угрожали моему
отцу разбить молотомъ колѣни. Нанохѣ
онъ отпали встричи на станціяхъ съ
санитарными поѣздами. Тутъ уже настъ
прямо обвинили въ всѣхъ раненыхъ
и страданіяхъ выѣзжихъ изъ строи
содѣять...

Сколько пришло намъ перенести
въ этомъ пути мученій, лучше всего
показываетъ прискорбный случай, что
священникъ Маркевичъ изъ Берлогъ
сопѣлъ съ ума во время щады между
Хирковомъ и Переѣмѣшемъ, всѣдѣстие

чего былъ оставленъ изъ воиннаго го-
спитала въ Перемышль, гдѣ, по слу-
хамъ, вскорѣ и умеръ.

Такъ дѣхали мы до Кракова. Ма-
шинистъ остановилъ поѣздъ въ сторонѣ,
далеко отъ вокзала. Не успѣлъ мой
отецъ сойти съ вагона, какъ подскочи-
ли къ нему комендантъ караула съ
капраломъ ландвера и начали бить его
прикладами. И пробовалъ было защи-
щать отца, но стыдъ только стынилъ на
себѣ ихъ вниманіе, и крѣпкія дула вин-
товокъ начали работать на моей спинѣ.
Били также руками и толкали до тѣлъ
поръ, пока я не упала. Наконецъ, мы
дошли до самого вокзала. Народу было

здесь много, были также и польскіе ле-
гіонеры. Начался огнь обычный по-
громъ. Были легіонеры, штатские, а даже
комиссаръ полиціи. Слышны были воз-
гласы: „москалофімы“, „изѣбнинки“,
„родину намъ отнимаютъ“ и т. п.

И также побѣгнула крѣпкій ударъ
по головѣ, благодаря сдѣланному кѣмъ-
то замѣчанію, что я австрійскій чинов-
никъ.

Въ Краковѣ потрясли насъ снова
тѣ товарищіе вагоны и поезда дальше.
На утро мы проснулись уже на Мораль-
ской землѣ...

Д-ръ М. Р. Крымаковскій.

Каменецкій уѣздъ.

Въ с. **Дерновѣ** крестьяне скрывались
передъ австрійцами въ лѣсахъ.
Оставшихся въ селѣ жителей, всего
около 200 человѣкъ — стариковъ, жен-
щинъ и дѣтей, австрійцы арестовали
и отвели на кладбище, чтобы ихъ тамъ
расстрѣлять за то, что они носили
восьмиконечные кресты на груди. Ихъ
счасть мѣстный помѣщикъ Лехнеръ, по-
лучившій передъ австрі. солдатами въ
томъ, что они ни въ чёмъ не провини-
лись. Въ той же деревнѣ австрійцы
убили крестьянъ: Ив. Наума (85 лѣтъ),
Н. Кури, Н. Ковалюща и И. Сердзинец-
каго. Послѣдній австрійскій уланъ счи-
талъ только ранить саблей по голову,
но затѣмъ вернулся опять и двумя ре-
волверными выстрѣлами добить свою
жертву.

Въ іѣмецкой колонії **Сапѣжаніѣ**,
по доносу мѣстныхъ вѣщцевъ, былъ
расстрѣлянъ крест. А. Вусовичъ, трупъ
же его былъ покрытъ передъ его до-
момъ на глазахъ его жены и дѣтей.

нашихъ узниковъ вывозили изъ Львова,
то среди нихъ былъ также о. Сохадцій.
Избитый и истрадавшійся старикъ не
смогъ дойти пѣшкомъ на вокзалъ и по
пути упалъ. Тогда одинъ изъ конвой-
ныхъ прокололъ упавшаго пѣшкомъ;
трупъ наскрѣлъ соломой и оставилъ на
улицѣ.

(„Прик. Руса“, 1914 г. № 1484).

Въ издаваемемся въ 1915 г., при
управлѣніи военнаго генерал-губерна-
тора Галичинѣ, „Львовскомъ Вѣстникѣ“
находимъ слѣдующій, документально
установленный, данины о бѣгунахъ въ
Галичинѣ до прихода русскихъ войскъ
австрійскихъ и мадьярскихъ вѣбратахъ
и надругательствахъ надъ неповиннымъ
мѣстнымъ русскимъ населеніемъ:

Въ Каменецкѣ Струмиловой
одинъ священикъ расстрѣленъ и одинъ
арестованъ, повѣшено и расстрѣлено 10
крестильщиковъ и арестовано съынъ 120 кре-
стильщиковъ — всъ по доносу мѣстного уѣз-
чаго священника Михаила Чечельскаго.

Неистовства мадьяръ въ районѣ
Каменца Струмиловой изразились въ
тѣмъ, что изъ конной марши преступленій.
Въ колонії Сапѣжанії они схва-
тили крест. Антона Вусовича, расстрѣ-
лили, потому повѣсили передъ кварти-
рой и долгое время не позволяли похо-
ронить его тѣло.

Мѣст. Рѣпнинъ было обре-
чено изгубленными варварами на сож-
женіе. Они окружили селеніе съ четы-
рехъ сторонъ и подожгли; бушевавшій
пламъ моментально разнес пламъ на
всѣ постройки и вскорѣ селеніе пред-
ставляло сплошной костеръ. Жителіи,
которые пытались спастись блѣгствомъ
изъ селенія, мадьяры расстрѣливали.
Точно же самое повторилось и въ
м. Бужекѣ, где убито нѣсколько

человѣкъ и сожжено 110 дворовъ съ
постройками и скотомъ.

Обуреваемые жаждой крови и не-
истовствъ, мадьяры совершили не счи-
тались съ тѣмъ, кто виловатъ и неиз-
новатъ, а уничтожали людей безъ вся-
каго повода и разбора. Такъ, въ д. е. р.
Дропівѣ имѣетьсь зарубленъ 82-хъ
лѣтній старикъ Игнатъ Сердзинецкій по-
тому только, что подвернулся подъ руку.
Тамъ же быть убить и другой кре-
стильщикъ. Наумъ, совершившій слѣд-
ній глухой уродъ.

С. Полоничная. Уже въ началѣ ав-
густа 1914 г., во время первой ав-
стрійской мобилизации, стали галиціе
украинофіи распространять завѣдомо
ложные и неѣдѣльные слухи о томъ, что
война называна „москалофіами“, написан-
ными къ русскому царю прошениемъ объ
освобожденіи ихъ отъ австрійского гнета,
что тамъ гдѣ-то за десятками горами
австрійскіи позиціи уже поимѣла множе-
ство пленницъ, „москалофіовъ“ и т. п.
Въ селѣ Полоничной тоже распускали
подобные слухи маєлинскіи провокаторы.
На людей русскихъ убѣждений
посыпались со всѣхъ сторонъ угрозы
и доиски, которые встрѣтили весьма
благородную почту, такъ какъ жан-
дармскіи посты запрѣтили у насть
въ то время зандлій украинофіиѣ
Иванъ Чехъ, со своимъ помощникомъ
полкомъ Турекомъ.

4 августа, раннимъ утромъ, оба
эти австрійскіи „патріоты“ налетѣли
на дома русскихъ крестьянъ и уводили
ихъ съ собой прямо съ постели. Та-
кими образомъ были арестованы Тимо-
феѣ Пехинъ съ двумя сыновьями Сте-
фаномъ и Иваномъ, Павелъ Ив. Сем-
чишинъ (Кузьма), Юлианъ Павлина,
черезъ два днѧ Василъ Сенюкъ и Иванъ
Ухансікъ, а еще черезъ недѣлю осталъ-

ные члены семьи Пехниковы, а именно: жена Степана — Мария и двѣ дочери Тимофея — Анна и Александра, такъ что въ домѣ осталась одна только старуха, жена Тимофея Мария. Во времени обыска тольжъ жандармъ Чехъ избилъ арестованныхъ женщинъ и конфисковала домашнюю библиотеку, а помогать ему при этомъ поговорилъ двѣ сильнаго мѣстного священника, «украинскій» студентъ... Кромѣ названныхъ лицъ были арестованы еще замѣтитель войта, Романъ Галій, Філімонъ Павлиновъ и Василий Борицъ, котораго жандармъ избилъ до крови за то, что онъ не хотѣлъ сказать, куда дѣвались ключи отъ библиотеки „Русской Дружинѣ“. На этотъ разъ помогать бить лѣсничий, поднявъ Кучинскій.

Всѣхъ арестованныхъ отвели въ тюрьму въ Струмилово Каменку, а когда въ ночь съ 13-го на 14 августа тамъ возникла тревога, перенесли ихъ спѣшили во Львовъ, гдѣ уже сидѣло множество русскихъ галичанъ.

Семью Пехниковы отправили еще раньше въ Бускъ, а оттуда, послѣ 12-ти-дневнаго заключенія, перевезли также черезъ Красное во Львовъ. Арестованныхъ повезли по - парно веревками. По пути въ Красное толпы извѣдывали преслѣдована и всячески ругали ихъ, а когда Андрей Вѣхтъ изъ Полонничной Гуты послѣдній, выцепился отъ надѣвшихъ оскорблений, что - то отбѣгть, то тутъ - же ударили его по лицу оставшійся и нынѣ еще въ Бускѣ содергатель ресторана, по происхожденію чехъ. На станціи въ Красномъ имъ обошлось тоже безъ обычныхъ побоевъ, послѣ чего транспортъ въ 32 человека былъ привезенъ во Львовъ. Въ ожиданіи смытия конвоемъ на вокзалѣ „Подзамче“ во Львовѣ какъ - то рабой полицейской все время ругался

Василий Борицъ и Иванъ Борицъ умерли въ Талергофѣ; Иванъ Ухансій, Юлианъ Павлиновъ и Романъ Галій погибли на военной службѣ послѣ освобождения изъ талергофской тюрьмы,

по адресу „москофиловъ“, но другой, постарше его рангомъ, приказалъ ему молчать. Двѣ дамы - польки, разговаривая между собой и наблюдая насть со стороны, говорили между собою:

— Что же, они вѣдь невиновны, теперь иѣть правды на свѣтѣ...

Видно, были еще люди, которые понимали творицѣа произволъ и сочувствовали насты, его жертвамъ.

Подъ охраной конной полиціи, вооруженнѣа съ ногъ до головы, но все - таки подъ неистовые крики и ругательства со стороны уличной толпы, въ особенности евреевъ, повели насть въ тюрьму „Бригадицѣ“. Камни летѣли на наши головы, изъ толпы стрѣльбы даже насть револьверы, изъ оконъ лиши насть книжкотъ. Первый упалъ отъ удара камнемъ, въ голову старикъ Тимофей Пехниковъ. Обитатели кровью отца подхватили сильнѣа и, ставъ обратно путь, понесли въ тюрьму.

Въ концѣ концовъ вѣѣхъ насть, сидѣвшихъ первоначально въ Бускѣ, выселили изъ „Бригадицѣ“ въ Талергофъ, разно какъ и сидѣвшихъ въ каменецкой тюрьмѣ мужчины, женщины же — Марія, Анну и Александру Пехники, заключенныхъ въ тюрьмѣ по узду Баторіи, освободили впослѣдствіи русской арміи, австрійцы арестовали вторично Анну Пехникову и Феодору Грай и вывезли въ Талергофъ. Еще попали въ Талергофъ крестильни изъ Полонничной Иванъ Борицъ и юродивый Сильвестр Борицъ, оба по доносу бусскихъ евреевъ.

Василий Борицъ и Иванъ Борицъ умерли въ Талергофѣ; Иванъ Ухансій, Юлианъ Павлиновъ и Романъ Галій погибли на военной службѣ послѣ освобождения изъ талергофской тюрьмы, заняты Галичиной русскими, пытались замѣнить его русскимъ учителемъ. Учителъ Лука Красевский сидѣлъ въ ссыпѣ въ тюрьму, черезъ пять днѣвъ перевезли въ сбруную тюрьму „Бригадицѣ“, а затѣмъ въ Талергофъ. Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Талер-

остальныхъ же вернулись домой. Молодые люди, витые на военную службу послѣ первого освобождѣнія, были опредѣлены въ специальные батальоны гдѣ они служили подъ строжайшимъ надзоромъ.

Не лучше творилось въ Полонничной Гутѣ, гдѣ тутъ - же жандармъ Иванъ Чехъ арестовалъ 75-лѣтнаго Тимофея Кушинскаго съ сыномъ Иваномъ, Прохоромъ Михайлова, Степана Вѣхты, Андрея Вѣхты, Василий Монастырскаго и Александра Маринюка. Послѣдній умеръ въ Талергофѣ.

Ст. Пехники.

С. Таданье. «Василий Гренка и его шона»¹⁴ — крикнулъ солдатъ, младшы. Изъ среды собравшагося народа, согнанного войсками на лѣсной полянѣ вояжъ съ Дернова, выступили мои родители — Василий и Екатерина Гренки. Загѣя, вызывали еще и другихъ крестильни, младыи почтаго ихъ черезъ съ Дерновъ въ с. Новый Ставъ. По пути, встрѣтились свѣціи Сивенькаго, настоители прихода въ Дерновѣ, покойные мои родители просили его, чтобы онъ вложилъ объ ихъ освобождѣніи, такъ какъ они не чувствуютъ за собой ни малѣйшей вины, по „украинскій отецъ душой“¹⁵, конечно, отказались.

Арестованныхъ, послѣ обычнаго въ такихъ случаяхъ издавательства, постановили передъ военнымъ судомъ. Черній следѣтель, учитель — украинопрофиль Романъ Пекарскій, представилъ судью, что Василий Гренка, во время занятий Галичиной русскими, пытались замѣнить его русскимъ учителемъ. Учителъ Лука Красевский сидѣлъ въ ссыпѣ въ тюрьму, черезъ пять днѣвъ перевезли въ сбруную тюрьму „Бригадицѣ“, а затѣмъ въ Талергофъ. Послѣ

Послѣ двухъ недѣль заключенія отвезли насть, всего около 20 человѣкъ, во Львовъ въ военную тюрьму, черезъ пять днѣвъ перевезли въ сбруную тюрьму „Бригадицѣ“, а затѣмъ въ Талергофъ. Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Талер-

теле свѣціи Сивенькаго и только послѣ показаній этого достойнаго пастыря родители прошли смертный приговоръ. Осужденные просили передъ смертью показать имъ детей. Принесли ихъ, однако родители могли лишь видѣть съ ними проститься, показывая дѣтимъ руку не шею изъ знака того, что ихъ ожидаетъ смертная казнь. Послѣ исполнѣнія, которую совершилъ р.-католическій священникъ, Василий Гренка скололъ вѣѣть съ Федоромъ Мартинюкомъ и повели на място казни. Мать же моя, Екатерина, сѣдѣвала за мужчинами, все время смотрѣясь отъ потери физическихъ силь и предсмертной тревоги. Всѣ трое были побѣнены вѣѣть, а я въ то время съ сестрой Анной, явившись проститься съ родителями, смотрѣть надѣли на ихъ мученическую смерть ...

Федоръ Гренка.

2 августа 1914 г. явился ко мнѣ на дому жандармъ и вѣѣть мнѣ сбираясь на военную службу, но подъ этимъ предлогомъ отвелъ менѣ въ Каменку Стр. въ тюрьму. Здѣсь находились уже докторъ Ступницкий съ сыномъ и мѣдѣцинъ Мулькевичъ. По истеченіи четырехъ сутокъ, мѣстный судья, украинопрофиль Шухевичъ, вызвалъ меня для допроса. Когда она при допросѣ узнала, что я состою членомъ „Общества им. М. Качинского“ и ее заслугамъ „Р. Дружинѣ“, сразу же заявила мнѣ опрѣдѣленіе, что за это я заслужилъ себѣ висѣніе.

Послѣ двухъ недѣль заключенія отвезли насть, всего около 20 человѣкъ, во Львовъ въ военную тюрьму, черезъ пять днѣвъ перевезли въ сбруную тюрьму „Бригадицѣ“, а затѣмъ въ Талергофъ. Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Талер-

гофъ, опредѣлили меня въ Раткевбургъ на работы по регуляції рѣки Муры.

Когда русскіе войска отступили съ Карпатъ за Львовъ, и окопались надъ рѣкой Бугомъ, наступающіе всѣдѣ мадьярскіе военные части признались за жестокую работу по уничтоженію и исчорченію русского элемента въ Вост. Галичинѣ, а пресереду помогали имъ въ этомъ свои же отщепенцы-уды. Въ нашемъ сѣль нѣсколько семействъ, собирая свои покійки, готовились уѣхать вмѣстѣ съ русской арміей, однако, послушавшись алономъ-броненосца и заѣреній нѣсколькихъ односельчанъ, остались дома, за что расплатились потомъ жизнью. И такъ, директоръ местного училища, ярый украинофилъ Пекарский, уговорилъ бывшаго тогда вайтманъ Григорія Наконечнаго на уѣхать. Наконечный просилъ русскіи военные власти оставить въ покоѣ Пекарскаго, когда они напѣрѣвались сослать посѣдѣнаго въ Россію, а потому и покѣрѣлъ коварнымъ увѣреніемъ его на счетъ своей безопасности. Но, какъ только 20 июня 1915 г. вступили въ Таданы мадьяры, въ тогъ - же день появился на громадномъ дому приказанный списокъ «Руссофоновъ», наихъ односельчанъ, причемъ другой такой же списокъ находился на рукахъ у директора Пекарскаго, который составилъ его вмѣстѣ съ гѣсничимъ Кромеромъ. Въ спискѣ попали:

- 1) вайтманъ Григорій Наконечный,
- 2) Василь Грека съ женой Екатериной,
- 3) Михаилъ Пилипецъ съ женой Марией,
- 4) Федоръ Мартинюкъ,
- 5) Дмитрий Мотыль,
- 6) Феофагъ Гураль,
- 7) Семенъ Гавришко,
- 8) Никита Гавришко,
- 9) Иванъ Грека,
- 10) Романъ Савинъ,
- 11) Дмитрий Портухай,
- 12) Параскевъ Мартинюкъ,
- 13) Михаилъ Подкостельный съ сыномъ Василиемъ,
- 14) Степанъ Ковалюкъ.

По приказу военныхъ властей всѣ жители деревни должны были остановить ее въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и выселиться дальше. Когда же они очутились на позиціѣ въ лѣсу, явилось войско и приказало имъ выстроиться въ ряды, а капитанъ по списку вызывалъ понимавшихъ изъ означенному выше спискѣ лицъ. Части солдатъ, по приказу капитана, окружила вызванныхъ крестильщикъ и потянула ихъ съ с. Новый Ставъ, где расположился штабъ армейской части, а другая часть, окруживъ остальныхъ, повезла ихъ въ с. Жолтанцы, жолковскаго уѣзда, и размѣстила аѣзы по домамъ и загородамъ уѣхавшихъ въ Россію крестильщикъ.

Въ то время, когда солдаты вели таданцевъ въ с. Жолтанцы, крестильщику Ивану Портухай, переселившемуся со всѣми своими покійками и скотомъ, сбѣжалъ теленокъ по направлению Таданы. Крестильщикъ, не предвидѣвъ этого, вернулся за сбѣжавшую скотиной, но едва успѣлъ пройти нѣсколько километровъ, быть задержанъ австрійскимъ патрулемъ и отведенъ въ с. Новый Ставъ, где его приговорили, вмѣстѣ съ другими, къ смертной казни. Приговоръ былъ основанъ на сданнныхъ подъ присягой показаніяхъ свидѣтелей: лѣсничаго Яна Кромера, учителей Романа Пекарскаго и Луки Краевскаго, ксендза Николая Кульницкаго, Михаила Шмидта, Тадеуша Дяконовскаго, Захарія Иверлиннага и Боломбы.

Вайтманъ Григорій Наконечный быть побѣженъ въ с. Жолтанцахъ, при дорогѣ, ведущей изъ Каменицы во Львовъ, причемъ къ ногамъ трупа была призвана солдатскій котелокъ, наполненный камнами, а къ груди налипѣ: «за рубли». Пробужающіе дорогой солдаты варварски надругались надъ трупомъ. На прослѣ

женъ покойнаго командованіе разрѣшило черезъ нѣсколько дней похоронить покойника, но, когда съѣхъ его съ дерева и отвезти домой, его скватили мадьяры и избили до потери чувствъ. Въ конѣ концовъ покойного похоронили на кладбищѣ въ с. Жолтанцахъ.

Дмитрий Мотыль и Иванъ Портухай повѣсили на одинъ и томъ же сукунѣ Первый оставить жену и трое дѣтей, второй жену съ єюнотой и старуху матерь Ихъ похоронили въ братской могилѣ въ с. Дерновъ, каменецкаго у., по приказанію мадьяръ - головами къ югу, а ногами къ сѣверу, чтобы, по выраженной плачами, убогие было имъ по смерти смотрѣть на Россію.

Черезъ день похоронили Федора Мартинюка, члена многихъ русскихъ общесть, прослужившему сънечко 30 лѣтъ старшинъ братомъ при первы въ с. Таданы. Старший его сынъ находился въ то время на военной службѣ, а неѣстка была интернирована въ Тадергофъ, такъ что трое малолѣтнихъ вынуждены осталось на произволъ судьбы. Мартинюка похоронили и похоронили въ с. Томачѣ, жолковъ уѣзда, выѣхѣ сл. Василиемъ и Екатериной Греками. Феофана Гурала повѣсили день спустя позадѣ казни Греками. Мѣсто его казни и погребенія неизвѣстно. Оны оставили жену и шестеро дѣтей.

Послѣ исполненія приговора на всѣхъ осужденныхъ, оставшихъ западно-арийскихъ отправили въ Тадергофъ. Кѣнимъ принадлежали прежде всего Семенъ Гавришко, 78 лѣтъ, членъ многихъ русскихъ общесть, называемый въ деревнѣ «москалемъ», такъ какъ онъ еще въ юности выучился русскому литературному языку и любилъ при слушать пощеголять своимъ вѣнѣмъ, что

и послужило причиной его арестованія и смерти, постигшей его въ Тадергофѣ среди страшной нужды въ 1916 г. Кроме него были арестованы и сосланы въ Тадергофъ: Никита Гавришко, Дмитрий Портухай (переведеній затѣмъ изъ Тадергофа въ Гминѣ, а наконецъ въ Ениседорфъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1916 г.), Иванъ Грека, Романъ Савинъ, Михаилъ Подкостельный съ сыномъ Василиемъ и Степанъ Ковалюкъ, причемъ Дмитрий Портухай тоже умеръ въ заключеніи, оставилъ шестеро круглыхъ сыроѣтъ (такъ какъ жена его умерла еще въ 1914 г.), а Никита Гавришко умеръ уже дома, въ нѣсколько недѣль послѣ возвращенія изъ Тадергофа.

Василь Мартинюкъ.

Завѣщаніе приговореннаго на смерть.
Крестильникомъ Василиемъ Мартинюкомъ изъ Таданы прислано вами постѣдное письмо-завѣщаніе, написанное за нѣсколько минутъ выше Григоріемъ Наконечнѣмъ кѣженъ и дѣтямъ. Оно написано карандашомъ на нѣсколькихъ листкахъ записной книжки и было найдено у покойнаго за голенищемъ сапогъ во время погребенія. Приводимъ его адресъ, познѣстю (насколькъ можно его разобрать), какъ трогательный «человѣческій документъ» изъ времени бывшаго комарнаго лѣхолѣтія:

«Польските, мои дѣти, профессорови и лѣсничимъ, Захарому юноши и Шмидтови, цольскому ксендзови, що за мое добро мене въ ребро. Каждого ратуїть, якъ могъ, профессор стеригъ: и боронивъ, якъ найбогатшого пріятеля, а онъ мене, якъ найбогатшого ворога, неини на смерть. Не жичу имъ чюдо злаго. Тилько нехай имъ Богъ того не: замѣтае, бо не знаютъ, що творять. Ти,

жинко, отдайся подъ Божку окепу, а Богъ певно ти не опуститъ И что будуть люди работи, то и ты роби, гропи бережи, щобъсъ могла видки жити и дѣтей годувати. Може тебъ трафитъ где воеь купити, то купи, а якъ..."

Даліше нельзя разобрать нечеткаго, слитнаго письма. Весьма возможно, что видъ висланицы, передъ которой стоялъ уже покойный, помѣшилъ ему окончить письмо. Въ одномъ изъ угловъ оторванаго листа нарисованъ краснымъ карандашомъ восемиконечный крестъ и помѣщены: дата „Жолтаны, дни 3/7 (20/6) 1915", и подпись „Григорий Наконечный".

Приговоры военныхъ судовъ на таданцевъ и др.

(Изъ львовской полковой газеты „Derpesza").

Ц. К. Судъ I пѣх. бриг. обсл. ополченія надѣлъ 29-го июня 1915 г. слѣдующій приговоръ:

Степанъ Федикъ, рожд. въ Ягелл. Городѣ, 40 лѣтъ, греко-кат. вѣрносподѣяніи, женатъ, отецъ четырехъ дѣтей, помощникъ каменщика, пинованъ въ преступленіи противъ военной мощи государства на основ. § 327 в. у. в., имѣвшемъ мѣсто въ декабрѣ 1914 г., а именно, въ томъ, что продалъ россійскимъ австрійскимъ винтовочными патронами, которые собирали добровольно, за сумму болѣе 70 рублей, чѣмъ совершилъ дѣйствіе въ пользу врага. Присуждается ею на саси. §§ 328 и 125 в. у. в. къ восьми годамъ тяжелаго заключенія, обстрѣннаго разъ въ мѣсяцъ постомъ, твердой кроватю въ дни поста и одиночными заключеніемъ въ продолженіе первого, пятаго и девятаго мѣсяца каждого года.

Полевой судъ 31 пѣх. дивизіи издалъ слѣдующіе приговоры:

Феофанъ Гураль, 55 лѣтъ, православный, женатъ, отецъ 7 дѣтей, землемѣръ, рожд. въ с. Таданѣ, у. Каменка Стр., совершилъ преступленіе нарушенія общественнаго порядка противъ § 341 1. а) в. у. в., тѣмъ, что во время пребываній россіянъ въ Таданѣ выразился на улицѣ при истрѣбѣ за одинимъ крестьяниномъ: „Твой цѣарь болыне не вернется, не имѣть овъ никакого значенія, императоръ Николай будеть нашимъ царемъ", а заѣмъ, при другомъ случаѣ, смотрѣ на цѣарскій портретъ въ присутствіи собравшагося большого количества людей, подтрунивалъ въ одной хатѣ надъ старостью Его Имп. Величества, сравнивая его съ крѣпкимъ царемъ Николаемъ и при томъ громко разсмѣялся.

Димитрій Мотыль, 53 лѣтъ, православный, отецъ 6 дѣтей, землемѣръ, рожд. въ с. Таданѣ, у. Каменка Стр., совершилъ преступленіе нарушенія общественнаго порядка противъ § 341 1. а) в. у. в., тѣмъ, что съ радостью распространялъ между крестьянами вѣсти о пораженіяхъ цѣаря кор. арміи, причемъ выражалъ, что россіянъ есть стопы, что накроютъ австрійцевъ шапками, что хватитъ однихъ россійскихъ обозовъ, чтобы взять Австрію.

Григорій Наконечный, 51 года, православный, землемѣръ, рожд. въ с. Таданѣ, у. Каменка Стр., совершилъ: а) преступленіе нарушенія общественнаго порядка противъ § 341 1 а) в. у. в., тѣмъ, что во время пребываній россіянъ въ Галичинѣ уговаривалъ многихъ крестьянъ къ принятию православія, чтобы показать россіянамъ, что они настоящіе русские, а также къ приглашенію россійского священника, ибо ста-

рый мѣстный священникъ—австріецъ; въ преступленіе противъ военной мощи государства по § 327 в. у. в., пронившее въ томъ, что во время наѣзда россіянъ на Галичину въ началѣ войны, въ день точно неизвѣстный, повѣль добровольно россіянъ противъ нашихъ войскъ.

Іванъ Портухай, 56 лѣтъ, православный, женатъ, отецъ 1 ребенка, землемѣръ, рожд. въ с. Таданѣ, у. Каменка Стр., пинованъ въ преступленіи шпионства, противъ § 321 в. у. в., заключающемся въ томъ, что, хотя онъ былъ звакуированъ и посланъ въ с. Дерновѣ, то все-таки 1 июня с. г. былъ пинованъ на мѣстѣ преступленія, когда хотѣлъ переѣхать черезъ р. Бугъ, между с. с. Таданѣ и Спаси, несмотря на указаніе, что тамъ находятся неспрѣтлы, такъ какъ Австрія не вернется больше, что выражалъ въ присутствіи большого количества людей, что у Австріи нѣть уже орудій, что уговаривалъ крестьянъ къ нагнанію учителя-украинца и, наконецъ, подъ церковью выразился передъ собравшимися, какъ бунтовщики, о австрійскомъ правительствеъ. Екатерина же подсѣживалась подъ церковью въ присутствіи собравшихся надъ австрійской арміей, разсказывая, что Россія уже подѣлила Австрію, что у австрійцевъ нѣть обуви и что они жрутъ конекъ.

Іванъ Круцинскій, около 40 лѣтъ изъ с. Угнова, у. Русская Рѣва, греко-кат., замужня, бездѣтны, землемѣръ, женатъ, отецъ одного ребенка, пинованъ въ преступленіи нарушенія общественнаго порядка противъ § 341 1 а) в. у. в., а именно, въ томъ, что во время россійской оккупации въ Вост. Галичинѣ, въ присутствіи значительного количества людей, изъявлялъ свою радость по поводу прихода „круглыхъ шапокъ" (россіянъ), отчего „проща уже его печалъ"; дальше, при другомъ случаѣ, въ присутствіи многихъ же людей, выражалъ свою радость, что ему не нужно уже болѣе быть австрійцемъ;

наконецъ, что держали привѣтственную рѣчу къ входящимъ россіянамъ, причемъ специальнѣ указывалъ на то, что мѣстное русское населеніе ждетъ россійцы уже 600 лѣтъ.

Василій Гринько*, 59 лѣтъ, православный, отецъ 4 дѣтей, рожд. въ Таданѣ землемѣръ, и жена его Екатерина Гринько, 49 лѣтъ, православная, рожд. въ Таданѣ, пинована въ томъ же преступленіи, заключающемся въ томъ, что Василій наложилъ крестьянъ къ переходу въ православіе, такъ какъ Австрія не вернется больше, что выражалъ въ присутствіи большого количества людей, что у Австріи нѣть уже орудій, что уговаривалъ крестьянъ къ нагнанію учителя-украинца и, наконецъ, подъ церковью выразился передъ собравшимися, какъ бунтовщики, о австрійскомъ правительствеъ. Екатерина же подсѣживалась подъ церковью въ присутствіи собравшихся надъ австрійской арміей, разсказывая, что Россія уже подѣлила Австрію, что у австрійцевъ нѣть обуви и что они жрутъ конекъ.

Іванъ Круцинскій, около 40 лѣтъ изъ с. Угнова, у. Русская Рѣва, греко-кат., замужня, бездѣтны, землемѣръ, женатъ, отецъ одного ребенка, пинованъ въ преступленіи усиленного шпионства, противъ §§ 15 и 321 в. у. в., заключающемся въ томъ, что пытались наслѣдовать по Каменкѣ Стр., расположенной на нашихъ войскъ съ цѣлью уѣздомъ о семъ россіянъ быть, однако во время снахъ и сильнѣе посторонней помѣхи не уѣзжали довести до конца сношъ замысловъ.

Анастасія Лашукевичъ, 52 лѣтъ, греко-кат., замужня, мать 4 дѣтей, жена чернорабочаго, рожд. пп. Каменкѣ Стр., пинована въ преступленіи

* Ошибка—вмѣсто: Гренка.

нарушений общественного порядка, по мысли § 341 а) в. у.з., заключающимся в том, что, при вступлении россиян в Каменку Стр., приветствовала их, какъ избавителей отъ австрийской неволи, а при другомъ случаѣ, когда хотѣли на ея поль похоронить австрийского солдата, выразилась по всевозможные, чтъ присутствіи многихъ людей, что на это не повинтъ, такъ какъ австрицы воинюютъ.

Наконецъ, Дмитрий Лачиня, рожд. въ Каменкѣ Стр., греко-кат., же-

нать, отецъ двухъ дѣтей, железнодорожникъ, 32 лѣтъ, виновенъ въ преступленіи противъ моихъ государства, по мысли § 327 в. у.з., тѣмъ какъ онъ добровольно поступилъ къ россиянамъ на службу изъ Каменки Стр., въ качествѣ полицескаго, разыскивавшаго солдатъ, бѣжавшихъ изъ российскаго пѣни, и сообщая о нихъ россиянамъ, вслѣдствіе чего было схвачено иуведено около 20 солдатъ.

Подвойской судъ присудилъ ихъ всѣхъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Коломыйский уѣздъ.

Въ Коломыинѣ было арестовано около 20 русскихъ священниковъ. Между ними былъ арестованъ также свящ. Мих. Левицкий, 78-лѣтній настоятель прихода въ Вербѣже, давнишній другъ дра Дудыкевича. Въ с. Мишинѣ были арестованы иѣзуковы крестьяне, въ томъ числѣ бывшій русский депутатъ семія Миронюкъ-Залчукъ. Въ Яблоновѣ, печенѣженскаго у., былъ арестованъ мѣстный аптекарь А. Н. Котлярчука, а въ Коссовѣ, въ числѣ другихъ, судья А. О. Гуна.

(Дѣло, 1914 г. № 190).

Г. Коломыи. Въ концѣ, августа 1914 г., явившейся ко мігу на домъ, я, мое отсутствіе, жандармы съ солдатами пронесли тицателійский обыскъ. Когда я вернулся со службы домой, непрощенные гости явились вторично и зачищили мігъ, что я арестованъ. Затѣмъ, отвѣтилъ меня въ тюрьму при окружномъ судѣ и отданъ въ руки тюремному надзирателю Яничину. Послѣ передачи денегъ, надзиратель помѣстилъ меня въ камеру, вмѣстѣ съ двуми священниками

и иѣзуковыми крестьянами. Днажды въ день выпускали меня на полѣ часа въ тюремный дворъ подышать сѣльскимъ воздухомъ. Понеже пришлось быть предметомъ насмѣшикъ со стороны выгнанныхъ тѣхъ окопка преступниковъ, знающихъ уже о томъ, что я, вчера еще судья, нынѣ уже ихъ товарищъ. Ежедневно наводилъ и спрашивалъ о управлѣніи тюрьмой, не поступило ли доносъ жандарміи относительно моего арестованія, но, изъ сожалѣнія, таконаго я не дождался. Для меня было ясно, что мой арестъ, какъ и аресты другихъ русскихъ людей, являются актомъ прокона и политической мести. Чувствуя, что мои права гражданина и судьи грубо попраны, я стагъ было требовать сънятъ съ меня довѣрій судебнѣмъ съдователемъ и обращался даже къ предсѣдателю суда, но всѣ мои старанія оказались напрасными.

5 сентября 1914 г., утромъ, явился въ тюрьму военный патруль и понесъ насть, 47 человекъ, на вокзалъ, при чехъ имъ не было разрешено даже получить обратно сданную на храненіе

заключенныхъ. Обыкновенной нашей пищей была т. наз. барабаній гусицъ, вѣрѣ сказать — кусокъ барабаній жиры въ теплой водѣ. Въ виду запрещенія пользоваться ножами и вилками, были палыцами. Приходилось самому стирать бѣлье, подметать, чистить и поочередно выносить судно. Тверьма сранила всѣхъ...

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ правственныхъ и физическихъ переживаний мое здоровье сильно ухудшилось. Это воинъмъ вѣкоторое дѣйствіе и комідантъ поручилъ врачу заняться моимъ леченіемъ.

8 ноября 1914 г. допросилъ меня военный судъ, а также какъ судъ не располагаетъ никакими данными или уликами относительно моей виновности, то существенной частью допроса были лишь мои показанія о самомъ фактѣ моего ареста. Результатомъ этого допроса явилось мое освобожденіе, съ обязательствомъ доносить рапортъ военному суду о своемъ мѣстопребываніи.

Такъ какъ мое постоянное мѣстопребываніе — Коломыя находилась въ то время во власти русскихъ, то, по распоряженію воинъхъ властей, я уѣхалъ на жительство въ Вѣнѣ. Здѣсь заливалась я въ дирекціи полиції, поѣхѣ чѣго былъ вызванъ пѣ 4-й полицескій участокъ для выслушанія и подписанія условій конфінаторки. Не зная ничего о судьбѣ своей семьи, состоящей изъ матери, жены и двухъ малыши, я волей-неволей остался при Вѣнѣ. Просбы, съ которыми я обращался въ намѣстничество въ Бію, о евакуаціи съ меня по-дозорный или скорбящій разглаголіемъ моего дѣла, остались безъ послѣдствій. И только весной 1915 г., по отступлѣніи русскихъ войскъ изъ Коломыи, мое дѣло подвинулось впередъ. Дисципли-

нарное съдебное показало всю неоснательность моего обвинения и ареста, вследствие чего дальнейшее съдебное было приостановлено решением высшего львовского суда. Тогда не менее, я все-таки еще не был повсеместно изъят изъ своихъ гражданскихъ и служебныхъ правахъ, такъ какъ числился въ спискѣ подозреваемыхъ и конфирмированныхъ "руссофиловъ".

Не будучи въ состояніи перенести дальше свое положеніе, и, послѣ изъѣзжаго императорскаго распоряженія 1917 г. о пересмотрѣ дѣлъ конфирмированныхъ, подать вновь прошеніе въ намѣстничество въ Бѣль, прося отмѣнить конфирмовану, а затѣмъ, въ іюнѣ 1917 г., подать такое-же прошеніе въ управлѣніе военнаго надзора въ Вѣль, на что, по истечениіи двухъ мѣсяцевъ, получить изъ дирекціи полиціи въ Вѣль лаконический отвѣтъ, что "въ Вѣль несть никакихъ конфирмированныхъ", а поэтому, значитъ, и мнѣ ничто не препятствуетъ возвратиться домой.

Промутчнвшись, такимъ образомъ, полныхъ 3 года въ заключеніи и въ изгнаніи и совершивъ потерпѣть при этомъ адрорые и сиды, я возвратился осенью 1917 г. къ себѣ въ Коломыю, где и соединилъ, наконецъ, съ моей, тоже крайне испытавшейся и измученной семьей.

(Авторъ этихъ строкъ, советникъ суда Ф. А. Константинский, скончался въ прошломъ 1923 г. въ Коломыѣ отъ разрыва сердца).

(?) *Феофил Константинский*

С. Слободка Лѣсная. Павелъ Авксентьевичъ Глѣбовицкий, настоятель прихода Лѣсной Слободки, коломъ уѣзда, былъ арестованъ 18-го августа 1914 г. Послѣ перевода въ уѣздную тюрму въ

Коломыѣ, былъ обвиненъ въ государственной изменѣ, за мнимое подстрекательство крестьянъ противъ арміи во время проповѣдей и исповѣдей. Ложныя доказывали для обвинительного акта были представления мѣстными "украинцами"; съдебство и разбирательство произошли въ Мисковицѣ, но все-таки военнымъ судомъ о. Глѣбовицкій былъ оправданъ, а потому уже въ административномъ порядке отправленъ въ Тадергофъ, а затѣмъ въ Посеймъ въ Вѣцѣ въ Штиріи. Вернулся домой въ 1917 году и умеръ въ 1923 г. Сынъ его, Николай Шавловичъ, бывшій депутатъ австр. парламента, умеръ там же въ 1918 г. отъ чахотки, нажитой въ австрійской тюрьмѣ.

С. Соловьевъ. 16 августа 1914 г. былъ арестованъ жандармомъ и отведенъ въ тюрьму при уѣздномъ судѣ въ Коломыѣ. Вечеромъ, около 9 часовъ, вышелъ изъ тюрьмы чиновникъ уѣздного старосты и снялъ съ настъ допросъ. Всѣхъ заключенныхъ находилось около 20 человекъ. Около полуночи получили настъ вахтмейстеръ жандармѣрии, чтобы, въ виду предстоящаго съѣзданія во Львовъ, никто не пытался бѣжать, во избежаніе разѣзды на мѣстѣ. На вокзалъ провожало настъ восемь жандармовъ. Въ беневоліи почтвовали мѣстами только въ вагонѣ, такъ какъ вѣдь мы были ограничены отъ побоевъ и нападений. Во Львовѣ настъ размѣстили въ "Бригидкамъ", отвѣтъ предварительно часы и деньги. Тюремная охрана пользовалась нашимъ положеніемъ, ухватываясь эксплуатировать настъ на вѣс лады. Ежедневно извѣщали настъ о результатахъ продолжавшагося съдебства: "столпомъ - то иной до-пропено, столько-то повѣшено". Его лаконические бюллетени сначала наво-

дили на настъ животный страхъ, но затѣмъ мы уже привыкли къ его извѣстіямъ и не придавали имъ большого значенія. 27 августа предупредили настъ, что скоро выѣдемъ изъ Львова, а 28-го августа дѣйствительно мы простились съ "Бригидкамъ" и выѣхали по направлѣнію къ западу. Путешествіе черезъ Галичину было очень тяжелое. Мы не получали ни пищи, ни воды, и только въ Чехіи положеніе настъ замѣтно улучшилось. 30 августа мы прѣѣхали въ Тerezинъ.

Селицъ Михаилъ Романовскій

Расправа въ Угорополѣ.

(Рассказъ кр. В. Р. Гришка.)

У меня была семья, домъ, свое хохольство, на которомъ я трудился 52 года, а сегодня пришлось изъ одной рабоцѣ, безъ родинки, бѣжать передъ рабоціничимъ набѣгомъ австрійскихъ солдатъ и мавенциевъ изъ окрестныхъ деревень.

Когда къ нашей деревнѣ подошли русскіе войска, австрійцы отступили въ горы и скрылись въ лѣсахъ за рѣкой Пистынскої. Съ russkими солдатами надалились на насъ скоро прекрасныя отношensiя. Между тѣмъ, австрійские жандармы приходили съ горъ, переодѣвались въ крестьянское платье и поплызлись содѣйствиемъ евреевъ и мавенциевъ, чтобы собирать свѣрѣйши обо всемъ, что касалось отнosiеній мѣстныхъ жителей къ russkимъ солдатамъ. Ежедневно бѣжали черезъ наше село верхомъ ка-кіе-то люди въ м. Яблоново и Коломыю.

12 сентября 1914 г. заплыли въ лавку Евстафія Лучки австрійскіе жандармы съ пісокольскимъ мавенциемъ и приказали подать себѣ вакуумъ. Покупашъ, взяли въ лавкѣ керосину и подожгли по очереди дома сознатель-

изъѣхавшихъ русскихъ крестьянъ. Въ домѣ И. Стружка находилась только его старуха-матъ, такъ какъ его самого раненіе арестовали. Старуха, замѣтивъ приближающихся къ дому жандармовъ въ каскахъ, вышла на вѣтру и умоляла пощадить ея домъ. Но удары по головѣ прискакавшіе были отбиты на ея мольбы. Арестованъ затѣмъ около 29 крестьянъ, жандармы ушли въ Коссовъ.

Въ воскресеніе, 14 сентября, когда крестьяне выходили послѣ Богослуженія изъ церкви, жандармы вновь устроили охоту на нихъ и опять арестовали около 30 человѣкъ, такъ что въ деревнѣ осталась одна женщина и дети.

Черезъ пѣкоторое время русскіе войска отошли въ Коломыю. Это произошло въ четвергъ вечеромъ. Въ пятницу утромъ изъ лѣса вышли пѣколько солдатскихъ и жандармскихъ австрійскихъ патрулей. И сейчасъ одѣялъ въ кипарь (верхняя одежда гулузовъ) и побежалъ изъ села въ направлѣніи Коломыи.

На верху горы я услышалъ по-зади себѣ выстрѣлы и странные крики. Отглянулся и отсѣгѣлъ. Австрійцы группами подходили къ крестьянскимъ избушкамъ и поджигали ихъ. Со стороны Пистыни видно было тоже облако дымъ и зарево пожара и слышались выстрѣлы. Женщины съ дѣтьми съ отчаяніемъ вопляли бѣжали, а солдаты и жандармы гнали ихъ на нихъ и беспощадно разстрѣливали ихъ на юбку.

Уѣхалъ въ ужасѣ отъ этой страшной картины, и только со склону центральнаго холма рѣшился посмотреть на родное село. Но кромѣ облаковъ дыма и зарева, покрывавшихъ все село, я не могъ ничего болѣе увидѣть. Исадили

раздавались отдельные ружейные выстрелы.

Такъ и побѣжали дальше и на силу добралиъ пѣшкомъ во Львовъ.

(«Прик. Русъ», 1914 г. № 1454.)

Въ тюрьмѣ, въ арміи и на свободѣ. (Разказъ б. «ландштурмиста».)

Поѣхъ я попасть изъ ряды арміи, успѣхъ побѣжать изъ ряды тюремщихъ изъ Галичинъ и Венгрии, бытъ подъ поеннымъ судомъ, судися какъ „изъѣнцы“, и только послѣ погнали меня на фронтъ.

Послѣ объявленія мобилизациіи, жандармы, а даже акционеры стражники арестовывали всѣхъ, кого подозревали изъ „руссофилістовъ“. Въ с. Городицѣ, славившемся своей „неблагонадежностью“, было арестовано 5 членовъ, изъ томъ числѣ я и сынъ местнаго священника, юристъ адвокатъ И. В. Коророскій. Всѣхъ „руссофилістовъ“, въ томъ числѣ гуситанскаго бургомистра, епера Кавалка (искорѣ, пріютомъ, отпущенія на свободу) и уѣзднаго инженера-полія, держали сначала изъ гуситанскогомъ арестомъ дома, а затѣмъ, подъ компромѣтъ акционеровъ стражниковъ, отправили въ Коломыю. Коломыськая тюрьма была биткомъ набита русскими галичанами. Изъ числѣ узниковъ были судя А. О. Гуда изъ Коссова, сынъ А. Генкентичъ изъ Коссова, его сыны, судья А. Генкентичъ, сынъ Николай Семеновичъ изъ Коломыи, сынъ М. Ленинскій изъ Вербѣжа, б. членъ альстрійского парламента д-ръ Н. П. Гѣбоницкій, его отецъ сынъ Павелъ Гѣбоницкій и др. Число арестантовъ все увеличивалось. Принесли страшно избитыхъ, изуродованныхъ—учителя изъ Хоросткова Кенса съ сыномъ Ампюсемъ, которыхъ

избила еврейско-мазепинская толпа, сначала въ Хоростковѣ, а затѣмъ въ Кошчиццахъ, когда ихъ вели изъ суда на вонзаль, такъ какъ конвоировавшіе ихъ жандармы приказали нарочно извозчикуѣхать медленно, чтобы толпа могла выместить на нихъ свою злобу, причемъ старѣкъ Кенъ потерпѣлъ даже сознаніе отъ побоевъ. Кстати сказать, оба Кенса были изъ кандалахъ, такъ что не могли парировать наносимыхъ имъ ударовъ.

Въ Коломыѣ держали настъ около мѣсяца, а когда русской войска стали приближаться, настъ увезли изъ Штадтмарѣ Немети изъ Венгрии, причемъ на всѣхъ станціяхъ настъ обѣщали каміями. Когда мы изъ вокзала изъ Штадтмарѣ Немети вѣзли изъ вагоновъ, на настъ бросилась толпа съ кусками каменного угла. Били, какъ аѣрѣ, посыпалась отборная ругань. Особенно досталось сподвижникамъ Ленинскому (80 лѣтъ) изъ Вербѣжа и Семенову изъ Коломыи.

Мы были ополчены этой встрѣчей и особенно тѣмъ, что всѣ эти насильники, здесь, въ глубокой Венгрии, говорили по польски. Секретъ вскорѣ раскрылся. Банда громила, около ста членовъ, были поляки, почти исключительно интеллигенты: чиновники, жеѣланодорожники, учители, бѣжавшіе передъ „москальами“ изъ Восточной Галичинъ. Для нихъ была устроена изъ Штадтмарѣ колонія. Узнать заблагопримѣнно о нашемъ приѣздѣ, они собрались на вонзаль, чтобы встрѣтить настъ должнымъ образомъ.

Въ Штадтмарѣ держали настъ четверо сутокъ изолертъ, стъ сопоромъ темъ магазинѣ какой-то мазельши. Сыни мы изъ сырой, горой земли. Затѣмъ настъ отправили изъ Мискольца, изъ военную тюрьму. Тамъ было уже

около 600 человѣкъ галичантъ, изъ томъ числѣ до 200 человѣкъ интеллигентовъ; были тоже чехи (две изъ нихъ—запасные офицеры) и нѣсколько словаковъ. Отношения были довольно сносны, благодаря чехамъ и словакамъ, смотрѣвшимъ за порядкомъ. Но всѣ—таки слушались тѣжелы, гнусныя сцены. Напр., тюремный унтер-офицеръ, вѣнѣцій еврея, приставалъ ко всѣмъ молодымъ крестьянамъ, а особенность къ одной красивой гуцуликѣ. Гуцулика съ отране нѣмъ отклонила его гнусныя предложеія, однако, евреи не унимались, а даже, случайно захвативъ ее, изнасиловали ее.

Солдаты изѣмцы и мадыры крадли пищу, присваивали себѣ деньги узниковъ и т. п.

Всѣхъ узниковъ привлекали къ военному суду станицаевской дивизіи, пребывающей въ то время изъ Мискольца. Конкретной вины не доказали никому. Все сводилось къ вопросу: „что

такое „руссфилии“ и „украинци“ и почему первые не желаютъ называть себя „украинцами“? Военные суды совершенно не понимали причинъ, которыяставились въ вину узникамъ, но, несмотря на это было решено задержать всѣхъ арестованныхъ въ тюрьмѣ до конца войны. Кроме того, двое крестьянъ были приговорены къ 10 годамъ тюремного заключенія, одинъ за отказъ дать солдатамъ подводу, другой же за разборку тѣлѣгъ, когда солдаты хотѣли реквизировать ее для отступающихъ войскъ. Всѣ обвиненные къ воинской повинности были „амнистированы“ и привлечены военную службу, а съ ними и я былъ отправленъ изъ Кошицъ, а оттуда въ Левочу, въ 95 п. полкъ. Въ Левочѣ была образована изъ арестованныхъ особая часть и отправлена на фронтъ въ Галичину, где я и попалъ къ русскимъ изъ шаги.

(«Прик. Русъ», 1914 г. №№ 1482—4.)

Львовский уѣздъ.

Дѣт мобилизациіи.

Находясь на положеніи пасынка, русскій народъ въ Австро-Габсбургской империи долженъ быть, естественно, искать своей подлинной правды, своихъ собственныхъ культурно-национальныхъ путей. Близость русскаго кордона; этнографическое и вѣроисповѣдное единство народа, живущаго по обѣ стороны б. австро-русской границы, а кроме того напряженная и стремительная эмиграция изъ

не въ полной темнотѣ, такъ по крайней мѣрѣ подальше отъ исторической правды, — онъ долженъ быть, естественно, искать своей подлинной правды, своихъ собственныхъ культурно-национальныхъ путей. Близость русскаго кордона; этнографическое и вѣроисповѣдное единство народа, живущаго по обѣ стороны б. австро-русской границы, а кроме того напряженная и стремительная эмиграция изъ

заодно яркъ врагъ русскаго мѣра въ нашей же русской средѣ, съ другой. И, хотя часть мѣстнаго русскаго населения и сократилась на ложный и пра-дательскій путь, указанный австро-и-мѣцкой агитацией, то все-таки большинство, въ частности же—сѣрия народныхъ массы не послушались и не убоялись тѣхъ язомамбрѣнскихъ наущеній, которыми австрійская администрація, жандармы и школа старались вызвать въ умыхъ галицко-русского народа ненависть и презрѣніе къ главному его национальному ядру, къ вскордному русскому народу. Эти массы сохранили идею национальнаго и культурного единства и подъ этимъ угломъ шла у насъ въ Галичинѣ, заѣлько десѧтилѣтъ до войны, вся народно-просвѣтительная работа.

Неразработанность природныхъ бого-гатствъ края, склонность и безнадѣйность мѣстнаго сельскаго хозяйства, экономическое порабощеніе и эксплуатациія населения, состоящаго почти исключительно изъ крестьянъ и весьма немногочисленной мѣрской и духовной средней интелигентіи, заставляло изъ-которыхъ болѣе энергичныи и видучиыи единица обратить свое вниманіе на экономическое укрѣпленіе народа и работать для народа въ этомъ направлѣніи. Сѣдовольчально, вся наша обще-ственная жизнь, не въ примѣръ другимъ народамъ, шла въ двухъ параллельныхъ направлѣніяхъ: созданіемъ собственныхъ русскихъ бургъ, являвшихся единственно возможнымъ въ данныхъ условіяхъ спороготомъ русской школы, и весями медленного, но упорного распространенія среди народа кооперативныхъ началь для товарооб-мена деревни съ городами. Работа, требовавшая упорного труда, исключав-

шая уже по своей природѣ всякаго рода политику,—однако же стоявшая въ дни разравнивавшейся въ 1914 г. міровой войны многихъ тысячей жизней русскихъ галичанъ...

Какъ для австрійскихъ властей, такъ и для нашей культурной и общественной жизни, городъ Львовъ явился центромъ, откуда исходила вся просвѣтительная и экономическая дѣятельность русской организаций и распространялась по губѣ Галичинѣ, путемъ ли печатного слова, или же путемъ устройства разнаго рода курсовъ, а также командиниковъ въ юзданы инструкторовъ для учрежденій на мѣстахъ читаленъ и кооперативовъ.

Поэтому неудивительно, что въ присоединеніи 1914 года львовскіи тюремы скороѣ и болыше всѣхъ наполнились нашими людьми.

Не бездѣствовали наши передовные люди передъ войной, не покладая руки помогали они народу двигаться на высшую ступень культурынаго развитія, но одновременно не дремали и тѣ, кто синтезировалъ на свои прагмати, въ особенности же работали и старались втихомолку, прещеные австрійцами, доморощенные наши „украинцы“. Задлаго-время составлялись списки — сначала видѣнійшихъ русскихъ народныхъ дѣятелей, а затѣмъ узкіи и всѣхъ, кто только писалъ свою фамилию этимологически или читалъ хотѣлъ самую безводную русскую газету или книжку.

Наступили дни военной мобилизации для защиты Австрии отъ вѣнѣшнаго врага — России...

А вѣѣсть съ военной мобилизацией началась не меѳѣ грозная и полесмѣстная у насъ въ Галичинѣ тюремная мобилизация русскихъ людей, заподозрѣнныхъ не въ содѣяніи преступлений

а исключительно только въ томъ, что они могутъ въ будущемъ это преступление совершилъ. И въ изувѣбрскомъ предвидѣніи этого, только предполагаемаго еще, могущаго въ будущемъ совершилъ преступленій, появилась невинная кровь, заработка висѣлицы, наполнившись тюрами до краю. Ясно и откровенно сказано оѣъ этомъ въ подзаглавшемъ манифѣстѣ императора Карла, которымъ онъ рассордился въ 1917 г. отпустить нашихъ узниковъ на свободу; „Zur Motivierung dieses Vorganges weist k. u. k. Regierung darauf hin, dass die zum Kriegsbeginn als Vorsichtsnahme veranlaßte Internierung von unverlässlichen eigenen Staatsangehörigen nur für kurze Zeit zur Hintanzthalung der Störung der Mobilisierung gedacht war.“*)

И можно безъ преувеличеній сказать, что, еслибы австрійскіи тюремы были попросторѣ, да бы было ихъ больше, тогда ревнители австрійской государственности были бы валери на вихъ весь галицко-русскій народъ. Какъ доказательство, приводимъ текстъ одной изъ телеграммъ галицкаго намѣстника къ провинциальному властимъ, извѣщеніи изъ архива б. намѣстничества, который въ русскомъ переводе гласитъ:

„Всѣхъ арестованыхъ политическихъ подозрѣваемыхъ, недлаговедомыхъ русофиловъ и т. п., поскольку они еще не преданы военному суду, высвѣтить немедленно въ львовскую тюрьму; арест-

*) „Въ обласненіи этой мѣры и въ практикахъ упоминается то, что произведенія въ началь войны интерирована собственность сомнительныхъ гражданъ была расчищена только на непродолжительное время для предупрежденія посыпокъ помѣшать мобилизациѣ.“

становать всѣхъ, кто только подозрителенъ.“*)

И действительно арестовывалось все, ниголоно, безъ разбора. Старики, женщины, дѣти, здоровые и больные, разумные и кородивы, люди съ положениемъ и бездомные нице,—а о результате этого патріотическаго рвени, столъ тяжелымъ бременемъ сналившагося на насъ, снѣдѣтельствуясь другая телеграмма того-же намѣстника на имя предсѣдателя краковской судебнай палаты. Содержание ея слѣдующее: „Лан-цутскій староста сообщаетъ, что у него не имеется болыше мѣстъ для политическихъ узниковъ; прошу поручить начальнику суда въ Ланцутѣ принимать арестантовъ въ тюрему, даже въ темпъ случаѣ, если бы она временно была переполнена, о привыкты же мѣбрахъ немедленно мѣръ донести. Принимаются мѣры къ переводу этихъ арестантовъ въ Ринецъ или въ другіе края.“**)

Наравнѣ съ ланцутской тюрьмой были переполнены также и тюремы другихъ галицкихъ городовъ и мѣстечекъ. Невозможно перечесть всѣхъ пострадавшихъ, такъ какъ одно собирание материаловъ, въ виду ужасающихъ размѣровъ этихъ сплошныхъ арестонъ, продлилось бы на цѣлыѣ годы. А приведенныи здѣсь данными являются лишь приложи и характернѣйшая частичка того отношенія и тѣхъ неразбирающихся въ

*) Поданія по посыпкамъ: Wszystkichъ арестowanychъ politycznychъ подозрѣваемыхъ, nieprzy-nychъ mѣstofol i p. r. do nie oddano ichъ. Jaz godomъ wojskowymъ odnosil zaraz do wiezienia we Lwowie; aresztowad, co tylko podejrzane.“

**) Поданія, но посыпкамъ: „Stoszci fan-ducta domai, ale nie ma gdzi pomieszczać aresztan-tychъ politycznychъ; proszъ poleci naszelnikowi siedu w Lanicu, przypomiar aresztantow do wiezienia wojennego, gdyby zadowolone zwieto bylo wiekszychъ podzielnic, o przesadzeniu mniej zaraz domiesc. Przeniesienie tychъ aresztantow do Rzeszowa albo do innychъ krajowъ w toku.“

средствах премоевъ, которые примѣнились Австрией къ галиции русскому народу, чтобы вонкетъ уничтожить его национальное самосознаніе, имя и даже самое его бытіе...

Аресты и закрытие русскихъ обществъ во Львовѣ.

„Многие „москофильские“ дѣятели заблаговременно уѣхали въ Россію, между прочимъ — Бендаускѣ, Дудынекевичъ, Глушкевичъ. Бендаускѣ уѣхалъ изъ принятой православіи въ Харьковъ.

Во Львовѣ также производятся аресты „москофиловъ“, между прочимъ арестованъ Папинецъ, директоръ „москофильской“ львовской „Самопомощи“. „Прикарпатская Русь“ перестала выходить.

Произведены аресты среди „москофиловъ“ также въ Городѣ, Бобрѣ и другихъ городахъ. Аресты подверглись такжепольские „москофилы“. Въ Краковѣ арестованъ попыкъ депутата Заморскаго, извѣстный „москофилъ“, а его газета „Polska Gazeta Ilustrowana“ закрыта¹⁴.

(„Діло“, 1914, № 17/18720.)

кевичемъ, Глушкевичемъ и другими выдвинутыми „москофилами“,ѣхъялъ въ Россію¹⁴.

(„Діло“, 1914 г. № 172 (4 августа).

„Вчера, по приказу намѣстничества, прекращена дѣятельность „москофильскихъ“ обществъ: „Народный Домъ“, „Общество им. Михаила Кацковскаго“ и всѣхъ другихъ „москофильскихъ“ обществъ. Для упраздненія имущество всѣхъ обществъ, назначенны правительственные комиссары¹⁴.

(„Діло“, № 178 за 1914 г. отъ 5 августа).

„Въ очердномъ порядке полиція приступила къ дѣятельности слѣдующихъ „москофильскихъ“ обществъ во Львовѣ: „Русская Рада“, „Общество русской дамы“, „Свято-Владимирское Общество“, „Союзъ русскихъ дружинъ въ Австрии“, „Русская дружина во Львовѣ“, „Общество русскихъ женщинъ „Линии“, „Кружокъ русскихъ студентовъ-техниковъ“ и „Другъ“. Помѣщенія всѣхъ названныхъ обществъ описаны¹⁴.

(„Діло“, 1914 г. № 174.)

Происшествія во Львовѣ.

(Сообщение А. И. Веретельника).

Въ день объявленія мобилизаціи появилось въ польскихъ газетахъ сообщеніе объ арестованіи депутатовъ дѣра Д. А. Маркова, а-ра К. С. Черночаковъ и Н. Ю. Несторовичъ. Тѣ же газеты сообщили, что ден. Марковъ будетъ преданъ военному суду за государственную измену.

Ото первыхъ извѣстій о начавшихся арестахъ русскихъ людей въ Галичинѣ сразу же подняло задоръ русофобской печати. Мазепинскіи и польско-епреїскіи газеты (особенно „Wiek Nowy“ и „Gazeta Wieczorowa“) почувствовали, что

наступило время расправы съ той частью русскихъ галичанъ, которые, несмотря на всякаго рода преслѣдованій, остались вѣрными своей русской национальности. Всѣ эта печать сразу подняла неистовый крикъ: „Вѣхъ, „руссифіологъ“ сгѣдуетъ предать суду! Вѣхъ ихъ сгѣдуетъ перевѣзти!¹⁴

Во Львовѣ сейчасъ на первыхъ порахъ были арестованы: З. П. Финиковскій, И. Плоцкій и директ. „Самопомощи“ ІІа. М. Пашкевичъ. Чтобы воевѣдѣніе толпу противъ арестованыхъ, полиція сама распространяла слухи о томъ, что, напр., Пашкевичъ, б. аристо-фіе, будто бы былъ арестованъ въ моментъ, когда собралась сообщить русскому консулу австрійскій павѣтъ моей лиціи, и что за это его немедленно расстрѣляли. Даже женѣ его, покидавшей повидаться съ мужемъ, комиссары винили то же самое.

На слѣдующий день, 1 авг., были арестованы оставившие въ городѣ сотр. „Прикарпатской Руси“ К. Н. Пелешатъ и д-ръ И. А. Гриневецкий,

а также управляемый конторой К. Р. Елбера. Послѣ этого посадѣвали уже массовые аресты русскихъ во Львовѣ и въ провинціи. Ежедневно приподнялся подъ конвоемъ партий арестованыхъ;

среди нихъ были интеллигенты, крестьяне, женщины и дети. Во Львовѣ, напр., былъ арестованъ, между прочими, 11-лѣтій ученикъ город. народ. училища Санка Сава... „руссифіство“, равн. какъ и 12-лѣтій гимназистъ Михаилукъ изъ Мерніч. Въ ту же тюрму привезли дочерей син. Бачинскаго изъ Васичинъ, двоихъ лѣтъ 13-ти и 15-ти, а также ихъ 16-лѣтнаго брата-гимназиста. Мальчика Санку держали сначала въ полиціи, где его избили до крови, затѣмъ перенесли въ

уголовную тюрьму, а оттуда вывезли въ партий арестованныхъ въ Тересіенштадт. Одновременно правительство было закрыты всѣ русскіе общества и учрежденія въ цѣлой Галичинѣ.

Положеніе русскихъ галичанъ становилось прямо неизносимымъ. Мѣстная польская мазепинская печать стъ восторгомъ и въородствомъ сообщали все новыя извѣстія объ арестахъ и казняхъ, въ особенности крестьянъ, Мазепинскіи газеты („Діло“ и „Руслан“) печатали цѣлые фельетоны о томъ, какъ вѣзали и расстрѣливали русскихъ въ провинціи (напр. въ с. Скоморохахъ, сокальск. у.) и во Львовѣ. Въ намѣстничество, въ полицію, въ болѣе всего въ канцелярію военнаго коменданта, все время сыпались доносы мазепинцевъ на русскихъ людей. И такой доносъ, что тогъ или другой является человѣкомъ русскихъ уѣхѣдѣй, довѣга, чтобы его, какъ измѣнника или шпиона, сейчасъ же арестовали, а то и казнили даже.

Знакомый фельдфебель, придѣленный къ канцеляріи штаба коменданта корпуса, сообщилъ мнѣ, что мазепинцы прямо заявляютъ канцелярію письменными доносами. Знакомый почтовый чиновникъ рассказалъ, что черезъ его руки ежедневно проходили сотни открытихъ мазепинскихъ писемъ, приблизительно сѣмьдесятаго содержаній: „Считаю своимъ гражданскимъ долгомъ сообщить, что слѣдующій лица... являются русскими“.

Чтобы поощрить кровожадную толпу въ ея патріотическомъ рвении, правительство назначило даже доносчикамъ денежное вознагражденіе въ суммѣ 10 коронъ за каждого „руссифія“.

Изъ множества фактовъ приведу, напр., слѣдующіе: настоятеля прихода с. Стоянова, о. Сохагацкаго, 80 лѣтъ,

которого вели въ тюрьму съ партіей крестьянъ съ вокзала Подамче, толпа избила до потери сознанія. Мученика пришлось отправить въ тюремную больницу.

Я бытъ тоже свидѣтелемъ слѣдующаго факта: съ главнаго вокзала вели царгію арестованыхъ въ тюрьму „Бригадицъ“. На Городецкой ул., възвѣжъ ка-зармы Фердинанда, толпа убила каминами священника. Когда онъ упалъ подъ ударомъ палокъ и каминами, конвойный солдатъ покинулъ его еще разъ изъ всѣхъ силъ приказомъ. Солдаты сняли съ по-коиника кандалы, посыпъ чего крестьяне, взвѣжъ трупъ на руки, понесли съ собой въ тюрьму...

Утромъ 6 авг. арестовали и меня. Въ тюрьмѣ всѣ камеры были переполнены. Спать не было гдѣ, приходилось сблюдать очередь. Быть давали разъ въ сутки. Тюремные надираторы и по-лицейскіи обращались съ нами безчеловѣчно.

Вѣтѣтъ со мною сидѣли въ камерахъ: М. И. Гуменкій, Р. Ф. Гаукеновичъ, К. М. Чистъ, свящ. А. Билинкевичъ, К. Н. Пелешатый, свящ. Скоробогатый и Н. К. Островской.

Въ сбѣдной камерѣ находились: д-ръ И. Л. Гриневецкій, К. Р. Клебер, П. П. Гаталинъ, д-ръ Н. Е. Заступецъ, Р. И. Шкіріантъ, Ю. Кисльевский, М. И. Голінатый, Морозъ, П. Одинацъ и гж. Матковская, Присасекская и Плонданская.

Характерный случай для тѣхъ от-ношений, въ которыхъ приходилось жить русскимъ людямъ до занятій Львона русскими войсками, это арестъ банков-чиновника г. Островского. Онъ возвра-щался около 8 часовъ вечера домой. Какой-то человѣкъ, увидѣвъ его на улицѣ, обратился къ проходившему офицеру: „Прикажите арестовать этого

господина, онъ навѣрное россійскій шпионъ; я слышалъ, какъ онъ у парикмахера говорилъ по русски“. И этихъ словъ проходившаго было достаточно, чтобы арестовать ни въ чёмъ неповиннаго человѣка.

Отъ вновь поступившихъ арестантовъ мы узнали, что настъ отдалуть подъ военный судъ, по обвиненію въ государственной измѣѣ. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что тактъ-же говорили намъ и комиссаръ полиціи. Послѣ этого отвезли меня и сына на по-зицію.

Послѣ со-
ставленія
краткаго про-
токола комис-
саромъ Смуз-
кой, заявив-
шимъ, что имѣется телес-
графное пред-
ложение жан-
вариеръ изъ-
Забыя о на-
шемъ арестѣ,
быть препро-
водили въ
тюрьму по ул.-
Батори, при-
чемъ мени по-

(„Прик. Русъ“, 1914, № 1426)

Изъ записокъ пок. д-ра Владимира Ив. Антоневича.

Военная мобилизация захватила мены съ синомъ гимназистомъ на канникулахъ въ с. Буркутъ въ Забыя. Полевоѣтъ пришлось прервать отдыхи и спѣшить обратно домой въ Львовъ.

Узнавъ здесь о произошедшихъ многочисленныхъ арестахъ и иныхъ при-
дирчивости и неразборчивости австрій-

скихъ администраційныхъ властей, я
тумъ было предпринять кое-какія мѣры
предосторожности, но было уже поздно.
27 августа 1914 г. явился ко мнѣ на
квартиру по ул. Скалик двое сыпчиковъ,
которые произвели у меня тщательный
обѣскѣ, причемъ забрали нѣсколько
бѣлобандныхъ открытокъ отъ Ю. А. Явор-
скаго, В. Ф. Дудыкевича и С. Ю. Бен-
таска, а равно нѣсколько фотографи-
ческихъ кишѣ видотовъ г. Львова, сня-
тыхъ въ свое время моимъ сыномъ.
Послѣ этого отвезли меня и сына на по-
зицію.

Послѣ со-
ставленія
краткаго про-
токола комис-
саромъ Смуз-
кой, заявив-
шимъ, что имѣется телес-
рафное пред-
ложение жан-
вариеръ изъ-
Забыя о на-
шемъ арестѣ,
быть препро-
водили въ
тюрьму по ул.-
Батори, при-
чемъ мени по-

роша полковой врачи“). То-же происхо-
дило, когда вели настъ впослѣдствіи изъ
„Бригадицъ“ на вокзалъ. Полицейскіе
(№ № 129, 130, 374) били, куда по-
шли. Послѣ каждого „раннѣй“
(„szluszuj“) сгѣзовывать ударъ приказа-
комъ. И трудно было угодить научен-
нымъ стражникамъ, такъ какъ впереди
мени шелъ хромой старичокъ Рудко, спотыкавшися на каждомъ шагу и мѣ-
нявшій мѣръ иди равнъимъ съ
другими.

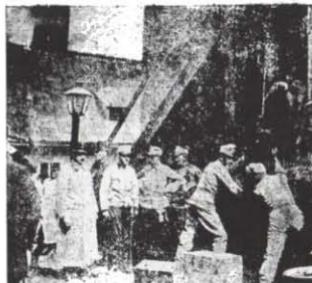
Самый перѣѣздъ по Галичинѣ
быть очень тяжелъ — даже для людей
съ жаждыми нервами. Только, когда нашъ
шезлонгъ перевѣхалъ на чешкую землю, мы
вдохнули легче. Жандармскія браны:
„zbgajsu“, „toplaskofile“ и т. п.,
которою встрѣчили настъ на
каждой станціи въ Галичинѣ, замѣнилась дру-
жескими, сердечными привѣ-
томъ, „na zdar Russove“!..

(Д-ръ мед. В. И. Антоневичъ скон-
чался отъ тифа въ 1916 г. въ Талер-
гофѣ).

—

Знесенье въ Львова. Въ
Знесеньѣ арестованы въ 1914 г.
русскихъ людей мѣстный комендантъ
жандармеріи, вахмистръ Беднарскій.

Первый бытъ арестованъ мѣстный
полдомщикъ Лука К. Старицкій, состояв-
шій уже нѣсколько дней на военной

службъ. Старницк служилъ во Львовѣ, а почечать приходилъ домой. Ночью явились къ нему два жандарма и приказали сѣдовать въ часть, а оттуда подъ конвоемъ отправили его въ военную тюрму, въ концѣ же августа вывезли съ эшелономъ въ Талергофъ.

Дальше были арестованы:

Фома Семенъ, б., предсѣдатель мѣстной читальни; его вывезли въ Терезинъ, а затѣмъ въ Талергофъ и Грацъ, откуда уже, несмотря на преклонный возрастъ, отправили въ армію на фронтъ.

Учителница Марія В. Сѣкорская была вывезена въ Терезинъ, а поѣзду отправлена въ Вѣну въ тюрму.

Василий Наориничъ, не пожелавший выдать свою doch замужу за жандарма, былъ арестованъ постыдниками, а затѣмъ вывезенъ въ Талергофъ.

Илья Вас. Петринецъ былъ вывезенъ въ Талергофъ; умеръ черезъ недѣлю поѣзду возвращеніи домой.

Мѣстный настоятель прихода о. Альянъ Билинкевичъ былъ арестованъ и вывезенъ въ Талергофъ вместе съ злымя сыновьями, которыхъ затѣмъ всѣ были отправлены на фронтъ, причемъ одинъ изъ нихъ, преподаватель гимназии Северинъ Алоизовичъ, былъ контуженъ, оба же другие, Владимиръ и Іоанъ Алоизовичи, были убиты.

Иванъ Тарновскій былъ посаженъ въ тюрму во Львовѣ, откуда былъ освобожденъ русскими войсками.

Иванъ Котулинскій былъ арестованъ за родство съ Л. Старницкимъ; изъ тюрмы освобожденъ русскими войсками.

Григорій Котулинскій, товарищъ предсѣдателя мѣстной читальни, былъ арестованъ по доносу мѣстныхъ мазепинцевъ; освобожденъ русскими.

Иванъ Вацекъ, всасуль мѣстной "Русской Дружины", былъ арестованъ

въ полку, но въ 1916 г. призванъ обратно на военную службу.

Екатерина Старницкая, жена Л. Старницкаго, была арестована поѣзу отступлѣнія русскихъ, по доносу мазепинки Маріи Струкъ, что въ ея домѣ помѣщались русские солдаты, на затѣмъ была военнымъ судомъ оправдана.

Всѣ перечисленныи лица принимали живое участіе въ народно-прогрессивной жизни с. Знесеньи, а потому изнашивались созою въ глазахъ враговъ русского народа, которые и воспользовались военнымъ произволомъ, чтобы обезвредить ихъ и упрятать подальше. И дѣствительно, что имъ отчасти удалось. Дома вернулись не всѣ...

Въ с. Дмитриѣвъ было убить крестьянинъ Н. Феджора. Изъ той-же деревни австрійскіе солдаты увили крестьянъ: Д. Феджору, В. Бобилка, П. Жидка, Ф. Паренчука и священника Романовскаго.

Въ с. Ланахъ было убить крестьянинъ А. Базиль, уведены мадырами И. Лазуркевичъ, М. Кревилюхъ и И. Деда.

Экзекуція во Львовѣ.

Изъ с. Сердица были уведены: М. Деркачъ, Г. Курахъ (70 лѣтъ), М. Филипъ, И. Гавриль, М. Гордатъ, И. Кухарскій, И. Кухарскій (18 лѣтъ), Ф. Пачининъ, Ф. Крупачъ, М. Гаврилюкъ (60 лѣтъ), Н. Грехъ (14 лѣтъ), М. Бернатъ (60 лѣтъ) М. Киянъ, И. Могуратъ и неизвѣстный крестьянинъ

изъ с. Песковъ. Всѣхъ предварительно избили до кроинъ. Для характеристики отношеній слѣдуетъ замѣтить, что въ этой деревнѣ арестовывались австрійцами всѣ, кто только посмѣть выйти изъ дома.

Въ с. Вербѣжъ были арестованы: о. Ю. Гумецкій, д-ръ И. Ю. Гумецкій, В. Кмидинкевичъ, О. Дынквъ и О. Тхоропскій.

Въ с. Запытовѣ еще до началы войны были арестованы М. Химка и П. Козюба. 29 августа 1914 г. сюда явились передовцы русской отряды, однако, уже на слѣдующій день ушли обратно. Сейчасъ появились въ деревнѣ австрійскій разг҃ядъ. По доносу мазепинки Хомяка, будто бы крестьяне сами притащили русскихъ въ деревню, австрійцы повѣсили 16 человекъ, въ томъ числѣ одну женщину. Крестьянинъ Цыганъ взяли съ собой, мучили четыре дни, а когда подошли русский войска, австрійцы убили.

("Прав. Рус.", 1914 г. № 1429).

Въ с. Новомъ Ярчеѣвѣ еще до начала войны было арестовано гимназистъ В. Сварычевскій. Въ с. Старицѣ - Ярчеѣвѣ австрійскіе войска захватили съ собой при отступлении: И. Когута, С. Ваврича, И. Тиса, М. Куліка, И. Ткача, М. Ткача, Т. Йоршника, Д. Ільчиника и О. Тараса. Въ томъ-же селѣ закололи Г. Масла.

Въ с. Цеперовѣ были арестованы Г. Павлишинъ и Ф. Сысакъ.

Въ с. Вел.-Подольскахъ были арестованы свящ. О. Яворовскій и студ. Г. Головачъ.

Въ с. Руданцахъ было арестовано крестьянинъ Н. Долгантъ, во времѣ же отступлений въ томъ-же селѣ быть убитъ крест. М. Долгантъ.

Въ с. Мал.-Подльскагхъ были арестованы и уведены: Г. Мацехъ, С. Макогонъ, А. Ломага, Н. Ломага, Ф. Ломага, И. Оробеевъ, М. Ткачъ и Анна Морозъ. Въ томъ-же селѣ были убиты: А. Маслюкъ, Д. Михайловъ, и Г. Сидорянъ.

Въ с. Жидатицахъ были арестованы крест. Т. Михаюкъ и студ. И. Михаюкъ.

Въ с. Малаховѣ было арестовано четверо крестьянъ.

Въ с. Стройтицы было уведено: А. Прищникъ, Л. Палиюкъ и С. Ястрембскій.

Въ с. Ситѣховѣ было арестовано шесть крестьянъ.

Въ с. Пикуловичахъ бѣжаліе, послѣ сраженія у Краснаго, австрійцы захватили крестьянъ: В. Харківка, Н. Бачинскаго, Б. Фридланда, Ф. Бараша, А. Мартинкова, В. Коваля, Н. Конали, К. Легкаго, М. Скобанскаго, И. Дачкевича, А. Конали и Н. Пенчура. Арестованныхъ были прикладами и саблями. Въ томъ-же селѣ солдаты, арестовавъ крестьянинъ И. Таращукъ, повезли его въ сосѣднєе село Прусы и тамъ, въ присутствіи нѣсколькихъ крестьянъ, обрѣзали ему губы и пальцы у руки и ногъ и, наконецъ, надѣли надѣли полумертвымъ уже отъ страшныхъ мученій человѣкомъ, положили ему на грудь доску и задавили несчастнаго на смерть.

Въ с. Борщевицахъ были арестованы и вывезены 16 крестьянъ, въ томъ числѣ 85-лѣтній Г. Мурмилло. Въ томъ-же селѣ были убиты А. Гминниковскій и С. Тѣшинскій.

Въ с. Прусаѣхъ былъ арестованъ 16-лѣтній И. Бобра.

Въ с. Грибовичахъ до на-
чала войны были арестованы и вывезе-

ны, на основанії доноса мазепинца войта И. Дещука, священникъ о. И. Билинкевичъ и 30 крестьянъ.

Въ с. Брюховичахъ жандармы арестовали крестьянина И. Брыкайла вслѣдствіе доноса одного мѣстнаго подизна. Несчастнаго повезли на мѣстное кладбище, вырыли яму и, поставивъ жертву надъ свѣжей могилой, приказали солдатамъ его разстрѣлить. Послѣ первого залпа несчастный упалъ, но остался живъ. Когда-же, несмотря на приказъ, солдаты отказались стрѣлять и точно въ истекавшую кровью крестьянина, жандармы самъ прикончили лежащаго.

Прибѣжавшій за своимъ мужемъ женѣ пришлось быть свидѣтельницей этой страшной расправы.

(„Прав. Руси“, 1914 г. 149).

С. Толщевъ. Въ нашемъ селѣ были арестованы въ первую очередь члены читальніи Об-ва им. Мих. Качковскаго, а именно: 1) предсѣдатель Яковъ Крукъ (быть сосланъ въ Одессу), а въ 1915 г. переведены въ Тадергофъ, 2) Григорій Лещакъ, 3) исполнитель Герасимъ Керодъ, 4) Василий Керодъ, 5) Федоръ Савка, 6) Игнатій Худышъ, 7) Іосифъ Керодъ, 8) Иванъ Илечко (оба были сосланы въ Тадергофъ, где и скончались отъ тифа), 9) Иванъ Керодъ, 10) Димитрій Курса, 11) Григорій Жуховичъ, 12) Филиппъ Горакъ, 13) Меланий Жуховичъ, 14) Анна Керодъ и 15) Франка Лещакъ. Нѣкоторые изъ нихъ были определены въ альпійскіе поэки (т. наз. Steyerregimente) на военную службу и, съ бѣзъями повязками на рукахъ (тѣо означало, что они и цинически ненадежны) отправлены на итальянскій фронтъ.

Четырехъ арестованныхъ, а именно: Ива. Керода, Дим. Курсу, Гр. Жуховича и Ф. Горака держали австрійцы

іѣный день изъ кандалахъ подъ корчмой, искусчили надѣлаться надъ ними, причемъ бросали крѣбій, чтѣ съ ними сдѣлать—убить или же увести? Но, когда австрійскій обозъ, къ которому были прикомандированы арестованные, выѣхалъ за село, появился вдругъ русскій разъѣздъ, и виду чего австрійцы разѣхались, а четыре означенныхъ арестанта, которые были скованы вмѣстѣ, остались одни, послѣ чего прибѣжавшіе изъ деревни люди, распилили цѣлы, освободили ихъ. Григорій Лещакъ

Экзекуція во Львовѣ.

С. Раковецъ. С. Раконецъ — село русское съ дѣдомъ-прадѣда. Жители адѣлись немногимъ римо-католикомъ изъ мѣстнаго же населенія, а потому синтаксицѣ русскій языкъ своимъ родными языками, такъ что польско-католическіе священники разъединили ихъ, итакъ виду различій въ происхождѣніи ихъ, на польско- и русскихъ. Самыхъ-же русскихъ разъединили покъ священникъ, украино-

что часто устраиваемые ю спектакли и концерты привлекали изъ читальніи деревенскую молодежь и стариковъ.

Пришелъ 1914 годъ. Польскій кенцель Янъ Домбровскій сдѣлалъ доносъ на учителя М. Ф. Класника, крестъ Петра Орицкага и предсѣдателя русской читальніи Ивана Зазуланка. Ивиціи жандармы, въ числѣ 11 членовъ, для производства обыска, послѣ чего всѣхъ

троих забрали во Львовъ, а затѣмъ выслали изъ Терезиинъ и Тадергофъ.

2 сентября вынесли пытные жандармы также молодого интеллигентнаго крестьяниня Василия Палты изъ дома и тутъ же на пыткѣ разстрѣли.

Первые жертвы.

(Изъ рассказа очевидца).

Лицо, привнесшее по долгу своего званья напустившему приговоренныхъ къ смертной казни и присутствовавшему при исполнении приговора, рассказывается съдьющимъ:

Все, что пишутъ русскія газеты о неслыханныхъ зѣвѣствахъ австрийцевъ и мальдѣвъ передъ тѣми ужасами, свидѣтельствомъ которыхъ пришлось быть мнѣ въ силу моего званья. Сообщаю о томъ, какъ дикіи орды солдатъ жгли деревни, насиловали, грабили и убивали безъ суда десятки людей въ принудѣ озлобленія; все это, конечно, отвратительно и ужасно, но не со разъ безчеловѣчнѣе то, что творилось австрийскими властями по приговору суда — легально... Я говорю о приговорахъ военно-подевъхъ судовъ, по начальникамъ на крестынъ и интеллигентовъ, заподозренныхъ въ государственной измѣѣ.

Вотъ напр., первый подобный приговоръ, расклееніемъ по городу и напечатанный во всѣхъ львовскихъ польскихъ и мазовицкихъ газетахъ:

«Ц и к. военный комендантъ гор. Львова объясняетъ: Фабричный истопникъ Ианушъ Хѣль, поденій рабочій Семенъ Хѣль, оба изъ с. Пониковецъ, бродскаго уѣзда, лѣтней старости Семенъ Шпорджикъ изъ с. Вел. Фольварковъ, бродскаго уѣзда, и Антонъ Суплинецкихъ изъ с. Скоморохъ, скокальскаго уѣзда,

за то, что сообщали разныя сѣѣдѣнія русскимъ войскамъ, а промѣтъ того Семенъ Хѣль за то, что ввѣгъ нарочно въ заблужденіе австрийскій канадерскій разѣѣль, такъ что этотъ разѣѣль попалъ въ засаду, — значитъ, всѣ вмѣстѣ за совершение преступленій противъ военной монополии государства, приговорены на основаніи § 327 военно-уголовнаго закона военно-полевому дивизионному судомъ ландверы во Львовѣ къ смертной казни черезъ повѣнѣніе. Приговоръ приведенъ въ исполненіе 24 августа с. г. (1914 г.) во Львовѣ. 16-лѣтній Николай Шпорджикъ приговоренъ за то же самое преступление къ 10-лѣтнему тюремному заключенію».

Это первый приговоръ и первыи жертвы. Съѣдующаго днѣ, 25 августа, были повѣнѣны на основаніи приговора военнаго суда: 1) Валентій Капуба, 21 года, крестьянинъ изъ Лепиша, бродскаго уѣзда; 2) Александръ Батонскій, 56 лѣтъ, крестьянинъ изъ бродскаго уѣзда; и 3) Василий Перкукъ, 48 лѣтъ, крестьянинъ изъ Лешнева. Приговоръ былъ исполненъ во дворъ тюремнаго зданія по Казимировской ул. Палачемъ было солдатъ. Во время казни собралась вокругъ тюремы огромная толпа, желавшая полюбоваться видомъ казни «извѣнниковъ», но во дворъ тюремы были допущены только офицерскія лица и представители печати.

Нѣсколько дней спустя (29 авг.) были повѣнѣны крестьяне: А. Мановскій, 23 лѣтъ, изъ с. Дубровецъ, яворовскаго уѣзда, Шуницкий, 60 лѣтъ, изъ с. Фуїна, коломовскаго уѣзда, Петръ Ковицій, 21 г., изъ с. Крехова, жолковскаго у., и Андрей Пужакъ, 57 лѣтъ, изъ с. Мокротина, жолковскаго уѣзда. Первые три повѣнѣны за то, что вѣтрѣвали русскія войска, уговаривали солдатъ

и указывали имъ дорогу; посѣдѣній, вѣжливостій и весьма интелигентній крестьянинъ, за то, что выразился неистовоѣѣ австрийскому императору, считая его виновникомъ войны. Умирали всѣ, какъ подобаетъ героямъ-мученикамъ, безъ плача и проклятий, со словами молитвы на устахъ. А Андрей Пужакъ, стоя на ступенькахъ вѣсты, крикнулъ: «Да здравствуетъ Великая Недѣлія Руѣ!»

Крестынъ. Приговоръ былъ вынесенъ на основаніи показаній одного свидѣтеля, мазовицца интеллигента, доносчаго, что эти священники и крестьяне вѣтрѣвали съ хѣбомъ-солью русскіе передовые отряды, уговаривали русскіхъ солдатъ и сообщали имъ сѣѣдѣніе расположенніи австрийскихъ войскъ. Никакихъ другихъ уликъ и доказательствъ не было.

Несчастные, чувствуя себя совершенно невиновными, даже пылающими приговоры, считали его простой угрозой: приговорили, чтобы напугать настѣ и людей въ окрестностяхъ, поддержать мнѣніе-два, пока не кончится война, а тамъ и домой отпустить... Не вѣрили даже тогда, когда въ камеру вошли священники и заявили, что пришелъ исповѣдывать ихъ передъ смертью.

Однако, пришлося покорѣть. Казнь должна была состояться по дворѣ тюремнаго зданія. Но плачъ не было, не успѣлъ прѣѣхать во время. Власти ѿѣшились обойтись безъ него, не желая ждать его приѣза, тѣмъ болѣе, что находился палачъ-доброполецъ, фельдфебель-чѣмѣцъ, который согласился привести приговоръ въ исполненіе.

О подробностяхъ казни не стану говорить. Скажу только, что вѣнѣли группами, по нѣсколько членовъ. Вынесли во дворъ первую партию, четырехъ крестьянъ. Палачъ-доброполецъ истязалъ каждого по 10—12 минутъ, а первого даже 15 минутъ, да и то долженъ былъ прикончить его руками.

Вынесли вторую партию, троихъ крестьянъ. Съ ними произошла также сама исторія. Попытка посѣдѣнію изъ этой второй группы, падачъ съ само-

Крестынъ во Львовѣ.

доподлинной узбикой обратилася къ присутствовавшему при казни военному начальству: „Ну потъ, съ седьмымъ уже пошло легче, а четырнадцатый вдлерни уже по всемъ правиламъ искусства („werde ich schon ganz perfekt auf-hängen“).

Но остальныхъ вѣшать уже не огнъ, а другой. Дѣло въ томъ, что власти рѣшили остальныхъ 20 крестынъ казнить въ родной ихъ деревне для отстрасти всему населенію въ окрестности. Что касается двухъ приговоренныхъ священниковъ, то участь ихъ мнѣ неизвѣстна.

(„Прир. Русь“, 1914 г. № 1439.)

ПОСЛѢДНІЕ ЭШЛОНЫ.

Въ понедѣльникъ, 18 август. 1914 г., за два дня до взятія русскими полками Львова, былъ изданъ отсюда послѣдній транспортъ арестованыхъ русскихъ галичанъ, насчитывавший счище 700 человѣкъ. По путямъ изъ тюрьмы на вокзалъ уезжали толпы иллюстраторы, изображавшие надъ ними и изѣвали ихъ, чѣмъ пошало. Спященника лѣтъ 70 — 80, который всѣдѣствѣ побоевъ не былъ изъ состояній идти дальше и упала на улицѣ, солдаты тутъ же приковали штыкомъ и, прикрыты соломой, оставили на улицѣ. Отношение къ арестованнѣмъ властей, солдатъ и толпы, изъ мѣстнаго инородческаго населенія, было до того злобнымъ, что даже одна мѣстная польская газета („Sztwo Polskie“) не вытерпѣла и обратила внимание правителѣствующихъ кругомъ на недопустимость подобныхъ жестокостей надъ неполонными людьми. Но защищать этихъ мучениковъ не посмѣѣ никто Тѣ, кто могъ и обязанъ быть

это сдѣлать, а именно сѣѣтскіе и думскіе власти (хотѣ бы узбикѣ іерархи во главѣ съ гр. Шептицкимъ), не только не принимали никакихъ мѣръ, но, наоборотъ, пользуясь видимой возможностью полнаго искорененія всѣхъ социателійскихъ поборниковъ, идеи единства русскаго народа, напускали и наускивали на нихъ жандармовъ. Изъ частныхъ лицъ этого сдѣлать никто не посмѣѣ, хотя бы потому, что за одно слово сочувствія ждали тоже всикаго тюрьмы и муки.

Намъ извѣстенъ, напр., слѣдующій фактъ. Жена запасного австрійскаго офицера г-жа Плоцанская, видѣ на улицѣ неслыханный изѣбательства надъ узниками, сказала: „Какъ можно такъ изѣбаться надъ беззащитными людьми, которые еще не судились; это же не преступники, а люди, вина которыхъ еще не доказана“. За эти слова ее сѣѣ частъ-же арестованы, посадили имѣтьсь съ думы маленькихъ дѣтей въ тюрьму, а затѣмъ изнасиловали куда-то, оставить дѣтей на попеченіе чужой женщины. А мужъ г-жи Плоцанской находился въ то время на фронѣ...

28 августа, когда русская армія уже приближалася къ Львову, начальственно приказало несѣть уѣзднѣмъ начальникамъ выслать немедленно останнѣхъ еще изъ мѣстнаго тюремъ узниковъ прямо въ Краковъ. Приказъ этотъ гласилъ:

„Согласно приложенному списку, отправить немедленно задержанныхъ политическихъ руссофиловъ подъ стражей въ Краковъ съ именами, списаными. О выѣзѣ сообщить по телеграфу краковской полиціи. Именной списокъ и время отправленія представить по памѣтничество. Въ случаѣ если окажется нужнымъ конвой, затребовать по телеграфу изъ управлѣнія военнаго округа

и изъ управлѣнія по тюрему по ул. Яховича и опредѣлить въ камеру № 8, где уже сидѣли знакомые гг. Погѣнцукъ изъ Бродовъ и Морозъ. Ночь пришлось прѣдѣдѣть на скамейкѣ, а утромъ по бѣгѣи перевезли меня въ камеру № 7, где сидѣли гг. Клеберъ, д-ръ Грине-

Эшлонки во Львовѣ.

пеції, Хойницкій, Липецкій и др. свѧт. І. Билинкевичъ. На трехъ скамейкахъ сидѣло семь человѣкъ. За исключеніемъ украинофилъ Титлы, попавшаго въ нашу компанію, очевидно, по недоразумѣнію, все остальные были свои русские люди.

Печальнѣйший вѣстъ о разстрѣлахъ и пыткахъ арестахъ, доходившихъ къ намъ изъ не предвидѣвали намъ

* Въ подаваніи:

„Stanowienie o przedłożeniu wykazu, odstawić zatrzymanychъ politycznychъ detentów russosofilów pod straż do Krakowa z innymъ wykazem. O wjazdzie rawidłowej telegraficznie policji krasowskiej. Imienny wykaz i czas odjazdu przedłożyć Prezydium Namiestnictwa, aby pośrednio skorytu, zarządzaj jej telegrafem w Mińsku Komisarzowi Prezydenta. — Prezydium Namiestnictwa.“

ничего хорошего, а мысли о семье, и находившейся во время моего ареста в деревне на каникулах, не давали мне покоя. Ночью было слышно шум проходящих по улицам войск и далекий орудийный гул. Повидимому, русская армия продвигалась к Львову. Мы боялись, что австрийцы, за невозможностью перевезти нас дальше, поголовно насторожат. Однако, Бог миловал: 23 августа, поздно ночью, тюремная администрация велела нам наспех собраться во дворе. До 4 часов утра шла проверка узников, а затем, в сопровождении многочисленного конвойя и, несмотря ни на какие времена, при немецких криках, и ругательствах толпы, отправили нас на вокзал. Тяжелее всего было переход через вестибюль, туннель и лестницу на перрон. Не один потерял зубы или вышел к готовому уже поезду с разбитой головой. Я получил несколько ударов прикладом в боки и несколько пощечин. Были мы по 50 человек в вагоне, не считая конвоя. Справительство хорошо было знать из нас, кто разместился на полу под скамейками. Они были защищены от камней и падок, бросаемых в вагоны, через окна. Без воды и пищи дошли мы на четвертые сутки до чешской границы, где сострадательные чехи впервые насторожили и напомнили. Затем нас отправили в Терезин.

Юл. Ник. Кисловский.

Как еврей попал в "руссфили"?

Всё памятен 1914-й год, но, кажется, больше всех помнить его русские галичане! Всякому стоит еще в живой памяти гонения и ужасы, разыгравшиеся в нашей стране. Ведь —

ит походах на лагерях, на улицах и вагонах, падать русский человек от удара штыков, падок и камней создать и учинить толпы. Озвѣрьшая орава с радостью смотрела на кровавое арбейце, рукоплескала с окон и балконы, или же сама принимала участия в этих диких, кровавых оргиях. Убивали безнаказанно, без суда; за убийства, запрещенные Божиими и человеческими законами, получали награды и похвалы.

Тут я хочу рассказать один трагикомический инцидент, разыгравшийся на этом мрачном фоне 31 августа приснопамятного 1914 года.

Стояла хорошая погода. Около 10 часов утра двинулись мы эшелоном из тюрьмы „Бригады“ впереди Казимирского уезда в направлении главного вокзала. Там предполагалось погрузить нас в вагоны и увезти на запад, из страха перед русскими войсками, которых стояли уже у ворот Львова.

Эшелон был окружен густым кордоном польской и конной полиции, а мы из середины двигались четверками до того сбитыми рядами, что через наши головы могла полицейской передать полицейскому по другой стороне панироску.

Солнце пекло немилосердно. От жажды и волнения мы находились въ инкорабочном состоянии; во рту выхло, трудно было дышать.

Вдруг какой-то еврей съ железнай шапкой пробирается сквозь густые ряды конвой и хочет ударить по головѣ кого-нибудь из арестованных, чтобы показать и доводетворить свой австрийский „патріотизм“.

Не знаю, что за человекъ былъ тотъ полицейскій, мимо которого

какъ-разъ, съ занесенной на чась палкой, простиравшись корсий евреичикъ, — русскій-ли онъ быть тоже и возмутился за насть, или же просто хотѣлся ему помститься насть еврѣемъ, — только онъ, въ то время, когда евреи между конвойныхъ протянулъ руку, чтобы нанести ударъ, схватить его за шиворотъ и толкнуть въ середину.

Еврей сразу опѣшилъ, не сознавая своего положения. Подумавъ, что это шутка, стягивается на всѣ стороны, угрожать намъ кулакомъ, а наконецъ глоупа узыбаться. Мы также предполагали, что конвойный помогъ ему подойти къ лиже, чтобы ударъ быль вѣрѣе, а потому отпустить его на свободу.

Тѣмъ временемъ евреичикъ все-таки спохватился и началь силой пробраться изъ нашихъ рядовъ, а когда это не помогало, сталъ просить полицейского выпустить его изъ нашей среды, причемъ даже слезы у него выступили на глазахъ, а лицо отъ искупа все посыпало.

Но не отпустили уже польской еврея. Одни просто не замѣтили этого происшествія, другие были рады комическому случаю, а мы шагомъ обреченныхъ поднялись впередъ, со-редоточивъ все свое вниманіе не такъ на глуопу еврея, какъ на грозной, разыренной толпѣ вокругъ, которая не знала, какъ бы избрать для насть роль смерти, и все совѣтовала конвойнымъ то разстрѣлять насть, то повѣсить, то закинуть погребать.

На вокзаль посадили насть въ товарные вагоны, загнанные лошадинымъ пометомъ. Еврея также втолкнули въ вагонъ,

какъ участника транспорта. Онъ сначала все еще утѣшалъ себѣ, что это одно недоразумѣніе и что съ нимъ ничего плохого не произойдетъ, то вдругъ бросился на насть, какъ бѣшеный, ругая проклятыхъ „москвофильовъ“, какъ причину своей бѣды. А когда смигнѣла стража, тутъ уже никто не обращалъ вниманія на еврея. Прислѣдъ виновки одинаково хорошо работалъ на нашей и на еврейской спинѣ.

Такъ мы съ нимъ вѣѣстѣ и прѣѣхали въ талергофскую адѣ. А когда че-резъ некоторое время въ нашей средѣ вспыхнула эпидемія тифа, забѣгъ имъ и нашъ евреи и вскорѣ почилъ вѣ-

Заключенія во Львовѣ.

нѣмъ сномъ въ русской братской монгіѣ „подъ соснами“. Гр. Лещак.

Мостицкий уездъ.

С. Хоросница. Въ с. Хороснице до войны была просветительская работа ключевымъ. Въ мѣстной читальни имѣлась хорошая библиотека, большей частью экономического содержанія, а О-во им. Михаила Качинского имѣло здѣсь опытное поле съ посѣхами учтущенными сортами хлѣбовъ и опытную станцію съ искусственными удобрѣніями, куда представлялись извѣстноти сельскохозяйственныхъ орудий и машинъ для демонстраціи. Имѣлась здѣсь также племенная станція лучшихъ породъ домашней птицы.

Все это привлекало мѣстныхъ жителей къ читальнѣ, главной виновницѣ ихъ хозяйственного благополучія, и въ свою очередь кололо въ глаза фанатиковъ-украинофиловъ соудиныхъ селъ.

Въ послѣдніе два года до начала войны часто заходили въ Хоросницу бывшій гимназистъ-неудачникъ изъ Арамавской Волынъ, насаждать въ народѣ мазепинскій сепаратизмъ и возбуждать празднѣ среди мѣстныхъ жителей. Агитациѣ велись по обѣкамъ на корчмы. Того рода „просвѣтители“ не стѣснялись распространять въ селѣ сплетни и завѣдомую клевету относительно людей, которые руководили тамъ культурно-просвѣтительной работой и пользовались упаженіемъ, вслѣдствіе чего и были помѣхой злонамѣрнымъ замысламъ агитаторовъ. Для иллюстраціи указемъ на одинъ такой характерный примѣръ ихъ злопредной работы.

По совету мѣстного уроженца, извѣстнаго общественнаго дѣятеля Г. С. М-а, одинъ изъ хоросницкихъ крестьянъ отдалъ свою дѣвочку на ученье въ сельскохозяйственное училище приженскомъ Лѣснинскомъ монастырѣ въ Холмской губ.,

гдѣ въ то время обучалось уже около 10 галичанокъ. Это именно вѣбисло украинофильскіхъ агитаторовъ и они начали хитро распространять въ Хороснице любные слухи и убѣждать малоразвитаго отца дѣвочки, что его dochь извѣнена не въ училище, а продана въ домъ терпимости. Всѣдѣствіе настойчивыхъ уговоровъ крестьянинъ покрѣпъ нагай клеветѣ и, несмотря на получаемыя отъ дочери письма, предъявилъ къ человѣку, посоговорившему и посодѣствовавшему помѣстить дѣвочку въ училище, судебный искъ, обвинивъ его въ продажѣ дочери. Конечно, судъ не нашелъ тутъ ничего преступнаго и освободилъ отѣгтичика. Но агитаторы достигли своего, ибо въ селѣ писали уже раздоры.

Когда же въ 1914 г. началась война и вошли посемѣтнѣе аресты видѣвшихъ русскіе людѣи, этимъ случилось опять возводилось къ украинофильмъ для устраненія ненавистнѣхъ имѣть „русофила“. Въ этихъ видѣньяхъ они усматривали доносчики и указывали австрійскимъ властямъ — кого нужно арестовать, какъ опаснаго „москофилы“.

Такимъ образомъ были арестованы и извѣнены въ Талергофѣ сѣдѣющіе мѣстные русскіе крестьяне: 1) Андрей Алекс. Кобыленкій, предсѣдатель читальнѣ, 2) Герасимъ Веселовскій, 3) Семенъ Ник. Малецъ, 4) Петъръ Ив. Вуль, 5) Григорій Мих. Смука, 6) Автогъ Веселовскій, 7) Янгопедъ, 8) Гарпінъ Мих. Соймовскій, 9) Иванъ Пантелей Малецъ, 10) Иванъ Тимоѳ. Каспиринъ и 11) Герасимъ Мих. Смука — причемъ большинство изъ умерло въ ссылкѣ.

Послѣдній изъ нихъ, Г. Смука, палъ жертвой собственнаго доносительства. Какъ темное орудіе украинофильскіхъ агитаторовъ, отправился онъ уже послѣ ареста перечисленныхъ лицъ въ Мостицкъ, чтобы ездѣть въ старостѣ доносить еще наѣкоторыхъ своихъ односельчанъ. По пути встрѣтился онъ, однако, съ жандармомъ, который арестовалъ его тоже, а тамъ постигъ его общалъ участъ другихъ арестованыхъ: онъ былъ составленъ въ Талергофѣ, гдѣ и умеръ отъ тифа.

Вмѣстѣ съ Семеномъ Н. Малецемъ были арестованы также его 15-лѣтній внукъ Андрей, который, однако, черезъ

несколько дней, какъ малолѣтній, былъ освобожденъ.

Гарпінъ Соймовскій былъ уже извѣ Талергофа зачисленъ въ армию и погибъ на войнѣ.

Столько мучениковъ дала маленькая деревушка Хоросница. Ни въ чёмъ неповинные, лучшіе хозяева въ селѣ, по большей части старики, вѣкторы даже неграмотные, — всѣ они пали жертвой слѣднаго партійнаго фанатизма и Капновой работы роднѣхъ братіевъ, извращенныхъ австрійской политикой.

Библиотеку, извѣшивающую въ читальнѣ, жандармы сожгли.

Перемышлянскій уѣздъ.

М. Глининъ. По доносамъ „украинскихъ“ были посажены въ тюрьму въ первой половинѣ августа 1914 года сѣдѣющіе жители Глининъ: 1) Михаилъ Маркевичъ, 2) Дамьянъ Комаръ, 3) Андрей Тузъ и 4) студентъ Иванъ Тузъ. Арестованные были отправлены въ перемышльскую крѣпость. Когда они на допросѣ спросили — за что ихъ арестовали и куда ихъ направить, уѣзжай староста отвѣтилъ что основаниемъ къ аресту послужилъ доносъ мѣстного коноунчителя свящ. Еп. Костинина.

На сѣдѣющей день доносчики распустили слѣднѣ, что арестованыхъ уже побили и что послѣдуютъ еще дальнѣйшіе аресты и казни „москофионовъ“. Послѣдній вѣсть, конечно, оправдалась, всеминыхъ жертвъ въ жено и детяхъ наименѣнныхъ жертвъ. Люди работали, не покладая рукъ, ежедневно предавали по нѣсколько человѣкъ, радиусъ синими успѣхами, что имѣть возможность

такъ легко уничтожать ненавистнѣхъ „кацаповъ“. Такими образомъ были еще арестованы: 5) Иванъ Чайковскій, 6) Константинъ Антоновъ, 7) Николай Ясеницкій, 8) Федоръ Ладычка, 9) Иванъ Бунда, 10) Иванъ Принчесъ, 11) Павелъ Банківскій, 12) Дмитрий Тимкінъ, 13) Михаилъ Глининъ, 14) Петъръ Даютковскій, 15) Петъръ Дичникъ (умеръ въ Талергофѣ), 16) адвокатъ дѣръ Кононенскій, 17) гимназистъ Владимиръ Комаръ, 18) Максимъ Пынчикко, 19) Николай Тузъ (умеръ отъ побоевъ) и 20) юродивый еврей Моисей Катікъ.

Всѣ перечисленные, послѣ тѣжелыхъ муктарствъ по разнымъ талицкимъ тюрьмамъ, были сосланы въ концѣ августа въ глубь Австроїи: однихъ вывезли въ Линцу, другихъ въ Талергофѣ, оставшихъ въ Отомотѣ, Гміндинѣ, Терезинѣ и Шинвалбергѣ.

Ие. Чайковскій.

Съ моментомъ объявленія войны въ Глининихъ стало весьма неспокойно. Массовые аресты привели наскъ къ убѣженію, что наскъ выдаются свои-же люди—мазепинцы. Въ началѣ мы только догадывались объ этомъ, а вътгмъ ужъ и сами мазепинцы, не стесняясь, стали хвастаться сноми подвигами. Оказалось, что наша свобода въ жизни зависѣла, главными образомъ, отъ "украинца" Костишина, сотрудника приходства Глининъ-Заставы. Онъ былъ всесиленъ, арестовывалъ и освобождалъ по своему усмотрѣнію. Напр., 5 августа 1914 г. онъ приказалъ арестовать письмовика Ивана Богуславского, а черезъ полъ часа отпустилъ его на свободу. Было даже впередъ известіе; кто будущъ арестованъ. Такъ, напр., Анастасія Галантъ, узнавъ о предстоящемъ арестѣ своего мужа, явилась къ Костишину и съ плакатомъ пала къ его ногамъ.

безъ всякаго основанія запиралъ птичью нацерквь.

Предавали наскъ и своих-же братья—крестьяне, украинофизы Михаилъ и Василий Тимкины. Послѣдній говорилъ, что если-бы покойный написъ односельчанинъ Илья Бѣлоруссий былъ еще живъ, то его болшого вѣлыѣ стъ постелью заперли бы въ тюрьму.

Много перестрадалось, многое изгладилось изъ памяти. Когда вспоминаешь пережитое, самъ себѣ не вѣришъ, чтобы въ такъ называемой культурной странѣ творилось такое бесприданье. Однако, факты говорятъ сами за себя: это—могилы замученныхъ, ихъ скроты и вдовы...

— Клянусь, что если моего мужа арестуют, то я убью своих детей и сама покончу с собой — заявила несчастная женщина недостойному священнику, — а тогда вам придется за нас дать отвять перед Богом!

Костиншн успокоил и увірив, що, якщо він залишиться нетримуваним, то його не арештують. Подібна ж історія повторилася з підозрювачом Михаїлом Паніажковим: коли онъ явився до Костиншина з прислів'ям предотвратити предполагаемий арест, той увірдав на стойку, що у його списку подіжсань аресту діль.

Костишину усердно помогать въ этомъ отицествѣ благочинный Павелъ Бачинскій, да лучшей характеристики котораго слѣдуетъ отмѣтить, что онъ, уже по окончаніи войны, по пріымѣру историческаго Зельмана, самовольно и

безъ всякаго основанія запиралъ шати-
кратно нашу церковь.

Предавали насть и снои-же братя—
крестьяне, украинки Михаиль и Ва-
силій Тимняки. Послѣдній говорилъ, что
если-бы покойный нашъ односельчанинъ
Ио. Бѣлорусский былъ еще въ живыхъ,
то его большого выѣзда съ постелью
заперли бы въ тюрьму.

Многое перестрадалось, многое изгладилось изъ памяти. Когда вспоминаешь пережитое, самъ себѣ не вѣришь, чтобы въ такъ называемой культурной странѣ творилось такое безправіе. Однако, факты говорятъ сами за себя: это — могилы замученныхъ, ихъ сироты и вдовы...

θ. Λαδυčκα.

Наканунѣ отступленія австрійской арміи, уже посѣгъ арестъ вѣкторовыхъ наихъ людей, и, не предвидѣнія было, вышелъ на улицу. Глининскіе жандармы уже выѣхали, въ воздухъ чувствовалось приближеніе русскихъ войскъ. Вдругъ подходитъ ко мнѣ какой-то чебоксаринъ, ничего не говоря, стаетъ рядомъ со мной. Въ чебоксарскихъ шапкахъ сидѣлъ онъ идѣтъ золоченый жандармъ. Подходитъ ближе и спрашиваетъ: «Ну, который?»¹⁴—«Вотъ этотъ»¹⁴ — показываетъ на менѣ подопечный, посѣгъ чехъ жандармъ арестованъ меня и попалъ въ глининскій судъ, захватить по пути также моего соѣзда Николая Ивана Тузы. Однако, проѣждавший как-разъ офицеръ приказалъ намъ вернуться и на-
всегда исчезъ изъ изѣбенки.

Были тут одни тирольцы. Они, послѣ краткаго, непонятнаго крика, начали окладывать насъ сабзями. Удары ссыпались большей частью на голову. Потомъ, построившись въ два ряда, провели насъ между собой дважды

сквозь строй, снона избивая, куда попало. Николай Туза до того избили, что вся его одежда была въ крови. Послѣ этого посадили на насъ на подводу. Конвоннующія настъ жандармы спросили — изъ какого мы прихода (въ Глининскихъ дра прихода)? Узнавъ, что мы изъ Заставской, благочиннаго Павла Бачинскаго, жандармы выпустили какій-то списокъ и сказали:

— Чего же вы хотите? У насъ имѣется списокъ отъ Бачинскаго. Мы должны были арестовать еще 18 человѣкъ, только намъ нехватаетъ времени, такъ какъ было приказано скрѣпѣ отступать, а потому захватили лишь вѣсъ двоихъ, живущихъ на окраинѣхъ мѣстечка. Васъ выдалъ ванъ кенелдѣ.

Нась завези въ Королевскій
Липки. Мой спутникъ, Николай Тутъ,
избитый до кроны, умиралъ на подвѣдѣ,
потому сопровождавшій насъ жандармъ
спросилъ офицера, что съ нами
дѣлать? Офицеръ только сдвинулъ пла-
чами:

— Дѣлай, что хочешь!

Жандармъ отошелъ на минутку отъ пасъ. Я воспользовался этимъ и, поднимшись съ табуретъ, взялъ умирающаго товарища на руки и скрылся въ соседніемъ саду. У меня еще оставались настолько силы, что я раздѣлью до рубашки умирающаго Тува и, собирая росу съ кустовъ и травы, началъ его приводить въ чувство. Тѣмъ временемъ австрійцы отступили, а мы приползли утромъ домой.

Николай Ильинский посажен
этого скончался отъ нанесенныхъ ему
побоевъ и пораненій. Ему живу и раз-
сказывала оъ этомъ происшествіи для
памяти градуцкимъ поколѣніемъ. Пускай
запомнятъ наши дѣти и внучки, какъ стра-
дали ихъ отцы за русскую идею.

путь берутъ себѣ съ насъ примѣръ въ борьбѣ за права и честь русскаго народа!

Максим Пильяжко.

С. Лагодовъ. Въ с. Лагодовѣ были арестованы слѣдующи лица: сыновь Феодоръ Сахно, крест. Константина Кузьмы (умеръ 26 мая 1915 г.), Кондратъ Кузьмы, Павелъ Тихоничъ, Яковъ Флѣрко. Федоръ Штурь (ухонимой), бывш. законотѣ золотыми въ сентябрѣ 1914 г.) и Степанъ Бовынѣй, взятый изъ Тягирофа на военную службу.

После отступления русских войск были арестованы: Петръ Мохнатцкій (умеръ 5 априля 1915 г.), Николай Сеникъ, Тимофеѣ Кузьма, Марія Кузьма и Анна Тиховичъ съ груднымъ ребенкомъ.

Всѣ они были обвинены въ государственной измѣнѣ и шпионажѣ и административнымъ порядкомъ сосланы въ Талергофъ.

М. Пилипчукъ.

С. П о л т в а . Пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ селѣ Полтви открылась читальня им. М. Караконисаго, пожарная дружина, потребиака и судо-сберегательная касса. Всѣ эти товарищества разбились великолѣпно, что приходило въ бышество мѣстныхъ украинофиловъ. Они рѣшили подъ нами имѣть въ прододжѣ гірсько-украинскіе лѣтъ.

Въ начаѣѣ мобилизаціи въ 1914 г. донесли они въ жандармерію, что напа-
дружинъ «пѣла „Боже царя храни!». Это дало почтѣ къ постѣдовавшей расправѣ. Въ село прибыли жандармы и произвели тщательную обсыпку. Не найдя ничего, они все таки арестовали меня, Кирилла Майбу, Ивана Сендеагу и Петра Пелихса, отвезли настѣ въ жан-

дармское управление и зацепли на по-
льский куртник. На следующий день по-
полнуки заковали насть мазепинец-жан-
дармъ Шенцеръ вѣхъ выѣѣть и пре-
подаѣились въ перемышлянскую тюрьму.
Благодаря добродушному тюремному
клочнику, обращеніе въ тюрьмѣ было
спокойное. Онъ даже накормилъ насть за
свой счетъ, а когда насть отправили
во Львовъ, упросилъ жандарма не ковать насть въ кандалы. Во
Львовѣ отправили насть, по истечениѣ
двухъ недѣль и поѣѣли допроса, въ кон-
центрационную тюрьму „Бригидка“. Тутъ
же обращались съ насть очень плохо.

Въ днѣ Успенія Прес. Богороди-
цы, когда русскіе войска находились
на разстояніи четырехъ миль отъ Льво-
ва, тюремное начальство поручило мазе-
шинскимъ „січовикамъ“ отвести насть на
вокзалъ для погрузки въ вагоны и даль-
нейшаго стѣдованія на западъ. Конечно,
„січовики“ исполнили свою задачу от-
лично. По пути они все время подтал-
кивали насть присадками, а когда учи-
ная толпа бросала въ насть камни, они не только не мѣшили ей въ этомъ,
но даже всякой разъ предупредительно
разступались, когда кто-нибудь изъ
толпы намѣревался наложить на неѣ
неопредѣленно палкой или кулакомъ
удара. Когда же мы изъ отчаяній и смя-
тій бросили вещи, чтобы руками за-
крыть лицо отъ ударовъ, те „січовики“
снова подгоняли насть винтовками, а
пассажиры изъ трамвая были по го-
ловамъ. Наконецъ, принеши насть на
главный вокзалъ и, съ помощью кузаковъ
(ступенекъ не было), вогнали насть
въ товарные вагоны. Въ вагонѣ огни-
вались на своихъ товарищахъ и вижу
одного безъ шапки, другого безъ зу-
бонъ, а то еще съ разбитой головой,
а тамъ изъ угла лежитъ смертельно ра-

ненный и тяжело стонетъ. Было такоѣ
впечатлѣніе, словно мы только что вер-
нулись съ поля битвы... Впослѣдствіи
я узналъ, что изъ нашего транспорта,
состоинаго изъ двухъ человѣкъ,
отправлена семнадцать избитыхъ человѣ-
екъ въ больницу.

Черезъ нѣсколько часовъ поѣѣль
тронулъ. Стояла невозможная жара,
томила жажду, но страшно было про-
слѣ воды отъ караулъ, которые
до изнеможенія ругали насть хрипами
голосами.

По истечениѣ сутокъ мы прибыли
въ Krakowъ. Здѣсь стража смѣнилась.
Мазепинскихъ „січовиковъ“ замѣнили
линейныхъ солдатъ-чехами. Офицеръ,
начальникъ сѣмниннаго караула, пе-
редавалъ насть чехамъ, сообщающій имъ,
что мы опаснѣе измѣнники, сѣдѣ-
вательно, разрѣшаются насть въ случаѣ
мѣдленія непослушанія приконопотъ на
мѣстѣ, какъ собакъ. Но солдаты-чехи,
узнавъ, что мы русскіе галичане, съ
сочувствіемъ уготили насть табакомъ,
а на близайшемъ питательномъ пунктѣ
накормили. Такъ мы уже спокойно до-
ѣхали до моравскаго Brna.

Леонід Кульманъ.

Четверо насть, а именно, я, Ми-
хайло Сендега, Василь Мыслько и Фе-
дорукъ Сорока, работали на желѣзной до-
рогѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.
Въ началѣ войны работы кончились,
и пришлось уйти домой, не дождавшись
ущастія мѣсячнаго жалованья. Когда
русскіе войска приблизились ко Львову,
мы переселились въ сосѣдній селъ, ибо
предполагалось, что черезъ Польшу пойдѣтъ
боевыи линіи. Въ виду отсутствія
денегъ и припасовъ, мы начали по ри-
дично голодать. Тогда, испомнивъ о при-
читающемся намъ жалованіи, мы отира-

вшись черезъ Давидовъ во Львовъ, чтобы
поговорить съ дирекціей желѣзной дороги
заработанными суммами. Вдругъ изъ лѣса
выѣхали върхомъ двое мадьяръ и, остан-
овивъ насъ, связали длинной веревкой
такимъ образомъ, что мы параллельно
сидѣли, а другой конецъ шнура держа-
ла мадьяръ въ рукахъ, погоняя насть
все время саблей. Во Львовѣ были насть
на улицахъ камнями, а слѣдакѣ и бал-
коны лукующе артиллерией обливали насть
водою и помоями.

На полиціи ничего не помогли
наши оправданія ни удостовѣренія, ни
далнія намъ сельскимъ старостой. Насть
привели въ шпіоновъ. Поліцій звѣрь
издѣбывалась надъ насть и все время по-
казывала намъ крюкъ, на которомъ мы
будемъ вѣсть. Испугавшись поборъ съ
смерти, мы приѣхали къ монастырь, какъ
единственному спасенію и надеждѣ. Ма-
дьяръ и поліцій стояли тогда толкатъ
насть головами о каменную стѣну.

Когда во Львовѣ возникла тревога,
насъ присоединили къ другимъ рус-
скимъ галичанамъ и отправили сильно
на вокзалъ. Переходъ на вокзалъ былъ
ужасенъ. Я не буду описывать его,
ибо найдется другое, которое лучше
представлять вѣтъ поистинѣ страшный
путъ. Не одни мы прошли этотъ путь,
а тысячи и десятки тысячъ...

На вокзалѣ помѣстили насть по
60 человѣкъ въ вагоны, полные лошади-

динаго навоза и наѣжкомъхъ, и отпра-
вили на западъ. *Николай Сидоракъ.*

С. Ладанцы. Послѣ ареста
7 авг. 1914 г. меня отвезли въ пере-
мышильскую тюрьму, а на слѣдующій
день отправили въ сопровождѣніи жандарма
и солдата во Львовъ, въ замар-
тыновскую военную тюрьму. Дорога съ
Лычаковскаго показала, выѣѣть съ
другими крестильнами изъ сосѣдній села,
была силопытными изѣбѣвателствомъ и тер-
заніемъ. Уличная толпа, среди руга-
тельствъ, чуть насть не убила. Конной
мощью все времъ, не только не пре-
вѣтствую безгнѣвистуціей толѣ, но
даже всички ее поощря къ излиюю
своего „патріотизма“⁴. Едва живыи при-
вели насть въ тюрьму, которая спасла
насть отъ неминуемой смерти.

Когда русскіе войска подступили
подъ Львовъ, въ городъ воинскала
страшная паника. 30 августа перенесли
часть арестованыхъ — въ томъ числѣ
и менъ — въ „Бригидку“, а 31 августа,
среди нонихъ авѣрскихъ изѣбѣвателствъ
и нечеловѣческаго обращенія, насть от-
вели на главный вокзалъ, заперли въ
товарные, гранійные вагоны и направили
черезъ Венгрию въ Талергофъ. Тѣхані
мы изъ сутокъ, не получая все времъ
ничакой пищи, а только два раза полу-
чили по кружкѣ горячаго чаю.

Селяц. А. В. Бучко.

Перемышльскій уѣздъ.

Г. Перемышль. Въ самомъ
Перемышлѣ были въ началѣ войны аре-
стованы и сосланы въ Талергофъ:

1) о. д-ръ Михайло Людкевичъ (умеръ въ Талергофѣ), 2) Махликъ, 3) Га-
лангъ, 4) Борухъ, 5) Кролининецкий, 6)

сов. суда Владимиръ Литинскій, 7) вратарь
д-ръ Юаніанъ Войтовичъ, 8) Фердинандъ
Левицкий съ сыномъ, 9) Наталия Юл.
Несторовичъ, 10) адвокатъ д-ръ К. С.
Чернонаденчикъ и 11) д-ръ О. О. Кру-
шинскій.

Въ с. Поздячѣ были арестованы въ началѣ августа 1914 г. и вывезены въ Талергофъ: 1) свящн. Иосифъ Преториусъ, 2) псаломщикъ Ильягъ К. Цымбалко, 3) Адамъ Федикъ (умеръ въ Талергофѣ 16 февр. 1915 г.), 4) Павелъ Кинька, 5) студ. Михаилъ Кинька, 6) Петръ Федикъ (умеръ въ Талеро. 19 февраля 1915 г.), 7) Иосифъ Феснаксъ, 8) Михаилъ М. Пашкевичъ, 9) Михаилъ Ив. Пашкевичъ и 10) Степанъ Стенина (умеръ въ Тал. въ окт. 1914 г.).

Въ дочериемъ сѣлъ Накаль были арестованы: 1) Степанъ Щирба, 2) Степанъ Феснаксъ, 3) Михаилъ Мацюкъ. Ватъмы были вывезены въ Гміндъ: 4) Анна Костецкая, жена уѣзда, организаторъ, который находился въ то время на военной службѣ и лежалъ въ военномъ госпиталѣ, избитый до полусмерти украинцами; и 5) Иванъ Навлинъ (умеръ въ Гміндѣ въ 1915 г.) Наконецъ, были вывезены въ Хорватію: 6) Дмитрий Федикъ, 7) Семенъ Матайко (старший) и 8) Андрей Цымбалко.

Зѣвѣрская расправа съ "русофилями" на улицахъ Перемышля.

15 сентября 1914 г. на улицахъ древне-русского княжынья Перемышля разыгралась такая жуткая и комическая сцена, которая своей непосредственной дикостью и жестокостью далеко превзошла всѣ остальные ужасы и пытствства безудержно прытывшагося въ тѣ страшные дни по отношению къ русскому населенію террора. Въ бѣзъ дна, подъ охраной государственної жандармерии, среди многочисленнаго культурнаго населения и несмѣтного крѣпостнаго гарнизона, были вдругъ, безъ всякой причины и вины, зѣвѣрски изрублены и

растерзаны обезумѣвшими солдатами и городской толпой сорокъ четыре па въ честь невинныхъ русскихъ людей, причемъ эта ужасная расправа не только не вызывала со стороны мѣстныхъ австрійскихъ властей ни малѣйшаго недовольствія и возмѣдія, но даже, наоборотъ, получила изъ устъ вѣрховнаго начальника этихъ посѣдѣній, пресловутаго коменданта крѣпости генерала Кусманека, полное облорѣніе и признаніе...

Въ виду исключительной и характерной уродливости и яркости этого комічнаго события, возмущенная память о которомъ передѣгаетъ, конечно, въ нашемъ многострадальномъ народѣ отъ рода въ родъ, приноситъ рядъ сообщеній и воспоминаній о немъ, появившихся изъ разное времени и съ разныxъ сторонъ въ периодической печати.

Первое сообщеніе о произошедшей въ Перемышль страшной бойѣ получила львовская газета "Прикарпатская Русь" только въ началѣ 1915 г. отъ находившагося въ то время въ Перемышль, а вѣтъмъ вывезеннаго въ глубь Австро-иѣланскаго оттуда въ Пленцарию лица:

"Въ Перемышль намъ пришло особенно много погибнуть отъ мѣстныхъ мазепинцевъ, поляковъ и евреевъ, а также отъ солдатъ-мадьяръ. Но еще хуже пришло другой партии националь арестованыхъ въ Перемышль. Въ 2 часа дня, въ разстояніи какихъ-нибудь 400 шаговъ отъ дирекціи полиціи, толпа мѣстныхъ мазепинцевъ, поляковъ и евреевъ, поощримъ солдатами мадьярами, съ такимъ остервенѣніемъ накинулась на проходившихъ подъ конвоемъ арестованыхъ русскихъ крестьянъ и интеллигентовъ, въ общемъ числѣ 42 че-

лов., что сорокъ изъ нихъ были туго же на улицахъ растерзаны на смерть и только 2 лица остались въ живыхъ. Въ числѣ убитыхъ находилась также и 17-лѣтняя девушка, ученица 7 класса гимназіи, Марія Игнатьевна Можнацкая, дочь настоятеля прихода пп. с. Войтковой, добромильскаго уѣзда.

("При. Русь", 1915, № 1589).

Убитая такъ трагически Марія Игнатьевна Можнацкая род. 21 декабря 1897 г. въ с. Войтковой, новосандецкаго уѣзда, где отецъ ея со-

М. И. Можнацкая.

стоѣть въ то время настоятелемъ прихода. Воспитывалась въ русскомъ пансионѣ въ Синюѣ, а пѣ критической моментъ какъ-разъ, окончивъ 6-й классъ гимназіи, находилась на каноникахъ у родителей, въ с. Войтковой, добромиль-

скаго уѣзда, где въ сентябрѣ 1914 г. и была арестована, а затѣмъ, вмѣстѣ съ цѣлой партіей арестованыхъ крестьянъ, препровождена въ Перемышль — на мученическую смерть. Арестованная изъ сколько-то раньше отецъ ея, о. Игнатій, былъ выведенъ изъ глуби Австро-и, а затѣмъ, по нозвращеніи изъ ссылки, вскорѣ умеръ, братъ же студентъ, Феофанъ Игнатьевичъ, былъ изъ свою очередь расстрѣленъ австрійцами послѣ русскаго отступленія въ 1915 году.

Сраженіе на линіи Яновъ-Городокъ закончилось новымъ пораженіемъ австрійской арміи.

Отступая къ Перемышлю, австрійскіе войска арестовали по пути изъ Городка въ Судувъ-Вишню 48 мѣстныхъ, заподозреныхъ въ "русофіи" ¹⁴, русскихъ жителей и пригнали ихъ подъ сильнымъ конвоеемъ въ крѣпость. Въ пестрой толпѣ арестованыхъ преобладали крестьяне, но было также изъ сколько жеизвѣднородныхъ служащихъ и двѣ девушки, изъ которыхъ одна — dochь священника.

Въ Перемышль, на улицѣ Дворскаго, несчастныхъ встрѣтили яханіе перхомъ мадьяры-гонведы и пѣхота. Увидавъ утомленныхъ и измученныхъ русскихъ, они начали подгонять ихъ прикладами и безпощадно толкать и избивать.

Несчастнаго жертвъ, пада и обливавшись кровью, продолжали двигаться впередъ, пока не оказались загнанными на улицу Семирядскаго, соприкасающуюся на одномъ изъ перекрестковъ съ улицей Дворскаго.

Тутъ, у домовъ № 1, 2 и 3, началось уже настояще, зѣвѣрское избиеніе арестованыхъ. Били гонведы, били мадьяры-пѣхотинцы, мѣстные евреи и

мазепинцы, какъ пошло и чѣмъ попало. Помогать извергать высокочинъ изъ ресторана въ домѣ № 1 еще какое-то хулиганы. Изъ дверей и оконъ евреи начали бросать въ несчастныхъ мучениковъ тяжелые пивные стаканы, палки и даже неизвѣстно откуда добытые куски рельсовъ, полевой желѣзной дороги.

Улица огласилась стонами и криками...

— Nicht schlagen — пиг schiesse — (не быть, а расстрѣливать!) — раздался вдругъ рѣзкий и пронзительный голосъ какого-то майора.

Тогда дѣвушка — дочь священника — пала на колѣни передъ Распятіемъ, находившимся на улугѣ въ низѣ дома № 4, и, поднявъ къ нему руки, воскликнула:

— Матъ Божья, спаси насы!

Тутъ къ несчастной дѣвушкѣ подскочилъ солдатъ-мадьяръ и сильно ударилъ по головѣ рукою револьвера, а заѣмъ выстрѣлилъ ей въ лобъ, послѣ чего она, какъ подкошенная, упала замертво...

Этотъ выстрѣль послужилъ сигналомъ. Началась стрѣльба. Стоны, крики, рожьиные выстрѣлы — все смѣшилось вмѣстѣ въ какой-то дикий, комичный хаосъ...

Солдаты и евреи съ остервеніемъ продолжали бить палками и прикладами бѣднѣханыхъ тѣлъ убитыхъ...

Бригады и мота разлетались въ стороны, оставляя густые слѣды на мостовыхъ стѣнахъ соѣднѣихъ домовъ...

Послѣ избиенія тѣла несчастныхъ страдальцевъ превратились въ безформенную массу. Ихъ вносили подобраны въ телги и куда-то увозили. Среди убитыхъ оказалось двое несчастныхъ, подававшихъ еще слабые признаки жизни, но одинъ изъ нихъ умеръ по-

дорогѣ, а другойъ — нѣсколько часовъ спустя въ госпиталь.

А на слѣдующий день евреи стали усердно скосывать кровавые слѣды со стѣнъ и замазывать ихъ известью... Тѣмъ не менѣе, на домахъ №№ 1 и 3 эти кровавыя печати позорного и гнуснаго преступленія долго были еще видны, какъ вѣчный и несмыываемый укоръ бѣчелопѣчнымъ палачамъ.

А. И.-оэк.
„Прин. Русы“, 1916 г. № 1619.

Въ дополненіе къ сообщенному выше, со словъ очевидца, потрясающею описанію авѣрской расправы со несчастными мучениками, „Прин. Русы“ приводитъ тутъ же изъ „Słowa Polskаго“ относившійся къ тому-же факту разсказъ мѣстного польска, не только вполнѣ подтверждающій его по существу, но также дополняющій его еще новыми аналогичными данными и чертами:

„Мадьяры оставили среди жителей самыя худшія воспоминанія. Общественнымъ является фактъ, что они привели однажды около 46 крестьянъ, заподорванныхъ въ „москальфильѣ“, и побивали ихъ прикладами на серединѣ улицы на глазахъ населенія.

Другой разъ, уже во время осады, они снона привели около 40 лицъ и предали ихъ военно-полевому суду, причемъ скромно добавили, что изъ этой партии уже покончиены ими 60 человѣкъ! Военный судъ оправдалъ всѣхъ на слѣдующий же день, однако, не могъ, конечно, оправдать тѣхъ, что были преждѣ уже покончены въ такія же самыя преступленія...

Однакожъ было доказано по начальству, что мадьярскіе жандармы арестовали въ одномъ изъ предметовъ много крестьянъ и надѣвались надъ ихъ же-

пами. По приказанію коменданта крѣпости комиссаръ полиціи арестованъ жандармъ. Они были преданы военно-полевому суду, однако, тутъ-же занесли протестъ, указывая на то, что они подлежатъ не суду австрійскихъ крѣпостныхъ властей, а суду венгерской диктатуи, который ихъ затѣмъ и отпустилъ немедленно на свободу⁴...

(„Прин. Русы“, 1916 г. № 1619).

Гровна, кровавая война горитъ неусыпаемымъ пожаромъ. Орудія разрываютъ тысячи здоровыхъ людей въ кучки, кровь льется рѣкой, лазареты переполнены стонами, плачами, посыпаются дыханіемъ рабы бѣспощадности, торчами наполняются тысячами жертвъ насилія и произвола; расстрѣлы, пытвицы — наущенный хлѣбъ авѣрѣйской топки.

По деревнямъ шатаются толпы динноисуихъ, строгихъ, кроножадныхъ жандармовъ; они выискиваютъ среди мирнаго населения Галицкой Руси „измѣнниковъ“ — ферретеровъ, тѣхъ, кто Рузы любить...

Ведутъ — ведутъ. Грозно гремятъ кандалы. Ведутъ группу людей, человѣкъ 46. Всѣ въ сѣрыхъ крестьянскихъ кафтанахъ самодѣльной работы. А въ кругу сѣрыхъ крестьянъ, какъ црѣтокъ на лугу роскошномъ, красуется юная, какъ зари утренняе, ильяша, какъ вѣтерочекъ, гимнастистка, дѣвица М.* Кругомъ ея личина, крученіе русой головы образовало чудесный ореолъ и въ лучахъ яркаго солнца играетъ дивными, неопытными красками... Это ангелы несутъ за юной дѣвицѣ ореолъ славы той, которая черезъ часъ сиять снанетъ передъ Богомъ, на звѣтъ: „Иди ко Мігѣ, отдавай жизнь за Родину - Русь Святую.

Кто Русь любить, до посаѣнія дышани — иди ко Мігѣ⁵... И сонъ ангелъ слѣдуетъ за транспортомъ, — повезутъ они ихъ души святыя въ царство вѣчной мечты, въ страну грѣзъ — къ Богу... Но не предвидѣніе гонимые, непонятное можнѣе сковало ихъ уста, мысли улетѣли куда-то въ неизвѣстную страну: что будѣтъ, куда ведутъ? Но не только ангелы на вѣчный путь сопровождаютъ обреченныхъ. Толпа бѣсъ съялъ за человѣческую тѣлъ сидѣтъ за страдальцами. Чтобы путь Голгофы увеличить, пллюють, бѣть, ругаютъ, а камни такъ и летятъ на головы несчастныхъ.

— Куда ведете насы? — спросилъ жандарма.

— Не знаю. Иди, куда ведутъ, — узнаешь, — отвѣтилъ господинъ жизни и смерти.

И молча приблизился транспортъ къ желѣзно-дорожной станціи К.*. Подъ рень озѣрѣй толпа двинулась побѣдѣ. Увезъ крестьянъ и дѣвушку юную, цѣѣтъ галицкой Руси.

Княжескій городъ Перемышль въ лихорадѣ. Толки пылью покрытыхъ солдатъ сглѣдѣтъ по дорогѣ. Тысячи воюю длинными рядами тянутся сюда и туда. Пытка, быстро пролетаютъ автомобили; въ нихъ золотомъ блестятъ шпижи жирныхъ господъ-генераловъ. Рентъ, вигъ, синистъ, гудъ сидѣлъ въ дѣволовской хлѣбъ... Чувствуется приближеніе, за вою и свободу Славянъ воюющихъ, русскихъ солдатъ... Лѣтаетъ уже въ русскихъ рукахъ... Подъ Городкомъ и Русской Равнѣ разбита, лоскунная Австро-Венгрия дрожитъ, собираетъ неубитыхъ, готовится на новый кровавый пиръ, бросаетъ новую дань кровавому Молоху — войнѣ.

Съ войзала, по улицѣ Семирадского, ведутъ нашихъ добестныхъ русскихъ крестынъ, а во главѣ дочь русскаго священника, молоденьку гимназистку М.*. Вокругъ дикая толпа. Градъ камней сипшется на несчастныхъ, удары палками не прекращаются. Они на смerte обречены! Лица ихъ опечеваны, юны ихъ залиты кровоподъятомъ потомъ. Измученные ноги еще двигаютъ утомленное, избитое тѣло...

Идутъ, медленно идуть. Сверкаютъ послѣдний путь своей Голгофы — за Родину-Русь. Проходить мимо кучки солдатъ. Дики лица, авѣрскіе глаза — такъ и говорятъ: это дѣти венгерскихъ равнинъ, потомки дикихъ Монголовъ. Ихъ длинныя шапки алчно спиргаются; солнце горить на нихъ, тревогу вызываетъ.

— Куда? — спросилъ одинъ изъ солдатъ.

— О, — отвѣтѣлъ жандармъ и потянулся рукой по шее.

И случилось то, чего не въ состояніи описать ни одно перо.

Заревѣла, замутмыла дикая толпа венгерцевъ. Морозъ ужаса пронѣтъ по спинамъ несчастныхъ мучениковъ, а даже по тѣлѣ случайныхъ прохожихъ. Въ лучахъ солнца заблестѣли длинныя, остры шашки и... шахъ, шахъ, шахъ... началась дикая разнъя... появилась кровь... посыпались кусочки тѣла... крикъ отчаянія... стоянъ умирающихъ... удары шашекъ... создали музыку ада — понятную разѣй душъ дикаго мадры...

Въ грязную пыль покотились руки, ноги, головы... Ореди кровавой толпы русскыя гимназистки... Нельзя описать ужаса, выражавшагося въ испуганныхъ глазахъ, на ея страдальческомъ, геройическомъ лицѣ... Она падаетъ на колѣни, поднимаетъ блѣдныя ручки къ небу

и душу раздирающимъ голосомъ молитъ: „Боже! — и — шахъ, — дикая рука авѣрскаго вандала опускаетъ съ быстrotой молнии острую шашку — и разрубленъ ея ясная головка... Струя алой крови заиграла и... лучахъ солнца... Могъ полетѣть на стѣну, а кровавое, нестираемое пятно осталось на холодной, г҃мой стѣнѣ...

Австро-венгерские „герои“ изрубили 46 человѣкъ — посѣски на куски... посыпали сыпью Галицкой, многострадальной Руси... Изрубили — и конченко. Какъ будто такъ и должно быть. Командантъ крѣпости генералъ Кусманецъ, который въ Вѣну послалъ докладъ: „если въ Перемышль останется одинъ русский чеогьтъ, я за крѣпость не ручаюсь“, — на докладѣ о вандалѣсъ-авѣрскомъ поступкѣ солдатъ дали краткій отвѣтъ: „Geschieht dem Vertrertn Recht!“ (т. е. подѣляютъ измѣнникамъ).

А „герои“ австро-венгерской арміи разошлись по городу, повсюду хвастались, что на ихъ шашкахъ блестятъ русская кровь, что они уже перешли кровное военное крещеніе.

Кусочки тѣла несчастныхъ сгребли лопатами, наложили на большую городскую вѣръ и вывезли за городъ, где и зарыли на краю кладбища, гдѣ забыть угорѣлъ.

А когда утомленное солнце скрылось передъ мрачностью мѣра, исторіи мартirologij галицко-русскаго народа кровавыми письменами начертала: „15-ое сентября 1914 года“.

* * *

Чудомъ, кажется, волей Всевышнаго, наѣрное для того чтобы остались свидѣтели, остались изъ транспорта два человѣка въ живыхъ. Одинъ изъ нихъ, Стефанъ Борсукъ, былъ призванъ позже даже въ ряды австро-венгерской арміи

и посланъ для защиты своихъ убийцъ на итальянскій позиціи.

Я опишу свое слабенькій рукой оизъ изъ ужасѣйшихъ изиодовъ мартirologij русскаго народа Прикарпаты, и чтобы вѣчно, вѣчно почтить память тѣхъ жертвъ варварскаго проилюса, по судебнымъ аутамъ списываю фамиліи мучениковъ, отдавшихъ жизнь за Родину.

Командование крѣпости Перемышля доставило державной прокуратурѣ списокъ убитыхъ подъ сѣдѣющими заглавіемъ: „Ausweis über verdächtige Russophile, welche im Falle der Annaherung des Feindes die österreichisch-ungarische Armee zu verraten im Stande sind“.

Въ спискѣ читаемъ сѣдѣ:

- 1) Андрей Павловский,
- 2) Петръ Пилипъ,
- 3) Михаилъ Вохновскій изъ Наневъ,
- 4) Василий Йининскій изъ Рудавы,
- 5) Петръ Ковалъ,
- 6) Иванъ Пинцио,
- 7) Феодоръ Лисеко,
- 8) Михаилъ Чубара изъ Стебникъ,
- 9) Прокопъ Шимонинъ,
- 10) Андрей Плюшакъ изъ Юречковой,
- 11) Стефанъ Миць изъ Штадифельсъ,
- 12) Андрей Мацакъ изъ Сомлыницъ,
- 13) Николай Жолдакъ изъ Мильоновичъ,
- 14) Илья Артыкъ,
- 15) Стефанъ Кузьминскій,
- 16) Андрей Маркевичъ,
- 17) Стефанъ Борсукъ,
- 18) Григорий Мельничукъ,
- 19) Дмитрий Васевичъ,
- 20) Иванъ Галушакъ,
- 21) Андрей Тыминскій,
- 22) Афанасій Губуръ,
- 23) Андрей Процикъ,
- 24) Дм. Кузьминскій,
- 25) Станиславъ Артыкъ,
- 26) Николай Кузьминскій,
- 27) Николай Сивый,
- 28) Михаилъ Сокальскій,
- 29) Иванъ Маркевичъ изъ Гроховъ,
- 30) Василий Божило,
- 31) Иванъ Махникъ,
- 32) Феодоръ Лыско,
- 33) Григорій Бодакъ,
- 34) Екатерина Бандронская,
- 35) Николай Мусить,
- 36) Станиславъ Пологонскій,
- 37) Марія Морицкая, дочь священника изъ Войтиковой,
- 38) Феодоръ Божило,
- 39) Феодоръ Судоръ,
- 40) Феодоръ Сапалакъ,
- 41) Михаилъ Дроздовскій,
- 42) Иванъ Судоръ,
- 43) Николай Божило,
- 44) Андрей Божило,
- 45) Афанасій Мартиничинъ изъ Новоселицъ;
- 46-ой не писанъ въ спискѣ, который у меня въ рукахъ.

Вѣчна память, мученики! Пусть Ваша невинная кровь молитъ Бога о лучшей судьбѣ для Вашей Родины, за которую мученической смертью суждено было Вамъ умереть! Память о васъ будетъ жить среди настъ, — отъ рода въ родъ, — пока жить будетъ русскій народъ въ Галицкой Руси!

Гилье Соколовичъ,
(Рус. Голосъ. 1923 г. № 29—30).

Въ заключеніе замѣтимъ существенныя мѣста изъ статьи соавтника перемышльскаго суда Р. Романа Дмоховскаго, напечатанной въ львовскомъ „Украинському Вѣстніку“ въ 1921 г. № 186—187, по случаю семидесятія со днѣ смерти 44 русскихъ мучениковъ въ Перемышльѣ. Если вспомнить при этомъ, какъ усердно и яростно партийные единомышленники автора, а можетъ быть — и самъ онъ, все это жуткое время доносчили, патріотизировали и настынивали всѣ темныя силы на неизвестныхъ имъ „руссофиловъ“, результатомъ чего, между прочимъ, явился также, бегъ сомійцій, и арестъ, а затѣмъ и мученическая смерть этихъ несчастныхъ жертвъ, то вѣроятно сестьѣсть статьи, хотя и сильно запоздалое, раскрытие и сочувствие, если оно только пообѣде искренне и искренно, получаетъ, конечно, особое и высоко знаменательное значеніе — Примѣръ редакціи „Альманаха“.

Какъ разъ проходилъ семь лѣтъ, когда въ княжествѣ городъ Перемышль случилось происшествіе, при воспоминаніи о которомъ стынетъ кровь въ жилахъ и которое вѣтъ-сентябрь мартиро-логіи галицко-русскаго*) народу запи-шетъ кровавыми слезами, какъ одну изъ самыхъ жуткихъ трагедій мировой войны...

Это событие свидѣтельствуетъ на-глядно о томъ, на какомъ положеніи находился русскій*) народъ въ австро-венгерской монархіи во время мировой войны, какой опекойользовался со стороны тогданихъ властей этотъ на-родъ, сыновья которого въ ту пору кидали свои головы въ защиту монархіи...

15 сентября 1914 г. на улицахъ Перемышля напали мадьярскіе солдаты на препровождаемыхъ въ тырму 46 апо-довѣрнинъкъ изъ "московиційстѣ" аре-стованнныхъ людей и въ продолженіе получаса изрубили ихъ въ куски, за исключеніемъ двухъ чоловѣкъ, которые почти чудомъ спаслись отъ смерти.

Происшество нѣколько мѣсто во время отступленія австрійской арміи изъ подъ Городка, когда русскіе уже заняли Львовъ. Цѣлыи Перемышль былъ пере-полненъ войсками всѣхъ родовъ оружія. По Львовской улицѣ шли спѣшишими шагомъ солдаты, громыхали сотни обоз-ныхъ подводъ, орудія, раненые на под-водахъ, — картина представлена хаосъ, котораго и не въ состояніи описать. Бѣшеніемъ галопомъ гнались автомобили съ высшими офицерами, съ перекинувшимися отъ страха лицами, — было очевидно, что на фронтѣ случилось что-то немороешее, что въ городѣ вов-никала паника.

* Въ подлиннико: "украинскаго", "укра-инскій"! При м. рѣд.

Борецъ замерли всѣ магазины, такъ какъ мадьяры, какъ бѣшеные, рыскали по городу и грабили, где попало. Позже оказалось, что русскимъ даже не синюю преслѣдоватъ разбитую австрійскую армію и что они отѣхали възвѣ Городка, хотѣ, — какъ признался мнѣ одинъ высшій австрійскій офицеръ, — могли тогда-же взять бѣзъ вы-стрыя перемышльскую крѣпость.

Около 5 часовъ пополудни вы-шелъ я изъ дома и увидѣлъ по улицѣ Семирядного воинъ, полный изрубленныхъ тѣлъ. Въ ужасъ спросилъ я кучера, что это значитъ? Отецъ отвѣтилъ, что на улицѣ Семирядного изрубили ма-дьиры пѣсколько десятковъ крестьянъ. Я поспѣшилъ скорѣе по улицѣ Семирядного и монимъ глазамъ представи-лась страшная картина: цѣлая куча лежащихъ на улицѣ изрубленныхъ тру-позвъ, съ отрубленными руками, ногами и разбитыми черепами. Въ моментъ моего прихода трупы подбирали на другой воинъ. Цѣлая улица была крас-ная отъ крови, сօсѣдніе дома обрывы-гали кровью и мозгомъ, а кругомъ мѣста катастрофы стояла городская толпа и со смѣхомъ дѣлала неумѣстныи замѣчаніи относительно убийства, "из-мѣнниковъ".

Подавленный страшной картиной, я встриѣтилъ знакомаго военного ауди-тора д-ра Шурана (чеха), который, содрогаясь отъ ужаса, проклиналъ ма-дьиры... Д-ръ Шуранъ рассказалъ мнѣ съмѣненное отъ кого-то, что мадьяры потому убили этихъ крестьянъ, что будто-бы увидали среди нихъ стрѣля-нныхъ и убившихъ двухъ или трехъ солдатъ. Понятно, это была ложь, котору, однако, не постыдишь повторить впослѣдствіи въ своемъ донесеніи госу-дарственному прокурору комиссарѣ

перемышльской полиціи, — такъ какъ въ тѣхъ сторонахъ, откуда происходили убийства, войска даже не стояли вонсе и не было никакихъ боевъ...

Сейчасъ же послѣ убийства сооб-щіца комиссарѣа поліціи о проис-шествіи государственному прокурору въ Перемышль, а комендантъ крѣпости приложилъ къ этому списокъ фамилій убитыхъ. Списокъ былъ озаглавленъ: Ausweis über verdächtige Russophilen, welche im Falle der Annäherung des Feindes die öster.-ungarische Armee zu verraten im Stande sindъ. Однако, государственный про-куроръ не далъ дѣла хода подъ тѣмъ предлогомъ, что "виновники убийства неизвестны".

Только по истеченіи трехъ лѣтъ распорядился военный судъ произвести въ этомъ дѣлѣ слѣдствіе, но послѣднѣе не привело ни къ какимъ результатамъ. Между прочимъ, допрашивали и меня, причемъ я указывалъ при допросѣ на коменданта крѣпости ген. Кусманека, какъ на совиновника преступленія, которыи не только не вѣръ разыскать и привлечь къ ответственности винов-ныхъ мадьярскіхъ солдатъ, хотя ихъ на первыхъ порахъ легко можно было опознать по ихъ окровавленнымъ шап-камъ, каковыми они долго хвастались передъ прохожими на улицахъ, но да же, изъ отвѣта на докладъ директора поли-ціи Бенуа (Benoit) объ этомъ ужасномъ случаѣ, разрѣшилъ дѣло созѣмъ просто, сказавъ: "И подъымъ измѣ-нниковъ (geschieht den VerrÄtern recht)!"..

Къ характеристицѣ этого пресло-путаго перемышльского героя нужно прибавить, что онъ вообще относился краине враждебно къ мѣстному рус-скому населенію и собственоручно под-писалъ рядъ смертныхъ приговоровъ за "измѣну", въ томъ числѣ также по дѣлу заѣздомъ непонимаго на въ честь и разграбленаго по ложному еврей-скому донесенію крестьянина изъ Дуго-вецъ, отца 7 дѣтей, Григорія Галуза... Тотъ-же ген. Кусманекъ въ одномъ изъ своихъ донесеній въ Вѣну вынуж-дилъ: "если въ Перемышль останется хотя бы одинъ русскій (Ruthene), то я не рукаюсь за крѣпость...".

Что касается дальне资料 самого этого страшнаго события, то оно было инострѣ-ствіемъ все-таки выяснено отчасти по случаю другого, находившагося въ связи съ ними, судебнаго дѣла.

Въ 1916 г. мнѣ, какъ члену пе-ремышльскаго окр. суда, было поручено къ разбору дѣло крестьянина Маріи Ко-валь изъ Стебникіи, дрогобычскаго уѣзда, которая оказалась вдовой по одному изъ убитыхъ мадьярамъ 15 сентября 1914 г. въ Перемышль крестьянъ, Петра Ко-валя, и обвинялась въ незакон-номъ получении изъ государственной казны 2.185 к. военной пенсіи, хотя знала, что ехъ мужъ былъ убитъ въ Пе-ремышль еще въ 1914 г.

Передъ трибуналомъ, въ которомъ я былъ предсѣдателемъ, представлена иску-дала женщина съ красниними чертами лица, которая, послѣ прочтеній обвини-тельного акта, показала сѣдѣющее:

— Я ни въ чѣмъ не виновата. Моего мужа Петра взяли въ августѣ 1914 г. на военную службу въ Пере-мысьль. Отецъ былъ тамъ дѣлъ недѣли, а потомъ вернулся домой и сказалъ, что явился въ отпускъ, а когда потребуется, такъ его позвонутъ. Утромъ 14 сентября, около 4 часовъ, когда мы всѣ еще спали, линяли въ нашъ домъ жандармы и вѣяли моему мужу скѣдовать за нимъ въ жандармское управление. Мужъ

простился со мною и лёгтыми, ввязь кусок хлеба, и какъ онъ, такъ и я были убѣждены, что жандармъ ввязь его на военную службу. Это случилось съ момыемъ мужемъ послѣ этого — я не знала, и только изъ йюль 1916 года я узнала, что его убили въ Перемышль. Я не разбиралась изъ военныхъ дѣлахъ, я думала, что изъ городъ были каналы-то войны, въ которой его убили. Получила солдатскую пенсію въ томъ убѣждѣніи, что она мѣрѣ слѣдуетъ по закону, хотя мужъ уже не живетъ. Тѣмъ болѣе, что осталось 5 маленькихъ сыроѣтъ.

Конечно, трибуналъ освободить ее отъ винъ и паказаний, принялъ по виновнѣмъ неполное заблужденіе, по которому она находилась, получивъ солдатской паекъ за покойнаго мужа.

По этому случаю судъ заслушивалъ также сириецкій показанія Стефана Бореску, одного изъ двухъ, чудеснымъ образомъ спасшихся отъ смерти 15 сентября 1914 г., крестьянъ⁹). Онъ пріѣхалъ изъ разбрѣательству съ италійскаго фронта и рассказалъ о самомъ событии 15 сентября, слѣдующее:

— «Меня взвѣсили жандармы изъ дому вмѣстѣ съ другими 14 сентября. Почему наѣздили и куда поведутъ, ни я, ни мои товарищи ничего не знали. Я спросилъ по пути жандарма, куда прикажутъ наѣздили, но жандармъ отвѣтилъ, что получитъ приказъ отъ коменданта отвести наѣзъ къ жандармскому управлению. Въ управлении заставили мы уже многихъ другихъ арестованыхъ изъ другихъ селъ, а въ ихъ числѣ также мужа подсудимой, Петра Ковалъ, который сообщилъ мнѣ, что его

берутъ на военную службу. Отсюда наѣздили погнали на станцію Красченко и утромъ 15 сентября мы уѣхали по жеѣвой дорогѣ въ направлѣніе Перемышля. Въ Бакуничахъ подъ Перемышлемъ пѣдѣли выходить изъ вагона и здесь только мы узнали, что наѣзъ арестованы за то, что мы „московцы“...

„Когда наѣзъ вѣзъ въ Перемышль по какой-то улицѣ, собирались покругъ наѣзъ толпа бросала камни, ругала наѣзъ именами, плачала на наѣзъ и била по лицу. Я получилъ отъ какого-то еврея дѣлъ пощечина. Никто изъ жандармовъ наѣзъ не защищалъ. Затѣмъ мы встрѣтились съ группой солдатъ. Кто-то изъ нихъ спросилъ жандармовъ, кто мы такие? Я ссыпалъ, что они отвѣтили что-то по именамъ, однако, не понялъ его. На дальнѣйшій вопросъ — куда наѣзъ ведутъ сѣдѣлъ Лангзамъ, такъ длинейши руко, что я сразу же понялъ, что наѣзъ побѣжаны. Я страшно испугался. Но тутъ уже бросились на наѣзъ солдаты съ обнаженными саблями и начали рубить. Я видѣлъ брызгущую кровь, падающихъ людей. Увидѣлъ, какъ какая то барышня упала на колѣнъ и сложила руки къ молитвѣ, а въ то же мгновеніе солдатъ рубанулъ ее саблей по головѣ, такъ что кругомъ брызнула кровь и она упала замертво; люди рассказывали, что это дочь священника изъ Войтковой.

„Мы бросились въ разбрѣтку. За нами начали стрѣлять. Я получилъ пулю въ руку и упалъ, а вѣтвѣ, когда другіе рубили, среди страшного крика и стонотъ, я подозвалъ подъ какого-то убитаго и прятался. Послѣ всего унесли меня въ госпиталь, а себѣясь я находился на военной службѣ въ полевой

⁹ Второй изъ нихъ — Иванъ Махновъ изъ с. Войтково; третий Харо въ Примѣрѣ, „Альманахъ“

кухнѣ на итальянскомъ фронтѣ. За что наѣзъ арестованы и за что убили моихъ товарищевъ, я не знаю...»

С. Барычъ.

(Изъ записокъ о. Р. С. Константина)

Сейчасъ послѣ объявленія войны, изъ первыхъ же числахъ августа 1914 г. начались на всемъ пространствѣ нашей многострадальной родины массовые аресты русскихъ людей, издавна уже защищавшихъ австрійскимъ правительстvомъ въ „руссофильстве“, а теперь пріемъ-то привыкнувшихъ на этомъ основѣ, безъ всякаго сдѣствія и суда, опасными государственными преступниками — „измѣнниками“ и „шпионами“, подлежащими силою, если не вполнѣ истребленію, то, по крайней мѣрѣ, довременному обезвреженію и заключенію въ тюрьму.

1 августа 1914 г. получивъ я изъ перемышльского старосты телеграфическій приказъ явиться въ теченіе 24 часовъ къ комиссариату полиціи въ Перемышль для дачи какихъ-то объясненій и справокъ. Не имѣя понятія, для чего я имѣю понадобился, а въ то же время не предвидѣвая ничего худаго, я отправился въ Перемышль, куда прибылъ, всѣдѣстѣ опоздавъ на поѣздъ, только въ 11 часовъ ночи, но, тѣмъ не менѣе, прямо со вокзала отправился въ полиційское управление.

Здѣсь я засталъ еще нѣсколькихъ чиновниковъ, однѣ изъ которыхъ, — какъ я впослѣдствіи узналъ, — полицейскій совѣтникъ Бенуа, обратился ко мнѣ съ утираниемъ вѣжливой улыбкой и спросилъ — что мнѣ тутъ нужно? Я предъявилъ ему телеграмму и спросилъ въ свою очередь, для чего меня потребовали такъ срочно? Тогда совсѣмъ-то Бенуа, скрививъ многозначитель-

ную гримасу, объяснилъ мнѣ, что я долженъ буду задержаться въ Перемышль нѣсколько дней, пока меня не допросятъ, причемъ прибавилъ, какъ-бы извѣнясь, что самъ онъ, да и полиція вообще, противъ меня ничего не имѣтъ, а исполняетъ только прямое приказаніе военныхъ крѣпостныхъ властей. Послѣ этого онъ вѣзъ къ полицейскому агенту отвести меня въ училище им. Конарскаго, предназначенное временно для интернировки „руссофиловъ“.

Здѣсь засталъ я и уже цѣлое собрашье моихъ собратій и единомышленниковъ, какъ мѣстныхъ, такъ и изъ уѣзда, помѣщающихся въ двухъ комнатахъ, отдельно интеллигенты и крестьяне, причемъ съ каждымъ днемъ число интернированныхъ увеличивалось, такъ что изъ концѣ концовъ всѣхъ наѣзъ набралось 43 человѣка. Между прочимъ, находились здѣсь священники Дуркотъ изъ Болеславичъ, Серединскій изъ Быкова, Малинскій изъ Сливницы, Культматицкій изъ Дродовицъ, Бѣрекіцкій и др., затѣмъ адвокатъ д-ра К. С. Черночековичъ и О. О. Крушевскій, члены правленій кредитного о-ва „Нива“ Балакинъ, Борухъ и Махай, г-жа Нат. Ю. Несторовичъ, гг. Ферд. Левицкій, Котельникій и рядъ другихъ.

Въ училищѣ Конарскаго жилось намъ на первыхъ порахъ еще сравнительно спокойно. Намъ было разрѣзано получить частнѣмъ образомъ пищу, письменно связываться съ родными (хотѣ и пойдѣ строжайшей цензурой), а даже принимать, въ присутствіи надзирателей, посѣщенія родныхъ и знакомыхъ. Потомъ это измѣнилось, и наѣзъ стала стража, состоявшая изъ полицейскихъ и жандармовъ, обращавшаяся къ нами пока-что довольно хорошо. Много непрѣятнаго приходило испытывать только со стороны враждебной и сфан-

тизованной городской польско-еврейской мазепинской толпы, которая собиралась об创新驱动，晚上在我们的帮助下，闯入了监狱。然而，当他们看到我们是警察时，他们立即逃走了。这次事件后，我们被关进了监狱。

之后，我们被关进了一间监狱。在那里的时候，我们被关在了一个非常狭窄的房间里，只能互相挤着睡觉。每天，我们都要被带去洗澡，然后被关回监狱。在监狱里，我们经常受到其他囚犯的欺凌和殴打。但是，我们还是坚持了下来，因为我们相信自己会很快被释放。

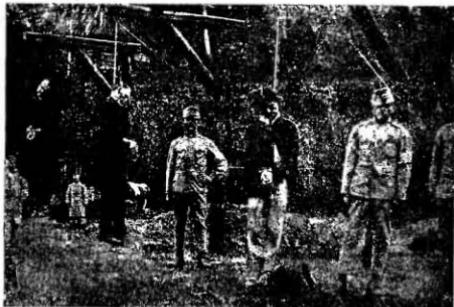
在监狱里，我们度过了许多漫长的日夜。每天，我们都会被叫醒，然后被带到监狱外面的院子里做清洁工作。在监狱外面，我们可以看到许多其他的囚犯，他们看起来比我们更惨。有些囚犯甚至患有严重的疾病，但仍然被强迫劳动。

在监狱里，我们度过了许多漫长的日夜。每天，我们都会被叫醒，然后被带到监狱外面的院子里做清洁工作。在监狱外面，我们可以看到许多其他的囚犯，他们看起来比我们更惨。有些囚犯甚至患有严重的疾病，但仍然被强迫劳动。

... дальше

полей и сбору картошки. Жили мы здесь стариномъ, полуразрушенномъ и пустомъ виданій, повидимому — быльшемъ *Kaubritterschloss*-ѣ, кормились же, такъ сказать, собственнымъ промысленiemъ, глянцемъ образомъ — картошкой, которую мы получали отъсмотрителя замка, а только имѣніе въ доверіи свои деньги могли получати изъ ресторана за свой счетъ лучшую пищу. Много страданій причинили также тѣмъ изъ насъ, кто не имѣлъ теплой одежды (а такихъ было громадное большинство) рѣзкое холода, отъ которыхъ вскорѣ

Свяц. Романъ Константианскій.

Одна изъ эвакуаций

О. Романъ Березовскій и крестьяне Левъ Кобилинскій и Пантелеимонъ Кабаки. (См. стр. 31).

Равскій уѣздъ

Въ с. Белагоѣ были арестованы жандармами Петръ и Марія Юрчакъ съ сыномъ. Здѣсь происходили ожесточенные бои, во время которыхъ населеніе

скрывалось по лѣсамъ, тѣмъ и объясняется, что арестовано только этихъ трое крестьянъ.

Въ с. Бѣлой были арестованы стул. Харпола и крест. Иванъ Дровѣдъ съ сыномъ. Повѣшены одинъ крестьянинъ.

Въ с. Верхратѣ былъ арестованъ Михаилъ Волыкъ.

Въ с. Волькахъ-Мазовецкихъ были арестованы Иванъ Бадаль и Петръ Моротъ. Арестованныхъ избили до крови.

Въ с. Гойчѣ были арестованы преподаватель гимназіи д-ръ Владимира А. Колачиничъ и крестьяне — Павелъ Мельникъ, Илья Трушъ, Данило Ивануса, Павелъ Збынко и ученикъ Григорій Дацковъ. Растрѣлены были три крестьянки: Иванъ Василько, Иванъ Бабій и Федоръ Яцко.

Въ с. Гребенномъ былъ арестованъ свящ. Богданъ Ломницкий, когда онъ вставалъ утромъ съ кронами; одна нога у него была обута, другая босая. Такъ его и погнали въ Русскую-Рапу, где толпа избила его до крон.

Въ с. Девятърѣ были арестованы: Михаилъ Черній, Тимофей Мартинъ, Михаилъ Молоко и Михаилъ Редуха.

Въ с. Журавцахъ былъ арестованъ Иванъ Ратской, дѣятельный русский крестьянинъ, бывший солдатъ въ гвардии мѣстныхъ "украинцевъ".

Въ с. Каменкѣ-Липникѣ были арестованы свящ. І. Боровецъ, стул. М. А. Марко и иѣсконо крестьянины, по доносу мазепиницеъ - начальника жандармовъ, станціи Г. Камка и сельского писара М. Клуба.

Въ с. Каменкѣ Лѣсной былъ арестованъ стул. Петръ Е. Кузиничъ, который, однако, черезъ иѣсконо дней быть отпущенъ на свободу. Въ западныхъ провинціяхъ были высланы: священ. Левъ Саламонъ и крестьяне Ильи

Задужный, Дмитрій Яцунъ, Яковъ Бучатъ и сынъ его Осигъ, Федоръ Сушника, Акимъ Лупукъ, Семенъ Бадко. Убиты солдатами Василъ Лука, который за что-то обругалъ мѣстного еврея, и Федоръ Залужный.

Въ с. Потылицѣ были арестованы Петръ Грицишинъ, Тимофей Грицинъ, Иванъ Шепелевецъ, Григорій Дудокъ и Степанъ Лиликъ.

Въ с. Рудѣ-Лавриковѣ были арестованы: свящ. Николай Осмѣловскій, студентъ Зенона Мохнацкій и иѣсконо крестьяни.

Въ с. Рудѣ Монастырской часть села называется „на Козахахъ“. Это было причиной, что австрійцы закопали сѣдѣющихъ жителей Алексія Камута, Луку Малоїда, Матвѣя Максимика, Федора Федока, Варнару Каліку, Андрея Калѣку, Сашу Колушка, Настию Пилипецъ, Анну Нижникъ и цѣлую семью Думичей — Михаила, его жену и двоихъ дѣтей Меланию и Степана. Сема, убитыхъ, были сожжены или разрушены до оснований. Тамъ-же были повѣшены мадьярами Иванъ Стельмахъ, Иванъ Нижникъ и свящ. Василъ Демчукъ, послѣдній подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ будто-бы поминалъ во время Богослуженія императора, а русскаго цара.

Въ с. Денискахъ былъ арестованъ свящ. Пантелеймонъ Скоморовичъ.

Въ м. Угновѣ былъ арестованъ свящ. Василъ Романовскій по доносу мазепинца Онышкевича, причемъ въ пути на вокзалъ быть оплеванъ и избитъ толпой.

Въ с. Щирѣ, вслѣдствіе доноса сына немировскаго купца Степана Шали и другихъ, явившихъ къ мѣстному священнику о. Степану Кійку жандармы, кото-

рый, однако, узнал, что о. Кийко — русский, къ общему удивлению заявилъ, что онъ не вѣртъ доносить, и оставилъ его изъ покоя. Оказалось, что жандармъ былъ по національности чехъ, славянофилъ. Послѣ этого тотъ же Сурья Шаль, питавшій какую-то личную злюку къ о. Кийку, дважды еще насыпалъ на него какихъ-то солдатъ и хулиганиловъ, чтобы его убить, но и это, къ счастью, ему не удалось.

II. Кудиничъ.

(„Прик. Руслъ“, 1914 г. № 1440).

Въ Равѣ Русской были арестованы и вывезены, начиная въ Венгрію, а затѣмъ въ Бѣнну, суды Вл. Р. Перещепіць, который былъ военнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни, но потомъ помилованы и въ 1918 г. отпущенъ на свободу.

Въ с. Каменікѣ-Старое Село были арестованы судьи В. Клинико и нѣсколько крестьянъ.

Въ с. Каменікѣ Лѣсной были произведены слѣдующіе аресты:

1) Наставитель церкви о. Левъ В. Саламонъ былъ арестованъ 7 авгу. 1914 г. маджарскими гусарами и отведенъ въ жалковскую тюрьму, затѣмъ переведенъ во Львовъ, въ тюрьму „Бригадиць“, а въ концѣ августа выведенъ съ первымъ же транспортомъ въ Талергофъ; тутъ остался до 1 мая 1917 г., послѣ чего до 1 сентября того-же года былъ конфинированъ въ Добербергъ въ Нижней Австрии.

2) Жена его Юлия О. Саламонъ была арестована 7 дек. 1915 г. и отправлена въ Талергофъ, гдѣ оставалась тоже до 1 мая 1917 г., а затѣмъ подверглась вымѣстъ съ мужемъ конфинировкъ въ Добербергъ.

3) Крестьянинъ Илья Д. Залужный, арест. 7 авг. 1914 г., до 1915 г. въ Талергофѣ, затѣмъ въ Гміндѣ, умеръ дома 8 янв. 1918 г.

4) Крест. Яковъ Ст. Бутма, арест. въ августѣ 1914 г., затѣмъ выведенъ въ Талергофъ, гдѣ 30 марта 1915 г. и умеръ отъ тифа.

5) Сынъ его Оснігъ Я. Бучма, арест. въ августѣ 1914 г., до 1915 г. въ Талергофѣ, затѣмъ призванъ изъ арміи. Умеръ дома 9 апр. 1922 г.

6) Крест. Василій Гр. Пака, арест. въ августѣ 1914 г., затѣмъ выведенъ въ Талергофѣ, гдѣ и умеръ отъ тифа 2 марта 1915 г.

7) Крест. Гр. Ілья Стадницкий, арест. въ августѣ 1914 г., до 1915 г. въ Талергофѣ, затѣмъ призванъ въ армію.

8) Крест. Мих. С. Березовець, арест. въ августѣ 1914 г., до 1915 г. въ Талергофѣ, затѣмъ призванъ въ армію и убитъ 17 июня 1916 г. на итальянскомъ фронѣ.

9) Крест. Дм. А. Янунъ, арест. въ августѣ 1914 г., до 1 мая 1917 г. интернированъ въ Терезінъ и Талергофѣ. Умеръ 28 февр. 1922 г. дома.

10) Крест. Андрей Ф. Струкъ, арест. въ августѣ 1914 г., выведенъ въ Терезінъ, а затѣмъ въ Талергофѣ, откуда въ 1915 г. отпущенъ на свободу.

11) Крест. Семенъ Ілья Кудрикъ, арест. въ августѣ 1914 г., затѣмъ интернированъ въ Терезінъ и Талергофѣ, въ 1915 г. отпущенъ на свободу.

12) Крест. Якимъ Р. Лущикъ, арест. въ августѣ 1914 г., интерн. въ Терезінъ и Талергофѣ, въ 1915 г. призванъ на военную службу.

13) Крест. Федоръ Н. Лущикъ, арест. въ августѣ 1914 г., интерн. въ

Терезінѣ и Талергофѣ, въ 1915 году призванъ на военную службу.

14) Крест. Вас. О. Зеленый, арест. въ 1915 г. и приговоренъ къ тюремному заключенію. Умеръ въ 1917 г. въ Гмінѣ.

15) Крест. Максимъ А. Ходоль, арест. въ 1915 г., освобожденъ въ 1918 г.

C. Рѣчица.

(Сообщеніе крест. Андрея Демчука).

Мои вложженія начались еще въ 1912 году, по случаю бывшей тогда тоже военной мобилизации. Дѣло въ томъ, что на меня донесли наши домашніе „украинцы“, будто я уговаривалъ одного солдата, въ случаѣ войны съ Россіей, не стрѣлять въ русскихъ, а лучше всего сдаться имъ въ пленъ, за что и былъ приговоренъ въ марта 1918 г. къ тюремному заключенію во Львовѣ, а затѣмъ въ Тарнополь, изъ котораго былъ отпущенъ только 1 августа 1914 г.

Не успѣлъ я еще, какъ слѣдуетъ, отгинуться дома и свободно вдохнуть, какъ вдругъ 10 августа былъ огнѣ, вымѣстъ съ нѣкоторыми другими односельчанами, арестованъ въ качествѣ „измѣнника“ и „шпиона“. Выѣхъ со мною были арестованы еще: Степанъ и Иванъ Демчуки, Ефимъ Савка, Илья и Лука Ключковскіе, Андрей Дума и Георгій Баворовскій. Арестованы наше комендантство мѣстного жандармского поста Онуфрій Процець и воятъ Кость Кинахъ, оба ревные „украинцы“, которыхъ воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобы расправиться съ ненавистными „кандалами“. Затѣмъ отправили наше подъ ескортъ акціонныхъ стражниковъ въ Перемышль, причемъ одинъ изъ дослѣдникъ, тоже „украинецъ“, Нагур-

скій, все страшалъ настъ, что завтра же будемъ въ Перемышль казнены.

На станції въ Раѣвѣ-Русской, когда мы уже сидѣли въ вагонѣ, подошелъ къ намъ какой-то высокій австрійскій майоръ и спросилъ стражниковъ — зачѣмъ и куда настъ везутъ, а узнавъ, что мы „москвофилы“, замѣтилъ, что это еще не преступленіе и что направо таскаютъ настъ куда-то. Но поѣзду тронулся и мы побѣхали дальше.

Въ Перемышль стражники пополнили снаружи въ гарнизонную тюрьму, но тамъ, въ виду отсутствія надлежащаго обвиненія, настъ не призвали. Тогда отвели настъ на подвижнію, а оттуда въ тюрьму при окружномъ судѣ, где мы застали уже много арестованыхъ русскихъ людей, въ томъ числѣ адвокатъ Черновицакевичъ и Крушинскаго, судью Гиссонскаго и другихъ.

Черезъ некоторое время всѣхъ настъ, тѣмъ транспортъ изъ 170 человѣкъ, вывезли въ Вину, затѣмъ въ Штифтъ-Цвѣтль, Карштайнъ и, наконецъ, въ Талергофъ.

Прибавляю еще, что постѣ нашего ареста и вывоза, вѣйтъ Кость Кинахъ все еще не могъ успокониться и, бѣгая съ палкой по седу, угрожая, что выдѣстъ еще 40 человѣкъ на пытницу. Къ счастью, однако, осуществить эту угрозу ему уже не удалось, такъ какъ вскорѣ пришли въ деревню русскій войска, которая забрали и его самого и нѣсколькохъ его прислѣдниковъ съ собою.

Изъ другихъ нашихъ сельскихъ „украинцевъ“ слѣдуетъ упомянуть еще о писарѣ Луїкѣ Томашевскомъ, котораго сильно обезлюдило обстоятельство, что одинъ изъ нашихъ русскихъ крестьянъ, Григорій Мартинъ, хотя и былъ первоначально арестованъ вмѣстъ съ други-
ми

ми, быть потому все-таки почему-то отпущен на свободу. Томашевский зашел даже однажды к австро-имперским солдатам к нему в дом и угрожал ему, что, если он только захочет, то тут будет повешен, а затмь пытались было натравить на него солдат, но это ему не удалось, такъ какъ въ чистъ постѣдніхъ оказалася слу-чайно хороший знакомый Мартина, ко-

торый и заступился за него. Впослѣд-
ствии тѣтъ-же Томашевскій пробащъ
было еще черезъ Михаила Колешку вы-
могать съ Мартина деньги, а именно,
потребовать отъ него немедленной уплаты
200 коронъ, угрожая въ противномъ
случаѣ снова висѣльцемъ, но, не полу-
чивъ таковыхъ, въ концѣ концовъ остав-
илъ его въ покое.

Андрей Демчукъ.

Радеховскій уѣздъ.

С. Кривое. Въ с. Кривомъ были арестованы австрійцы въ 1915 г. 9 женщинъ и 6 мужчинъ: 1) Анна Ольянинъ, 38 лѣтъ, 2) Татьяна Ткачукъ, 50 л., 3) Евдокія Парій, 54 л., 4) Евдокія Шавалецъ, 52 л., 5) Елена Бойко, 55 л., 6) Евдокія Красота, 55 л., 7) Офекла Боріца, 25 л., 8) Алина Данківъ, 74 л., 9) Елена Дацюкъ, 40 л. (посѣдній дѣлъ оставилъ дома безъ опеки троє дѣтей отъ 2—6 лѣтъ), 10) Максимъ Шкраба, 80 л., 11) Михаилъ К. Степановъ, 65 л., 12) Василий Романюкъ, 72 л., 13) Дмитрий Козиръ, 70 л., 14) Михаилъ Дацюкъ, 75 л. (посѣдніе двѣ умерли въ Талергофѣ отъ тифа) и 15) Василий Шарко, 34 лѣтъ. Всѣ арестованные были соизнательные рус-
ские люди.

Причиной арестовъ послужили до-
носы австро-імперскихъ „патріотовъ“ —
украинофиловъ. Арестованные были от-
вѣзvены ночью въ Радеховъ, затѣмъ въ
Талергофъ.

Гр. Ткачукъ.

Въ Радеховѣ австрійцы по-
садили въ тюрьму свинц. И. А. Дави-
довича и его сына въ качествѣ залож-
никовъ.

Илья заявили, что въ случаѣ,
если бы въ мѣстечкѣ вспыхнули без-
порядки или пожаръ, ихъ сейчасъ-же
разстрѣляютъ. О. Давидовича аре-
стовали и увезли въ чась ночи, не-
смотря на сильное воспаленіе легкихъ.
(„Прик. Русъ“, 1914 г. № 1494)

Въ м. Ходоревѣ въ радеховской
старости никого не арестовывали, но
мѣстный сидѣнникъ „украинецъ“ Ст.-
Петрушевичъ сыгралъ роль австро-
скаго жандарма и до тѣхъ поръ хо-
дилъ въ жандармское управление съ
просьбой очистить село отъ „казацкого“,
пока не арестовали крестьянъ Грудку
и Ващукъ. Грудка умеръ въ Талер-
гофѣ. Подобная же судьба постигла,
однако, вносащѣстѣнъ и самого донос-
чика: онъ бѣжалъ во время „украинско-
польской войны“ въ Винницу и тамъ
умеръ.

Въ с. Незвановѣ выдали изъ
несколькихъ русскихъ крестьянъ єѣхто
Гарупу, въ томъ числѣ Николая Ку-
шинского, Ивана Гасюка-Курикова, Ми-
хailа Уханскаго съ сыномъ Григориемъ
и Матвіемъ Дмитриаша. Постѣдній умеръ
въ Талергофѣ.

Въ м. Бускѣ былъ арестованъ
и высланъ Николай Оржевскій.

Въ с. Грабовоѣ были аресто-
ваны Филиппъ и Игнатій Политыни.

Въ с. Топоровѣ былъ аре-
стованъ Тимофей Прусь.

Въ с. Чаныжѣ было арестовано
несколько крестьянъ, большая часть
которыхъ и не возвратилась больше до-
мой, оставшись „подъ сосновами“ въ
Талергофѣ.

Рогатынскій уѣздъ.

Г. Бурштынъ.

(Сообщение суды С. И. Билинкевича.)

15/28 іюня 1914 г. возвратился
изъ отпуска, но вскорѣ забольѣлъ
и склонъ къ постѣ. Себѣжъ-же поспѣ-
хъ объясняющій мобилизацией узналъ и, что
начались аресты русскихъ людей въ
Бурштынскомъ районѣ. 21-го іюня мінъ¹
сообщили, что въ тюрьму привезъ моего
боя, священника 70 лѣтъ, и шурина,
свящ. Капка изъ Деминова, выѣхѣлъ съ
20 другими арестованными, заподозрен-
ными въ „русскофильстве“².

— Теперь очередь за мной, — по-
думалъ я и не ошибся. Къ моему дому
внѣшне жандармы стояли солдаты, не пу-
скали никого въ домъ. На слѣдующій
день въ комнату вошелъ жандармъ съ
думы иракчи, которые, послѣ осмотра,
записали, что перевезли меня по Львову
невозможно. Еще черезъ день явился
околи жандармы и, послѣ произведен-
наго обѣска, арестовали меня, не остав-
ивъ въ постѣ. Три недѣли стоялъ
караулъ передъ входомъ въ домъ, не
выпуская и не выпуская никого изъ
квартиры.

12 августа въ городѣ возникла
panic. Изъ боли пасты жертвой
топлы, рѣшилъ я бѣжать, если только
окажется возможнымъ. Попробовалъ
истать, но не былъ въ состояніи сдѣ-
лать двухъ шаговъ.

15 августа утромъ ворвались ко мнѣ
солдаты-мадары и потребовали хлѣба,
кѣсколько-же времени спустя явился
австро-імперскій офицеръ. Офицеръ спросилъ
только: „Вы — Билинкевичъ?“³ и на мой
утвердительный отвѣтъ только кинулъ
солдатамъ: „Also!“ Меня сейчасъ-же
подняли съ постѣи и, приложивъ рев-
ольверъ къ головѣ, повели съ собой,
не разрывши даже простыни съ
семьемъ. По дорогѣ знакомый чиновникъ,
поднялъ Ставинскій, увидѣвъ меня подъ
стражей, вспеснулъ руками, и за это
его тутъ же арестовали.

Обоихъ наѣсъ привезли передъ го-
родской управы. Сюда прибѣжалъ не-
известный мнѣ жандармъ и мѣстный ин-
женеръ Михаилъ, крича офицеру: „Не
страййтъ Ставинскаго, онъ пошлѣ,
онъ иль въ чёмъ не виноватъ!“⁴ Это
вмѣшательство задержало єѣхъ сколько
еквекую и только благодаря ему
я остался иль живыхъ. Въ тогъ же мон-
тентъ развалились русскіе выстрѣлы
Австро-імперскаго офицера, приставленнаго
ко мнѣ, бѣжалъ, крикнулъ жандарму:
„Билинкевичъ разстрѣльтай!“⁵

Но этого приказания исполнить уже
не успѣли... Жандармы побѣжалъ тоже,
и остался одинъ на площади и медленно
возвратился домой. У себя въ саду
увидѣлъ я уже русскаго солдата, кото-
рый преспокойно кушалъ яблоко.

С. Билинкевичъ.

Въ с. Липицѣ были убиты австрийцами двое крестьянъ. Въ с. Сѣвѣрѣ расстрѣльны мѣстный войтъ, въ с. Томашевцахъ были расстрѣльны восемь крестьянъ. Бѣжаній передѣл арестомъ крестъ Ф. Н. Контихъ изъ Подгородья былъ захваченъ австрийцами изъ сосѣднѣхъ селъ Чертѣ. Его вытащили изъ дома, где онъ скрылся, и тутъ же вакололи. Въ томъ-же селѣ былъ арестованъ и высланъ синицъ И. Кинасевичъ.

С. Григоровъ.

(Сообщеніе Г. И. Слободы).

Мой покойный отецъ, Иванъ Гр. Слобода, 64-лѣтній старикъ, былъ арестованъ пажистромъ жандармѣи, по-видимому Лангомъ, нынѣ городскими комиссарами въ Рогатинѣ. 24 августа 1914 года явился онъ въ сопровожденіи пѣшкоходныхъ солдатъ и войта-украинца-філа Ивана Лещакаго и произвелъ тащательный обыскъ. Всѣ русскія книги домашней библиотеки были конфискованы. Затѣмъ заперли отца въѣхать съ покойнымъ Андреемъ Гр. Воянякомъ въ мѣстной конюшнѣ, продолжавшіи ихъ тамъ трое сутокъ безъ пищи и воды. Когда-же австрійская армія бѣжала при

наступленіи русскихъ войскъ, ихъ от-правили сковаными пѣшикомъ черезъ Ходоропъ во Львовъ. Конвоировали ихъ мѣдники. Въ Ходоропѣ издавалась надъ ними разношерстная толпа, вырывала волосы, дергала за носъ и уши, а на-конецъ, подѣбила обуть на два часа на деревѣ („anbinden“). Что дальше случилось и какимъ путемъ прибыть отецъ во Львовъ, онъ не запомнилъ, такъ какъ вслѣдствіе подѣбиванія потерпѣлъ сознаніе. Во время эвакуации Львова и высылки политическихъ изъ „Бригадокъ“ отца отпринесли въ Талергофъ, где онъ пробыть до осени 1915 года. До февраля 1916 г. проживалъ отецъ въ Гміндѣ, послѣ чего его отправили домой. Большой и потерявший силы поѣхъ перенесенныхъ страданій, онъ умеръ 2 декабря 1921 г.

Въ Григоровѣ были арестованы, кроме него, еще слѣдующіе крестьяне: 1) Иванъ Гр. Слобода, 2) Андрей Гр. Вояникъ, 37 лѣтъ (умеръ 17/5 1915 г. въ Григоровѣ), 3) Григорій Вояникъ, 64 л., 4) Федоръ Вояникъ, 59 л., 5) Алексѣй Гринть, 58 л. (послѣдніе три умерли въ 1915 г. въ Талергофѣ). 6) Филиппъ Конюкъ, 58 л.

Г. И. Слобода.

Рудецкій уѣздъ.

Въ г. Рудкахъ были арестованы: мѣщанинъ Ф. Химикъ, 78 лѣтъ, суды Петру Химикъ и братъ его Иванъ. Для послѣднѣхъ были арестованы вслѣдствіе доноса спроектъ. Иванъ Химикъ оставилъ жену и семеро дѣтей. Есмъ они были арестованы исключительно потому, что они русскіе.

Въ с. Коношикахъ были арестованы: синицъ Владимиръ Рыхлевскій,

шезлонщикъ Илья Огіянинъ, 50 лѣтъ, оставившій семеро дѣтей, и сынъ его Григорій, 16-лѣтній юноша. Донесли на нихъ мѣстные евреи и мѣстный настоятель прихода украинокъ Грушевскіи.

Въ с. Люблінскомъ - Порѣчъѣ были арестованы крестьяне Василь Колода, Ф. Яремчукъ, Иванъ Яремчукъ и Петру Яремчукъ.

Въ с. Задворномъ - Порѣчъѣ жандармы арестовали, по доносу мѣстной учительницы - полки, начальника жел.-дор. станціи Андрея Мрака и по-Легницкаго, настоятеля прихода въ с. Пескахъ.

Въ с. Катериничахъ были арестованы крестьяне: К. Чурба, 64 лѣтъ, и сынъ его Казимиръ, Андрей Стельмахъ, Дмитрій Платогоръ, 62 лѣтъ, Иванъ Толочка и сынъ его Федоръ, Иванъ Пріашникъ, Михаилъ и Лука Чурки, Иванъ Мазуръ, 70 лѣтъ, и сынъ его Карлъ, Филиппъ Лінь, Григорій Прухницкий съ 8-лѣтнимъ сыномъ Михаиломъ, Антонъ Борецкій, 66 лѣтъ, Никита Адаминичъ, Алоизъ Бѣликъ, 80 лѣтъ, и Андрей Платогоръ. Кроме перечисленныхъ, было арестовано впослѣдствіи еще много мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Ихъ пыткали изъ домовъ и, согнавъ всѣхъ на плоскость, отвели затѣмъ подъ конвоемъ въ Комарію „на замокъ“, где евреи и мѣстные подяки забросали ихъ камнями. Двухъ женщинъ, пытавшихся бѣжать, солдаты закололи штыками. „На замокъ“ въ Комарію продержали ихъ цѣлыя сутки подъ открытымъ небомъ безъ пищи и воды. Въ этой группѣ находились также беременная женщина Марія Платогоръ, которую пригнали изъ Катериничъ. Тутъ она, вслѣдствіе утомленія и испуга,

прежде всрѣмнію родила, однако, несмотря на ея стони и мольбы, солдаты не разрѣшили никому прийти ей съ помощью. „Пускай подожнетъ, собака!“ — кричали солдаты. Новорожденный ребенокъ, не дождавшись помощи, задохнулся, а когда несчастная женщина пыталаась тутъ же похоронить трупъ своего ребенка, солдатъ и этого еї не разрѣшилъ, а-только вырвалъ ею у нѣй рукъ и бросилъ въ кусты, причемъ пригрозилъ заколоть каждого, кто посмѣѣтъ бѣдать земѣтъ мертвое тѣло.

На слѣдующій день австрійскій офицеръ снялъ группу арестованыхъ и приказалъ отѣлѣть мужчинъ отъ женщинъ и дѣтей. Мужчины увезли дальше, женщины же поѣхали на вокзалъ, приказавъ имъ оставаться арѣѣ до вечера. Но женщины, опасаясь, что ихъ разстрѣляютъ, разѣбѣлись домой. Большинство уведенныхъ вернулось такимъ образомъ домой. Четыре мальчика пропали. Чѣмъ с ними случилось — неизвѣстно.

Нѣсколько дней спустя, опять явилась въ Катериничахъ патруль, задержавшись въ деревнѣ всего на полъ часа, но и за это краткое время успѣли изнасиловать нѣсколько женщинъ и ограбить десятки крестьянскихъ хозяйствъ. Крестынику Марію Зазулу, матерь троихъ дѣтей, раздѣли до нага на глазахъ толпы и качали ее по колечemu живьемъ. Пойманному по дорогѣ крестьянину Андрею Платогору завязали глаза, связали руки и ноги и увезли его съ собой, подгоняя измученного и избитаго до крови крестьянина новыми ударами прислѣдовъ...

(„Прик. Руси“, 1914, г. № 1486).

Изъ окрестностей м. Комарна. Сообщение студента С. изъ села Монастырки возлѣ Комарна о масовыхъ арестахъ и казняхъ „руссофиловъ“, о сожжении цѣльныхъ селений, о дикой расправѣ съ мирнымъ населеніемъ— это все какъ-будто точнѣйшая копія сообщеній всѣхъ русскихъ людей Галиции.

Расправа началась съ арестовъ. Во время мобилизациіи былъ арестованъ священникъ Дуткевичъ изъ с. Грушова, старикъ 70 лѣтъ, и жестоко избить жандармами на глазахъ его дочери иъѣзжавшихъ крестьянъ. Дочь его, г-жа Козакевичъ, пытавшися умниоствовать жестокаго жандарма слезами и мольбами, была имъ грубо оттолкнута и получила искоско ударомъ прикладомъ. Въ той же деревнѣ было арестовано много крестьянъ.

Въ с. Конюшкахъ Тулиголовскихъ были арестованы свящ. Рыхлевский и вся громадская управа съ войтомъ и писаремъ по гланѣ. Кроме того были арестованы: свящ. Скобельский изъ Горбачъ, Легутцій изъ Порубъ, Созанскій изъ Волони съ склономъ гимназистомъ, Романовскій изъ Дмитрия, Гимніктъ изъ Зібковичъ, 86-лѣтній старикъ о. Монастырскій и много другихъ. Въ каждой изъ названныхъ деревень были также арестованы десятки крестьянъ. Хватали рѣшительно всѣхъ, кто былъ подписчикомъ русскихъ газетъ или членомъ О-ва Качковскаго, а даже просто тѣхъ, кто почему-либо былъ помѣхой мѣстному шинкарю епеко или просто мазепинскимъ агитаторамъ изъ мѣстныхъ учительей и студентовъ. Стоило только шепнуть на ухо жандарму, что тако-то подозрительенъ, и его немедленно арестовывали, закончили въ цѣли и отправляли въ Венгрію или

Западную Австрію, а то проще на тотъ свѣтъ, то есть, разстрѣливали на мѣстѣ.

Впрочемъ, арестовывали не всѣхъ. Когда вѣтъ тѣрмы были до невозможнаго переполнены „руссофилами“, а отправлять все новыя партии за предѣлы края оказалось довольно затруднительнымъ, дикимъ мѣстѣ австрійскихъ властей вынуждались въ другія формы. Съ „руссофилами“ расправлялись по домашнему— были ограблениями, приказдами. Все это для острастки, въ назиданіе „хлопковому буду“, сгновляемуемъ для этой цѣли къ любому мѣсту.

Въ с. Монастырѣкѣ, где живѣть нашъ рассказчикъ, произошелъ случай подобной простой расправы. Жандармы вытѣшили изъ дома крест. Ивана Байдара, предсѣдателя мѣстной читальни Об-ва им. Мих. Качковскаго, взяли его на площадь передъ селскими управлениемъ и тамъ жестоко избили прикладами; особенно неистощительная жандармъ-полковникъ Домбройскій изъ Погорѣцъ. Отецъ несчастной жертвы, предстарый Войтѣхъ Байдаръ (кстати сказать, польскъ—колонистъ), за молбы о понадѣи сына получилъ также иѣсколько ударовъ прикладомъ. Послѣ Байдаръ пришла очередь на крест. Вас. Панайа, представившаго свой домъ для читальни. О Качковскаго; онъ былъ тоже избитъ на глазахъ всей деревни. Окончилъ своеобразное „правосудіе“, жандармъ Домбройскій занесъ топоръ, что онь такъ-же самъ поступилъ со поѣмы „руссофилами“ въ деревнѣ.

Все это происходило во время мобилизациіи, до начала военныхъ дѣйствій.

Настоящій ужасъ началась послѣ сраженій на Гинской Лигѣ и подъ Николаевомъ. Бѣжавшій къ Сину австрійскій полчища жгли, грабили, вѣщали, насиловали, какъ дикая орда гунновъ

За свои пораженія мстили „руссофиламъ—измѣнникамъ“, этимъ „глазнымъ виновникамъ“ австрійскихъ пораженій⁴. Нѣть села, гдѣ бы не было побѣщенія нахъ, зѣбрки изувѣченіиъ. Село Усть сожжено до тла маѣльскими гонведами, которые бѣгали по селу съ горючими головными и поджигали каждый домъ отдельно, стрѣляя по крестьянамъ, пытавшимися тушить пожаръ. Много труда стоило имъ поджогъ школы, зданія каменного и крытаго черепицей. Гонведы веображеніи на крышу, сорвали черепицу, вырубили отверстіе, сунули туда снопъ соломы и подожгли. Школа сгорѣла.

Отъ села Новоселокъ не осталось тоже ни сгѣда.

Въ с. Дмитриѣ, въспѣлъ Щирца, изъ приходской дома ворвалось пять драгунъ съ вахмистромъ по главѣ; они вытѣшили изъ дома жену и дочь свящ. Романовскаго (самъ онъ былъ высланъ изъ началь мобилизациіи) и тутъ-же на мѣстѣ вынесли имъ обѣйнь смертный приговоръ „за руссофильство“⁵. Къ счастью, подѣхалъ офицеръ и отмѣнилъ этотъ приговоръ. Онь только грубо выругалъ испугавшихся до смерти женщинъ и приказалъ имъ не вытильвать на улицу, иначе „вадернетъ ихъ, какъ собакъ“.

(„Прик. Русъ“, 1914 г., № 141).

С. Вел. Городянка.

(Сообщеніе пок. о. М. Матковскаго).

Въ с. Вел. Городянку—по разсказу пок. свящ. М. Матковскаго, мѣстнаго настоятеля прихода,—пришли 28 августа австрійскій войска. Въ моемъ домѣ находились тогда, кроме моей дочери, свящ. Михаилъ Залецъ изъ Малой Городянки и гимназистъ М. Стасевъ.

Пополудни того-же дня явился ко мнѣ офицеръ съ отрядомъ гонведовъ. Войдя въ комнату, онъ вязнулъ намъ, что мы арестованы, ибо, по полученіемъ имъ сѣѣдній, мы давали сѣѣдній русскимъ войскамъ о движеніи австрійской арміи. Сѣѣдуетъ замѣтить, что въ моей деревнѣ есть много мазепинцевъ. Въ своей пеналисти ко всему русскому они способны на ложные доносы, провокацию и т. п., лишь бы только уничтожить своего партійнаго противника.

Несмотря на наши клятвы и уѣрѣнія, что это ложный доносъ, наѣсъ вывѣси подъ конюемъ во дворъ. Тутъ моя дочь лишилась чувствъ. Тогда офицеръ, подскочивъ къ ей головѣ и закричавъ по польски: „Вставай собака, а то я сейчасъ же пущу тебѣ пулю въ голову!“ Когда крикъ офицера не помогъ, гонведы облили ее холодной водой, а заѣмъ занесли въ комнату. Гости повели поясъ этого къ мѣстному крестьянину—мазепинцу Григорію Василишину, котораго долженъ быть показать — кто мы такие: мазепинцы или руссы? Василишинъ занялся, что мы всѣ „староруссы“, и наѣсъ сейчасъ же повелъ къ дивизіонному командиру, квартира котораго находилась въ помѣщѣніи мѣстной читальни „Прогрессъ“. Тамъ застали мы арестованного крестьянина-патріота Ивана Кесчина и мазепинца, студента учит. семинаріи, Хамукунца, который доносъ, что Кесчинъ „руссофилъ“, а теперь долженъ быть поддержанъ свое обвиненіе. За „руссофильство“, то есть, за открытое признаніе себѣ русскимъ, поплатилась смертная казнь.

Нѣсколько минутъ спустя явился командиръ и, указывая на меня, приказалъ солдатамъ: „Вотъ его завтра

утромъ на открытомъ мѣстѣ въ Городѣ разстрѣляны".

И все это дѣжалось безъ суда, безъ свидѣтелей, только на основаніи одного показанія украинофилы Василишина. Моя представленія, что нѣтъ человека, который могъ бы съ чистой

Одна изъ эвакуаций.

согѣтствомъ подтвердить возводимыя противъ меня обвиненія, не привели на австрійскаго офицера никакого впечатлѣнія...

Тутъ вмѣшился другой офицеръ (по національности — сербъ), валили командиръ, что, по собственнымъ имъ у крестьянъ свѣдѣнія, сдѣланній на меня доношь не имѣть никакихъ основаній. Въ отвѣтъ на это заявленіе офицера-серба, командиръ въ нашемъ присутствіи сдѣлалъ ему строгій выговоръ за то, что онъ вмѣшивался не въ свое дѣло, но нѣсколько минутъ спустя перемѣнилъ свое рѣшеніе и приказалъ отвести насть подъ конвоемъ въ с. Хлопы, возлѣ Рудокъ, предоставивъ окончательное рѣшеніе нашей участки стоявшему тамъ на квартиру главнокомандующему.

Мы шли цѣлую ночь. Конвойные и патріонные солдаты били настъ прикладами и плевали въ лицо, бросая по нашему адресу грубыя ругательства, въ родѣ: "Russische Spione, Hunde, Ropen".

Наконецъ, мы пришли въ Рудки. Настъ повели прямо къ главнокомандующему, у которого находился въ то время архіканцъ Карлъ-Францъ - Йосифъ. Нѣсколько времени спустя намъ объявили, что мы, за отсутствіемъ доказательствъ нашей виновности, свободны и можемъ идти домой...

Въ с. Малой Горожаниѣ въ начаѣ войны были арестованы: свящ. Михаилъ Залцъ, студ. А. М. Залцъ и нѣсколько крестьянъ. Во время сраженій, происходившихъ на линіи

Николаевъ — Рудки, австрійцы увезли съ базы 88 крестьянъ разнаго пола и возраста. Изъ нихъ возвратились домой всего 16 женщинъ и дѣтей и одинъ парень, уѣхавшій бѣжать. По рассказамъ этихъ очевидцевъ, крестьянъ судили за то, что они давали проходившимъ черезъ село русскимъ солдатамъ воду и фрукты. Объ этомъ "преступленіи" своихъ соѣдѣй донесъ вновь явившійся австрійцъ мавшевицъ М. Козакъ. На основаніи его доноса были арестованы между прочими: И. Яремчукъ, 80 лѣтъ, В. Гриневъ, В. Петровъ, цѣлая семья Матѣйлевыхъ и рядъ другихъ крестьянъ. Изъ нихъ В. Гриневъ былъ по пути повѣшеннъ въ лѣсу.

С. Борчѣ. Еще до войны были арестованы и высажены: свящ. Ю. Легукій, студентъ В. С. Михалиничъ и нѣсколько человѣкъ крестьянъ. Явившіеся въ селе, поѣзжъ объявленіемъ войны, отряды австрійскихъ солдатъ австрійскимъ образомъ подѣливались надъ оставшимися населеніемъ. Пятнадцать человѣкъ арестованныхъ, ночью, въ однѣхъ руба-

хахъ и связанныхъ, водили изъ деревни въ деревню, избивая ихъ до крови прикладами. Жеву одного изъ арестованныхъ солдаты изнасиловали на его же глазахъ. У некоторыхъ крестьянъ уничтожали ихъ имущество — рубили шапками овоци, выносили изъ клунъ немолоченныя хлѣбъ во дворъ и топтали его лошадьми, опрокидывали умы и т. п. Въ этихъ подвигахъ принимали участіе также офицеры. Крестьянину Н. Заболотному офицеръ приказалъ бѣжать рядомъ со своей лошадью, угрожая разстрѣломъ въ случаѣ, если онъ отстанетъ или упадетъ. Нѣсколько крестьянъ были привезены къ деревнямъ на клацбіцахъ. Въ такомъ положеніи имъ приходилось оставаться въ продолженіе сутокъ. Но мало того. Австрійцы, не считаясь съ религіозными чувствами населения, ворвались въ церкви и, ища рублей и амуниціи, сорвали поль, разбили церковную кассу, заграбили найденные въ ней деньги и разграбили престолъ.

("Прикарп. Русь", 1914 г., № 1490)

Самборскій и Старосамборскій уѣзды.

Награды за выдачу "москофиловъ".

Приводимъ полный текстъ офиціаль-наго австрійскаго "Возванія къ полякамъ, украинцамъ и евреямъ", изданнаго въ началѣ мобилизаціи военнимъ комендантомъ г. Самбора на польскомъ и украинскомъ языкахъ и расклеенного повсемѣстно, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ другихъ, болѣе значительныхъ мѣстностяхъ самборскаго уѣзда:

Odezwa do polaków, ukraińców i żydów.

Nieprzyjaciel wzywaj±c ten powažny stan wojsenny, w którym znajduje się teraz wasz kochany i piękny kraj, w tym celu, aby pewne podejrzane elementy nieprzyjacielskiego państwa pomiędzy was się wsi±zgnęły, celem użycia tutaj zamieszkałych moskofiliów do zdradzania nieprzyjacieliowi ruchów wojakowych i naszego położenia.

Wypróbowany patriotyzm i niezawodne oddanie się naszemu Najwyższemu Domowi, który do swoich wiernych poddanych zawsze pieczętowicie i po ludzku się odnosi, nie dopuści, aby patryotycznie usposobiony polak, ukrainiec i żyd ścisnął kola siebie takie indywidualne.

Przeciwne, jest obowiązkiem podobne osoby uczynić nieszkodliwemi, to znaczy, skoro ktoś powiedzie wiadomości o takich osobach, należy donieść je najbliżej cywilnej lub wojskowej władzy. Dostawienie osoby, której dowiedzionem zostanie szpiegostwo lub propaganda moskowińska, wynagrodzeniem będzie kwota 50-500 kor.

C. i k. komendant stacjonu.

To же w russkom perewodѣ:

Воззвание

къ полякамъ, украинцамъ и евреямъ.

Nepriatelem powstaje serzeżnytъ военнымъ положениемъ, itъ jakomъ сейчасъ находится нашъ любimyj и прекрасnyj krajъ, съ tой pѣlby, чтобы iзvѣstnye podowitelnnye elementy nepriateльskogo gosudarstva mogli pronykniutъ wъ vashu sredu dla ispolzonij zhivotnychъ vsej mосkoviñstva, stъ cіmъ vydachi nepryfidovala stъ cіmъ i zavdaniye doniesienij o dviženijakhъ našichъ vojskъ i o našemъ polozhenij.

Ispytannymъ patrótizmъ i nepokolebimymъ predanijemъ нашему Wysochajszemu Domu, który wseda zabotliw i celowitno относился kъ swomu wierzchnimъ poddanymъ, nie dopuszcza, aby patrótyczni nastronnyi polaki, ukraińcy i ezyri mogli terpić takiego rodu sułektywu rzedomъ stъ sobo.

Naprotivna, jelenyta obizvannostъ obezrejkivatъ podobnychъ lidi, t. e. kielu tylko kto-nibudź połuchitъ swѣdѣnij o takiego rodu lichenstekh, sâdzętujetъ donesti o nichъ bliskiejshier grak-

danskimъ ili voennoj wlasti. Dostawienje лица, которое будеть ulicheno wъ špiónstwѣ ili propagandѣ moskoviñstwa, будеть woznagradowdztwa summoy 50 — 500 krov.

C. i k. komendantъ города.

С. Корнич.

(Сообщение Евгений Степ. Береской).

Покойный мой отецъ, Степанъ Андреевичъ Берески (рожд. 1861 г.), состоялъ настончайшемъ прихода Корниччи, самборского уѣзда.

Wъ 1914 г., сейчасъ поспѣхъ объявленіи wojny, начались преслѣдованія и облаки. Otpisъ пока не trogali. My думали, что ego minuytъ судьба, постигшая всѣхъ видѣjshihъ russkihъ gaziinchant. Tylko 13 sentyabrya явiliu nočnoj przedstavitelej voennychъ wlastej i aрестovali otca, wъsladstwie donosowъ i priroksivoj mѣstnogo uchitelya, ukraiñcyna Eustachia Kobinskago. Arestovaniye состоялось wъ otstutstvije domashnikhъ. Arestovavshiye obrashchali sъ otodomъ очень грубо и не разговаривали ему вину stъ soboy ni byly, ni denegъ, wъ vidu chego emu prihlylo провести nѣkoliko mѣsicyevъ wъ stranijszejъ nujnosti. So premeni arestowanij судьba otca byla namъ nienawistna, takzъ какъ russkiy voyska wauhali naшу mѣstnostъ čerezъ dva dni posle etogo sobytija, wъ vidu chego my byli совершенно отрѣzani otъ austro-wangenskogo mira.

Jiznъ otca wъ tyrmachъ i ego puteshestwiye wъ Talerhofъ сообщаю wъ widerekachъ iżetego dnevnika:

„18 sentyabrya явiliu ko mѣsicy oficerъ wъ sопровожdjeniye konwoju i, aрестować meni, примѣstili временно wъ zdanii mѣstnoj shkoly. Na sleduj-

ciy denъ poginali meni pѣškomъ wъ c. Bialkowicchi, a wъ c. Wolkej podala podwodu i otvezeli wъ c. Bialchi. Prohođdci mimo voennychъ parti posyplali po moyemу adresu wszesjcej rukatelsztwa, a oficerzy kriczali: „Verräte aufhängen!“ Wъ Bialchachъ dali mię objѣtъ, sostoinjajjий iżt somitelnego kachestwa susha i kuska xlѣbъ; sushъ ja oddal soldatamъ, a xlѣbъ хотѣlъ bylo spryatlъ, no tutzъ nabrosilisza na meni soddalъ i vyralisza xlѣbъ. Ne znam, chto rukowodilo imъ — gojodzhi ili zloba, a toлько наблюдavshiy etu scenu kapralъ nakanazal jego opozenchini i wѣzylъ oddać xlѣbъ. Izъ Bialchichъ prїkhali my wъ Novoe Mѣsto, gdѣ meni zaperiли na noču wъ pomyszczemъ xlѣbъ, na slѣdujshij же denъ otvezeli wъ Dobromyli, gdѣ meni prisoejdenniye kъ partii, sostoinjajjihъ iż 28-ctchъ chelovekъ, i vymѣstъ sъ sej otvezli wъ Peremysli. Wъ Peremyslihъ powtoriliu obychiny rukatelsztwa i izvѣstjewstwa, co stony mѣstnogo naselenija i prѣbuzhdyvshie wosennychъ chastej. Poslej получasovoy peredokoli wъ Peremysli, otbytъ naši spolejnosti, wъ sostavie 102 chelovekъ, wъ Krasowcachъ. Prѣbuzhdomъ mimo Radymna salyshno bylo wystreljati russkimi oruđji i vidno bylo wyrwanjaniemъ shrapneli. Otstupavshie austriacy tanulisi co vsej stronje kъ krѣposti.

16 sentyabrya prїkhali my cherez' Krasowc, a na slѣdujshij denъ popoluždujshie pribyli wъ Prerow. Tuttz stoptiżt użek drugoj transportemъ aрестowanij. Okolo 10 часовъ wiecera naprawili naši w „Rabochi Domu“. Poſloj uzhina otvezeli semu swienczenikowъ kromati, a krestyshli razmѣstili na podu. Obrazceniye bylo czelojcheskoe, dake gdy wъ gody bylo razrѣsheno wychoditъ bezъ swejkoj ochroni.

18 sentyabryi utromъ wychali

my izъ Prerowa podъ konwoemъ dwužx žandarmowъ, wъ zamktychъ, bezъ okon, wagonachъ. Wъ vidu nedostatku wozduha, krestyshie podѣlali otverstia wъ podu i stѣnachъ wagonu.

19 sentyabrya prїkhali my wъ Bialnu i ostanowiliu na sъvernomъ wokzale. Zdѣsъ priyali nasъ mѣstnye grzadane, ne исключaja inteligenzji, cъ takoj nienawistju i zloboj, chto žandarmy — stali wъ našu wazitutu i opasaliwz kropowotki, ibo mnoge izъ bialnycz wasili wojszene, — prigrzozili naступaющей tolgj rurzjemъ wъ sliuč bezchinstia cъ sej stronje. Među tamъ, zakryli wagony na zasoby i poždr, probiezhał iżkotore prostranstwo, ostanowiliu na pochtitelnymъ razstojenij otkazala.

Sigdyutet zamѣtitъ, chto ne лучшij priemъ okazalo namъ takzъ polskie naselenie wъ vremya prѣbuzhda cherez' Krasowc. Každaj dny iż našodzivshisza na wokzalz, mužchina li ili ženichina, cintali swymi patrótistskimi, dologimъ kričat: „imjaninici, sojaki“ i t. p.

С. Вел. Лѣнина.

(Сообщение о. Д. Кунца).

Wъ starosamborskomъ uѣzde было aрестowanio 7 swienczenikowъ, mnogo krestysh i mѣsanci iżetego Starego Sambara i Staroy Soli. Izъ swienczenikowъ byli aрестowane: Sverzert Iesienickij cъ żenewo iżetego Turza, Aleksander Polonicki iżetego Golecenka Bialwagiego, Grigorij Bialinskij iżetego Wolzkih, Vladimir Gorinckij iżetego Gor. Bialchit, Eugenij Kozanewicj iżetego Strzelowic, Nestor Polonicki cъ żenewo (našodzivshisza wъ to vremya u swego testi wъ Groznej) i i cъ sianomъ Nikolajem. Nenimogo

спустя арестовали также второго моего сына, Льва, doch Ярославу и жену.

Когда мадьяры пришли въ Венгрию, арестовали семь крестьян, изъ которыхъ пять, посѣгъ страшнѣйшихъ изъвѣстствъ надъ ними, растрѣляли, а двоихъ малолѣтнихъ высѣкли до крови и отпустили на волю. Одного 20-лѣтнаго парня поимали въ поѣзде и расстрѣляли на мѣстѣ.

Въ Старомъ Самборѣ были арестованы: судья Григорій Глѣбовицкій, и студенты Иосифъ Шемердянъ, Левъ Шемердянъ, Скворонъ и Христостомъ Гмитрикъ. Первоначально арестованы въ Венгрии 12 крестьянъ, въ Турѣ около 30, въ соединенныхъ селахъ по губернскому человѣкѣ.

Въ старосамборской тюрьмѣ сидѣли мы двѣ недѣли. Когда русская армія приближалася къ Карпатамъ, эвакуировали наѣсъ около 120 чл., изъ старосамборской тюрьмы и направили въ глубь Австрии. Наше путешествіе представляло склонной крестный путь. Уже въ Самборѣ пѣдевала намъ толпа въ лицо, ругала именами, въ Загорѣ бросали камнями въ вагоны, а въ Липкѣ ворвались въ вагоны австрийскій пропорщикъ-полкъ и, стегая наѣсъ на гаекой, совершенно расстрѣляли его съ нашиими, причемъ больше всего досталось старину - священнику Ясенецкому, студентамъ Скворону, Шемердяну и Николаю Кудѣю.

Вечеромъ прѣѣхали мы въ Межилапорецъ въ Венгрию. Здѣсь приказано намъ выѣздѣть изъ вагоновъ, будто бы къ ужину, а подходившіе мадьярскіе солдаты били чѣмъ и куда попало. Одинъ сержантъ былъ арестованныхъ священниковъ какимъ-то коломъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не сломался. Въ Живѣ обстутили наѣсъ фабричные изъ княжескаго

пивоваренного завода и пробовали повторить побои, но проѣзжавшій жандармскій маору запретилъ имъ извѣщаться надъ нами и даже сопровождать наѣсъ нѣсколько прозететь для нашей защиты.

Свѧщ. Даи. Купѣцъ.

С. Гуменецъ.

По доносу украинофиловъ Степана и Ивана Шубаковыхъ были 20 августа 1914 г. арестованы въ Гуменцахъ мѣстный настоятель прихода, благочинный о. Иоаннъ Шемердянъ и крест. Иванъ Андрющикъ, причемъ произведши арестъ жандармы не разрѣзали имъ даже взять съ собой какій-нибудь вѣщи и пищу.

Арестованныхъ отвезли вечеромъ въ Самборъ. Въ самборскихъ арестахъ находилось уже по приходочное число арестованныхъ изъ города и уѣзда. По истеченьи недѣли отправили о. И. Шемердянка и И. Андрющика въ Перемышль. По пути пришлось имъ вынести не мало скорбаний и побоевъ отъ разныхъ проходимцевъ, наибольше же пострадали оба арестованные въ Хиронѣ, где ихъ помѣстили въ каторжное время въ вестобийской воказалъ. Позднѣе вечеромъ присоединили обоихъ арестованныхъ къ партии арестованныхъ изъ Турки и въ кандалахъ размѣстили въ товарищахъ нағонахъ. Пройдѣть изъ Хирона въ Перемышль было весьма тяжело. На станціяхъ бросали въ вагоны камни, а наѣсъ становищахъ становищахъ толпа пріѣструпомъ пыталася ворваться въ вагоны, причемъ можно было наблюдать, что въ болыпинистѣ случаются происходило это по нацѣнкѣ представителей австрийскихъ властей и железнодорожной администраціи.

Въ Перемышль помѣстили часть арестованныхъ, 10 человѣкъ, въ томъ

числѣ о. Шемердянка, въ казармахъ на предмѣстїи Бакунинцы. Здѣсь провели они ночь среди насѣкомыхъ и небообразимой грязи, а на слѣдующій день утромъ отстѣпанно о. Шемердянка и И. Андрющикъ въ гарнизонную тюрьму, перевѣзеннуя уже арестованными русскими людьми изъ интеллигентіи и крестьянъ.

Между тѣмъ, военные караули сѣмьи львовской поліціи. Это убѣдило узниковъ, что Львовъ находится уже въ русскихъ рукахъ, но то-же время эта сѣмья принесла имъ много лишнѣхъ страданій, такъ какъ откомплексные стояніи поліцейской стали всѣхъ вымѣщать на нихъ сдачу Львова. Приклады и кулики работали во всю. Долго до того, что многие изъ заключенныхъ, въ особенности же интеллигентіи и духовенство, отказались отъ ежедневной пропуки изъ коридорахъ, предпочитая затхлую атмосферу камеры. Тюремная администрація пыталася ежедневно поѣсковую человѣкъ и куда-то уводила. Охрана говорила, что это—осужденные къ смертной казни, а приговоры приводились въ исполненіи изъ Перемышля, на тѣхъ наз. „глицевской горѣ“.

Настроение узниковъ было крайне тѣжелое. Гнетущая неизвѣстность, пальца изъ орудій, доносишись со стороны Городка, и каждую ночь повторявшаяся тревога не давали имъ минуты покоя.

Но, должно быть, русская армія сильно наложила, ибо 16 сентября всѣ заключенные были выведены во дворъ и проѣзжены по спискамъ. При этомъ замѣшканихъ узниковъ были чѣмъ и куда попало. Священники И. Шемердянъ, Ст. Сапрунъ и Маркъ Раставецкій получили пощечины, а Л. О. Сольский въ Коломыи былъ тяжело избитъ.

Подъ вечеръ 16 сентябрь зашлюпировали арестантовъ въ товарищахъ и направили въ Талергофъ.

Г. Самборъ.

(Сообщеніе А. О. Бачинскаго.)

Въ виду смерти моего отца, Іосифа Бачинскаго, отставнаго служащаго финансовой стражи въ Самборѣ, считаю своей обязанностью предать памяти его неуважаемымъ мученій, которымъ онъ испытывалъ отъ австрийскихъ палачей.

Одца арестовали утромъ 15 мая 1915 г., по доносу еврея Мейера Габлеръ, въ минуту, когда австрийскій войска вновь входили въ Самборъ. Габлеръ донесъ, что будто бы мой отецъ стрѣлялъ въ австрийскій аэропланъ и что его два сына, а мои братья, бѣжали въ Россію. Первое обвиненіе, было, конечно, глупой и глупой клеветой, продиктованной личной злобой.

Отецъ былъ арестованъ въ хамистромъ уланскаго разряда, вѣхѣшаго подъ эту пору въ городѣ. Вокругъ арестованного собралась громадная толпа, большая часть изъ евреевъ, некстати крича: „на кроѣтъ съ нимъ“, бросая камни и пленя на него. Такимъ образомъ отвели отца въ поліцейское управление, а посѣгъ въ гостиницу „Ромы“, где находились квартиры высшихъ австрийскихъ офицеровъ. Туда отвелъ его хамистръ, приложивъ ему къ головѣ револьверъ и угрожая расстрѣломъ въ случаѣ попытки къ бѣгству.

Какъ раньше, такъ и теперь за отпомъ слѣдовала безчинствующая толпа, бросая въ него камни и насыпь ему пощечины, а конвирюющій его чинъ совершилъ спокойно относился къ этимъ безчинствамъ.

Въ гостиницѣ офицеръ списалъ съ отцомъ протоколъ и валилъ стояншиль тутъ-же евреямъ, удостовѣрившись, что отецъ стрѣлялъ въ аэропланъ: „der wird bald aufgehängt werden“.

Послѣ доброго отца присоединили къ патріотическимъ русскимъ военно-патріотическимъ и имѣстъ съ ними поиски въ направлениѣ Стараго Самбора. Опасаясь самосуда проходящихъ въ направлениѣ Самбора мадьярскихъ войскъ, отецъ пряталъ все время между воено-штыковыми. Но настоящій мученій начались только въ Старомъ Самборѣ. Конвоирующий уланъ отвѣтъ его въ естанную команду. Однѣ изъ находившихся тамъ офицеровъ, поиздѣнившись съ содержаніемъ составленнаго въ Самборѣ протокола, сообщили отцу, что черезъ нѣсколько минутъ его повѣсятъ, послѣ чего офицеры оставили поименованіе команды, въ явившееся вооруженные солдаты связали отца веревкой руки и повесили его черезъ городъ въ мѣсто расположженія воинской части. Руки были до того сильно связаны, что долго еще были замѣтны сѣди въѣшившейся въ тѣло веревки и плохо зажившая раны.

Солдаты, приведя отца въ какой-то домъ, стали уговаривать его сознаться въ соѣднѣніи преступлений, обѣщая сѣчасть — же отпустить его на свободу. Не добившись ничего, одинъ изъ нихъ взялъ конецъ веревки, которой отецъ былъ связанъ, и началъ обводить его по погребамъ, находившимся въ этомъ домѣ, какъ будто выбиралъ болѣе удобное мѣсто для разстрѣла, причемъ все время билъ его прикладомъ или наѣзжалъ штыкомъ въ его грудь. Повидимому, солдатамъ было приказано вынудить отца сознаніе хотя бы путемъ физической и нравственной пытки...

Послѣ этого солдаты вынесли отца

изъ погреба на площадь и привязали его, со связанными сзади руками, къ дереву, въ которое тутъ же вѣшили надъ его головою крюкъ. Такъ продержали его всю ночь.

На слѣдующій день мученія продолжались. Къ привязанному отцу все подходили какіе-то люди, главнымъ образомъ — евреи, которые взорадно наѣзжали надъ нимъ и цукали его предстоящей казнью. Въ такомъ положеніи простоялъ отецъ, привязанный къ дереву и голодный, цѣлыя сутки. Вечеромъ явился офицеръ съ шестью солдатами и, поставивъ одного въѣзда отца, отошелъ съ остальными въ сторону и давалъ имъ какія-то инструкціи. Полягъ, что себѣчъ его разстрѣльютъ, отецъ попросилъ разрешенія выкупить паникоску, но въ этомъ ему было отказано.

Поздно вечеромъ отца отвязали отъ дерева и отвели въ ближайшее помѣщеніе, занимаемое солдатами. Тутъ разрѣшили ему приступить, а какакъ женщина подала ему бутылку молока. Это была первая пища послѣ ареста.

17 мая утромъ дали отцу казенныи обѣдъ. Солдаты чехи, занимавшіе квартиру и обрадавшіеся съ отцомъ по человѣчески, сообщили ему, что, въ виду отсутствія достовѣрныхъ уликъ его вины, смертной казни ему нечего бояться.

Быть тѣхъ же дни привели и помѣстили вмѣстѣ съ отцомъ много арестованыхъ изъ окрестностей Стараго Самбора, въ томъ числѣ Андрея Янева (его вскорѣ посыпали), Николая и Василия Бачинскихъ (составленныхъ затѣмъ Талергофъ) — всѣхъ троихъ изъ Бачинъ — и воята Пенишевича изъ с. Горчиновичъ. Вечеромъ привезли отцу видѣть, какъ жандармы нѣчеловѣчески наѣзжали

надъ поименованными лицами и быть ихъ троостью по лицу. Отъ изнеможенія и пережитыхъ волненій, а также отъ вида этой дикой сцены, отецъ потерялъ сознаніе.

На слѣдующій день отправили отца на подводѣ обратно въ Самборъ для производства дальнѣйшаго слѣдствія. Помѣстили его съ другими арестованными въ вѣзданіи почты, продержавъ вѣдь до 2 июня. Теперь положеніе отца улучшилось настолько, что прекратились наїзвательства и побои и можно было сообщаться съ семьей. Произведенное слѣдствіе показало все неясность обвиенія, однако, доносили все — таки имѣть для отца, кроме перенесенныхъ страданій и томленій, то посѣдѣло, что, по административному распоряженію уѣзднаго старости Лемківскаго, отецъ былъ сосланъ, какъ политическій „неблагонадежный“, въ Талергофъ. Передъ отправкой дали еще отцу жандармъ Штернъ, безъ всякой причины, нѣсколько пощечинъ и конунгъ его въ животъ, всѣгдѣстнѣе чего у него образовалась гриппъ.

Наконецъ, 2 июня, не получивъ разрѣшенія даже проститься съ семьей,

былъ отецъ, вмѣстѣ съ эшелономъ въ 40 человѣкъ, отправленъ пѣшкомъ, несмотря на правильное желѣзно-дорожное сообщеніе, къ венгерской границѣ.

Мы совершенно случайно узнали обѣ этомъ, и сестра, собирая настѣль самыя необходимыя вещи и немного продуктъ, догнала отца на извозчикѣ и простились съ нимъ отъ имени семьи.

На границѣ, въ Синкахъ, заявили отецъ (65 лѣтъ) и еще одинъ 75-лѣтній стариkъ начальнику конвой, что, въ виду переутомленія и обрадовавшихъ на ногахъ пырей, они дальше пѣшкомъ идти не могутъ, однако, вмѣстѣ подводы, обѣ старика подумали т. наз. „аббінденъ“, т. е. наказаніе, употреблявшееся въ австро-венгерской армии и заключавшееся въ поддѣживаніи наказуемаго за руки, связанные сзади веревкой.

По ту сторону Карпатъ, въ Ужгородѣ, присоединили отца къ другому транспорту, вмѣстѣ съ которымъ и направили его уже по желѣзной дорогѣ въ „долину смерти“ — Талергофъ.

Антонъ Бачинскій.

Скалатскій уѣздъ.

Въ скалатскомъ уѣздѣ австрійскія власти не успѣли арестовать многихъ русскихъ людей благодаря неожиданно-му и скорому наступленію русскихъ войскъ; изъ нихъ они успѣли вывести только около 100 человѣкъ. Больше всего пострадали жители селъ: Мазалъ-Лука, Саджавка, Кривое, Колодѣбка, Сороки, Коконицы, Раптовцы, Дубовица, Калагаровка, Козина, Тобастое, Толстостой Кутъ, Задришонка, Магдаловка и сѣмь гор. Скалатъ.

Когда жандармы вели арестованыхъ крестить въ кандалахъ черезъ Скалатъ, то на арестованыхъ бросались евреи и мазепинцы, пиняли на нихъ и бросали камни. Усерднѣе другихъ наѣзжалась надъ несчастными мазепинецъ Василий Кивельчикъ изъ Скалатъ, братъ б. члена краевой земской управы.

(„Приказъ Русъ“, 1914 г., № 1451).

СКОЛЬСКИЙ УБДАД.

С. Синенодско-Выжнее. Въ с. Синенодской-Выжней мадьярские солдаты, по доносу местныхъ евреевъ, понѣсли изъ октября 1914 года одиннадцать русскихъ крестьянъ, послѣ чего бросили тѣа несчастныхъ жертвъ въ болото, застрѣтивъ ихъ семьями, подъ угрою новой подобной же расправы при сѣдѣющемся своемъ возвращеніи, предавать таковыя христіанскому погребенію. Такъ они и пронесли въ болота, въ виду крайней запуганности населенія, не посмѣшаго послушаться приказаний паче, всю зиму.

Только 26 марта 1915 г., стараниями стрѣльца русского уѣздного начальника С. Н. Андреева, состоялось торжественное погребеніе несчастныхъ жертвъ. Тѣла были солдатами бережно вынуты изъ болота, причемъ первые, оставившія на нихъ следы, были сняты, и затѣмъ они были положены въ деревянные гробы и погребены на самой почтеннѣйшей мѣстѣ — возлѣ церкви.

Въ похоронахъ приняло участіе, кроме мѣстныхъ жителей и солдатъ, также множество народа изъ окрестныхъ деревень. Прибыли также многие члены читали ими М. Качковскаго изъ Стрыя.

Гробы несли солдаты и родственники неини погибшихъ. Нельзя было безъ глубокаго волненія смотрѣть на длинный рядъ осиротѣвшихъ отцовъ и матерей, женъ и дѣтей, неизвѣстно слушать безъ слезъ ихъ горестныхъ причитаній и трогательныхъ пронзительныхъ молитвъ надъ братской могилой родныхъ мучениковъ, на которую было возложенъ изъ заключеніе самодѣльный терновый вѣнецъ.

(*Прим. Русь*, 1914, № 1610.)

С. Козевая.

(*Сообщеніе Юрия Волкововича*).

Послѣ объявленія мобилизациіи во всемъ скольскомъ уѣздѣ начались массонные аресты русскихъ крестьянъ и интеллигентій. Народъ, спасаясь отъ бѣды, уѣзжалъ въ города и скрывался по лѣсамъ. Такимъ же образомъ скрылся и я, а когда русскія войска заняли окрестности, и вернулся домой и узналъ, что въ Козево было арестовано 20 человѣкъ. Черезъ пѣвъ, которое время русскіе оставили скольский уѣздъ. Это случилось такъ неожиданно, что мы не успѣлиѣ бѣжать съ ними. Меня арестовали австрійцы. Въ тюрьму въ Скольскомъ я засталъ уже до 300 арестованныхъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Въ тюрьму держали узниковъ четверо сутокъ, безъ воды и куска хлѣба. На 5-й день изъ которыхъ освободили, въ особенности женщинъ и дѣтей, проічие же просидѣли еще три недѣли, получая разъ въ день супъ и по одному хлѣбу на четырехъ.

Подъ конецъ третьей недѣли мы и еще одному изъ узниковъ было приказано построить висыбницу, на которой повѣсили 2 кресты. Первымъ быть повѣшили замѣтитель воята с. Синенодска. Правивший на мѣсто казни польскій ксендзъ напутствовалъ крестьянъ, а затѣмъ солдатъ приказалъ принести на работу. Солдату не вѣзло. Веревка оказалась тонкой, всѣдѣсткіе чего понѣшенніемъ трижды обрывалась. Подъ конецъ его задушили руками, а затѣмъ повѣсили на перекладину. Другой понѣшенній былъ также изъ Синенодска.

На сѣдѣющей день, загремѣли русскіи орудія, узниковъ начали спѣшно

выакуировать въ Лавочное. Изъ которыхъ, изъ томъ числѣ и меня, отпустили домой. Поѣхѣлъ возвращенія домой и засталъ дверь своего дома взломанной и все имущество разграбленнымъ. На меня донесли австрійцамъ, что я браталась съ козаками, и меня тутъ же веторично арестованы и понесли къ офицеру.

Офицеръ оказался евреемъ. Постъ досрока онъ распорядился „есыпать“ мякъ сте шашкой и пригрозилъ висыбницу Конопроваше менѣ солдаты били менѣ по пути, сперхъ положенного, сколько попало, и только отданная имъ посѣдѣй пять коробъ умѣрили немнога ихъ „патріотической“ пытки.

Меня отвели въ с. Планѣ, гдѣ стояла австрійская бригада. Когда меня поставили передъ командиромъ, я, обезсыпавъ отъ проѣденного тяжелаго пути и волней, липился чувствами. На другой день былъ назначенъ военнымъ судомъ. Потребовали свидѣтелей. Я со своей стороны назвалъ фамилии изъ скольскихъ русскихъ крестьянъ, однако командиръ потребовалъ европейскихъ свидѣтельскихъ показаній. Тогда я назвалъ Даніда Ротфельда, корчмаря изъ Козеноу Ротфельда скоро привели и огнь даѣтъ на судѣ благопріятныя для менѣ показанія.

Меня отпустили, но не освободили, а препроводили обратно въ Козево, гдѣ менѣ окончательно освободили вновь явившись русскіи войска. Возвращаясь домой, я забѣжалъ и пролежалъ цѣлый мѣсяцъ въ постели.

Изъ рассказовъ знакомыхъ я могу указать еще на сѣдѣющие факты:

Въ с. Лапочковъ повѣсили австрійца двухъ крестьянъ, Мих. Жолдѣвича изъ Козево и нищаго изъ Оравы Фед. Коростевича.

Всего изъ скольского уѣзда вывезли изъ Венгрию около трехъ тысячъ человѣкъ. Большинство было отправлено въ Мукачево и въ находящуюся по сопѣству тюрьму Варпазянку. Изъ которыхъ изъ нихъ вноскѣдѣй свободили; возвратясь домой, они рассказывали объ ужасахъ, чинимыхъ наѣзъ арестоваными. Въ Мукачевѣ ежедневно судилось военнымъ судомъ по 25 человѣкъ. Достаточно было голословныхъ показаній какого-нибудь еврея, чтобы быть приговореннымъ къ смертной казни. Другіе свидѣтели, кроме евреевъ, не допускались. Приговоренныхъ уводили для расстрѣла за городъ, гдѣ уже заготовлены прикрытыми рѣнами снаряды для разрѣзанія. Стоящихъ еще обвиняли въ известности и засыпали землей. Нѣсколько человѣкъ побѣсѣли, причемъ роль палача исполняли цыгане или солдаты-евреи.

Въ Мукачевѣ, изъ числѣ арестованныхъ, находились также сыны: И. Лікій изъ Козево, и его псаломщикъ Мацбенчикъ.

Ю. Волкововичъ.

Въ с. Славскѣ австрійцы разстрѣляли за симпатіи къ русскимъ приведенного изъ с. Головенца Владимира Ива Яськова и крестьянину изъ с. Грабовиць Демьянова.

Въ с. Рыконы были арестованы псаломщикъ Антоній Набитоничъ и Андрей Кермашъ. Въ с. Тухлы-Федоръ Дудонъ и Семенъ Суроновичъ. Въ с. Головенецъ — Александъ, Федоръ и Іосифъ Набитоничи, Николай Морочникъ и Григорій Голицъ. Больше всего арестовано въ с. Ковевѣ. Всѣхъ арестованныхъ изъ выше указанныхъ селъ при ужасныхъ побояхъ препроводили въ скольское старство, а

оттуда въ Венгрию и Тылергофъ, гдѣ по-
ловина изъ нихъ сейчашъ поѣхѣлъ прѣѣзда
отъ полученныхъ побоевъ почина, „подъ
соснами“.

Въ с. Лавочномъ арестованы
Иванъ Крука съ дочерью Антониной,
Григорій Рѣжнева и еще 10 че-
ловѣкъ. На сооруженной висѣлицѣ си-
ночка съ которой здѣсь помѣщаются, пе-
репачано снаше десятка человѣкъ изъ
разныхъ селъ, фамилии которыхъ не
удалось узнать.

Висѣлица въ Лавочномъ.

На фонѣ Карпатъ.

А. Кисловский, въ своихъ впе-
чатлѣйшихъ изъ поездки по Карпатахъ,
напечатанныхъ въ „Прикарпатской Руси“
подъ заглавиемъ „На фонѣ Карпатъ“,
между прочимъ, говорить:

Шагая по глубокому сѣлу еле
намѣщавшемъ дорожки, и внезапно остановившись, пораженный необычайной, —
нѣтъ, просто — жуткой, ужасной, адской
картины, которая, какъ болѣзниный
кошмаръ, стояла передъ моими глазами.

На высокомъ холмѣ, возвышающе-
щемся надъ всей долиной, по которой
наплала дорога, торчала... въ сѣль и пас.
Черная на фонѣ чистаго сѣла, она до
бога рѣзала глаза своимъ уродливымъ
контрастомъ.

И висѣлица, несмотря на все
нѣдѣльное мною раннѣе, никакъ не умѣ-
щалась въ моемъ сознаніи: зачѣмъ она тутъ,
кто ее поставилъ, для какой цѣлы? Да,
можетъ быть, это вовсе и не висѣ-
лица? Во всякомъ случаѣ — не для
людей?..

И шель къ ней и не могъ оторвать-
ся отъ нея, не могъ перевести
глаза на что-либо другое.

Наконецу мѣръ шла крестыня.

— Слава! Иисусу Христу!

— Слава во вѣки! Слухайте, чи
вы не знаете, для чего тутъ та ши-
беница?

Изъ ея отѣѣ я узналъ, что
здѣсь были повѣшены нѣсколько мѣст-
ныхъ русскихъ крестьянъ изъ с. Ко-
невої и Синеводска. Изъ бли-
жайшаго мѣстечка и окрестныхъ селъ
собрались жители, но только евреи,
смотрѣтъ на язвенную. Русские кре-
стьяне боились идти смотрѣть, какъ
вѣшаютъ „москалефионъ“, потому что
евреи грозили перебѣгать всѣхъ. Казнь
была произведена въ присутствіи огром-
наго количества мадьярскихъ солдатъ.
Вотъ все, что знали въ деревнѣ объ
этой висѣлицѣ.

Висѣлица эта настолько поразила
меня, что я нѣсколько разъ ходилъ на

нее смотрѣть. Однажды я засталъ возѣ
ней крестыня, который долго неподвижно
стоялъ у холма съ опущенной
головой. Замѣтивъ меня, онъ выши-
мись, направился въ мою сторону
и хотѣлъ пройти мимо, но я остановилъ
его обычнымъ привѣтствіемъ „Слава
Иисусу“ и спросилъ про висѣлицу.

Лицо его передернулось, онъ ис-
пуганіе искинулъ изъ меня глаза и по-
тиунись. Я кратко передалъ ему все,
что слышалъ раньше, и спросилъ —
вѣрою ли это?

Крестыня въ время моего раз-
сказа какъ-то неестественно мылся и, на-
конецъ, зарыдалъ. Привыкъ, я этого
не ожидалъ. Но мое недоумѣніе разѣ-
шилось очень скоро.

— Пане! — заговорилъ онъ смѣло
и отрывисто, почти — что закричалъ.
— Вѣдь это, пане, я самъ эту про-
куплую шибеницу дѣлалъ. Самъ крючки
забилъ. Быгне, пане!

И онъ началъ клясться и божиться
по порогу расказаний, старясь, пови-
димому, заставить меня почувствовать,
какой онъ великий гѣшникъ... И въ
этихъ безъсмыслицахъ клятвъ признавалъ
смыслица потки безумія...

Они пришли, мадыры, когда
российскій нобъс поспуились къ Еѣ, и
всюду хватали насть, крестьяни. До-
статочно было, чтобы евреи показывали
на кого — нибудь падъцемъ и сказывали:

„это москалефъ!“, и его сейчасъ хва-
тали и уводили изъ села. А у насъ иѣ
„москалефионъ“. Изъ каждого села по-
забрали бояре, чѣмъ по 10 человѣкъ.

— Говорили, что казнить ихъ бу-
дуть изъ нашемъ уѣздного города. Но
потому, когда русскіе слова стали на-
ступать, то бѣжавшіе мадыры привели
арестованыхъ изъ нашу деревню. Ихъ
тогда было 152 человѣка. Нѣскоихъ

нашихъ крестьянъ, въ томъ числѣ
и меня, скватини и вѣтѣ построили
висѣлицы, такъ какъ всѣхъ арестованыхъ
предлагалось повѣсить на одинъ день.
Мы сдѣлали двѣ висѣлицы, но
когда намъ приказали поставить ихъ
посреди главной площади, то всѣ наши
крестьяне отправились къ полковнику
и доктору, просили избавить село отъ
этого ужаса. Въ конѣ концовъ, послѣ
длѣгихъ просьбъ и крупнаго денежнаго
подарка, они согласились, и висѣлицы
были поставлены нѣтъ на этомъ холмѣ.

— Пока дѣлали висѣлицы, перес-
таскивали и устанавливали ихъ, про-
шелъ весь день, и поэтому вечеромъ
устыдились повѣсить только двухъ кре-
стьянъ, а ночью подступили къ нашей
деревнѣ русскіе, и мадыры двинулись
далѣе, уведя съ собою остальныхъ
полтораста человѣкъ.

— Ахъ, пане, пане, если бы вы
видѣли этихъ людей тамъ на шибеницы!
Они наѣсились рядомъ, — ахъ, если бы вы
видѣли!

— Русскіе солдаты ихъ сняли
и похоронили. Одну висѣлицу уже сва-
лили изъ сѣль, а эта, проклятая, все
еще стоитъ. И все мени тинеть къ ней,
все я на нее смотрю... Вѣдь я ее дѣ-
лаю своими руками... Ахъ, пане,
если бы вы ихъ видѣли!

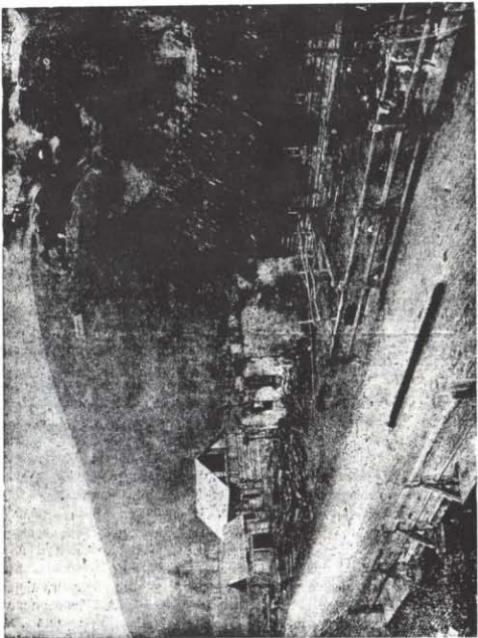
И она несъ трясесъ отъ волненія
и напухлыми, мокрыми глазами без-
смыслице, безумно глядѣла на черный
силуэтъ нѣсынцы, рѣзко выдѣлившейся
на дивной, чистой ширинѣ Карпатъ*).

А. Кисловский.
(„Прик. Русь“, 1915 г. № 1527).

* Крюкъ съ этой висѣлицы былъ изъ
своего времія доставленъ А. И. Кисловскимъ
Ю. А. Яворовскому, у которого онъ и хранился
въ его собрании памятниковъ войны въ Китаѣ.

Въ Смоленскихъ горахъ.
Въ путевыхъ замѣткахъ изъ поездки
А. Брынскаго по Галиции, напечатанной

ступеней австрійцевъ пришлось испить
горькую чашу.
Бывало такъ, что села переходили

Предложенія народами представлена земли изъ Смоленскихъ горахъ.

танихъ въ „Киевской Мысли“, между прочимъ, сообщается слѣдующее:
Русскимъ крестьянамъ при от-

по иѣсколько разъ то къ намъ, то венграмъ.

И при вторичномъ наступлении венгровъ творили жестокую расправу.

У кого находили русскіе деньги, или припасы, или вещи, — казнили.

Если о комъ-нибудь говорили, что онъ принималъ на постъ русскихъ, — казнили.

И, бросая убогое хозяйство, бѣжать крестьянинъ безъ отглѣдки въ горы, зинъ бы спасти жизнь.

Въ с. Лавочномъ, вблизи перепада, недалеко отъ венгерской границы, былъ такой случай:

Работавшіе въ питательно перенесенномъ отрядѣ предложили крестьянамъ начинъ сухарей. Изъ окрестныхъ селъ собралось много народа съ торбами и быстро разобрали хлѣбъ. И затѣмъ теченіе иѣскохъ дней все еще подходили къ открытому, но уже пустому вагону и руками сгребали на полу смѣшанные съ землей и содомой крошки. Черезъ недѣлю снова было доставленъ вагонъ съ мукою. Снова опогнали крестьянъ. Но, къ несчастью удивленію, никто не явился. Буквально — никто. Хотѣбы одинъ человѣкъ. Потому, что прошелъ какой-то трезвояжный слухъ...

Стали потому разспрашивать крестьянъ, почему не брали муки. И изъ уклончивыхъ отвѣтствъ выяснялось, что боятся мести со стороны венгровъ

— А вдругъ еще придутъ и узнаютъ, что брали русскую муку? Погѣ-

сятъ... Потому, что уже былъ такой случай: 14 человѣкъ въ Лавочномъ погибли...

И населеніе страшно запугано, до того, что предпочитаетъ голодную смерть...

Когда наши войска заняли Карпаты, кавалерійскіе разъѣзды, обсыпунъ лѣса и проходы въ ущельяхъ, находили тамъ семьи умирающихъ отъ голода русскихъ. Уѣждавъ изъ разоренныхъ селъ и деревень, они прятались въ густыхъ хвойныхъ заросляхъ, въ норахъ на недоступныхъ горныхъ кряжахъ. Выбѣрать лошадику или выроутъ яму. Сверху иѣсколько жердей, на нихъ навалена куча вѣтвей, сбоку оставлена норка — проѣздъ человѣку. И тамъ ютилось по иѣскохъ семействъ — въ рубищѣ, безъ пищи. Для многихъ наши разъѣзды явились избавителями отъ мукъ голодной смерти. Но во многихъ землянкахъ находили уже окоченѣвшіе трупы. Тутъ были и старики, и дѣти, и мужчины, и женщины. Масса простуженныхъ, больныхъ...

Умершихъ наши солдаты хоронили по склонамъ горъ, а оставшихся въ живыхъ откармливали, отогревали и отправляли въ городъ...

А. Брынскій.
(„Прик. Русь“, 1915 г. № 1518).

Снятинскій уѣздъ.

Г. Снятинъ.

Сейчасъ постъ объявленія войны были арестованы въ г. Снятинѣ и чиновники магистрата Н. М. Виноградинъ, которые сначала въ Снятинѣ, а потомъ въ Черновцахъ подверглись же-

стокому избѣженію со стороны австро-в

теш толпы. Позже, по доносу еврея Цукермана, были арестованы два русских мещанина — И. М. Виноградник и Притула, въехавшие с ними чиновник Львовский. Всехъ троихъ солдаты поспешили въ с. Залучье и тамъ покидали. Слѣдуетъ замѣтить, что Виноградникъ и Львовский — вдовы, причемъ первый изъ нихъ оставилъ 7, другой же 2 маленькихъ дѣтей, которыхъ остались безъ всякаго присмотра, и скитались по городу, были предметомъ изъявленій со стороны толпы, не знающей состраданія даже къ маленькихъ дѣтей.

Были арестованы также Д. К. Виноградникъ, Д. М. Танацукъ, Чайковскій, Греко и др.

Въ Снятинѣ былъ повѣшено также крестьянинъ изъ с. Задубровецъ, фамилия которого осталася неизвѣстной. Кроме того, въ Задубровцахъ были арестованы и увѣзены свящн. И. В. Сынгадовичъ и 4 крестьянинъ.

Настоящій погромъ устроили австрійцы въ с. Залучѣ, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришло въ праславіе и играло роковую роль въ процессѣ Бендерска и гонарії. Здесь было арестовано почти все русское населеніе, безъ различія пола и возраста, и частью покилено тутъ же въ селѣ, частью же — увезено неизвѣстно куда. Изъ этого большого села не осталось на мѣстѣ буквально никого.

Въ селахъ Карловъ, Руссой и Красносотавахъ было арестовано и вывезено также свыше 20 человѣкъ.

(„Прик. Гусь“, 1915, и р. 15° 5).

С. Залучье. Задолго еще до войны село Залучье подверглось жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны австро-венгерского правительства за то, что его жители перешли изъ греко-кат. въро-

справленію въ православную вѣру. Хотя уѣздное старство старалось всячески воспрепятствовать этому, но его старанія не избѣгли успѣха. Жителіи селяни со сознательною и крѣпко при своихъ уѣзженіяхъ и върованіяхъ.

Въ село вошли войско и, послѣ тщательныхъ обмѣновъ, продолжавшихся цѣлую нѣделью, арестовало 86 человѣкъ видѣвшихъ крестьянъ. Арестованые судились въ окружномъ судѣ въ Коломѣи, причемъ 12 человѣкъ получили по 6-ти мѣсяцамъ заключенія, а остальные были освобождены.

Въ связи съ этимъ уѣздное старство устранило законное сельское управление, избранное народомъ, а назначило своего комиссара въ лицѣ Михаила Военовѣ, въ его помощниками евреи Якобъ Шофферъ, Йосифъ Военовиду и Дмитрій Гонина. Назначенные комиссары получили чѣмъ ли не диктаторскій полномочій для искорененія въ селѣ православіи и сознаніи единства русскаго народа. По крайней мѣрѣ, уѣздное старство смотрѣло на всѣхъ проѣзжихъ сквозь пальцы. Кроме того, въ помошь этому новому управлѣнію, назначенному уѣздинными административными властями, было особо выписано изъ Львона специалисты по искорененію „руссификаціи“, жандармы Якобъ Пушкарь, совершенно не стѣснявшися при этомъ въ средствахъ и мѣрахъ подъѣмствія. Народъ не убоялся преслѣдованій и, чтобы доказать чистоту его правоту, избралъ комитетъ для постройки въ селѣ православіаго храма, въ который вошли: изъ мѣстныхъ людей — Николай Матейчука, Михаилъ Нагорнякъ и др. И. В. Оробецъ, а также свящн. дрѣ. К. Д. Богатырь и дрѣ. А. Ю. Геровскій изъ Черновцовъ.

Разрѣшенія на постройку храма не было получено, несмотря на протесты въ Вѣну. Власти опечатали временную часовенку, помѣщавшуюся въ домѣ М. Нагорняка, а православнаго священника И. Ф. Гудиму арестовали, какъ подстрекателя и шпионя. Преслѣдованія жителей не прекращались. Если кто пошелъ въ православную церковь въ с. Вапковицы, въ штаны обѣ этомъ узнали, то староста наказывало его высокими штрафами, заключеніемъ въ тюрьму, а то и придушилъ и пощечинами.

Такъ продолжалось дѣло до 1914 г.

16 августа ворвались въ домъ Оробецъ жандармы съ членами сельскагоправленія и, послѣ тщательного обыска, забрали библиотеку и арестовали Православнаго Оробецъ, которую, однако, послѣ недѣльного ареста въ Снятинѣ, отпустили на свободу. Немнаго спустя явилось въ село опять 26 человѣкъ жандармовъ, которые, совмѣстно со сельскимъправлѣніемъ, снова арестовали 30 человѣкъ и заперли ихъ въ сельской канцеляріи, где трижды ежедневно каждый изъ арестованныхъ получалъ по 25-ти розогъ. По приказу вахтмѣстера Пушкара, арестованные были принуждены сами бить другъ друга, а отказывающіе отъ розогъ получали по 50-ти розогъ изъ рукъ самаго же вахтмѣстера. Терпимыхъ отъ побоевъ сознаніе окачивали холодной водой, послѣ чего имъ давали соответствующее поученіе въ духѣ австрійскаго патротизма. Кроме хлѣба и воды, иной пищи къ арестованнымъ не допускали. По истечении четырехъ сутокъ арестованныхъ разглаголили на дѣлѣ группы. Первую высыпалъ на Черновцы; въ нее вошли: Дмитрій Оробецъ, Михаилъ Нагорнякъ и Юрій Кутеній. Въ Черновцахъ встрѣтили ихъ румыны бранью и камнями. М. Нагорнякъ получилъ по-

щечину, а при входѣ въ тюрьму Ю. Кутеній получилъ отъ ключника ударъ по шеѣ. Тотъ же ключникъ заявилъ имъ, что „висѣлица уже готова“. Въ тюрьмѣ находилось уже около 500 человѣкъ.

Такимъ же порядкомъ и среди подобныхъ обстоятельствъ отправили арестованныхъ въздушнъ по истеченіи двухъ сутокъ въ Венгрию.

Во второй группѣ находились: Николай Кобенка, Кость Соловьевъ, Иванъ Соловьевъ, Юрій Вирстюкъ, Никита Нагорнякъ, Прокофій Ерічукъ, Николай Матейчука, М. Гунька, Николай Дѣланічукъ, Николай Болотинськъ и другіе. Арестованій Николай Ерічукъ сущѣтствуетъ, да въ членъ правленія Дмитрию Гонину ваятку.

Эту группу направили въ Львовъ. Сопровождавшіе ее жандармы насадили на нее изъ Станиславовъ кулаки-штаны, данихіи воло склони рукаамъ. Среди криковъ: „ведуть шпановъ, продававшихъ карты російскому царю, бейте злодѣевъ“, вели ее по улицамъ Станиславова, и только два вооруженныхъ польскихъ скакута, ставшихъ въ запницу арестованныхъ, поумѣрили пытъ онѣвѣрившей толпы и снасли ихъ отъ дикой расправы.

Въ львовскихъ „Бригадахъ“ арестованныхъ въздушнъ пришлось быть снѣдѣтелями смертной казни двухъ мужчинъ черезъ побѣнѣ и неизвѣстной барщинѣ и подростка парни посрѣдствомъ разстрѣла. Въ виду усилившейся канонады и отступления австрійской арміи, арестованныхъ вскорѣ тоже отправили въ Венгрию.

Тѣлья временно продолжалася въ Залучѣ „патротическая“ работа Пушкара и назначенаго правительстомъ сельскагоправленія. Засѣданій этого правленія происходили въ мѣстной корчмы,

а православных семьи были принуждены доставлять туда дани иль иль масла, молока и т. п. Из дома Оробецка была взята вся постель, будто бы для раненых солдат, и весь запас хлеба.

Когда уже были вывезены из села все неблагонадежные, вспомнило правительство, что еще где-то остается И. В. Оробец, который во время мобилизации пропал без вести. За него были разосланы гончие телеграммы, по которым якобы жандармерия нашла его в Стрые на службе в железнодорожном батальоне. Он был тут же арестован и отправлен в Перемышль, а поезд взял в Перемышль русским войсками быть ими освобожден и сей час же уехал из России.

Между тем, оставшуюся в Залучье Праксюкову Оробец, посыпав освобожденный из-под ареста, виной на три ноги рваные окопы. А когда русские войска подошли к селу, Пушкин со своими компаниями заставил мать Оробецков, 70-летнюю старуху, идти с лошадью вперед и „отбивать“ москалей, которых она сюда привезла⁴.

Конечно, русская армия не испугалась старух с лошадью, заставила Залучье, пошла в Каристы, сельские же урядники, натворившие столько бед, бежали, побывав предварительно крест Н. Кобацкого и согнувшись для острастки все село смотреть на это убийство невинной жертвы австро-венгерского произвола.

(„Прир. Русь“, 1914 г. № 1505.)

(Сообщение И. В. Оробца).

Я служил по мобилизации в железнодорожном полку в Стрые. 18 августа 1914 г. вошли в мою ком-

нату четверо солдат и приказали мне переодеться в штатскую одежду. После краткого допроса въ полковой канцелярии и по представлению адресованного ми письма, писанного по русски, а также донесения военной управы с. Залучье, подписанного Яконом, Пушкарем, Дмитрием Гояном, Иосифом Венюндой и уездным старостой украино-финляндом Левинчиком, меня отправили на гаштупту. Сидяко настя възвѣсть четверо политических. Корнили разъярены были до того строгий, что не разговаривали даже выходить въ уборную. На пятый день отправили меня въ Перемышль. Въ Хирковъ, во время пересадки, набросились на меня рабочие, пограничники съ работой из Германии. Къ счастью, сопротивлявший меня конвой спасли меня из опасности, толкнувъ скорьи на паровозъ въ отъданіе машиниста. Здесь было спокойнѣе, если не считать пощечин, полученной мною отъ кочегара.

Въ гарнизонной тюрьмѣ въ Перемышль встрѣтилъ меня ек комендантъ Бекеръ тринадцать ударовъ по лицу, отъ которыхъ у меня пошла кровь изъ носа и рта. Постъ караимской области въ тюремной канцелярии, ключникъ Федина, капитанъ 10-го полка, зашировъ меня въ камерау, ударилъ еще иль придачу ив- сколько разъ по головѣ и спинѣ.

Много гадачить сидѣю въ этой тюрьмѣ среди страшныхъ линеенъ и истязаний. Службу несла львовская полиція, бѣжавшая передъ наступающими русскими.

Когда гражданскихъ арестантовъ отправили въ Венгрию, уѣхалъ съ ними также и комендантъ Бекеръ, а на его мѣсто остался начальникомъ тюрьмы еврей-фельдфебель Вирдъ, который тоже

морилъ арестованныхъ голodomъ и билъ при каждой встречѣ и провѣрѣ.

Во время заключенія было я свидѣтелемъ казни молодого 19-лѣтнаго парня изъ с. Красчинка подъ Пере- мышлемъ, который былъ арестованъ по подозрѣнію въ шпионствѣ. Въ теченіе двухъ недѣль тюремныи власти убѣждали его и его родителей сознаться въ преступлении, угрожая въ противномъ случаѣ смертью всѣмъ троимъ. Измученная допросами мать признала, наконецъ, что сына ея занимали чернечиные карты, думая такимъ образомъ спасти его, но послѣ этого ему тѣльце же объявили смертный приговоръ и тутъ же, въ присутствии матери, закинули несчастному петлю на шею. Осужденный хотѣлъ еще что-то сказать, но падчъ толкнулъ скамейку иль подъ его ноги, и несчастный парень, содрогаясь всѣмъ тѣломъ, покинулъ деревню.

Меня миновала участіе этого несчастнаго; я дождался освобождения изъ тюремъ виновнаго Перемышль русскими войсками...

И. В. Оробецъ.

С. Волчковцы.

(Сообщение Ивана А. Васюты).

Я служилъ на железнодорожной дорогѣ въ Волчковцахъ.

По донесу коменданта мѣстной стражи, рѣнаго украинофила, меня перевели на службу въ Корпонъ, гдѣ изъ свою очередь, по донесу волчковскаго нахмистра жандармерии, также украинофила, меня арестовали, а черезъ 2 днія перевели въ военную тюрьму въ Станиславовъ.

По истечениіи недѣли раздѣлили всѣхъ заключенныхъ на два эшелона, изъ которыхъ одинъ былъ отправленъ

въ Терезинъ, а другой; я томъ числѣ и я, въ Венгрию, въ Шатмаръ-Немети, гдѣ мы встрѣтились уже въ тормѣ б. депутата д-ра Н. П. Грабовицкаго съ отцомъ и сыномъ Гургулу и Петров скаго. Изъ Шатмаръ-Немети переехали настя въ Мискольцъ, гдѣ собралось всего 98 человѣкъ арестованныхъ русскихъ. Въ продолженіи шести недѣль произошло слѣдствіе, а вѣтъ объясняли намъ подоручникъ-чехъ, что мы свободны и можемъ бѣзъ препятствій от правиться домой.

Съ легкими сердцемъ мы отправились на вокзалъ и сѣли въ поѣздъ, который долженъ былъ вести насъ въ „домъ“. Наконецъ, поѣздъ остановился въ Сянокѣ. Къ вагонамъ подошла толпа вооруженного обряда, состоявшая изъ жандармовъ, пограничной финансовой стражи и мандаринъ. Насъ построили въ четверки и окружили плотными кольцомъ, а затѣмъ, съ криками: „вы измѣнники, шпионы“, отвели насъ въ тюрьму.

Здѣсь мы двое сутокъ оставались безъ пищи, а на вѣсѣ вагни просыбы начальство отвѣчало: „Получите есть, когда придетъ посылка отъ нашего Миколайка⁴. А одинъ тюремный надзиратель даже до кроинъ избилъ висичимъ замкомъ одного крестьянинъ изъ с. Угрикова въ Станиславовъ за то, что онъ просилъ пищи для себя и товарищей недолги.

Вообще, изъ сапоцкой тюрьмѣ на каждому шагу старались побольше узвѣстить настя и поиздѣваться надъ нами. Даже по случаю привинки холеры умудрился произволить ее военный врачъ причинить намъ лишній страданіи такимъ образомъ, что, вспрѣшивая вакцину, иткнулъ ширинку въ тѣло глубже, чѣмъ это было нужно, и приговаривая: „тень коха Миколайка“,

чтобы было больше, умышленно ворочать ею на все стороны в руки.

Следует еще упомянуть о других арестах и казнях в нашемъ уѣздѣ. И такъ, въ с. Волчковцахъ былъ арестованъ, кроме меня, также Ив. Кебичъ, а въ с. Рожновъ — Иванъ и Николай Бѣдлахи и Ник. Гулловъ. Въ с. Ганковцахъ былъ повѣшнъ крестьянинъ Джураковскій. Въ Синѣтиѣ были повѣшены чинов-

никъ Ільковацкій, почтальонъ Притула и канцелярскій служащий Виноградницъ, а второй Виноградникъ, чиновникъ магистрата, умеръ въ ссылкѣ. Смертные приговоры приводить въ исполненіе жандармскій оберъ-лейтенантъ Тробей. Наконецъ, въ с. Задубровцахъ былъ арестованъ сици. Сынгалевичъ, умерший затѣмъ отъ тифа въ Таргерофѣ.

И. А. Васюта.

Сокальскій уѣздъ.

„Смертный приговоръ изъянникамъ“. Приведенъ въ исполненіе въ гарнизонной тюрьмѣ смертный приговоръ на трехъ крестьянкахъ, приговоренныхъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе за измѣну въ Сокальціи. Кроме военнаго суда, присутствовали при исполненіи приговора священники, исповѣдывавшие осужденныхъ передъ смертью. Казнилась солдатъ“.
(Діло, 1914, № 150).

Лаконическое заглавіе и обычное по тѣмъ страннымъ временамъ содержаніе этой краткой замѣтки въ „украинской“ газетѣ, но сколько въ нихъ забѣдомой язкѣ, неистовой языбѣ и братской, невинно пролитой крови!

И подобными замѣтками и статьями были переполнены всѣ „украинскія“ газеты въ первые дни войны, ими неусыпно наусыпывали они австрійскій „патріотический“ произволъ, а иногда прямо — таки указывали по именамъ — где слѣдуетъ властимъ пронести чистку отъ „измѣниковъ“. Каждая, повисшая на деревѣ, жертва этого комітарного доносительства и террора засчитывалась ими въ число величайшихъ побѣдъ, какъ плодъ со-

вместной и дружной работы мазепинскаго доносительского усердія и австрійской государственной руки.

А русскій народъ въ Галичинѣ, обливаясь кровью, покорно сажалъ голову въ петлю, уготованную ему извергомъ — братомъ въ сокѣѣ съ австрійскимъ плачомъ. Многіе погибли отъ этого жуткаго союза, а тѣ, что пережили его, съ содроганіемъ и отвращениемъ будуть вспоминать эту гнусную Капинскую работу передразду тихеюю память о ней отъ рода въ родъ.

С. Мицовъ. 27 августа 1914 г. пришли въ с. Мицовъ австрійскій поиска. Мѣстные „украинцы“ и евреи почувствовали себѣ героями дна и подѣлились доносами на своихъ — же соѣдѣй къ военному начальству. Въ первую очередь былъ арестованъ, по доносу Гр. Харка, крест. Степанъ Дуда, который былъ затѣмъ повѣшнъ въ с. Переходовѣ. Онъ оставилъ молодую жену и шестеро малолѣтнихъ дѣтей.

30 августа, по доносу еврея Н. Загна, войта Андрея Кузмы и Михаила Хромынскаго, арестовали австрійцы Петра

Морозюка (умеръ 6 декабря 1914 г. въ тюрьмѣ въ Острігомѣ) и изъѣстнаго въ сокальскомъ уѣздѣ дѣтятѣ — крестьянина Фомы Будкевича, которыхъ отвезли сначала въ уѣздную тюрьму, а оттуда, выѣхъ съ почтмейстеромъ Бокомъ, благочиннѣмъ о. Рынвицемъ изъ Белза и 42-мъ другими арестованными, въ Русскую Раву. Здесь начали производить ст. симъ сѣдѣтъ аудиторы 99 п. полка, однако, въ виду нечестиваго и энергичнаго наступленія русскихъ на Раву, всѣхъ ихъ на слѣдующій же день отвели въ Одецьши, а оттуда по желѣзной дорогѣ, черезъ Ноинъ — Санчъ и Буда — Пешти, отвезли въ Острігомъ.

С. Степантынъ. Среди русскаго населения с. Степантынъ занеслось съ изѣкторомъ поръ извѣскою сенатаристовъ — украинофлагъ. Не по искусу пришлась этимъ послѣднимъ культурная работа и жизнь русскихъ людей, центромъ которой являлась мѣстная читальня, а потому послѣ объявленія войны они учли благоприятный моментъ для сведенія цартиныхъ счетовъ съ очутившимися вдругъ вѣтъ закона и всеми гонимыми „казаками“. Въ особенности мѣстный учитель „украинецъ“ до тѣхъ поръ ходилъ съ доносами по уѣзднымъ властямъ, а въ частности — въ сокальское жандармское управлѣніе, пока его старанія не убѣдились полнымъ успѣхомъ.

11 августа 1914 г. явился пѣ село усиленный жандармскій патруль и арестованъ слѣдующихъ крестьянъ: Ивана Чечконскаго, Александра Маковскаго, Вацала Рижку, Ивана Назарія, Николая Коцюбка, Игнатія Коцюбу, Афанасія Чабанюка и Игнатія и Филиппа Бобровскіхъ. Прибыла въ село также часть 55 п. полка. Присоединились къ арестованнымъ также партія жителій с. Скоморохъ изъ 20 человѣкъ, однихъ зако-

вали въ цѣпи, другимъ связывали руки веревкой и, неистово ругались, направили всѣхъ въ Сокаль подгоняя ихъ по путямъ прикладами и штыками и обѣща подѣлять изъ ихъ кожи барабаны. Гвардии пѣшикомъ восьмь миль, которыя были пройдены въ одну ночь. Подъ утро остановились въ Жолквѣ, а оттуда по желѣзной дорогѣ были отправлены въ Львовъ. Съюзъ, несмотря на страшную жару, погнали арестованныхъ рѣсью, подгоняя ихъ опять — таки плашками и штыками и угрожая, „выпустить кишкѣ“ отставающимъ. Такъ отвели арестованныхъ въ тюрьму „Бригады“. По пути уличные газетчики выкрикивали о „стражной измѣѣ“ жителей Скоморохъ, которыхъ уже будто — бы поѣхали изъ названія населенію сокальскаго уѣзда. Можно себѣ представить состояніе находившихся въ нашей партіи жителей Скоморохъ, услышавшихъ вдругъ газетныя извѣстія о собственной измѣнѣ и казни.

Въ „Бригадахъ“ поставили вновь приведенныхъ подъ стѣнѣ на солицеекъ, такъ какъ, по выраженію одного изъ надзирателей, въ поджаренномъ видѣ легче имъ будетъ въ аду; при этомъ другой изъ тюремныхъ начальствъ писалъ изъ въ лицо, третій крѣпче привинчивалъ штыкомъ кандалы на рукахъ, такъ что кроны выступали изъ — подъ ногтей, а капрая Наконечный билъ кличками по голоѣ.

Между тѣмъ кто — то принесъ изѣкѣ, чѣмъ русская кавалерія приближается къ Львову. Насѣльѣ повисли кресты Антона Супликічна изъ Скоморохъ и еще двухъ неизвѣстныхъ крестьянъ; остальные въ смертномъ ужасѣ ждали своей очереди, — все слышали распоряженіе начальника конвоевъ, чтобы въ случаѣ чего „не стрѣлять, беречь пушки“

для „москалей“, а одна перевка выдержать сотни изъянниковъ“.

Но пока удовлетворились темъ, а остальныхъ заперли въ тюрьму, гдѣ они просидѣли еще цѣлыя сутки, причемъ начали производить слѣдствіе, обвинив ихъ въ распространеніи православія и въ спонсіяхъ съ настоятелемъ православія прихода въ Тележѣ, о. Илѣчкомъ, въ полученіи царскихъ рублей, въ указаній русскимъ войскамъ дого-ти и т. п.

Подъ утромъ опять воинами въ тюрь-мѣ тревога. Въ камеру вѣжали нади-рателъ, возвращали А. Маковскому рубашку, снятую съ него наканунѣ въ ожиданіи предполагаемой казни, и при-казали неѣмъ выходить во дворы. Со двора вошли арестованыхъ четверками на главный вокзалъ. Здѣсь вынесли изъ вагоновъ привезенныхъ лошадей и се-часъ же на ихъ мѣсто посадили аре-стованыхъ, по 70 человекъ на вагонъ.

Среди невыносимой духоты и вони прѣхали арестованніе, наконецъ, въ Новый Санть. Здѣсь разрѣшили имъ конвой во времѣ юды выбросить гной изъ вагоновъ, посль чего стало легче дышать.

Такъ довезли арестованыхъ до Талергофа.

— —

С. С комор ох и. Село Скоморохи, расположенное въ гіѣскоількихъ ки-лометрахъ отъ старой русской границы, находилось въ сравнительно болѣе благопріятныхъ усояніяхъ, чѣмъ другіи села сокальского уѣзда. Плодородность почвы позволяла мѣстному населенію пользоваться нѣкоторымъ достаткомъ, а благодаря неусыпной дѣятельности покойныхъ настоятелей прихода Мих. Минолаевича и учителя Даниила Шев-

чука, книга и газета сдѣливались нерав-дучными другомъ мѣстного крестьянства.

Война 1914 г. нанесла Скоморохамъ скрушающій ударъ. Явились жандармы и арестовали сдѣлившіхъ жителій: 1) Степана Маковскаго, 2) Михаила Штокала, 3) Мирона Гайду, 4) Григорія Барана (19 лѣтъ), 5) Семена Бешелока, 6) Ивана Герасимчука, 7) Павла Гера-симчука, 8) Григорія Герасимчука, 9) Антона Супличенка, 10) Федора Барана, 11) Романа Дацька, 12) Ксеною Дацькъ, 13) Ореста Фиксовскаго, 14) Ивана Гарвону, 15) Федора Гарвону, 16) Евгения Гарвону (гимназиста) и 17) Семена Гарвону.

Умерли въ ссылкѣ: Иванъ Гарвонъ, Федоръ Баранъ, Романъ Дацькъ, Антонъ Супличенко былъ, поѣзженъ въ львовскій „Бригадажъ“, Григорій Герасимчука, бывший въ то времѣ вѣйтомъ, избитый по пути во Львовъ жандармами, вернулся съ живой изъ Жолкви домой и умеръ отъ внутренне-го кровоизлиянія. Павелъ Герасимчука умеръ дома посль возвращенія изъ Талергофа а Орестъ Фиксовскій былъ изъ Талергофа зачисленъ въ армію и по-гибъ на фронѣ.

Тогдашній настоятель прихода о. Мих. Минолаевичъ, видя несчастье, по-стигшее его прихожанъ, пробовалъ бы-ть ходатайствовать обѣихъ освобож-дений у ўѣзднаго старости, однако, его старанія не имѣли успѣха, такъ какъ, по словамъ старости, онъ самъ болѣлъ, чтобы военныи власти не арестовали и его за сочувство „русофіямъ“.

Возвратясь посль разнаго Австрия изъ Талергофа, арестованые увидѣли сплошную пустыню за мѣстѣ, гдѣ раньше стояло дѣвѣтущее и богатое село. Во времѣ отступленія русскихъ остав-шіеся жители, опасаясь новой расправы

со стороны Австрии, ушли цѣлымъ об-ществомъ на далѣкій сѣверъ, въ пе-нзенскую губ., оставляя на мѣстѣ все свое имущество, а первые вошедшіе въ село мадырскіе отряды сожгли село до основаній.

Въ приселѣ Ильковичахъ былъ арестованъ старичокъ-піїцій, извѣстный въ окрестности подъ кличкой „Петру-ненъ“, который и былъ затѣмъ раз-стрѣленъ въ Сокалѣ.

Быть арестованъ также и сосланъ въ Талергофъ илійский настоятель прихода въ Скоморохахъ, о. Иоаннъ Логинскій, бывшій въ началѣ войны администраторомъ одного изъ приходовъ въ окрестности Белца и находи-вшійся во времѣ ареста въ гостинѣ у одного изъ сосѣдніхъ священниковъ по случаю храмового праздника. Ворвавшіеся въ село мадыры, увидѣвъ на-брюсившіе о. Владимира и, схвативъ его за руки, вытащили на дворъ. Тутъ мой отецъ стѣль просить солдатъ оставить священника въ покой, но солдаты скрутили ему руки назадъ, связали и увезли съ собой. Затѣмъ солдаты выгнали изъ церкви весь народъ и, отѣлѣвъ муж-чинъ, перекидали ихъ и погнали ихъ съ собой.

Мать въ отчаяніи возвратилась до-мой, но тутъ засталъ уже іѣскоількихъ солдатъ. Оказалось, что они были уже освѣдомлены относительно меня, знали, что я „русофійтъ“, и начали настой-чиво требовать, чтобы мать указала, гдѣ я скрылся.

Мать, не зная моего мѣстопребыва-нія, не могла этого сдѣлать. Зѣѣрѣ-ссолдаты бросили ее, 70-лѣтнюю струху, на землю и начали ее бить немилосердно. Между тѣмъ, мой отецъ не возвра-щался, не возвращался также крестьяне, увѣзенные съ о. Владимиromъ. Только посль прихода русскихъ войскъ уда-

изюло что-то неладное.

Дрожающими отъ волненій руками открытымъ я дверь роднаго дома, боясь, что никого уже не застану. Но нѣтъ, наставѣру мінъ вышла мать.

— Жива, здоровъ! Слава Богу! А гдѣ же отецъ? —

Отца дома не оказалось. Мать, за-дивляясь слезами, рассказала мінъ исто-рию трагической его кончины.

Было воскресеніе. Отецъ мой — паломникъ, — какъ обыкновенно ран-нимъ утромъ пошелъ въ церковь. Меж-ду тѣмъ, въ городѣ пришли венгерскій войска и начали искать „русофіевъ“. Мать боялась оставаться дома и попала также въ церковь. Слѣдінчикъ, о. Влади-мѣръ Ревинецъ, читалъ аутреню, какъ вдругъ въ церкви съ крикомъ врывалася мадыры. Две изъ нихъ на-брюсивши о. Владимира, и, схвативъ его за руки, вытащили на дворъ. Тутъ мой отецъ стѣль просить солдатъ оставить священника въ покой, но солдаты скрутили ему руки назадъ, связали и увезли съ собой. Затѣмъ солдаты выгнали изъ церкви весь народъ и, отѣлѣвъ муж-чинъ, перекидали ихъ и погнали ихъ съ собой.

Мать въ отчаяніи возвратилась до-мой, но тутъ засталъ уже іѣскоількихъ солдатъ. Оказалось, что они были уже освѣдомлены относительно меня, знали, что я „русофійтъ“, и начали настой-чиво требовать, чтобы мать указала, гдѣ я скрылся.

Мать, не зная моего мѣстопребыва-нія, не могла этого сдѣлать. Зѣѣрѣ-ссолдаты бросили ее, 70-лѣтнюю струху, на землю и начали ее бить немилосердно.

Между тѣмъ, мой отецъ не возвра-щался, не возвращался также крестьяне, увѣзенные съ о. Владимиromъ. Только

лось узнать, что мой отец и крест. Григорий Сухий изъ Пушкина были вымѣсть закованы въ кандалы и разстрѣляны солдатами въ лѣсу возлѣ с. Переводова.

Подобная же участъ постигла многихъ русскихъ людей изъ Сокальщины. И такт., изъ с. Сѣльца Белаского былъ арестованъ и вывезенъ санц. Счастья Растаенской слѣ семьею; изъ с. Глахова — санц. Иоаннъ Ковалевскій,

также съ семьей; изъ с. Добрачина — санц. Александра Лаврецкій; изъ с. Боратина — санц. Иоаннъ Плещевичъ; изъ с. Завиши — санц. Григорий Грицыкъ. Въ мѣсто Белзъ было также арестовано и завѣзено почтовой конной якою Бояюкъ. Въ цѣломъ же сокальскомъ уѣздѣ арестовано, вывезено или убито свыше 400 человѣкъ.

И. Кашубскій.
(*Прав. Рус.* 1914 г., № 1469.)

Станиславовскій уѣздъ.

Г. Станиславовъ. Въ г. Станиславовѣ въ начаѣ войны были арестованы и сосланы изъ Талергофъ сѣдующіе русскіе жители:

1) сов. суда К. Прокуринскій съ семьей, 2) предвод. гимн. Влад. Як. Труша, 3) сов. суда Влад. Костецкій, 4) жен. спасищника Стефанія Кунинская, 5) ж.-дор. ревизоръ Андрей Шустъ, 6) ж.-дор. чиновникъ Илья С. Гопшовскій, 7) служащая "Самопомощи" Параскевія Гошонская, 8) жел.-дор. слесарь Иванъ Ільць, 9) жел.-дор. служащий Петръ Матеївцовъ, 10) жел.-дор. слесарь Василий Стенчукъ, 11) жел.-дор. швейцаръ Федоръ Триць, 12) чиновникъ "Самопомощи" М. М. Берескій, 13) санц. Михаилъ Семеновичъ, 14) санц. Александръ Грекоровичъ, 15) жел.-дор. служащий Рыбакъ, 16) жел.-дор. служащий Паленецъ, 17) жел.-дор. инспекторъ Осма II, Виготинскій, 18) служащий городской управы Йосифъ Хроботенко, 19) Алексѣй Шелестинскій, 20) Игнатій Шелестинскій, 21) Григорій Шелестинскій, 22) жел.-дор. машинистъ Влад. Смольницкій, 23) купецъ Йоаннъ Дутчакъ и 24) служащий Исидоръ Назаревичъ.

Въ с. Пляховцахъ былъ арестованъ Дмитрій Дм. Басарабъ.

Въ с. Горокахъ и нѣ былъ арестованъ Иванъ Капушакъ.

Въ с. Ямницѣ былъ арестованъ завѣд. училищемъ Иванъ Ив. Яськовъ.

(*Сообщение Ильи С. Гошовскаго.*)

Г. Станиславовъ. Я исполнитъ свои обязанности въ железнодорожномъ магазинѣ въ Станиславовѣ. 6 августа 1914 года явился ко мнѣ во время службы жандармы вымѣсть съ представителемъ жел.-дорожного управления и арестовали мене, какъ "измѣнника" и "шпиона". Во время личнаго обыска отняли у мене деньги, часы и кольцо, а дома, какъ мнѣ послѣ рассказалъ моя дочь, сорвали во время обыска поны и распороли всю мягкую мебель въ поискахъ за доказательствами моего преступленія. На первыхъ порахъ помѣстили мене въ мѣстной тюрьмѣ "Дубровъ", где я просидѣть круглый мѣсяцъ. Сѣдуя замѣтить, что черезъ денѣ поѣзда моего ареста арестовали также мою жену и дѣв. дочери, однако, вскорѣ затѣмъ освободили младшую дочь съ матерью, а старшую, Прасковью,

учившуюся до войны въ Холмѣ, задержали. Съ неї встрѣтились я позже въ Талергофѣ, совершенно не подозрѣвая, что ее постигла одинаковая со мною участь.

Черезъ мѣсяцъ отправили меня съ цѣлой партией такихъ же арестованныхъ русскихъ "измѣнниковъ" и "шпионовъ" на западъ. Уже по пути на вокзалѣ пришлось намъ испытать отъ вѣтрившейся городской толпы и солдата много тяжелыхъ надѣйствій и побоевъ, а во время слѣдованія по желѣзной дорогѣ тоже настырили мы не мало тутъ-ли не на каждой станціи отъ собиравшагося вездѣ "патротического" станционнаго города и вѣтрившихъ пассажиронъ и солдатъ. Кроме того сильно страдали мы все время отъ тѣсноты и духоты въ вагонахъ; довольно скакать, что нашѣ вагонетки состояли изъ 3-хъ тѣхъ членокъ, причемъ, напр., въ моемъ вагонѣ находилось 103 человѣка.

Пріѣхали въ Пренебургъ. Здѣсь въ железнодорожныхъ магазинахъ дали намъ обѣдь. Какой же жел.-дорожный чиновникъ, увидѣвъ мене въ жел.-дорожной формѣ, принесъ мнѣ хлѣбъ и ложку и долго расспрашивалъ о причинахъ моего ареста. Сѣдуя замѣтить, что въ Пренебургѣ былъ расстрѣленъ одинъ букоинецъ-линованъ изъ нашего транспорта, проговорившій какъ-то, что, въ случаѣ отправки на позицію, не будетъ стрѣлять въ своихъ же братцевъ-русскихъ съ другой стороны кордона.

По прибытии въ Вѣну выпѣль къ намъ генералъ Куриловичъ поповиться со своимъ братомъ священникомъ на ходиницами тоже въ нашей компании, и принесъ ему штатскую одежду, чтобы такимъ образомъ предотвратить отъ него вниманіе и издаѣвателѣства толпы. Тутъ же сѣдились нашъ старый конный солдатами-словаками, семья которыхъ также были арестованы въ начаѣ войны мадырскимъ правительстvомъ и которые, такимъ образомъ, понимая наше положеніе, обращались съ нами несмѧ хорошо и съ сочувствіемъ. Съ ними мы уже сразнительно спокойно и благополучно добѣхали до конечной цѣли нашей отправки — въ Талергофъ. И. С. Гошовскій.

С. Куриловичъ. Въ приходѣ Острѣвѣ въ Галиче, станилововскаго уѣзда, съ приваджеваніемъ къ нему сезомъ Куриловичъ, были арестованы 21 августа 1914 года санц. Лука Корецкій изъ 4-мѣ дѣтей: Наталию, Александромъ, Ярославомъ и Богданомъ. Арестованъ икъ комендантъ жандармеріи въ Пукасондѣ, вахмистръ Синайскій. Во время ареста жена арестованнаго сененичника пыталась за арестованнными икъ комнатахъ, и, не помня себя отъ горя и страха за судьбу своихъ дѣтей и мужа, ударила жандарма въ лицо, что онъ, однако, къ большому удивленію, принялъ безъ малѣшаго протеста.

Арестованнныѣ были препровождены въ жандармскіе управление въ Пукасонѣ, а затѣмъ въ гарнизонную тюрьму въ Станиславовѣ. Здѣсь, поѣзѣ произведеннаго сѣдѣтъ, они были признаны левиновыми и отданы въ распоряженіе уѣзднаго старосты Прокопчика, который пожалѣлъ предварительно снести съ мѣстными военными властями относительно того, что съ ними дѣлать дальше. Такимъ образомъ, дѣло обѣихъ освобожденъ затянулось, причемъ арестованнныхъ временно помѣстили въ тюрьмѣ мѣстнаго суда, а че-

реть 10 дней въ административномъ порядкѣ отправлялись съ большимъ транспортомъ другихъ арестованныхъ русскихъ, черезъ Калушъ, Стрый, Лавочное и Будапештъ, изъ Вѣнц.

Свѧщ. Лука Корвацкій.

Въ с. Куриловъ были арестованы и сосланы въ Тамергрофъ, кроме б. Л. Корвацкаго и его четырехъ дѣтей, также четыре крестьянина, а именно: Юрий Мих. Засидко, другой Юрий же Засидко (сынъ Ежтер), Михаилъ Ольданикъ (умеръ въ Тамергрофѣ) и псаломщикъ Петру Шатынскій.

Бт. м. Подгайцахъ разстрѣлили въ 1915 г. жителіи с. Острова Онуфрія Горина по обвинению въ оскорблении личности императора, а Ивана Гелемея приговорили за то же преступленіе къ 25 годамъ тюремы. Послѣдній умеръ въ заключеніи въ Коморѣ въ Венгрии.

Арестованію всѣхъ поменяненныхъ лицъ усердно содѣствовала большая пріятель мѣстного жандарма Спачинскаго, „українецъ“ Степанъ Прокоповъ изъ Курилова.

Львовский корреспондентъ Петроградскаго Телеграфнаго Агентства телеграфировалъ 10 февраля 1915 г. слѣдующее:

Прибывшіе изъ окрестностей Станиславова сообщаютъ, что послѣдний горитъ. Наступление австрійцевъ и германцевъ на линію Станиславова ознаменовалось новыми массовыми и казацкими мѣстного русского населения, нызвавшимися насточное переселеніе народовъ. Первая волна изъ окрестностей Надворной и Печенижина докладилась до Львова, где Благотворительный Комитетъ пріобрѣтилъ нѣсколько сотъ бѣженцевъ-крестьянъ. Вторая волна, за-

полнинная станціи и селенія рогатинскаго, жидачевскаго и бобрецкаго уѣздовъ, остановлена послѣдними благопріятными извѣстіями съ театра войны. („Прик. Русь“, 1915 г., № 1566).

Тотъ-же корреспондентъ П. Т. А. сообщаѣтъ 15 февраля 1915 г.:

Изъ районовъ Станиславова и Калуша ежедневно прибываютъ большии партии пѣѣныхъ австрійцевъ. При осмотрѣ раненыхъ у многихъ пѣѣныхъ найдены веренки съ петлями: спорожненныи о назначении веревокъ, пѣѣные заявляли, что имъ при выступлѣніи изъ похода въ Галичину выданы веревки для вѣшанія галичанъ.

Держатся упорные слухи, что въ Станиславовѣ австрійцы, по доносу мѣстныхъ евреевъ, похитили и разстрѣлили пѣѣшкою десятка въ горожанъ, не исключая видныхъ поляковъ, общественныхъ дѣятелей и членовъ австрійскаго суда, подпішихъ настручъ русскимъ властимъ. Казено особенно много жѣлезнодорожныхъ рабочихъ, работавшихъ у русскихъ на станціи за поденную плату. („Прик. Русь“, 1915 г., № 1661).

Изъ Станиславова сообщаютъ, что, во времія пребываній австрійцевъ въ Станиславовѣ, каменный домъ жѣлезнодорожного мастера, бывшаго австрійскимъ служащимъ и оказавшаго зятьмъ цѣнныи услуги русскимъ при сооруженіи блиндированного поѣзда, снесенъ топкой до основаній. На мяѣтѣ дома теперь ступое място. Въ Станиславовѣ австрійцами казненъ Петъ Скиро, помощникъ войта села Голоно. Смертна казнь мотивировалась темъ, что Скиро вышелъ настручъ

русскимъ и помогалъ казакамъ въ реквизиціяхъ.

(„Прик. Русь“, 1915 г., № 1589).

Корреспондентъ „Русскаго Слова“

А. С. Панкратовъ сообщилъ, по случаю временнаго оставленія русскими Станиславовомъ и вторичнаго занятия его русскими войсками, слѣдующее:

Въ девятъ часовъ вечера германцы и австрійцы вошли въ Станиславовъ.

Открыты тайные погреба съ шампанскимъ и въ ресторанѣ гостиницы „Жоржа“ состоялся пышный банкетъ... Солдаты разсыпались по домамъ. Ихъ вѣдѣли поини и кормили даромъ...

Конечно, въ то времія, какъ офицеры пьянствовали у „Жоржа“, въ городѣ вѣшали... Задѣлъ разсыпалась по домамъ. Всіхъ разыскивали...

Мирные жители, оказывается, вели подробные списки тѣхъ людей (конечно, только русскихъ), которые оказывали услуги русскимъ: мыши ихъ бѣлы, продавали имъ табакъ и хлѣбъ...

Эти списки они передали германскимъ офицерамъ. Тѣ, безъ суда и съѣздія, по спискамъ, вѣшали. Были повѣшены 250 человѣкъ.

Въ эту пынную конмарную ночь германскій и австрійскій гимны пѣли подъ аккомпанементъ безумныхъ криковъ людей, которыхъ тащили на ви-

сѣлицу и около которыхъ бились въ истерики ихъ жены и дѣти...

А. Панкратовъ.

(„Прик. Русь“, 1915 г., № 1565).

По сообщенію киевскихъ газетъ, галиціе бѣженцы въ Кіевѣ изъ селъ Пасѣчно, Пазовицъ и Стремба, изъ районѣ Станиславова, рассказывали, что при послѣднемъ наступленіи австрійскихъ войскъ въ Буковину, маѣлья захватили все мужское населеніе и гнали его въ с. Новую Надворну. Тамъ офицеры устроили своеобразный судъ надъ захваченнымъ мирнымъ населеніемъ и, обвинивъ жителей въ симпатіяхъ къ русскимъ и измѣѣ своему правительству, приговорили ихъ къ смертной казни. Въ с. Новая Надворна былъ устроенъ рядъ висѣльницъ, на которыхъ и вѣшали осужденныхъ. Среди бѣженцевъ находились также крестьянины Василий Юрко, который въ числѣ другихъ былъ также приговоренъ къ повѣшенню, но приговор не успѣлъ привести въ исполненіе лишь благодаря счастливой случайности. Когда австрійцы чинили надъ беззащитными жителями свою жестокую и безжалостную расправу, у села появился казачий отрядъ, который, тутъ-же и бросился на австрійцевъ... Юрко рассказалъ, что вмѣстѣ съ крестьянами австрійцы скавывали священниковъ и также вѣшали ихъ, не представляя никакихъ доказательствъ ихъ вины.

(„Прик. Русь“, 1915 г., № 1563).

Стрыйскій уѣздъ.

Стрѣль. 16 августа 1914 г. явилисѧ ко мнѣ на квартиру комиссаръ полиціи съ священникомъ и, изъѣзъ во времія обѣска

всѣ письма, нѣсколько русскихъ книгъ съ рукописными русско-польско-нѣмецкими словаремъ и цѣнными записками

впечатлѣйми изъ жизни рабочихъ въ Пруссіи, приказалъ мнѣ сѣдовать въ позицію для составленія краткаго протокола. Противъ ожиданія, здѣсь посадили меня подъ арестъ. Я просилъ разрѣшенія затребовать записки изъ дома бѣле, въ чёмъ мнѣ, однако, было отказано. О себѣ не стану распространяться, упомину только о нѣсколькихъ эпизодахъ, запечатлѣвшихся въ моей памяти.

Группа арестованныхъ русскихъ изъ Стрыя.
Стоятъ: Г. Ильинцевъ, О. Ник. Лещинскій и
А. Клегинъ. Сядутъ: Гр. Вергашенскій, Семинъ
и Нильсонъ.

Такъ, напр., былъ я свидѣтелемъ, какъ старый надзиратель набилъ студента Григоревича и раздѣлъ выноской въ корридоръ, а затѣмъ, толкая немилосердно и нанося ему побои по головѣ, перенесъ его въ другую ка-

Осипъ Як. Трушъ.

Тарнопольскій уѣздъ.

Въ с. Петровичъ былъ арестованъ и сосланъ въ Талергофъ крестьянинъ Иванъ Бѣлынъ, долголѣтній членъ О-ва им. Мих. Качковскаго. Сидѣть вмѣстѣ со священниками А. Милюновичемъ и В. Курдыдиономъ.

Въ селѣ Вел. Березовицѣ

меру № 7, которому, по определенію врача, предназначалась исключительно для больныхъ. То же самое постигло также студента Сѣрка, посмѣвшаго сказать въ окончко нѣсколько словъ по поводу нечеловѣческаго обращенія тюремныхъ сторожей съ заключенными, за что клочникъ Гуменинъ избѣгъ его до крови ключами по головѣ и надавалъ пощечины.

По пути на вокзалъ како-то рыбакъ солдатъ-еврей, шедшій съ винтовкой по лѣвой сторонѣ, развелъ арестованныхъ прикладомъ, причемъ въ особенности сосредоточилъ свое вниманіе на 70-лѣтнемъ старикѣ Рудѣкѣ, который, задыхаясь отъ старости, принужденъ былъ держать военные шаги, но ежиминутно падать при этомъ, получая отъ солдата каждый разъ винтовкой.

Воды въ вагонахъ намъ не давали. На всѣхъ остановкахъ желѣзодорожные служащіе и толпа всячески надѣвлялись надъ нами. Только начинаясь съ г. Прерова отношенія измѣнились. Нашъ конвой присмирѣлъ въ виду недружелюбнаго къ нему отношенія чеховъ. Послѣдніе всячески старались оказать намъ свое сочувствіе не только добрыми приложеніями въ продуктахъ и напиткахъ, но также словами одобренія и надежды на лучшее будущее.

Осипъ Як. Трушъ.

Толмачійскій уѣздъ.

Въ с. Скопокѣ были арестованы свящн. Е. И. Соневицкій, студ. унив. М. В. Перегинецъ, его отецъ Василій Перегинецъ и всѣ крестьяне съ фамиліей Бендасюкъ. Арестованные были отпрѣдены въ Станиславовъ, а оттуда вывезены въ Линцу.

Въ м. Оттыніи были арестованы Атанасій, помощникъ нотаріуса Строгаго, и пять крестьянъ, одинъ изъ которыхъ былъ тутъ-же на мѣстѣ похмѣненъ.

Въ с. Воронѣ были арестованы свящн. Ипполитъ Бабинъ и многіе крестьяне.

Въ с. Старыхъ Кривутахъ былъ арестованъ свящн. Влад. Миницкій.

(«Прик. Русь», 1914 г. № 1501.)

Гядисое-Шляхотсковъ.

(Сообщеніе Алексія Ик. Бабѣя).

5 августа 1914 года, рано утромъ, осадили жандармы съ солдатами мой домъ и, разбудивъ меня, приказали собираться въ дорогу. Временно заперли меня въ сельскомъ арестѣ, а черезъ нѣсколько минуты привезли еще трехъ арестованныхъ: мѣстного наст. прихода Іосифа Кустыновича, его сына Юліана Осиновича, преподавателя гимн. изъ Бродахъ, и студ. учит. сем. П. Ив. Федорова. Затѣмъ пропроподили всѣхъ наст. въ Тысменницу, а отсюда, закованнѣи кандалы, направили въ Станиславовъ, въ тюрму при окружномъ судѣ. Миницкій предложилъ къ моему аресту послужило обвиненіе, что у меня по ночамъ происходили тайны совѣшианій и что я держалъ у себя дома русского шпиона.

Три дня спустя перевели настъ въ тюрму „Дуброва“. Ночью прикалали намъ собираться „домой“. Получивъ днѣма раньше сѣвѣдѣнь, что отпущеній будто бы на свободу жителей Галича разстрѣляли, мы поняли этотъ приказъ, какъ смертный приговоръ. Крики и плач по коридорамъ тюрмы утверждвали наши предположенія, что наступаетъ послѣдній часъ.

Однако, наши мрачныя предположенія оказались напрасными. Насъ не повели на разстрѣлъ, но не отпустили также и на свободу. 16 августа произвели съ нами въ тюрмѣ допросъ, 30 августа перевели въ гарнизонную тюрму, а 31 августа вечеромъ повели на желѣзную дорогу для слѣдованія въ Талергофъ. Уличная чернь, будучи того мѣнѣй, что ведутъ виновниковъ изъ нѣшней войны и пособниковъ взятія Галича русскими войсками, злословила и прокинала настъ. На станціи забросились на насъ собравшіеся тамъ солдаты и штатскіе, наносъ намъ побои палками и камнями. Прикатые къ вагонамъ, мы въ паническомъ страхѣ забирались въ вагоны, давъ одинъ другого. Среди подобной обстановки проѣхали мы границу Галичины и на пятый день очутились въ Талергофѣ.

Въ 1915 году узнать я въ Талергофѣ отъ односельчанина Рыбака, что торплюсь въ Лидскомъ во время моего отсутствія. Онъ рассказывалъ, между прочимъ, какъ мѣстный администраторъ прихода „украинецъ“ свящн. А. Сѣрекѣй, николаевъ по поводу нашего ареста и заставляя оставшихся крестьянъ присягать на вѣроность „Украинѣ“, запугивалъ ихъ постигшимъ настъ наказаніемъ. А. Бабѣй.

Сообщение о. Иосифа Кустиновича.

Село Лядское принадлежало къ тѣмъ немногимъ селеніямъ въ Галиччинѣ, где народъ, понеѧ силу русской культуры, тянулся къ ней всею душой. Выпивались изъ Россіи русскія книги и журналы, многие изъ крестьянъ свободно обтыкались на русскомъ литературномъ языке. Великолѣпно действовала театральная любительская кружокъ, былъ свой хоръ и кооперативъ „Самономонъ“. Просветительская работа въ народѣ и его благосостояніе приводили въ яростъ власть имущихъ и ихъ друзей „украинофиловъ“, а наступившій 1914 годъ явился днемъ мести на виновникахъ тихой и полезной народной работы.

Ночью 5-го августа вытѣдили меня жандармы большого изъ дому, вымѣстъ со старшинами спасомъ Юліаномъ, и въ кандалахъ отправили нась въ Тысменницу, а вагонъ въ Станиславовъ. Мій тогда шелъ 73-й годъ. Тяжело приходилось идти пѣшкомъ, часто и падать по дорогѣ. Тогда добрые люди несли на рукахъ. Въ Станиславовѣ опредѣлили меня въ больницу, но уже черезъ нѣсколько дней, вымѣстъ съ другими, направили къ венгерской границѣ въ топварныхъ вагонахъ.

Въ Шатмарѣ пріемѣстки нась въ мельницѣ безъ оконъ, где и чутъ не

утонули въ большой кади, скрытой въ полу мельницы и служившей интернированнымъ въ качествѣ нужника. Явившійся военномъ врачъ обращался съ нами очень грубо, потому я с удовольствіемъ принялъ приказаніе бѣхать дальше съ транспортомъ. Изъ госпитали повезли настъ въ военномъ фургонѣ, по извѣтной шоссейной дорогѣ, въ Мисковичъ. Туда было ужасно. Довольно будетъ сказать, что однѣ изъ больныхъ, щѣхавшихъ вымѣстъ со мною, умеръ вскорѣ отъ сотрясеній. Въ Мисковичѣ заперли меня въ одиночной камерѣ, полной насѣкмохъ, служившей вымѣстъ лазарета. Послѣ приданія міи въ помощь одного гуцулу на донесу евреевъ на десять лѣтъ категории за сочувственіе мнѣніе о русскихъ войскахъ, міи стало немножко легче.

Затѣмъ я побывалъ еще въ Вѣнѣ, Шильбергѣ, Куфтингѣ, а въ Тerezинѣ остался, благодаря ходатайству дра Влада Антоневича, до весны 1915 г., когда всѣхъ нась въ составѣ около 600 человѣкъ, перевезли въ Талергофъ.

Въ с. Нижнѣвѣ былъ арестованъ и высланъ въ Талергофъ священникъ Андрей Пакуста.

Турчанскій уѣздъ.

Въ турчанскомъ уѣздѣ были въ начаѣ войны арестованы и вывезены слѣдующіе священники: Полянскій изъ Нижнѣй Яблонки вымѣстъ съ женой и 6-месячнымъ ребенкомъ, Яновъ изъ Гиной, Бѣлласъ изъ Любочоры, Гичко изъ Рыльни, Солтыкевичъ изъ Вѣжнѣй Ботелки, Шикъ изъ Ботли, Стояновскій

и изъ Ботелки съ женой, а также вымѣстъ изъ Турки: О. Костевичъ, О. Костевичъ, В. Сакавчакъ, М. Нисанчинъ, И. Кошутчакъ, В. Ниничъ, П. Ильницій, М. Якулинъ, М. Дорожкевичъ и множество крестьянъ изъ Высоцца, Ботели, Гиной, Яблонки, Багноватаго и другихъ селъ.

Въ с. Турѣѣ были арестованы и вывезены священникъ С. Ясенецій, его жена и dochь, А. Савричевскій и 40 крестьянъ. Послѣднихъ освободили русскія войска изъ старосамборской тюрьмы.

Въ с. Замковой Ясеницѣ были арестованы: священникъ М. Добринскій, два его сына студента и четверо крестьянъ. Надѣявшійся дома женою и дѣтьми австрійцы надѣвались самыми грубыми образомъ.

(„Прик. Руц.“, 1914 г., № 1484.)

Сообщение етуд. М. А. Туркевича.

Въ г. Туркѣ мадиры повѣсили на улицѣ вымѣщанія: И. Ильницкаго-Головиновича, О. Цыбенчика и В. Гавриничка. Но никъ былъ сданъ со стороны мѣстныхъ евреевъ доносы, обвинявшихъ ихъ въ радищемъ пріемѣ русскихъ солдатъ. Въ томъ-же городѣ застрѣлили жандармъ Мартинекъ мѣщанина А. Матковскаго, посыпавшаго называть себѣ русскими.

Въ с. Розауѣ повѣсили мадиры слѣдующихъ крестьянъ: И. Хоминца, П. Гноведенцаго, М. Куруса и М. Скобу. Въ с. Малой Богословицѣ былъ повѣщенъ М. Швецовъ и М. Дякунчакъ. Въ с. Великой Богословицѣ былъ повѣщенъ крест. И. Старушкевичъ. Всѣ они обвинялись въ указаніи козакамъ дороги.

Въ с. Пристоловѣ австрійцы, схвативъ сорокъ мѣстныхъ жителей, поддержали ихъ въ церкви двое сутокъ

безъ воды и пищи, а затѣмъ повѣсили чѣловѣкъ: воята О. Белая, М. Семеновича, И. Бѣллса вымѣстъ съ 18-лѣтнимъ сыномъ и 19-лѣтнімъ К. Кудрича. Остальные, избитые до крови, были освобождены.

Въ с. Яворѣ были повѣшены: С. Яворскій-Романовичъ — за указаніе козакамъ дороги и И. Яворскій-Игнатевичъ — за указаніе русскимъ солдатамъ, что можно купить корову. Порѣшенные мучились всю ночь на висѣльѣ. Затѣмъ австрійцы подожгли село изъ восеми мѣстѣкъ; такая-же участъ постигла села Багноватое и Лосинецъ.

Въ с. Нижнѣй Яблонкѣ запечали австрійскаго солдата въ хату крест. Марія Лужецкой и потребовали хлѣба. Встрѣтившись съ отказомъ, солдатъ убѣзъ ее на глазахъ дѣтей выстрѣломъ изъ винтовки.

(„Прик. Руц.“, 1914 г., № 1486.)

Сообщение С. С. Сапруна.

Еще до начала войны были арестованы въ турчанскомъ уѣзда и вывезены вся русская мірская и духовная интелигенція и множество крестьянъ. Незадолѣвой рої сѣрграя тутъ мазепинецъ священникъ Г. Морозъ изъ Борыни. Въ то время, когда турчанскій староста Дацкій отказался арестовать ни въ чёмъ неповинныхъ гражданъ, вѣтъ „украинскій“ пастырь отправился во Львовъ къ б. намѣстнику Корятовскому и наставлялъ на необходимость ареста русского населения въ Турчанинѣ. Послѣдствіемъ этой поѣздки и явилось силеніе старости Дацкій, а затѣмъ массовые аресты русскихъ людей.

Аресты производились исключительно на основаніи доносовъ мазепинцевъ и евреевъ. По доносу еврея Иоселя Гипса была, напр., арестована жена

свящн. Петровского изъ Ильника. Свящн. Гомзя изъ с. Багноватаго бывъ арестованъ вслѣдствіе доноса мѣстнаго еврея, будто бы онъ послѣ мобилизаціи собирая пожертвованія на раненыхъ сербскихъ воиновъ.

Неудачи на полѣ сражений австрійцы выменивали на мирномъ русскомъ населеніи. Въ одной только Туркіи похищено 70 крестьянъ изъ окрестныхъ сель и турманскаго мытчанника Ильиницаго-Гулиновича. Послѣднаго похищено передъ собственнымъ домомъ на глазахъ его жены и дѣтей. Въ с. Йорвѣ похищены крестьянинъ И. Ильиницкий. Въ с. Ильинъ похищено четырехъ крестьянъ по доносу мѣстнаго еврея.

Ужасы авѣрства творились въ с. Багноватомъ, гдѣ австрійцы отрывали пальцы у женщинъ и дѣтей, а затѣмъ избивали истекающими кровью прикладами до потери сознаній.

(*Прил. Русь*, 1914 г., № 1474).

15 марта 1915 г. прибыли въ Кіевъ раненые галичане Александръ Шуптель, изъ села Молдавскаго, турманскаго уѣзда, и Якимъ Гурч изъ с. Завитинъ, тоже-же уѣзда. Оба они были ранены германцами, первыи — въ плечо, а второй — въ ногу.

По словамъ Шуптеля, австро-германскій войска, въ свое время появившися на юго-заходѣ отъ Самбора, творили чѣтно неописуемое. Пѣхія селенія склонялись ими до тла. Жителіи избивали, подвергали всевозможнымъ издѣятельствамъ и пыткамъ и цѣлыми масами расстрѣливали, и въ домаѣ, и на улицахъ. Бывали такие случаи: германцы поджигали дома и затѣмъ почти въ упор расстрѣливали крестьянъ, выбѣгавшихъ изъ охваченныхъ пакменемъ

жилищъ. Никому не было пощады — ни старикамъ, ни женщинымъ, на дѣтей.

Многие пытались бѣжать. Бѣжали, нѣсколько другихъ, Шуптель и Гурч. Нѣмцы, однако, погнали за ними, поймали и тутъ-же въ лѣсу стали бешено-щадно избивать и колоть ихъ пытками. Большинство бѣжающихъ крестьянъ было убѣденоѣ вѣщими обратно. Что-же насасется Шуптеля и Гурчи, то они, будучи ранеными, притворились мертвыми, благодаря чему и были германцами оставлены на мѣстѣ.

(*Прил. Русь*, 1915 г., № 1590)

С. Комаринки.

(Сообщеніе Ив. Комаринского-Павликовича.)

5 сентября 1914 г. явился къ намъ недалеко соѣздъ Иванъ Матковскій и передалъ моему отцу, Федору, что вѣйти въ гости вечеромъ къ нему на дому имѣтъ съ Николаемъ Стасеневымъ изъ приселка Кичеры. Вечеромъ, послѣ работы, отецъ одѣлся въ лѣтнюю блузу и пошелъ къ ворти, не предчувствуя, что вернется обратно домой только черезъ полтора года. По пути онъ зашелъ за Стасеневымъ, однако, его не оказалось дома; онъ работалъ въ часовнѣ въ Зворцахъ, куда отѣхъ и направился на нимъ.

Недѣллю отъ часовенки уничтожилъ онъ восемь жандармовъ. Не предчувствуя бѣды, онъ перешелъ черезъ рѣчу и скоро очутился въ дому ворти. Тутъ же сидѣлъ Стасеневъ и много другихъ крестьянъ; однихъ вызывали къ себѣ ворти, другіе пришли изъ любопытства. Жандармы разѣсили кругомъ столъ, положивъ передъ собой блестящіи винтовки. Одніи изъ нихъ старѣ вызывать по фамиліямъ, собравшихся, отмѣча что-то въ лежавшемъ передъ нимъ спискѣ, а затѣмъ вѣхѣль вызываемымъ станови-

ться по лѣвой сторонѣ. Отецъ также былъ вызыванъ и стоялъ по лѣвой сторонѣ, гдѣ оказался двѣнадцатымъ сряду.

По приказу жандармовъ войти послалъ нарочного въ село за подводами, которымъ не замедлили явиться. Оказалось, что всѣ вызванные по списку были арестованы и подлежали отправкѣ въ тюрьму. Ихъ понесли. Ночь была темная, осенняя. Выѣхали въ село, арестованые увидѣли зарево пожара; гдѣ то далеко горѣло. Жандармы категорически утверждалъ, что это — дѣло рукъ «москалей».

Такимъ образомъ австрійцы обыкновенно старались вызывать въ народѣ обидченіе противъ русской арміи, а сами между тѣмъ отступали уже на Венгрию.

Въ полночь приѣхали въ Бориславъ и здесь просидѣли въ арестахъ полторы сутокъ. Въ полдень сковали всѣхъ пары, развязали на подводахъ и отвели въ Синики, гдѣ они должны были сѣсть въ вагони иѣхать въ Унгварь. Собирались на вокзалѣ толпа взородно изѣдѣлась надъ ними и пытались тутъ же раздѣлаться съ ними самосудомъ. Заработали палки и камни, но, благодаря сильному конюху, арестованные успѣли вѣзти въ вагони и закрыть за собою двери. Въ полночь приѣхали въ Унгварь, и арды заночевали въ большомъ пустомъ зданіи.

Послѣ недѣльного заключенія въ Унгварѣ, арестованые опять были отправлены на желѣзную дорогу и отвезены въ Талергофъ.

И въ Комаринскаго-Павликовича.

Отъ Карпатъ до крѣпости Тerezинъ.

Турманскій уѣздъ всегда считался чистѣйшимъ русскимъ уголкомъ Прикарпатской Руси. Нѣть арды такого значительного количества колонистовъ —

поляковъ и нѣмцевъ, — ихъ можно посчитать на пальцахъ одной руки. Есть и села, гдѣ не найдете ни одного изъ тѣхъ судьбой заброшенныхъ въ руссіи горы колонистовъ. Ядъ народной измѣны не могъ принять среди народа, всей душой преданаго своей родной предѣловской вѣрѣ, обычаямъ и вообще всему, что русское. Жители уѣзда — болки — действительно болкій народъ, люди безгранично добрые, мирные, сердечные, гостепримные, которые — хотѣть нѣкого безъ грѣха, — никогда отталкивали отъ себя сепаратисты, „украинцы“⁴. Только два села, Борыня и Волче, гдѣ осѣли чужіе, пришедшие, Богъ вѣстъ откуда, священники, были частично, въ описанное мной время, одурачены дуржкой „самостийнитвомъ“. Слово „украинецъ“ считалось ядѣлью кроной обиходѣ; обиженный сейчасъ отѣчѣтъ: „ти самъ Україла, ты самъ язогъ!“

Турманнія — это настоящая, подлинная Русь. Здесь сохранилось много старинныхъ обычаевъ и повѣрѣй съ временемъ еще владѣнія великаго князя Владимира. Русскій духъ сохранился вѣресъ по послѣдніхъ временемъ — міровая война нашла арду Русь!

Оъ объѣданіемъ войны мени привали австрійскій власти въ ополченіе. Концентраціонныи пункты, ополченіе было деревня Ваневичи возѣ Самбора. Уже нѣсколько дней подрядъ неисчислимая масса здорowychъ людей безъ ряда и склада томилась въ деревнѣ, ожидая, что будетъ. Приказы не приходили, а разнаго рода непропрѣреніи гѣстей слѣподѣлами доходило множествомъ. „Людогъ уже въ русскихъ рукахъ...“ „Козаки были вчера подъ Самборомъ...“ „Сегодня видѣли двухъ козаковъ на базарѣ въ Самборѣ“...

и проч. Бойки чувствовали, что козаки непременно скоро станут на Карпаты. Коякъ въ головѣ бойка рисовался великаномъ, богатыремъ, могущимъ въ сутки проколоть сотни верстъ, который въ состояніи быстрѣе буйного вѣтра очутиться на самой верхушкѣ ихъ родной земли, на Бескидахъ, Пикуяхъ, Магурахъ и другихъ вершинахъ Карпатъ. Подъ шаиней этихъ фантастическихъ думъ чайныи псы и єврии, что альстрицы не успѣютъ ихъ даже одѣть въ форму, какъ козаки уже отпустятъ ихъ домой, къ родинамъ, къ женамъ, къ дѣткамъ. О томъ, чтобы русскіе брали въ пленъ, никто и не подумалъ. Въ это рода ожиданій прошло нѣсколько дней.

Однажды — солнце спустилось уже на сонъ и была теплая, очаровывающая, золотистая ночь. Цѣлые дни, по дворамъ, садамъ, лежали массы ополченцевъ, стались на силу уснуть, но не приходилъ въ ихъ головы желаемый сонъ. Маленькии кучками расположились всѣ и полуспустившись разговаривали, что это такое война. Кое-кто, туже вдохновленъ, начиналъ читать молитвы.. Откуда-то слышалъ плач, тихонъ, тихонъ.. Кое-кто пробуетъ запѣтъ „коломийцъ“, но голосъ такъ въ горѣ и замираетъ.

На все смотрѣла полночиная луна и вѣечно улыбалась. Прошло за полночь, — многіе, утомленные шатаніемъ, а еще болѣе думами, уснули.. Но не спали ополченцы сочленыи съ Карпатскими горами. Тихою сонной видѣніи мучать и во снѣ ихъ души. Ночная тишина звягела, напоила, и надъ стонами спящими.

Тихо. Вдругъ со стороны Самбора долетѣлъ топотъ всадника. А черезъ нѣкоторое время раздался звукъ трубы, обѣщающей тревогу. Проснулись всѣ.

Начали формировать эшелонъ. Живая, длинная масса скоро собралась на пути: Громкое „габѣт-актѣ“ и рѣкое „маршъ“ — и двинулась масса по направлению къ городу.

Шли, шли тихо, молча. Слышили только топотъ шаговъ. Жуткое молчанье...

Вдругъ сорвался громъ! Изъ тѣсноты адоровыхъ грудей грохотъ величественное, могучее: „Пресвятая Дѣво, мати Русскаго Края!“

Эта пѣсня изъ груди тысячи бойковъ произвѣла грандиозное впечатлѣніе... Ни одна пѣснь въ жизни не вѣрздалась въ мою душу такъ глубоко, не сдѣлала такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ именно эта русская пѣснь „Мати Русскаго Края!“.. Такую пѣснь въ предсмертную минуту могъ спѣть только русскій народъ.. и эта народная исповѣдь жителей Карпатъ на вѣки останется въ пѣдрахъ моей души! Этая пѣснь является протестомъ противъ лиже пророковъ, мазепо-украинцевъ.

Въ то время, когда нашихъ русскихъ ополченцевъ распредѣляли по поселкамъ, отрядамъ, въ нѣкоторыхъ неспособныхъ отпускали домой,lixорадка войны продолжалась. „Каноненъ-футтеръ“ разбрасывали, арестовывали „руссофилюгъ“, вѣщали и разстрѣливали „ферреровъ“. Ежедневно польскіи и „украинскіи“ газеты — русскихъ уже не было, ибо были прѣстановлены австро-венгерскими властями, редактора же были арестованы; — приносили все новыи и новыи сообщенія о производимыхъ среди русскаго населения обѣахъ, арестахъ, висѣніяхъ, разстрѣлахъ. Молча ожидая чего-то только турецкой вѣды. Австрійскій чиновникъ, поклоняющій по національности, уѣзд-

ный староста не рѣшался арестовать никого, утверждалъ, что невиновныхъ нельзя въ тюрьму сажать, а арестовать виновныхъ всегда есть время. Бирочемъ, въ уѣздѣ опасности нѣтъ, мобилизациія проведена повсюду безъ какихъ-либо препятствій или затруднений.

Это человѣческое отношеніе къ населенію не понравилось львовскимъ властямъ, львовскому намѣстничеству, и оттуда высали уполномоченными для проведения арестовъ въ турецкомъ уѣзда. Приѣхали исполнители воли австрійского кайзера съ „комиссаромъ Губатомъ“ во главѣ. И пошли аресты мирныхъ жителей города и сель. Скоро наполнилась тюрьма цѣломъ народомъ. Собрали адѣль священниковъ, учителей, студентовъ, мѣдиковъ и доблестныхъ крестьянъ. Въ первый транспортъ арестованныхъ попали жители города Турки и сѣлъ окружающихъ сѣлъ: Ясиница Замковая, Явора, Розаутъ, Яблонка Нижняя, Ботека, Борыни, Высокое, Гнилая, Ильинъ, Боты, Рицна. На остальныхъ пришли очередь позже. Аресты производились съ большой хитростью, чтобы, не дай Богъ, не взять кто съ собой рубашку для смысла или деньги или что-нибудь другое. Все это, кажется, дѣлалось нарочно, чтобы арестованные тѣмъ болѣе почувствовали арестъ. Первые три дни были всѣ на правахъ узниковъ. Отнѣни часы, деньги, табакъ и проч. Но, когда начальникъ суда Пѣтцнеръ это узналъ, приказалъ всѣ отнятыя интернированные вещи немедленно возвратить, заявивъ, что интернированный это еще не арестантъ, а только временно устраненный отъ общеній съ остальными міромъ. Онъ разрѣшилъ открыть двери отдѣльныхъ камеръ, такъ что всѣ интернированные могли между собой сообщаться, не имѣя только

возможности выйти на вольную волюшку, такъ какъ входные двери были закрыты. Они разрѣшили даже — это былъ единственный, кажется, случай въ цѣлой Галицкой Руси — читать газеты. Поэтому и не очень-то ужасной ни первыхъ порахъ показалась тюрьма. Интернированные сходились на совѣтѣское чтеніе газетъ, на разговоры, на общую молитву „Параскѣвъ“, и такъ шли дни за днами. Никто не могъ определить, какъ долго продлится заключеніе; предполагали, что на время войны, конецъ которой угадывали не позже трехъ мѣсяцевъ; заключеніе въ Туркѣ было, благодаря одному благородному чезовѣ, въ сравненіи съ другими городами, не такимъ страннымъ. Правда, не было оно тѣмъ, что понимаемъ подъ словомъ „интернировать“, потому что и вѣдь не одна сизая горы потекла по лицу узника, которого отъ поры до времени посыпалась родные.

Скоро жизнь узниковъ приняла отчасти опредѣленные формы. Утромъ и подъ вечеръ собирались всѣ въ большой камерѣ, где служили „Моленъ“ или „Параскѣвъ“. Совершавшимъ эту функцию было свящ. Михаилъ Вас Добринскій, попавшій сюда въ первый день арестовъ съ двуми сыновьями Владиміромъ и Константиномъ, третьаго же сына Льва освободили въ старости, какъ сыномъ младенцемъ, 14-лѣтнаго мальчика. Длинные вечера развеселялись интересными рассказами богато начитанныхъ свящ. Якова Борковскаго, а шутками, прибаутками, по большей части изъ священнической и крестьянской жизни, свящ. Петра Янєвъ, Савы, Діонісій Гинко тоже не разъ порадовали скучающихъ рассказами, но рассказы Янєва были куда удачнѣе, хотя онъ ихъ рассказы

вать, повидимому, съ напряженiemъ всѣхъ чувствъ. Онъ старался самъ быть веселымъ, старался развеселить соузниковъ, чтоб ему по пѣкоторой степени удавалось, хотѣя это сильно отражалось на его организмѣ, чтоб мы замѣтили только позже, изъ Терезинской крѣпости. Больше всѣхъ тоска по волѣ свободѣ была замѣтна на лицѣ свящ. Николая Полянскаго, кажется, потому, что изъ окна тюремы было видно его родное село — Яблонку, на которую онъ могъ долго-долго смотрѣть, въздыхая по ней и повторяя подушепотомъ слова: „Яблонка, Яблонка моя — увижу-ль я тебя!“ Часто и слезы покатывались по его лицу и терялись въ грязной пыли. Священники Иоанн Стояловскій, Діон. Гичка и Ил. Солтикович предпочтывали скучу убивать игрой въ карты. Постѣдний пріепль единимъ изъ постѣднихъ первого транспорта, когда „старые“ арестанты уже немножко привыкли къ заключенiuю. Его приходъ възвуждалъ въ арестѣ минутный хохотъ. Арестованый не пошелъ въ тюрьму раздѣляться, не откладывалъ даже плащи, заявляя, что ему сказали въ старости, что задерживать его только временно, значитъ, что его не за что держать. Но, когда уже стало вечеpь и вложили въ тюрьму сѣкью, онъ повѣрилъ намъ, что и насъ точъ-точъ, какъ его, тоже только на время задержали. Изъ первого транспорта помни еще фамилии священниковъ Петровскаго, бывшаго вице-маршала уѣзда въ Іѣлласѣ, изъ мірской интеллигентїи учителя Діонісія Чайковскаго, чиновника суда Іосифа Гичка, камд. адвокатъ Евгений Сѣракъ, студента Галупку, а изъ мѣщан и крестьянъ: Ивана Туба, Ивана Федоринча Ильинскаго, Костевича, Ивана Мартыча Яворскаго и еще изѣльскихъ

человѣкъ, фамилии коихъ послѣ девяти лѣтъ трудно вспомнить.

Въ Туркѣ просидѣли мы почти три недѣли. На третью недѣлю, въ субботу послѣ обѣда, явился къ намъ начальникъ суда Пфіннеръ и заявилъ, что пришелъ приказъ куда-то насы вывезти, но куда, въ приказѣ не сказано. Черезъ часъ мы должны были уѣхать. Невольно по спинѣ прошель морозъ. Поблагодарили мы начальника суда за его чегожеюшее отношеніе къ намъ и начали собирать свое скучное арестантское имущество. Изъ нашихъ родныхъ никого и не предчувствовалъ, что творится съ нами, и не думалъ, что завтра уже насы не увидятъ, — по воскresеніемъ были посыплены родныхъ, — что не найдутъ человѣка, который бы имъ сказать, куда дѣвавась мусыль, отца, брата? Одно слово — „увезли“ — вотъ неразрѣшимая загадка для останинскихъ домовъ родныхъ, загадка, разрѣшенія которой многимъ пріилось долго, долго ждать.

Не успѣли мы сложить еще, какъ слѣдуетъ, свои вещи, доставленныя намъ въ тюрему родными, какъ явились за нами солдаты. Насъ вывели въ коридоръ. Алчно забѣгали солдатскіе штыки и страхи обнѣгъ душу. На нашихъ глазахъ капитанъ скомандовалъ „лядент“ — и нѣсколько солдатъ зарядили свои винтовки. Начали карманній обѣкъ, отнимая у кого угодно. Но адѣсъ опять, посѣдѣй разъ, начальникъ Пфіннеръ послужилъ намъ хорошую службу. Онъ объяснилъ солдатамъ, кто мы и что мы, и они оставили насъ въ покое.

— Что будешь? — пролетѣло въ головахъ всѣхъ. Изъ газетъ мы уже знали кое-что изъ исторіи транспортовъ

интернированныхъ. Какъ отнесутся евреи, жители города?

— Маринѣ! — скомандовалъ капитанъ, и вывелъ насъ изъ тюрмы на улицу. Смотриши, а на городской площади, всѣ въ черное одѣтые, стоятъ толпами евреи. Стоитъ и молча смотрѣть на насъ.

— Ухъ если такъ набросится на насъ! Разорвутъ въ кусочки, — мелькнуло въ головахъ арестованыхъ. На лобъ появился первый потъ.

Но евреи города Турки отнеслись къ повторному дѣлу ареста молча, никто не отозвался ни словомъ.. Молча глазами провожали проходящихъ. Не знаю, какъ понять евреевъ? Почему они не поступили такъ, какъ ихъ братья по другимъ городамъ? Потому-то, что болѣе русскихъ козаковъ, потому-то, что не желали рисковать на будущее собственныхъ головами, или потому, что всѣ арестованые были люди знакомы, нельзя опредѣлить. Но къ чести евреевъ города Турки будь сказано, — они отнеслись къ несчастнымъ по чегожеи. Какъ было съ сѣдѣющими транспортами — не знаю, но плохого слова я не слыхалъ. Значитъ, за вѣбрѣ и насѣки не всѣхъ евреевъ можно обвинять, и между ними были люди съ душой и сердцемъ.

Траурнымъ ходомъ довели насъ къ віадукту, уже недалеко вокзала. Стоять кучка людей, не людей, а подростковъ и мальчиковъ. Среди нихъ какакъ-то женщина. Подходили ближе.

— „На гакъ съ ними! На гакъ съ капитанами!“ — заревѣло противное женское существо, стоявшее въ этой кучкѣ. Это была жена школьнаго инспектора, „украинка“ Середы. Ея дикий ревъ повторила безумная, безрасудная кучка мальчиштановъ, подстрекаемыхъ „дамой“

изъ воспитанного, интелигентнаго общества.

Въ душѣ арестованыхъ такъ и зародилась, врѣзлась въ самую глубину, ненависть, вѣчная ненависть противъ тѣхъ бездушныхъ, безхарактерныхъ народныхъ изѣмниковъ.

Здѣсь колоссальный контрастъ налицо. Евреи, иногородніе, которыхъ нельзя подозревать въ доброжелательности къ намъ, молча вѣтрѣтили наши транспорты, а народный изѣмникъ, къ тому же женщина, посыпала изъ своихъ уст выпустить слово „на гакъ!“ Не женское пѣкное чувство въ ея сердѣ, а мазепинская кровопрѣжность, въспущенная всеобще прѣвѣтъ не только русскаго народа, но каждого, кто сознаетъ себя человѣкомъ!

Получивъ первый приѣздъ, транспортъ поспѣлъ дальше, поспѣлъ на станцію, запружиненную длинными поѣздами, везущими солдатъ-внѣгерцевъ на русскія позиціи. Какоѣ-то офицеръ указалъ направление, куда насы вѣсти въ поѣздъ. Пришлося проходить мимо длиннаго поѣзда, наполненнаго дикими монголо-внѣгерами. Началась музыка. Ревѣли бестіи въ сѣрѣхъ формахъ, плевались въ одинъ конецъ солдатъ снять фуражку и оскалить бѣлые зубы, возворачивъ головы; „грр-грр“ и рвалъ фуражку зубами, укашивалъ, что такъ рвалъ бы тѣла веномыхъ.

Наконецъ, довели транспортъ къ предназначенному вагону.

— „Ауфтійтагенъ!“ — приказалъ капитанъ. И очнулись мы въ вонючемъ, грязномъ вагонѣ, въ которомъ только что везли лошадей. Не убралъ даже калъ, — нѣть соломы, не то скамени, кромѣ двухъ маленькихъ дляescortирующихъ солдатъ. Отъ противного запаха скоро закружилась голова.

— Какъ разъ хороший салонъ для тѣхъ собакъ, — замѣтилъ капралъ. И начались „пріятный“ разговоръ солдатъ, гуны, подмы выходки, которыми не было конца. Принесли мочьтъ и жадть, пока двинулся пойздъ, и надѣялись, что, быть можетъ, будетъ пересадка въ Самборъ и мы выйдемъ изъ воинчаго вагона.

Стало уже клониться къ вечеру, когда, наконецъ, поднялся пойздъ. Еще разъ увидѣли мы черезъ открытую дверь горы турецкаго уѣзда... Осьмын полумракомъ было уже окутано постыднее село уѣзда Ясеница Замковая. На холмикѣ възвѣстѣ стѣны большої красивой церкви. Тяжелый пронизливый вдохъ нырвался изъ груди и мы простились съ родными уѣздомъ и съ родными селомъ и вѣхами изъ старо-самборскаго уѣзда. Ночь не разрѣшила уже смотрѣть на прометающіе горы. По вокзаламъ приходилось стоять по нѣсколько часовъ. Утомленіе сломало, наконецъ, физическіе силы. Нечего дѣлать, пришлось ложиться въ кѣль и пробовать уснуть. Спалъ ли кто? — Найѣрное нѣтъ! Было физически невозможнаго.

Рано утромъ ажскій ревъ заставилъ всѣхъ подняться. Смотримъ — станція Ваненіца; значитъ сейчастъ будемъ въ Самборѣ. Толпа сидѣла, собираясь въ вагонъ, ревя.

— Повѣстите Зачѣмъ воятъ! Подержите скрѣзть и къ чорту съ ними! И проч. И не вспомниши нѣхъ солдатскихъ угрозъ, которыи ссыпались по адресу интертированныхъ.

Черезъ нѣсколько часовъ напѣтъ пойздъ остановился въ Самборѣ. Новая атака озѣрѣвой толки, еще хуже первой. Посыпались уже камни. Солдаты закрыли дверь, а мы прислушивались къ противному реву, дрожа цѣлымъ

тѣломъ, что вотъ сейчасъ вылетимъ въ воздухъ или всѣхъ перестрѣлютъ.

Напиши надежды на пересадку разсыпались. Вироемъ, къ чему пересадка? Не лучше ли сидѣть въ закрытомъ вагонѣ вагонѣ въ жаркий день?

Какъ долго мы ждали, неизвѣстно было честить. Наконецъ, подѣль динулся оять и мы побѣхали дальше, чтобы на каждой станціи встрѣчать привѣтствовавшихъ насъ жителей края, солдатъ и Богъ вѣсти, кого.

Жара, голодъ невыносимо чувствуяется. Не даютъ есть, не разрѣшаютъ выпить капельки воды.

Оконо четырехъ часовъ пополудни, медленно, тяжело дыша, вѣхахъ напѣтъ пойздъ на станцію Перемышль. Переѣмашь перекинула аккордами. Команда уже предчувствовала, что придется отступать, а Перемышль долженъ видѣть осаду. Лиходародчая живъ кѣлья во всѣхъ углахъ. Движеніе на показъ огромное. Глаза наши съ любопытствомъ и страхомъ смотрѣли на все творившееся.

Вдругъ — повѣшенные. Смотримъ, не вѣримъ глазами, протираемъ, — и видимъ трехъ или четырехъ человѣкъ, повѣшенныхъ на станціи, на фонарькахъ, средь толпы передвигающагося народа. Непонимаемъ ужасъ охватывающій всѣхъ. Какъ? Развѣ вѣшаютъ такъ, даже среди толпы, и тѣль повѣшенныхъ не снимаютъ? Найѣрное для того, чтобы не жителей на вести страха и ужаса.

Не хотѣлось вѣрить, но повѣшенные колыхались передъ нашими глазами. Но, какъ только напѣтъ пойздъ подкатился ближе къ повѣшеннѣмъ, мы убѣдились, что это были сдѣланы куклы, величиною въ человѣка, а на куклахъ красовались надписи: „царь батюшка“ — „москофиѣ“ и проч. Стало немножко лег-

че, но непріятное впечатлѣніе осталось надолго въ душѣ.

Когда, наконецъ, напѣтъ пойздъ пріостановился, скоро собралась вокругъ массы любопытныхъ солдатъ, жуликовъ и проч. сброва неисчислимое количество. Ругани, плеванію и угрозами не было конца. Чернѣ мы понимали, но никакъ не могли понять, откуда у интеллигентныхъ женщинъ Перемышля напѣшила та-ко удивительно богатыя ванши крайнѣ польскими ругательными словъ и епитетовъ, которыми осыпали насть „дамы“ наравнѣ съ жуликами и проститутками. Однично — больше ничего

— „Выѣзжай, московскіе псы!“ — приказывалъ подпідлій къ вагону молодой „кадетъ“, личнѣй мнѣ знакомый товарищъ по гимназіи, самборскій жилокъ, фамилія которого какъ на ало не могу вспомнить. Но его противнѣ рожа въ эту минуту сильнѣ врѣздалась въ мою память, чѣмъ за все времена нашей ежедневной встречи въ гимназіи въ про-долженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Насъ выѣзжалъ, установивъ на четыре и „маршъ“ — повели на вокзалъ. Не далеко было идти, но сколько побоевъ и ударовъ пришлось намъ перенести, одинъ Богъ посчитаетъ. Сколько толькѡ многочисленныя желѣзодорожные служащи подпідліи ударовъ красными флагами, которые имѣлись у нихъ въ рукахъ. Сколько наплевались — ужастъ! Больше всѣхъ пришлось вытерпѣть священнику Столоновскому, вѣроятно потому, что онъ чрезвычайно высокаго роста. Мимо него не проходилъ ни одинъ жуликъ спокойно. Или ударить, или цапнуть въ лицо. Чтобы, по крайней мѣрѣ, отчасти снискаться отъ многочисленныхъ побоевъ, онъ пошелъ на хитрость и стала горбиться и дѣлаться малымъ, чтобы по росту сравняться съ остальными и

не бросаться такъ въ глаза озѣрѣвой толкѣ. Какой-то высшій чиновникъ же изъ-за дорожной службы, на видъ очень почтенный, сѣдой, какъ голубь, съ голо-тымъ шитьемъ на шѣѣ, толкнулъ священника Добрянского такъ сильно, что если-бы не сыновья, задержавшіе отца, Богъ вѣсть, чо случилось бы, — какъ-разъ передвигался пойздъ.

Завели насъ въ залу III класса, тѣхъ встрѣтились мы съ транспортнымъ инженерованныхъ изъ Самбора, жителей самборскаго уѣзда. Насколько помнится, были тамъ: свящ. Василий Ско-белскій изъ Пруссіи, котораго арестовали за то, чо у него нашли цѣлую маску „таннѣнвѣнѣхъ писемъ“... Тайнѣнвѣнѣхъ письма оказались вноскѣствіемъ письмъ другимъ, какъ только потами, которыхъ у свящ. Скобелскаго отнѣли большое количество. Далѣе были тамъ священники: о. Кириній изъ Чапелъ, о. Перчинскій изъ Гертаревичъ, о. Грушевицъ изъ Раковой, кроме того: дѣр-Цюкъ съ сыномъ, Альбертъ Владицъ, Владицъ изъ Киринійскаго, судья Глѣбовицъ, Стрѣльницъ, Мудрый, г-жа Ольга Байконъ и еще нѣсколько человѣкъ, которыхъ не могу уже вспомнить. Раставили насъ въ двухъ углахъ, приказывали мочьтъ — не разговаривать съ транспортомъ изъ Самбора,

Оба транспорта голодные — есть не даютъ. На вокзалѣ буфетъ, — пропускаютъ кое-что купить, иначе или чего-нибудь, сельтерской воды, — не раз-рѣшаютъ. Справляемъ — почемъ?

И вотъ подходитъ къ намъ молодой офицеръ и, притворясь очень вѣжливымъ и любезнымъ, на великолѣпномъ польскомъ языке заявляетъ:

— Моя пановье и паны! Съ удо-вольствіемъ разрѣшилъ бы и вамъ купитъ, чо вамъ нужно и угодно, но, по-

нѣрѣте мѣй, опасаюсь за вашу жизнь. Вы видите, какъ толпа враждебно къ вамъ настроена... Вы купите яички, а вдругъ они окажутся отравленными... Я вамъ сорѣтъ ничего не покупать... Я не могу рукояться, что вѣсъ не пожелаютъ отравить...

И вспугнула насть. Многіе, несмотря на голодъ, — большие сутокъ не ъѣли, не выпили ни капельки воды; — предпочли голодать, послушавъ "доброжелательного" человѣка, офицера. Мнѣ лично какъ-то не хотелось покидать слова этого офицера: откуда у буфетчика вдругъ ядъ и какъ подсыпалъ бы онъ его въ яички и въ салатерскую воду? Но пришлось голодать и переносить ругань проходящей постоянно тонны.

Не прошло полъ часа, какъ въ залу вошелъ "напѣт" турецкій жандармъ, почти всѣхъ настъ арестованый, въ днемъ различно отвѣшивший въ военный судъ одного священника, котораго, по доносу мѣстнаго еврея, обвинили въ томъ, что онъ въ церкви будто бы собирали отъ своихъ прихожанъ пожертвования на русской Красный Крестъ и посыпалъ въ Россію.

— А съ вами чѣ? Вы куда? — спросилъ удивленный жандармъ. Въ Туркѣ никто не вѣрилъ, чтобы настъ имѣли куда-нибудь выѣхѣти.

— Не виаѣмъ, — отвѣтило гѣскоѣко изъ настъ.

Завинчалась разговоръ. Жандармъ вынулъ табакъ и угостили настъ, у кого уже этого, на взвѣзванные первыя хороши дѣйствующіе, средства совершенно не было. Это замѣтилъ напитъ капитана. Началась споръ между жандармомъ и эскортirующимъ капитаномъ; а когда жандармъ заявилъ, что онъ настъ арестовать, что мы все не арестанты, а невиновные люди, только

временно интернированные, — это настолько вѣбѣслио власть наѣзжущаго капитана, — къ сожалѣнію, русскаго мужика изъ подъ Самбора, — что онъ весь красный отъ злости побѣжалъ въ команду отрапортовать, что какой-то жандармъ говорится съ „москалѣфирами“⁴. Результатомъ доноса было то, что жандармъ не мѣстѣ арестованы и отвели въ тюрму, въ которой, какъ мы позже узнали, пока дѣло разыяснилось, посидѣлъ онъ нѣсколько сутокъ.

Стало уже вечерѣть, когда вывѣли настъ на перонъ. Значитъ, ѳдемъ дальше. Богъ вѣстъ куда.

— Куда? — спросилъ капитанъ знакомаго настъ жиленка-кадета.

— Куда? Вотъ тамъ свиной воязъ. Туда ихъ, синихъ, вѣстятъ! — привыкалъ "герой" иодина шлемени и, доволеніемъ своей "остроумной" шуткой, разсыпался громкими смѣхомъ. Окружающая толпа, довольно внимѣнъ, предложениемъ, заревѣло неистово: "Въ синий, пусь тамъ лежатъ, какъ свини!"

Наконецъ, завели настъ все-таки въ обыкновенный товарищеский лагерь, съ тѣмъ только удобствомъ, что тамъ нашлись скамейки и солома. Подъ адскій крикъ толпы двинулся поѣздъ дальше. По станціямъ продолжалась известная история. Мы поневолѣ привыкли къ этому и уже не обращали на это вниманія. Грозный моментъ посѣдѣвалъ только на сдѣлующий день, на одной изъ станцій западной Галичини, где пришлось настъ встрѣтиться съ транспортомъ раненыхъ австро-венгерскихъ солдатъ и русскихъ военно-шѣйныхъ. Если-бы не усиленная охрана, наѣвѣре не миновала бы настъ исторія, случившаяся съ транспортомъ 46 человѣкъ въ Бакунинахъ въдѣлъ Перемышля, посѣченныхъ венгерцами въ кусочки.

Въ тѣть-же день, поѣздъ обѣда, очутился напрѣдъ транспортомъ гдѣ-то на Мазурахъ, на станціи, кажется, Циха. Прошло полныхъ двое сутокъ, а у настъ во йту еще ничего не было. Гододъ, жажды невыносимые, жара, — отнимали посѣдѣніе силы. Кто покрѣпче, просилъ воды для обомнѣвающихъ. Отказали.

— Арсеніку (мышишку) имѣ, а не воды, — кричала толпа.

Вдругъ случилось то, чего мы не ожидали. Къ вагу подошла какая-то дама, попыль, съ краснымъ крестомъ на рукахъ. Это была единственная человѣкъ на цѣломъ пути черезъ Галичину, отнесшись къ настъ по человѣческому. Узнавъ, въ чемъ дѣло, она приказала сейчасъ подать настъ воды.

— Арсеніку, арсеніку! — кричала толпа и хотѣла помѣшать благородной женщины въ исполненіи ея сестринаго долга. Кто-то изъ служащихъ позвалъ комендантъ станціи. Тотъ приѣжалъ и грубымъ образомъ вытолкнулъ кружку съ водой, которую какъ-разъ подавали кому-то изъ транспорта. Но вѣдѣсь посѣдѣдана неожиданность. Энергичная женщина посмотрѣла грозно на офицера, подняла величественно руку и рѣшительно, повѣгѣвающимъ, а одновременно нѣжнѣмъ голосомъ, указывая пальцемъ на вагонъ, привыкала:

— Извините, господинъ! Тамъ вѣштъ долгъ! Вѣдѣсь я... Вѣдѣсь мое мѣсто! Вѣдѣсь служба Краснаго Креста, который не знаѣтъ ни другой, ни врага, ни измѣнника, а только человека! — И, обратившись къ служащимъ Краснаго Креста, прибавила иѣжно: Даите-же несчастнѣмъ воды!

Словно благородной женщины подѣствовали на офицера и толпу оглушающе, подавливюще. Первый замялся, покрасѣлъ, что-то пробормоталъ въ

оправданіе своего нечеловѣческаго и неофіцерскаго поступка, узелучился, толпа же скоро посѣдѣдана его примѣру. Мы напились воды, вдохнули, а черезъ нѣсколько минутъ побѣдъ уловили настъ дальние и дальне, а вмѣстѣ съ нами безвѣничную благодарности по отношенію къ женщинѣ-человѣкѣ, о которой не суждено намъ было узнать, кто она такая?

Поздно ночью — Краковъ. Что будѣтъ? Слухи ходили уже раньше, что въ Краковѣ ведутъ транспорты съ поквала въ арестъ „подъ телеграфъ“ почты черезъ цѣлый городъ и что этотъ путь — это настоящая Голгофа, что со стороны краковскихъ бандитовъ приходится переносить ужасныи издѣвательства. При самой мысли объ этомъ мы дрожали.

Настъ вывѣли изъ вагоновъ и уставили на перонъ. По телефону спрашивали, что съ настъ дѣлать? Вокругъ настъ сильный кордонъ полиціи. Железнодорожные служащие, какъ хищные волки, начали тоже собираться.

— Взгрѣюющъ кабанувъ! — вѣчай одинъ.

— Пашь воязъ! Не тное дѣло! Смотри тамъ колесо! — вагрѣмъ рѣшительно одинъ изъ польцѣйскихъ, наѣвѣре русскій галичанинъ, — вѣдѣсь тасъ служили польцѣйскими и дѣти нашѣ Руси.

Его голосъ сразу обезкуражилъ маузурчиковъ, которые, что-то бормоча, разошлись. Мы могли ожидать рѣшѣнія и наблюдалъ за польцѣйскимъ, охранявшимъ настъ отъ побоевъ, плеваній, ругани и проч., и въ его добрыхъ чертахъ находили, что онъ непремѣнно — наша кровь, кровь русская. Молча, мы мысленно были ему благодарны.

Через полчаса пришел приказъ отъ крѣпостной команды:

— „Альвагонрен — нахъ Терезиннгтадъ“ — Мы очутились опять въ пѣдѣлѣ, но, чудо, на этот разъ — глазамъ не хотѣлось вѣрить — въ пасажирскомъ.

Раннее солнце пріѣтствовало настъ уже на землѣ родного брата-страдальца чеха. Вѣхѣли на чешкую землю.

Третыя сутки не ъѣли, гоно дные, утомленные, ни желаніе видѣть землю брата — чеха, въ то время несшаго оди-наковѣ съ нами крестъ испытанія, и удобство пассажирскаго вагона привели насъ силъ. Мы смотрѣли на великолѣпныя поля, сады, весы, села, горы, долинки этой красивой братской земли.

Скорѣе мы очутились въ какомъ-то большомъ городѣ. Великоглѣдный, чистенный, несмотря на военное время, вокзалъ сдѣлалъ очень пріятное впечатлѣніе. Но помни названія. На станціи большое движеніе, масса народа, масса поѣздовъ. Какой-то чешкій поѣзъ, въ австрійской, понятно, формѣ, Ѹѣдетъ на позицію, противъ Россіи. Мы съ любопытствомъ наблюдали все, а мысли спрашивали: Какъ будетъ вѣбъ? Какъ отнесутся къ намъ братья чехи? Будутъ бить, шеватъ, ругать и камнями бросать, какъ польки и измѣнники „макро-украинцы“?

Скорѣе поѣзда нашего поѣзда собирались кучкой чеховъ въ пѣтатскомъ и военномъ шатѣ.

— Вы что за люди? Откуда Ѹѣдете? Куда везутъ? Вы пѣтнѣе иль Россіи? — спрашивали.

— Нѣтъ, — отвѣчаемъ, — мы австрійские граждане, но виноваты въ томъ, что русскіе, что русскій языкъ написали роднаѧ рѣчъ, — и вотъ за это везутъ

насъ, какъ интернированныхъ, куда-то въ Терезиннгтадъ.

— Въ Терезинтъ, — исправилъ какой-то солдатъ, — не бойтесь, тамъ живутъ тоже чехи. Тамъ вамъ будеть хорошо.

Собралось скоро еще бѣжше людей, интересуясь нами, распространявши обо всемъ. А когда узнали, что Ѹѣдемъ мы уже третыя сутки не ъѣши, не пивши, — послышалась громкій голосъ протеста и проклѣнъ по адресу тѣхъ, кто виноватъ, и запенивались всѣ. Скоро понизились, въ красиѣвыхъ национальныхъ костюмахъ, дѣвушки съ коронами въ рукахъ и накормили настъ. Мало того, намъ дали столько, что мы и въ тюрьму привезли. Давали не только ѿѣды, но почти на каждую станцію, пока не доѣхали до Терезина.

Въ толпу вѣбъялся какой-то чехъ — солдатъ изъ транспорта, отправляемаго на позицію. Молодой человѣкъ былъ немножко напеселъ. Пробирались къ самому вагону, онъ спросилъ: — Что это за люди, за чо и куда ихъ везутъ?

— А, руссове — наши братья! Здравствуйте! — закричали — радостно, крuto повернувшись и побѣжалъ на вокзалъ. Не прошло и пяти минутъ, смотримъ, а нашъ солдатъ, насколько можно изъ обѣ руки захвативъ, несетъ пива и ведаетъ кричать:

— Братья руссове! Пейте чешкое пivo и не бойтесь ничего! Мы Ѹѣдемъ вони, въ Россію! Не бойтесь! Вони вѣнграемъ — пріѣдемъ и освободимъ васъ изъ тюрьмы! — Молодой человѣкъ такъ разошелся, что все время, пока нашъ поѣздъ не тронулся дальше, несъ пиво намъ пivo. Наша стражка молча смотрѣла на все, что происходило, не скрывая смѣши.

Свѣтчики въ Галичинѣ съ свѣтчами въ Чехіи, не трудно угадать. Заговорили дружно съ арестантами, даже прославились... Самъ капраль сквозь слезы заявилъ: „Да, простите ми, я согрѣшилъ, я тоже русскій, я членъ о-ва Качковскаго, „Русской Дружины“, но меня раньше взяли на службу. Простили мои грѣхи!“ — просить капральскии капраль.

— Богъ тебя прости, — отвѣтилъ кто-то изъ священниковъ. — Въ будущемъ не грѣши. Помни, что русскій отецъ тебя качалъ, что русская мать вскормила... Сейчасъ времени грохнаго вскормила русскаго народа... ты на службѣ, но помни, что ты сынъ Руси!..

Тернистыі путь Голгофы въ Галичинѣ превратилъ въ Чехіи въ триумфальный походъ для тѣхъ, кто шелъ за Русь въ тюрьму.

Насъ погнали, намъ сочувствовать могли только братья-чехи. И иль во времена войны пришлось вышить не малую чашу горѣ, не мало сыновъ чешкаго народа отдало жизнь свою на погорныхъ

вѣсѣлицахъ, не мало томилось по тюрьмамъ австро-венгерской имперіи.

На дальнѣйшемъ пути черезъ Чехію не было почти станцій, где бы намъ не дали кое-чего, по крайней мѣрѣ, братскаго привѣта и добра го слова. Давали намъ и цѣлѣты, а въ Колинѣ, где имѣется извѣстная фабрика шоколада, красавицы конинскія шоколадомъ прямо настъ забросали; правда, лѣнивъ часть шоколада поспѣла на долю тѣхъ интернированныхъ, кто поможе, кто покраситъ, и это понятно — молодыи — молодыи.

Черезъ Прагу, золотую чешкую Прагу, проѣхали мы мимоэтотъ, почти не остановившись. Только верхомъ всличавыхъ храмовъ поклонились мы привѣтственно, передавъ имъ братскій привѣтъ и поклонъ.

Сонце уже собиралось на сонгу, когда наѣхъ турчанская и самборскій транспортъ вошли въ крѣпость Терезинъ. Насъ помѣстили въ кавалерійской казармѣ. Началась жизнь заточеніцъ.

Глѣбъ Соколовичъ,
„Русскій Голосъ“, 1824 г., № 21—5.

Яворовскій уѣздъ.

Въ яворовскомъ уѣздѣ были арестованы и вывезены въ глубь страны сѣдѣющіи лица: священники Григорій Журавецкий изъ с. Дорогомильщины съ двумя сыновьями, В. Ольшанскій изъ Завадова и Іоаннъ Подлипецкій изъ Коѣльницъ Волочискаго, учитель Н. Племеніцкий изъ Наконечного и крестьяне И. Рѣмковичъ, А. Музыка и М. Барандій изъ Стариска, Н. Химка и В. Флінъ изъ Стар. Якева.

Священника Подлипецкаго арестованы мѣдѣры при сѣдѣющихъ обсто-

тельствахъ: во время богослуженій вошли въ церковь мѣдѣрскій солдатъ и съ револьверомъ въ руки подошелъ къ револьверомъ въ руки подошелъ къ царскій вратѣ къ священнодѣйствующему со словами: „Abtreten, vogtwaerts marsch!“ Когда свящ. Подлипецкій пытался уговарить солдата покинуть до окончанія обѣдинъ, толь закричалъ: „Marsch! Befehl ist Befehl!“ — и приказалъ сѣдѣвать немедленно за шину. Свящ. Подлипецкій повиновался и безъ шапки и верхней одежды былъ отправленъ въ яворовскую тюрьму.

Г. Яворовъ.

На основании доноса мазепинцевъ Яворовъ были арестованы мѣщане П. Вербенецъ и И. Максимовичъ. Характерно, что при арестахъ русскихъ людей присутствовали почти всегда, кромѣ жандармовъ, также мазепинские «січовики». При арестѣ указанныхъ мѣщан присутствовалъ «січовикъ» Шавалъ. Другой мазепинецъ, А. Волоцакъ, донесъ мадьярамъ на оставшагося на свободѣ студента А. П. Вербенца, что онъ «ру-

софитъ», но тотъ, къ счастью, во времѧ скрылся.

По почину мазепинцевъ была также разгромлена въ Яворовѣ русская бурса и арестованы священники: Подляшецкій изъ Кобальницы, Крушинскій изъ Бунева и Головка изъ Нов. Якова. Послѣдній посадили въ тюрьму, несмотря на тяжелую болѣзнь. Кромѣ того, было арестовано множество крестьянъ и мѣрской интелигенціи, въ томъ числѣ студ. Подляшецкій и учитель Кульматицкій изъ Наконечнаго.

Ярославский уѣздъ.

Судя по Д.—ії, успѣшной побывать почти во всѣхъ селахъ на правомъ берегу Сини и собравший также некоторые сѣдѣнія въ селахъ на лѣвомъ берегу рѣки, нарисовалъ пачальною картину разврѣній, какую представлять изъ себя въ начальѣ войны прославленный уѣздъ. Продолжительныя сраженія на рѣкѣ Синѣ и звѣздрское отношеніе австрійцевъ къ русскому населенію края оставили на немъ свой отпечатокъ. Чтобы представить себѣ положеніе этого уѣзда, достаточно будуть указать на фактъ, что, по собраніямъ въ мѣстахъ г. Д.—ими сѣдѣніями, въ 10 селахъ австрійцы сожгли умышленно 858 хозяйствъ въ селахъ Бетинъ, Высоцко, Никоновичъ, Святое, Задуброва, Сосница, Маковиско, Монастырь, Черв. Воли и Вязовница. Какъ и въ другихъ уѣздахъ, такъ и въ ярославскомъ производились массовые аресты, причемъ вытѣнительное участіе въ нихъ принимали нѣкоторые изъ мѣстныхъ полскихъ ксендзы.

И такъ, въ с. Суроховѣ были арестованы 5 крестьянъ, въ с. Ветинѣ 5 свящ. Ф. Доринкъ и 13 крестьянъ.

приходили просить о пощадѣ для своихъ мужей, русскихъ». Однако, они получали одинъ отвѣтъ: «Да, ты польша, но твой мужъ русскій». И аресты продолжались дальше безъ всякой пощады.

Дальше были арестованы: въ с. Ниновицкѣхъ свящ. Ф. Пѣхъ и 10 крестьянъ, въ с. Грабовцахъ свящ. Р. Константийскій, въ с. Сосницѣ свящ. И. Рудавскій 20 крестьянъ. Въ постѣдніе сеіѣ были, кромѣ того, казнены шесть крестьянъ: И. Якимецъ, И. Яворскій, И. Шостакъ, И. Кошка, Н. Смирновскій и А. Гардзъ. Казнили ихъ на основаніи доноса мѣстного еврея, будто бы они имѣли у себя оружіе. Безъ доказо.са въ судѣ, а даже безъ обѣска, ихъ арестовали, затѣмъ привинили къ оградѣ церкви къ деревьямъ и казнили на глазахъ согнанныхъ изъ села крестьянъ, въ присутствіи ихъ женъ и дѣтей. Отступая подъ нажимомъ русскихъ войскъ, австрійцы подожгли также церкви, не позволяя даже прихожанамъ спасать церковную утварь.

Въ с. Бѣровѣ были арестованы двое крестьянъ, въ с. Суромачевѣ одна крестьянка, въ с. Рудавѣ — свящ. И. Наклоновичъ и одногоди крестьянинъ, въ с. Молодичѣ — 11 крестьянъ, въ с. Маковиско — 18 крестьянъ, причемъ аресты производились по доносу мѣстного священника мазепинца Н. Крайчика, угрожавшаго крестьянамъ въ церкви смертною казнью за «русификацію». Въ с. Монастырѣ были арестованы свящ. А. Рудавскій и четверо крестьянъ, въ с. Червонной Волѣ быть казненъ крест. П. Куца за разговоръ съ русскимъ солдатомъ.

Въ Святоѣ было арестовано свящ. А. Гайдукевичъ и 8 крестьянъ. Значительная часть этого села была сожжена и разграблена австрійцами,

четверо крестьянъ были убиты во времѧ боя. Въ церкви стояла канавлерія въ продолженіи двухъ изѣльевъ, причемъ солдаты накрывали лопадѣ церковными ризами, рѣзали въ церкви короны, а изъ церковныхъ оконъ дѣлали въ окопахъ двери. Отступая изъ села, австрійцы, наконецъ, взорвали церкви.

(«Правда Руси», 1914 г., № 1605).

С. Ветлинъ.

Въ 1914 г. въ с. Ветлинѣ были арестованы и сосланы въ Талергофъ слѣдующіе лица:

- 1) Никита Блицакъ, б. псаломщикъ въ Нижанковичахъ, 2) Иванъ Пагѣрникъ, столяръ, 3) свящ. Федоръ Доринкъ, 4) д-р Романъ Доринкъ, врачъ (умеръ 2 февр. 1915 г. въ Талергофѣ), 5) Константий Осьмакъ, 6) Максимъ Головка, 7) Михаилъ Санула, 8) Иванъ Пощоничъ, 9) Федоръ Зубинъ (умеръ 4. ноября 1914 г. въ Талергофѣ), 10) Илья Блицакъ, 11) Федоръ Бартышко, 12) Федоръ Макаръ, 13) Григорий Шрафновичъ, 14) Иванъ Школьникъ (умеръ въ Талер. 29 марта 1915 г.), 15) Алеѣсъ Блицакъ, 16) Кириллъ Столляръ, 17) Иванъ Чирка, 18) его жена Анна Чирка и 19) Иванъ Гусакъ.

Сообщеніе Никиты Блицака.

Во времѧ мобилизаціи въ 1914 г. я приѣхалъ изъ Нижанковичъ въ родную деревню. Въ виду возникшей въ то время въ Ветлинѣ єпидеміи дезинтегріи, мы запретили выѣзжать изъ села, однако, когда мѣстные жандармы стали обращать на меня «спасибо» большое вниманіе, и все-таки, несмотря на запрещеніе, уѣхалъ обратно въ Нижанковичи.

Но тутъ-то я попалъ изъ огня да въ полымя. Здѣсь у меня произведены обѣски, причемъ напали въ сундуки

письма от моего бывшаго школьного товарища И. Славяка, служившаго хористомъ въ русскихъ императорскихъ театрахъ въ Петербургѣ, а въ одломъ изъ нихъ, писанномъ изъ Крыма, выложили даже подоврительную фразу: „и пребываю теперь съ Его Величествомъ въ Крыму“. Въ результатѣ обыска меня арестовали и перенесли въ Перемышль, гдѣ помѣстили меня въ городской тюрьмѣ вмѣстѣ со уголовными преступниками. Въ камерахъ помѣстили со мной также агента саксонскаго отряда Осмака, однако, постѣднѣй, не узнавъ отъ меня ничего интереснаго, оставилъ тюрьму черезъ два днія.

Воинскій судъ обвинялъ меня въ перепискѣ съ прагами Австро-Импіи, въ шпионствѣ, дезертирстве и получѣи рублей, соответствіемъ же доносу былъ подписанъ украинофиломъ Иваномъ Жуковскимъ изъ Нижнаночинскаго. Судъ приговорилъ меня къ разстрѣлу, однако, благодаря наступленію русскихъ въ Перемышль, меня вынесли въ спѣшномъ порядке въ Талергофъ, гдѣ, взамѣнъ смертной казни, опредѣлили меня на военную службу и отправили на повинію.

Н. Паппника.

Сообщеніе Иоана Паппника.

Въ первую очередь жандармы арестовали въ с. Ветлинъ меня, Константина Осьмана и Максима Головку и, подержавъ настѣнѣ трои сутокъ въ Ярославль, отправили, вмѣстѣ съ 150-ю другими политическими арестованными изъ праславскаго уѣзда, въ Нижнюю Австро-Импію, — сначала въ Герцогенбургъ, а затѣмъ въ Талергофъ.

По дорогѣ были настѣнѣ на станціяхъ палками и камнями, въ особенности въ Тарновѣ, гдѣ чрезвычайно усердничали мѣстные мазуры, — и только благодаря

гуманности сопровождавшаго настѣнѣ жандарма-чеха, мы вышли изъ этихъ перегородокъ сравнительно цѣло. На желѣзодорожномъ вокзалѣ въ Вѣнѣ снова повторилось налагденіе на наши вагоны. Между прочимъ, одинъ изъ крестьянъ высунулъ голову черезъ окно и просить воды; тутъ подошедший офицеръ съ ловкостью клуна приложилъ къ головѣ наименія крестьянину тросточку и, обернувъ ее нѣсколько разъ, вырвалъ у него такимъ образомъ цѣлыи клокъ волосъ.

Въ Талергофѣ пріѣхали мы 3 октября и уже на слѣдующій день я видѣлъ, какъ священники въ царѣвѣ сѣвеѣ тащили телѣжку съ водой...

С. Теплицы.

Въ С. Теплицахъ были арестованы и вывезены въ Талергофъ крестьяне: Иванъ П. Кроль, Михаилъ Федирко, Онуфрій Скнечетъ, Иванъ Сошико, И. Каражутъ, Яковъ Ніхъ и Иванъ Калинъ. Троє изъ нихъ умерли въ Талергофѣ.

Изъ кровавыхъ дней.

Сообщеніе о. Иннокентія Рудавскаго. *)

Это происходило въ с. Сосницѣ, ярославскаго уѣзда, осенью 1914 г. Еще не затерпѣлись на граничныхъ дорогахъ скѣды отъ тѣлѣжъ русскихъ орудій, еще въ упаковкахъ людей не заглохъ гулъ крѣпостной пальбы, а уже сама природа предвѣщала какое-то бѣдствіе. Съ дремучихъ полей надвигалася на село хо-

*) Позволилъ себѣ заимствовать изъ первомісячной газеты „Украинский Голос“ (за 1923 г. и-ра 50—51) эту постскрипцию, основанную на сообщеніи о. Иннокентія Рудавскаго изъ пленническихъ карточекъ немецкихъ австро-Венгерскихъ войскъ, сдѣланнныхъ осенью 1914 г. по отношенію къ русскимъ жителемъ с. Сосница, ярославскаго уѣзда. (Примѣтка редакціи).

лодный туманъ. Немонитный ужасъ охватывалъ людей.

Только что, поспѣхъ трехнедѣльной осады, отступили русскіе отъ перемышльской крѣпости за р. Сянъ, а уже вслѣдъ за ними послѣ австрійскаго штурма. Изъ густого тумана подвигались за ними боевыя цѣлы, стрѣляли по мальчишкамъ, которые вышли на поле и сорвались въ разбросанныхъ окопахъ разстройанныхъ патронныхъ гильзъ.

Патрули искали русскихъ вѣдѣ. Перетрясали у людей вѣс кровати, шарили по сундукамъ и печамъ и сорывали гроно: „гдѣ русы?“. Поразставили караузы, никому не позволяли выйти ни въ поле, ни на дорогу, угрожая имъ противоточнаго случаѣ смертної.

На другой день сношено пребываніе въ Сосницѣ, т. е. 13 октября 1914 г., занесли мадьяры выписываніемъ подозрительныхъ лицъ, то есть, „москофиевъ“, или, какъ они говорили, „руссы“. Этотъ день 13 октября 1914 г. остался на вѣкѣ памятнымъ для тѣхъ, родные которыхъ были жертвой мадьярскаго вѣтвѣства и злобы мѣстныхъ евреевъ.

По ложному доносу еврѣя Саула Рубин菲尔да и его семьи, мадьяры схватили тогда 6 крестьянъ: Ивана Постачика, Илью Яворскаго, Илью Якимца, Ивана Кошку, Николая Смѣровскаго и Андрея Гардаго. Первыхъ четырехъ схватили веревками по рукамъ и попризвывали къ вербальмъ, гдѣ на деждѣ и хлодѣ промучились они до 8 ч. вечера. На нихъ сдѣлаными веревками руки жутко было глядѣть. Вереникъ вѣзли въ тѣло такъ, что ихъ совсѣмъ не было видно, а только одно наружу, черное тѣло. Съ нѣкоторыхъ рукъ стекала кровь.

Двоихъ изъ арестованныхъ крестьянъ — Андрея Гардаго и Николая Смѣровскаго привязали мадьяры за руки къ сѣдламъ своихъ лошадей, причемъ они должны были бѣжать-волочиться такъ съ ними въсосѣднѣе село Залуборону и обратно, всего 4 километра. Отеніцы плакали и убѣгали, когда слышали ихъ крики и стоны. Феодоръ Савка, услышавъ этотъ плачъ, вышелъ на порогъ своего дома, и за это скватили его мадьяры тоже, говоря, что онъ шпionъ. Схватили его съ Гардагомъ у Станислава Шиманскаго, подъ крыльцомъ котораго, подъ водосточной трубой, онъ и пролежалъ, избитыи и распухшы, все ночь на деждѣ. На него, кроме того, по его рассказамъ, злии холодной воду, плевали и бросали кости, говоря: „Ты шпionъ, москофиевъ!“. А онъ — юдійский помѣщичий батракъ, неграмотный, на однѣ глазы слѣпой.

Илью Якимца, передъ домомъ котораго привязали упомянутыхъ четырехъ крестьянъ, како-то фельдфебель евреи до крови бѣгъ по лицу и кончили ногами, когда-же онъ, потерявъ сознаніе, упалъ, привязали его тоже къ дереву, а затѣмъ уничтожили на глазахъ все его имущество: вынули весь его скотъ и забрали изъ скуны весь хлѣбъ. Его жену, дѣтей и старуху — мати заперли въ кладовой и продержали подъ стражей два днія, не дававъ имъ все время ничего есть, такъ что 11-лѣтняя дочь его Анастасія отъ голода упала въ обморокъ. И при этомъ они не знали — где отецъ и что съ нимъ происходит? Освидѣцъ Дмитрій Качоръ свидѣтельствуетъ, что Якимца забили до такой степени, что онъ весь распухъ и почернѣвъ, какъ уголь, — неизвѣданные его были увили. А били его будто бы за то, что нашли у него какую-то еврѣйскую

книгу, которую, может быть, оставили у него во время бегства русские или австрии даже сами австрийские солдаты.

Каждому из арестованных предъявили какую-нибудь ничтожную неоправданную вину. Такъ, напр., Иван Шостачка, 70-лѣтнаго старика, обвинили въ томъ, будто бы онъ имѣлъ зарягое на своемъ щите, гдѣ за день до того стояла русская батарея, орудие, изъ которой стрѣляло по австрийскимъ войскамъ.

Илья Яворский, бѣдный громадный пастухъ, отецъ бѣти маленькихъ дѣтей, имѣлъ одну корову. Еще въ августѣ 1914 г., во время похода австрийскихъ войскъ въ Россію, попросилъ онъ австрийского поручника замѣнить ему эту корову на лучшую. Поручникъ, при сопѣтѣтель Михаилъ Кульчицкому, согласился на это, но потребовалъ донасту 20 корюкъ, которымъ Яворскій и уплатилъ, занеся ихъ у соисѣда Дмитрия Качора. А егеръ Сауль Рубинфельдъ въ октябрѣ воспользовался этимъ и занесъ мадьярскимъ сопѣтѣтелемъ, что Яворскій украѣлъ австрийскую корову. «Это воръ, ихъ здѣсь есть еще больше», — говорилъ Рубинфельдъ въ домѣ Ильи Якимца комендантъ; слышали это жена, Ева Якимецъ, дѣти и Дмитрій Качоръ.

Когда схватили Ивана Конюка, бѣдного работника, который въ то время молотилъ въ сараѣ хлѣбъ, жена его Елена побѣжалась посмотретьъ — гдѣ онъ и что съ нимъ происходитъ? Увидѣвъ, что мужъ, привезенный къ дереву, еле дышитъ, она стала просить солдатъ, чтобы сняли съ него веревки. Но тутъ приѣхала Рубинфельдъ. При видѣ Елены Конюко онъ указалъ на нее пальцемъ и сказалъ: «Это воронка, жена того „москонофа“, берите ее!»¹⁴ И ее

себачѣсть же привязали вмѣстѣ съ мужчинами къ дереву, босую, въ легкой одеждѣ. Она рассказываетъ, что ерепен Сауль и Мехеха Рубинфельды все время бѣгали передѣгъ ея глазами между вольскомъ туда и обратно, а евреїка, жена Саула Рубинфельда, сидѣла въ Якимцевомъ огородѣ и смотрѣла на все это съ улыбкой. Она же рассказываетъ дальше, что вечеромъ австрийскіе солдаты и ерепен, держа въ рукахъ важленные свѣтины, свѣтили имъ каждому изъ привязанныхъ къ деревѣмъ крестьянъ въ глаза, какъ бы намѣреваясь ихъ выжечь. У 70-лѣтнаго старца Ивана Шостачка смыкались слезы съ кровью, которая текла у него изъ глазъ. Этотъ посѣгнѣй плакали болѣе всѣхъ и очень просили солдатъ, а ерепен ходили вокругъ мучениковъ и издавали надъ ними.

Болѣе всѣхъ страдалъ Шостачко. Когда его дочь, Юлия Кульчицкая, пришла къ евреинъ съ просьбой освободить старика, подарила ему жизнь, посѣдѣй начали сорираться между собою, а евреїка, жена Мехеха Рубинфельда, заплакала, сказавъ ей: «Кульчицкая, не плачите, вашего отца отпустятъ, мы знаемъ, что онъ ни въ чёмъ не виноватъ».¹⁵

Дмитрій Качоръ былъ тоже привязанъ къ дереву. Онъ зналъ пѣменскій языкъ и понять неѣ разговора евреинъ съ солдатами, что его ждѣтъ. Онъ умолялъ ихъ отпустить его, и за то, что онъ понималъ по-пѣменски, его бѣдѣтельно отвязали и, давъ 25 розогъ, отпустили домой.

Къ задерганнымъ солдатамъ Еленѣ Конюко приѣзжали съ плачомъ ея дѣти. Благодаря имъ, ей была подарена жизнь и ее освободили, но предварительно избили такъ, что она забояла и съ

тѣхъ поръ совсѣмъ потеряла здоровье. Она рассказываетъ, что поздно вечеромъ, кромѣ упомянутыхъ двухъ евреевъ, къ арестованнымъ привезъ также войтъ Михаилъ Слюсарь, а также Панѣльо Василина, который въ походѣ имѣлъ съ солдатами ходить за ея мужемъ Иваномъ Шостачкомъ. Послѣ прихода Слюсаря и Василина ее избили и отпустили, а остальныхъ мучениковъ отвязали отъ деревѣй и куда-то увезли.

Очевидцы говорятъ, что по уходѣ Юлии Кульчицкой евреи, поспѣхомъ сѣвѣціи, прошли комендантъ, чтобы отпустить Шостачка, но что онъ, разсердившись, отвѣтилъ: «Раньше вы его обвинили, а теперь просите съ него? Хорошо, я его отпущу, но вмѣсто него погибну вѣстъ!»¹⁶

Юлия Кульчицкая, въ надеждѣ, что ея отца отпустятъ, поспѣхомъ ушла домой и сообщила дѣтымъ, что скоро новѣратится дѣло. Она всѣхъ имъ помѣтила за него и за отца, котораго ранѣе еще избивали куда-то далеко въ Талергофъ...

Вечеромъ въ 8 ч. привели всѣхъ 6 арестованныхъ къ штабѣ, гдѣ надѣялись имъ отъзвѣваться и, между прочимъ, лиши имъ за воротъ горячую воду. А вѣтѣмы, синявъ ихъ снова по рукамъ, погнали ихъ для выслушаній неправеднаго, отъ имени австрийскаго цѣсара, смертного приговора. Принесли ихъ на площадь воѣвъдь церкви, гдѣ уже собирались народъ, сговорившіе солдатскими штапками изъ близлежащихъ домовъ. Сгояняли всѣхъ, старыхъ и молодыхъ, идти къ церкви смотрѣть на людской мучени. Нѣкоторыхъ людей повѣгнили таки босыхъ, со сна, другіе же приѣзжали въ одѣяхъ рубахахъ и въ страхѣ ожидали чего-то ужаснаго. Вдругъ блеснула

свѣтъ, изъ приходскаго дома появилась одна лампа, другая, а съ ними множество вооруженныхъ солдатъ, которые тотчасъ-же окружили народъ со всѣхъ сторонъ. Среди солдатъ увидѣлись собравшіеся народъ бѣдныхъ страдальцевъ, которые еще въ послѣднюю минуту искали спасенія. Просили, умоляли, — но все напрасно. Согласно разсказу внуки Шостачка, Евы Кульчицкой, стотъ постѣдѣнъ, старшій первокровный братчикъ, вновь обратился къ стоявшему тутъ-же Саулу Рубинфельду съ просьбой: «Попытай, почему не даешь мнѣ умереть свою смерть? что я тебѣ сдѣлалъ? или изъ дѣтей, възмы все мое имущество, только подари мнѣ живы!» Но Рубинфельдъ только у聆нулъ и отвернулся. Старикъ опустилъ голову, слезы потекли у него изъ глазъ. Въ свою очередь, Яворскій и Якимецъ, увидѣвъ въ толѣ Григорія Качора, хотѣли что-то сказать ему, но этого имъ не разрешили. Принесли какой-то фельдфебель и прочелъ приговоръ. Возлѣ него стоялъ генералъ — 1-го мадьярскаго пѣх. полка. Приговоръ гласилъ: «При сужденіи къ смертной казни за то, что стрѣляли по австрийскимъ войскамъ». Тутъ-же явились падачи и начались склонженія...

Шостачко пошелъ на казнь первый. Шелъ съ молитвой къ Пречистой Дѣвѣ на устахъ. Къ нему подбѣжалъ падачи, забросили ему на шею веревку, покѣтили, но... веревка порвалась и станицъ упалъ на землю, продолжая дальше шептать молитву. Схватили его второй разъ, но опять веревка порвалась. Присутствовавшіе женщины терпѣли чувства, а испуганные мужчины бросились бѣжать. Солдаты стрѣляли по нимъ. Станицъ Качоръ, присутствовавший при событии, уѣхалъ дальше всѣхъ, а сол-

дат гнался за нимъ и стрѣльть; затѣмъ онъ спряталъ въ могрѣбъ, такъ что содѣять не знать — куда онъ дѣвакъ? Въ могрѣбъ онъ и просидѣть до утра. А между тѣмъ Шостачко сорвалъ еще третій разъ, послѣ чего разсвѣтѣши пазырь вадушилъ его, начинецъ, колючей проволокой...

Второй подвергся казни Иванъ Кошка, подъ которымъ веревка тоже порвала дважды. За него шелъ Илья Йороскій, а оставшіе шпаги монтили и въ послѣдній разъ смотрѣли на своихъ знакомыхъ. Послѣ Йорскаго поспѣли Якимъ, затѣмъ Смилгоровскаго и, ваконецъ, Гардаго, а оставшіеся зрители, опасаясь подобной же участіи, начали разѣбѣться.

Еще вѣдрагнули тѣла повѣщеныхъ въ смертныхъ судорогахъ, а палачи не дали имъ даже встать, только тутъ же, въ одеждахъ, въ кожухахъ, побросали ихъ по-двору въ вскрытыя ямы. Антонъ Ферентинъ, Андрей Йороскій, Григорій Качоръ, Илья Кафтанъ и другие рыи, по приказу мадыръ, ямы и сносили въ нихъ тѣла казненныхъ.

Никто изъ ихъ семействъ не зналъ, куда дѣвались отцы и мужи? Старѣющая жена Шостачка, ее дочь и внучки тщетно ждали любимаго дѣдушку, да такъ и не дождались его...

Рано утромъ его внуки, Григорій Кульчицкий и Александра Крайцарская пошли въ деревню спросить у людей, где находится ихъ дѣдъ? На дорогѣ воѣдѣ корчмы встрѣтили они Сауза Рубинфельда, который сказалъ имъ: «Вы должны поблагодарить меня, что ваше гдѣда побѣжили, такъ какъ похороны не будуть вѣсъ ничего стоятъ». И сей-часъ-же побѣжалъ въ корчму, где стояли дракуны. Черезъ минуту изъ

корчмы вышелъ вооруженный драгунъ и сталъ цѣльть въ дѣтей, которые все еще стояли на мѣстѣ, покажися словами еврея. Но тутъ они поняли, что имъ тоже угрожаетъ смерть, и пустились бѣжать. Бѣжали къ ближайшему дому Андрея Йороскаго. Только-что Анеи усѣяла вѣжать въ стѣнѣ и захлопнула за собой двери, какъ надѣгъ головой мальчика, который, къ счастью, отъ исступа упалъ на землю, присыпавъ пузу.

Молнией пронеслось по деревнѣ страшное извѣстіе. Перепуганные люди притились по ямамъ, по потребамъ. Никто не смѣлъ показаться на сеѣть, такъ какъ себѣчашь хватати. Можно было ходить только «мужамъ дѣвѣръ», каковыхъ было четыре: воинъ Михаилъ Сапсары, Михаилъ Кушинъ, Панко Василиса и завѣдѣющий ученицемъ Горонко.* Эті «мужи дѣвѣръ» ходили вѣѣть съ солдатами, поперемѣнно по 2 часа въ день и почко, подъ домами казненныхъ и постоянно преслѣдовали ихъ семьи. Каждую минуту къ постыдѣнью приходили патрули съ «мужами дѣвѣръ» и запрещали имъ даже пла-вать, угрожая при этомъ тоже висѣльшицей.

Эти «мужи дѣвѣръ» — по словамъ Елены Конюкъ — послѣ вѣтихъ вѣбрскихъ казней и похоронъ спрашивали еще у еврея Гереса Таннмана и поминки

* Не надо бѣгать, ко чѣму, синоптическимъ догадывались, съ этимъ чтобы расправить эти злодѣи. Слово «богородско-приходской узникофіци-авторъ», политический псевдонимъ: по сплошной вынѣготѣ, посторонней мыслью изъ папы нашей несчастной страны, можно склонно сказать, что упомянутые здесь «мужи дѣвѣръ» — это просто — доморощенные «указчики»; излияющіе вѣдѣ въ то жутое время драмы австро-венгерскими «пѣтроватыми» и прахостроителями польскими и венскими властей. Примѣч. редакц.

Пили до бѣла дна. А позже — согласно показаніямъ Маріи Рутельдъ и другихъ — доинвалиди еще у Сауза Рубинфельда...

Паранъка Борущакъ, жена Лазаръ, свидѣтельствуетъ, что сынъ Сауза Рубинфельда, Берко, принцень къ ней утромъ послѣ казни и сказалъ: «Дайте 10 коронъ, то не будете погибнуть». И она дала ему 10 коронъ. Вдова Анна Плесенскъ рассказываетъ, въ свою очередь, что Мехель Рубинфельдъ говорилъ такъ: «Если бы мы хотѣли, то повѣсили бы цѣлую деревню». Это все еще больше запугивало людей. Никто изъ мужчинъ не выходилъ изъ дома. По дворамъ ходили только мальчики дѣти и женщины.

Черезъ нѣсколько дней послѣ казни обнаруженныхъ выше 6 крестьянъ увѣли изъ Сосницъ австрійскій жандармъ еще Михаила Зелева и студента-богословія Николая Гардага, сына бѣдной вдовы. Обвины ихъ отправили въ соседннее село Задуброну, где, по разсказу солдата-чеки, бросили ихъ на господскію хуторѣ въ погребъ и держали тамъ безъ пищи и воды 3 дня. Затѣмъ привезли студента Гардага за скрепленіе руки къ подъѣздѣ и такъ повесили ихъ обокъ за Перемышль, въ присоѣдѣніи съ Дродечичъ — Велюничъ, где бѣгъ всякихъ скѣдѣстъ и доказательство какої-нибудь вини, приговорили ихъ къ смертной казни.

По словамъ очевидцевъ, жителіи Велюничъ, поимѣнно Осома Буравликъ и Анна Задбронарий, воѣдѣ города которой находится ихъ могила, бѣгѣ всѣго изѣбѣвались надѣ студента Гардагъ: его били рогатками, а когда онъ изъ-за изѣбѣ умолялъ ихъ, бѣгѣ еще хуже, такъ что кровь брызгала во всѣ стороны. Несчастный обратился къ какому-то генералу, на котоныхъ умолять его подарили ему жизнь, пѣловавъ салоги его, но культурный австрійскій генеральѣ изѣѣть конспиръ его такъ сильно въ лицо, что у него выплыли всѣ зубы. Тогда онъ въ посѣдѣніе отчалилъ вырвался отъ палачей и хотѣлъ броситься въ рѣку, но его схватили снова. Просилъ позволить ему исповѣдѣваться, но не разѣрили. Наконецъ, послѣ протеній смертного приговора, онъ, по видимому, сомкнулъ съ ума.

Погибли несчастные на мосту вдѣдѣ р. Вигоръ, где они висѣли 3 днѣ. Рядомъ съ нимъ была повѣшена также его товарица, крестьянка Михаиль Зелеть. Обѣ были погребены въ общей могилѣ, въ Велюничахъ, внизу влагона, гдѣ сходить скотъ въ рѣку на подопѣ.

Бѣдная мать-вдова долго не знала, куда дѣвались ея синъ, единственная ея отрада и надежда. Узнавъ впосѣдѣніе отъ мѣстныхъ жителей, какъ страдалъ и умеръ ея синъ, она плакала, тосковала и вскорѣ умерла отъ горя и тоски.

Г. Радимно.

Въ 1914 г. жила въ г. Радимнѣ семья чиновника казеннѣйшаго палаты Лазаръ. 18 августа явились въ его дому жандармы, по доносу учительницы мавенники Бурды. При обыске нашли нѣсколько номеровъ львовскаго еженедѣльника «Русское Слово» и, усматривая въ этомъ опасны для Австріи злобнѣній, арестовали почему-то не хозяина, а большую же-ну его, Ярослава Лазоръ. Не помогли просить мужа оставить его большую жену въ покое; ее стаціи съ постами и перевозами въ г. Ярославъ. Растрѣянійшій мужъ, оставилъ дѣтей на попеченіе соѣдѣй, поѣзжалъ за больной женой, надѣясь выхлопотать ея освобожденіе. Однако, власти опредѣлен-

но заявили г. Іванору, что онъ спо-
день, но жена его, какъ яриа „русско-
фика“, должна посидѣть въ тюремѣ,
будетъ ли она жить или умреть.

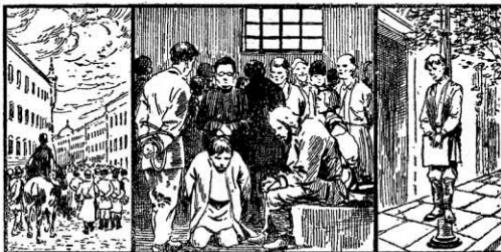
Изъ Ярослава вынесли большую
на западъ, въ Добербергъ, и помѣсти-
ли ее временно въ мѣстной больнице,
а посль вынужденій, вмѣстъ съ му-
жемъ, препроводили въ Талергофъ, гдѣ
уже находился въ числѣ интернирован-
ныхъ и отецъ арестованной, М. С.
Красинскій.

Корреспондентъ „Русскаго Слова“⁴ В. Филатовъ сообща-
етъ изъ ярославскаго уѣзда слѣдующее:
На противоположной сторонѣ Си-
на — деревня Сосница. Въ ней мнѣ
нельзі.

пришлось видѣть очень поучительную
картины, обясняющую, почему галичане
убѣгаютъ вмѣстѣ съ нашими войсками.
На мѣстѣ соснової церкви — пожари-
ще; на немъ валяются обгорѣлые куски
утвари и колоколовъ, а рядомъ —
братская могила шести мѣ-
стныхъ крестьянъ, повѣшенныхъ
въ октябрь 1914 года, когда австрійцы
вернулись сюда на гѣсколько дней, за
сочувствіе русскимъ, которое выражала-
лось въ продажѣ имъ скота и т. п.
вещей.

Въ Ярославѣ разстрѣлили и
повѣсили 26 человѣкъ у стѣнъ ра-
туши, которымъ стоять рабыни отъ пуль,
пробивавшихъ тѣла казненныхъ.

(„Прил. Русь“, 1915 г., № 1656).

Лемковщина.*

(Изъ записок о. Василия Ф. Курилла).

Обыски и аресты въ горлицкомъ
уѣздѣ, благодаря особому усердию мѣ-
стного старосты Митшика, были проведе-
ны весьма энергично и широко.

Прежде всего, еще 31 юня 1914 г.,
быть произведенъ обыскъ въ посѣщеніи
горлицкой „Русской бурсы“ и въ
частной квартирѣ ее завѣдующаго, Да-
мина Бубника, причемъ были забраны
нѣкоторыя русскія книги (сочиненія
русскихъ классиковъ), а также нѣсколько
флорбертовскихъ пулекъ, которыя
были найдены среди оставленныхъ нѣ-
когда г-жи Баницкой на храненіе въ
бурсѣ вещей въ покойнаго мужа. По-
слѣднее обстоятельство доказалось же
только изъ распространѣнія нѣкоторыхъ
слуховъ о томъ, что въ бурсѣ были

найдены бомбы и т. п. Кромѣ того, въ
бурсѣ былъ произведенъ обыскъ еще
два раза, а равно въ кредитномъ обще-
ствѣ „Лемковская касса“, гдѣ, однако,
уже ничего „опаснаго“ найдено не было.
Въ то же время воандѣ дома буры были
поставлены постоянныи полицеіскій
надзоръ.

Завѣдующій бурской Д. Бубникъ
быть затѣмъ дважды вызывавъ въ
старость для составленія протокола и
обясняеній по поводу выѣзжихъ обмосковъ,
после чего ему было объявлено, что
онъ не смеТЬ никуда отлучаться изъ
своей квартиры. Когда - же онъ, возвра-
щался изъ старости домой и встрѣтѣвши
сь по пути со своими, отправлявшимися
въ армію, односельчанами, вступи-
лъ съ ними въ бесѣду и проводилъ
ихъ при этомъ на вокзалъ, то былъ

* Въ виду значительныхъ этнографическихъ, бытовыхъ и даже административно - полі-
тическихъ особенностей жизни русского населения Западной Галиции или т. нын. Лемков-
щины, также и сѣдѣнія о тяжелыхъ переживаниихъ послѣднаго подъ австрійскимъ терроромъ
изъ началь всемирной войны выдѣлены здѣсь нами въ особую группу. Примѣченіе редакціи.

тутъ-же уже настоящимъ образомъ арестованъ жандармъ и отведенъ въ тюрьму при окружномъ судѣ. Это произошло 1 августа и явилось первымъ "случаемъ военно-тюремной "мобилизации" въ горлицкомъ уѣздѣ.

Между тѣмъ, по городу стали распространяться все болѣе вадорные и сенсаціонные слухи, имѣвшіе, очевидно, цѣлью подготовить и настроить соответствующимъ образомъ мирное до гѣлъ порь общественное мнѣніе къ предстоящимъ арестамъ "русофиловъ". И такъ, кромѣ нѣлькой исторіи съ бомбами въ бургѣ, было одновременно распущенъ ложный слухъ, что въ сосдѣйствіи грибовскому уѣздѣ были пойманы "русофилы" о. В. Курillo изъ Флоринки (б. предсѣдатель той же горлицкой "Р. бурс") и о. Г. Гнатицкая изъ Крѣпницы въ минуту, когда пытались взорвать жел.-дорожный мостъ въ Мышинѣ, за что и были тутъ-же разстрѣляны на мѣстѣ. А въ тѣ же времена въ горлицкѣ старое поступило столь-же неѣврѣское донесеніе, будто о. Курillo прѣѣхалъ въ Горлицы и остановился въ постояломъ дворѣ Баглы, въ виду чего сечасъ-же ночью были наряжены туда за нимъ два жандарма, которые, однако, не нашли его тамъ, но той простой причинѣ, что онъ въ это время какъ-разъ находился по семейнымъ дѣламъ во Львовѣ.

Затѣмъ начались уже полнымъ ходомъ поголовные, массовые аресты, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ уѣздѣ. И такъ: 3 августа были арестованы въ городѣ помощникъ присяженаго повереннаго д-ръ Р. Дим. Собинъ, бухгалтеръ "Лемковской кассы" и секретарь "Р. бурс" О. Слюваръ и студентъ ю. В. Курillo.

На слѣдующій день, 4 августа, при-

вели въ тюрьму двухъ бурсковыхъ-гимназистовъ Ал. Телека и Ник. Гали изъ с. Лосы, причемъ у нихъ при арестѣ забрали нѣсколько учебниковъ и табакъ. Затѣмъ изъ уѣзда того-же числа были приведены дальше: о. Феодосій Дуркотъ изъ Жданіи, православный священникъ о. Максимъ Сандовичъ и его отецъ Тимофей, крестьянинъ изъ Жданіи же, и студенты Иванъ Яблоновскій изъ Смереконіи и Иванъ Вислоцкій изъ Гладницhev. Тогда-же были арестованы въ городѣ старикъ-почтмейстеръ Балсса и студентъ Д. И. Каузоръ, остановившійся здѣсь проѣздомъ изъ Львова въ свою родную деревню Bodaki.

6 августа были арестованы и доставлены въ Горлицы: служащий "Лемковской кассы" и волостной писарь Симеонъ Крылецкій и воятъ Петръ Корба изъ Лѣщинъ, бурск.-гимназистъ Ал. Дудка и Иванъ Лябовскій изъ Бѣлинки, окончивший гимназію Феодосій Яблоновскій (брать студентъ) изъ Смереконіи (у котораго забрали сочиненія Гоголя и нѣсколько номеровъ "Нов. Времени") и крестьяне К. Дукановичъ изъ Бортнаго и О. Журавль изъ Баницы въ Волонца. Тогда-же былъ арестованъ здѣсь также по недоразумѣнію, всѣдѣстѣ струсившій удостовѣреніемъ, одинъ полякъ, преподаватель коммерч. училища въ Тарновѣ Йосифъ Коцьстинскій, который, однако, черезъ нѣсколько часовъ, по поручительству, былъ отпущенъ.

8 августа были арестованы Юма Нецко, крестьянинъ изъ Бортнаго, и народный учитель Титъ Богачикъ, котораго арестовали въ м. Бѣчѣ и держали въ тюрьмѣ изъ Ільї.

10 августа утромъ привели въ тюрьму окончившаго юридическій факультетъ Андрея Карела изъ Лосы.

12 августа была арестована въ Жданіи жена о. Максима Сандовича — Пелагея Ивановна, которую, однако, почему-то не перевезли въ Горлицы, а интернировали пока въ домѣ вояты изъ с. Ражененикѣ въ Бѣчѣ, где ее продержали 9 дней. Тогда-же были арестованы Михаилъ Собинъ, содергатель трактира въ Бортнаго, и крест. Вас. Куликъ изъ Русской Ропицѣ.

13 августа была арестована гимназистъ Федоръ Войтовичъ изъ Русского Устья, веселый и бойкий юноша, который своими острумыми шутками и пѣніемъ развлекалъ и ободрялъ всѣхъ узниковъ и котораго черезъ нѣкоторо рое время, безчеловѣчно закованнаго въ кандалы, забрали въ Новый Санть къ воинскому набору, а затѣмъ зачислили въ армию. Того-же числа были арестованы Федоръ и Косма Горбали изъ Бортнаго (оба впослѣдствіи умерли въ Талергофѣ).

20 августа былъ арестованъ Петръ Коцьстинъ изъ Русской Ропицѣ.

21 августа: о. И. Сандовичъ была переведена изъ Ражененика въ горлицкую тюрьму, где ее сначала помѣстили въ нижнемъ этажѣ вмѣстѣ съ цыганками, а затѣмъ перевели въ маленькую, грязную каморку въ 1 этажѣ.

22 августа былъ приведенъ въ тюрьму Федоръ Баголь изъ Маластова и рядъ другихъ крестьянъ.

27 августа привели Юрия Дзямбу изъ Луга въ Жданіи и Андрея Васичка и Андрея Лукачика изъ Смереконія.

29 августа привели Якова Вислоцкаго (отца студента) и Михаила Сиротки изъ Гладницев.

30 августа, находившійся въ тюрьмѣ уже около 4-хъ недѣль, студентъ ю. В. Курillo, въ наказаніе за то, что въ письмѣ къ брату выразился неодоб-

рительнѣо тюремной піцѣ, былъ переведенъ въ сырью, темную и грязную камеру въ нижнемъ этажѣ, где сидѣло уже около 30 человѣкъ, главнымъ образомъ, уголовникъ преступниковъ, а также нѣсколько русскихъ крестьянъ, такъ что нѣгдѣ было даже повернуться. Кроме того, ужасная духота въ вонь отъ человѣческихъ испарений, табачного дыма и неизмѣнного и всегда открытаго отхожаго судна дѣлали пребываніе въ этой каморѣ просто невыносимымъ. Стали впопалку, на гнилой столъ, кипящими блоками и вишами. Тутъ ю. В. Курillo просидѣлъ три дня, послѣ чего былъ опять переведенъ въ прежнюю каморку въ 1 этажѣ.

3 сентября были приведены въ тюрьму окончившій гимназію бурскій Симеонъ Пильжъ и воятъ изъ Валенянаго въ Мацины Вел. Василий Бубнякъ. Тогда-же были захвачены бѣлявшие изъ Вост. Галичинъ два "украинскихъ" священника съ семьями, которые, конечно, сильно негодовали ни случившееся съ ними недоразумѣніе, говоря, что они вѣдь не какіе-нибудь "московифы", а "цириле украинцы". Того-же дня привезли жандармы закованнаго въ кандалы волостного писара изъ Лин. Ивана Пелеша, который при доѣростѣ смѣло заявлялъ, что онъ русскій и православный.

5 сентября былъ приведенъ 77-їтній старикъ Матвій Пупура изъ Вел. Мацины. Того-же числа пополудни привезли въ Горлицы изъ Вальцибурга особымъ отрядомъ нѣмецкихъ жандармовъ изъ 60 человѣкъ, предварительно для карательныхъ экспедицій въ уѣздѣ.

6 сентября, въ 6 часовъ утра, быть произвольно, безъ всякихъ суда и сѣдѣстѣ, по единоличному распоряженію какаго-то ротмистра Дитриха изъ Лин-

ца, разстрѣльянъ на площади передъ зданиемъ суда, на глазахъ смотрѣвшихъ изъ оконъ тюрьмы его отца и жены, а также другихъ русскихъ узниковъ, пра-
вославный священникъ изъ Жданы
о. Максимъ Сандовичъ.*)

Того же числа былъ арестованъ въ Виноградѣ отставной нар. учитель изъ Жданы Симеонъ Успѣкъ, который былъ препровожденъ сначала изъ Ясля, затѣмъ въ Валковъ, а оттуда уже пра-
мо высланъ въ Талергофъ.

7 сентября привезъ въ горлицкую тюрьму Емиліана Грину, народного учителя изъ Чорнаго.

12 сентября были приведены крест. Фелдор Гриня изъ Малашова (отецъ учителя), у которого осталось дома безъ всякаго пригорѣ трое маленькихъ дѣтей (самъ онъ впослѣдствіи умеръ отъ тифа въ Талергофѣ), затѣмъ гимназистъ Дюнисъ Потоцій, нар. учитель Алексъ Вислоцій и крестьяне Николай Сандо-
вичъ (братья о. Максима), Дмитрій и Кондратъ Слики и Федоръ Шевчукъ — всѣ изъ Жданы, Василий Бубнякъ, Конст. Бодакъ, Иванъ Ванда, Петръ Тылявскій, Юрій Драганъ, Конст. Ко-
щуръ и Андрей Пильжъ — всѣ изъ Раздѣлья въ Вел. Мацины, Даніло Прокопчакъ, Михаилъ Пильжъ, Алексѣй Ти-
мощъ, Федоръ Пристапть, Иванъ Бодакъ и Дмитрій Бубнякъ — всѣ изъ Вапени-
наго въ Вел. Мацины, нар. учитель Иванъ Богачикъ изъ Боргаго (три сына ко-
тораго служили въ австр. арміи), а ве-
черомъ, наконецъ, гимназистъ Николай Юровскій изъ Радоцины.**)

* О разстрѣльянѣ о. Максима Сандовича см. ниже особое сообщеніе. *Примѣч. редакціи.*

**) Этотъ послѣдній пріѣхалъ изъ Горлицы изъ воинскому набору, но былъ признанъ не-
пригоднымъ изъ строевой службѣ, причемъ ему, однакъ, было сдѣлано предложеніе поступить

13 сентября вечеромъ привезли предѣдателя горлицкой "Р. бурсы" о. Владимира Калужняцкаго и трехъ крестильщиковъ изъ Бортнаго, а также о. Степана Волянскаго, Семена Сталчака и пѣсколько другихъ крестильщиковъ изъ Сме-
рековца.

Наконецъ, 14 сентября были при-
ведены о. Григорія Калиновичъ, кре-
стильщикъ Асанійскій Андрійчукъ и Андрей Цѣліанъ и дрѣж женщины изъ Русскаго Устья (послѣдній, впрочемъ, былъ тотъ-
же что отпущенъ судебными слѣдо-
вателемъ Кальчинскимъ домой), Максимъ Карпякъ, Василий Базилевичъ, Дмитрій Іосифъ Демчакъ, Григорій Денко, Кондратъ Комякъ и Павелъ Барна изъ Климковъ. А. Крайникъ изъ Шквирицкаго, студентъ краковской академіи художествъ Михаилъ Федорко изъ Гладышевъ, и, наконецъ, 30 кре-
стильщиковъ изъ Лося, а именно: Іосафатъ и Василий Кропа, Степанъ Палникъ, Григорій Парничукъ, Григорій Шлянта, Іакимъ и Григорій Дудры, Александръ и Михаилъ Тедеки, Павель Кацель, Иванъ Фекула, Григорій, Николай и Иванъ Смолиники, Иванъ Новакъ, Федоръ Малецидъ, Иванъ, Григорій и Михаилъ Гали, Михаилъ Дудникъ, Павель и Николай Горники, Григорій Трембачъ, Симеонъ Дудка, Иванъ Олешневичъ, Иванъ Палюхъ, Иванъ Кондратинъ, Данилъ Хома, Николай Енусякъ и цы-
гантъ Якобъ Синакъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что перечисленныхъ выше крестьянъ изъ Лося жандармы не арестовали по домашнѣ и не производили у нихъ никакого обыс-
ка.

Слѣдуетъ замѣтить, что перечисленныхъ выше крестьянъ изъ Лося жандармы не арестовали по домашнѣ и не производили у нихъ никакого обыс-
ка.

къ, а просто, для большаго удобства, привозили всѣхъ будто бы на какое-то совѣщаніе въ волостную канце-
лію, откуда ихъ прямо посадили на подводы и отвезли въ тюрьму.

Вотъ всѣ важнѣшія данныя, какъ удалось установить и прообрѣти относительно произведенныхъ австрій-
скими властями въ началѣ войны арес-
това русскихъ людей въ горлицкомъ уѣзде.

Какъ видимъ, хватали всѣхъ безъ разбора: изъ первыи очередь, конечно, поголовно всѣхъ интеллигентъ — свя-
щенниковъ, чиновниковъ, учителей, адвокатовъ, студентовъ, даже молоден-
чихъ гимназистовъ, затѣмъ болѣе соз-
нательныхъ и дѣятельныхъ крестьянъ,
не исключая волостныхъ старшинъ (войтовъ), писарей и дьяковъ, а даже
женщинъ и дѣтей.

Гламінѣшъ нагонщики на-
вѣтихъ аполончиныхъ "руссофиловъ",
кромѣ старости Митшки, явились жандар-
ми (большей частью — русскаго же
 происхождения) Когутъ, Грицакъ, Нез-
года, Гергелевичъ, Свободянь и дру-
гие, а усердно помогали имъ въ этой
Капіонової работѣ, посредствомъ самыx
нелѣпыхъ и лживыхъ доносовъ и бѣ-
зпеної травы, пѣкоторыя русскіе же
отспеченицы "украинскаго" толка, какъ-
то: народные учителя Кобаній изъ Гла-
дышевъ и Переима изъ Русской Ропи-
цы, священники Менцибѣкъ изъ Ма-
ластова, Подоляшевскій изъ Гладышева,
Заяцъ изъ Вел. Мацины, Гонда изъ
Боднарки и другие. Кроме того, всѣма
устроствовали въ этомъ отношеніи так-
же и іѣкоторые евреи.

Въ тюрьмѣ обращались съ аресто-
ванными всѣма плохо, иногда даже
уже, чѣмъ съ подследственными цы-
ганами или другими уголовными пре-

ступниками, хотя, впрочемъ, самъ тю-
ремный надзиратель, старикъ Ножин-
ский, и вѣръ себѣ лично въ общемъ до-
вольно вѣжливо и гуманно.

Крайне браждебно и грубо отно-
сились къ арестованнымъ русскимъ,
имѣющіе ихъ въ своемъ вѣдѣніи, со-
вѣтникъ суда Кальчинскій и тюремный
врачъ д-ръ Пржесмыцкій, которые,
кстати сказать, являлись вообще глав-
ными руководителями провинциальной
польской политики въ уѣздахъ.

Кормили въ тюрьмѣ скверно. Вода-
ной супъ былъ обыкновенно заправленъ
разными насѣкомыми или волосами.
Мяса давали всего одинъ разъ въ не-
дѣлю. Всікакъ же жалобы на харчъ вы-
зываютъ только дисциплинарныя нака-
занія, какъ отмѣчено выше уже отно-
сительно є. В. Курила или какъ слу-
чилось съ однимъ подследственнымъ
циганомъ изъ Морави, который за по-
добную жалобу былъ на недѣлю зако-
ванъ въ кандалы.

Спали на твердыхъ сѣнникѣхъ
изъ древесныхъ стружекъ или гнилой
соломы, въ которыхъ книжки всевоз-
можныхъ паразитовъ. Свѣта по вечерамъ
не полагалось вовсе. Вода подавалась
три раза въ день — волоча, съ гряз-
ными садками. Курить было совершен-
но запрещено.

Въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ
прожили арестованные русские страдаль-
цы въ горлицкой тюрьмѣ до 14 сентя-
бря, когда ихъ оттуда, въ виду доста-
точно обнажившагося уже неустойчи-
вости австрійскаго фронта, вывезли
далѣше на западъ. Уже наканунѣ,
13 сентября, приказалъ имъ совѣтникъ
Кальчинскій собираться въ дорогу, при-
чемъ всѣхъ интеллигентовъ перевезъ
въ одну большую камеру въ партерѣ.
Но они тронулись въ путь только 14 сен-

тибя ветромъ, причемъ до вокзала пропожада ихъ ст дикими ругательствами и угрозами огромная толпа мѣстныхъ полковъ и евреевъ. На вокзалѣ погрузили всѣхъ въ товарные, грязные вагоны изъ подъ лошадей, только одну П. И. Сандовичъ, которая отказалась воспользоваться предложенной ей сов.

О. М. Т. Сандовичъ.

Кальчинскимъ послѣ убийства ея мужа свободой и предпочла постѣдовать за его земляками и родными въ ссылку, помѣстили особо, вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ мужа, въ классномъ вагонѣ III класса.

Весь транспортъ былъ направленъ въ Талергофъ, только нѣсколько чело-

вѣкъ почему-то были отдѣльно отвезены жандармами передъ военный судъ въ Краковъ.

Черезъ 2 дня, 16 сентября, былъ составленъ изъ оставшихся еще въ горлицкой тюрьмѣ и новы арестованыхъ лицъ второй транспортъ въ 120 человѣкъ, который того же дня тоже былъ отправленъ въ Талергофъ.

Въ горлицкомъ уѣздѣ былъ арестованъ также заслуженный русскій дѣятель и организаторъ о. **Михаилъ Юриановичъ** изъ Чорнаго, который затѣмъ былъ даже поставленъ передъ военный судъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, однако, къ сожалѣнію, бѣдѣ подобныхъ свѣдѣній объ этомъ редакціи до сихъ поръ получено не было.

Разстрѣлъ о. М. Т. Сандовича.*).

Всѣмъ намъ хорошо памятенъ ана- менателный, бывшій наканунѣ войны, политический процессъ С. Ю. Бендасюка и товарищѣ, одинимъ изъ подсудимыхъ котораго являлся православный священникъ изъ с. Жданы, горлицкаго уѣзда, о. **Максимъ Тимофеевичъ Сандо вичъ**. Какъ известно, послѣ окончанія процесса и единодушного оправдательного приговора со стороны присяжныхъ судей, создалось все-таки въ правительственный кругахъ такое обостренное отношеніе къ участникамъ процесса, что стало ясно, что послѣднимъ, не только самимъ подсудимымъ, но также и защитникамъ и свидѣтельмъ дѣла, не остается ничего другого, какъ толькъ спасаться отъ новыхъ администра- тивныхъ преслѣдований немедленнымъ

* Составлено на основании записокъ Ф. В. О. Курниловъ изъ Форварки и другихъ источниковъ.

бѣгствомъ въ дослѣдности австрій- скіхъ жандармовъ. Большинство изъ нихъ такъ и слѣжало и, воспользовавшись первой растерянностью австр. власти послѣ процесса, уѣхало кто въ Швейцарію, а кто въ Россію.

Не догадался сѣдѣть этого, однако, повидимому - слишкомъ довѣрившись оправдательной силѣ судебнаго приговора, о. М. Т. Сандовичъ, проси- дѣвшій въ подследственной тюрьмѣ 2½ года и поспѣшившій затѣмъ послѣднѣе вернуться въ родную деревню, къ своей любимой семье и пастырь, гдѣ и захватила его вскорѣ объявленная въ юль 1914 г. военная мобилизациѣ и послѣдовавшая всѣдѣль на нее страшная волна австрійского насилия и тер- рора, причемъ ему самому пришлось пастъ одной изъ первыхъ жертвъ этой чудо- вищной, кровавой волны..

4 августа 1914 г. арестованы не только его, но и его отца, крестьянина изъ Жданинъ, и помѣстили ихъ въ тюрьму уѣзднаго суда въ Горлицахъ. Не прошло недѣли, какъ арестованы еще братъ и супруга о. Максима, Пелагея Ивановна, но послѣднюю отправили не въ Горлицы, а въ с. Ржененики возлѣ Бѣль, где ее помѣстили въ домъ мѣстнаго волти и только по истеченіи 9 дней, 21 августа, перевели тоже въ горлицкую тюрьму.

Самъ о. Максимъ просидѣлъ въ тюрьмѣ безъ слѣдствія и допроса до 6 сентября, когда вдругъ, въ 5 часовъ утра, вошелъ въ его камеру гремѣнныи надзиратель Ножинскій и вѣдѣль ему тогдѣже собираться въ дорогу, а самъ между тѣмъ вывелъ изъ камеры жену и отца о. Максима якобы „на прогулку“, на самомъ же дѣлѣ отвелъ ихъ въ камеру, выходящую окна- ми на площадь, и, заперевъ ихъ тамъ обоихъ, оставилъ однихъ.

Тѣмъ временемъ передъ камерой о. Максима стали собираться представители мѣстной власти, а именно ротмистръ Дитрихъ изъ Линца, совѣтникъ суда Кальчинскаго, 4 жандарма и 2 сол- дата съ вахмистромъ, послѣ чего, въ 6 ч. утра, въ камеру опять вошелъ надзиратель Ножинскій и вѣдѣль о. Максиму слѣдовать за собою, но, когда тотъ хотѣлъ взять съ собой и свои вещи, приказалъ оставить послѣднія на мѣстѣ. Затѣмъ, согласно сообщенію си- дѣвшаго въ то время тоже въ тюрьмѣ гимназиста Ал. Телека, о. Максиму связали сзади руки и завязали глаза по- лотенцемъ, послѣ чего двое солдатъ взяли его подъ руки, вывели на пло- щадь передъ тюрьмой и поставили подъ каменной стѣнѣ. Напротивъ его стали на расстояніе 4 шаговъ два жандарма съ заряженными ружьями, а въ сторо- нѣ ротмистра Дитриха и начальника патруля Wachkommandant, вокругъ же на площади собралась большая толпа зрителей. Такъ какъ комендантъ показалось, что о. Максимъ, поклонившись немецкому вѣдѣлю, падаетъ, опѣ крикнулъ на него: „Стой!“ О. Максимъ, зналъ уже, что будетъ разстрѣленъ, вы- прямился и сказалъ отчетливо: „Госпо- ди, благослови!“ Раздалась команда — и двѣ пули прошили грудь о. Макси- ма. Однако, онъ не упалъ, а только покачнулся на стѣну. Ослабѣвшимъ уже голосомъ онъ произнесъ: „Да живеть русскій народъ и святотъ православіе!“ Тогда подошелъ къ нему начальникъ патруля, вынулъ револьверъ и выстрѣлилъ въ него въ упоръ — въ голову. О. Максимъ упалъ. Тѣло взяли солдаты на простыни и унесли. А въ зданіи су- да уже былъ приготовленъ обыкновен-

ный гробъ изъ досокъ. Въ стѣнахъ зданий остались отъ выстрѣловъ дѣлъ глубокія дыры, а въ нихъ виднѣлись пятна крови.

Въ нѣкоторыхъ подробностяхъ иначе представляетъ моментъ смерти о. Максима другой очевидецъ, гимназистъ К. Л. Ванько, находившися среди зрителей: «Я приѣхалъ — говорилъ онъ — въ Городицкъ, чтобы передать деньги въ управлѣніе тюремъ для моего арестованного отца. Нѣзакрѣплене 6 сентября, въ 7 ч. утра, мнѣ бросилось въ глаза необыкновенное движеніе на улицахъ. Около суда и находящейся вблизи него тюрьмы собралась громадная толпа народа, которая чего-то ожидала. Кроме мужчинъ, были тоже женщины и подростки, пѣсъ очень взволнованіе. Я прислушалась къ разговорамъ и, когда моему величайшему удивленію и ужасу, узналъ, что сейчасъ будуть казнить «московскаго попа же Жданова». У меня скакало сердце отъ боли, но я рѣшилъ оставаться, чтобы быть свидѣтелемъ мученической смерти о. Максима. Передъ зданиемъ суда стояла группа чиновниковъ и жандармовъ. Послѣдніе нѣкоторыми минутами позади моего ожиданія, которое показалось мнѣ вѣчностью, вывели о. Максима изъ тюрьмы. Онъ шелъ съ достоинствомъ и мученическую смерть. Одѣтъ былъ въ рясу, только наперстникъ крестъ съ него сняли. Поставили его возлѣ стѣны и уѣздной начальника Митика прочиталъ приговоръ, изъ котораго я запомнилъ только одно, что казнь проискойти не по приговору суда, а по приказу военныхъ властей. Послѣ прочтѣнія этого своеобразного приговора одѣли изъ жандармовъ подошли къ о. Максиму, чтобы связать ему руки, но о. Максимъ просилъ не дѣлать этого. Тогда жандармъ закрылъ ему глаза и

сдѣлалъ мѣлкомъ блѣдныи знакъ на груди. На разстояніи нѣсколькоихъ метровъ отъ о. Максима стала жандармъ изъ триполскихъ стрѣлковъ. Команда: разь, два, три! Раздались выстрѣлы. О. Максимъ задрожалъ и, собравъ послѣднія силы, слабымъ голосомъ произнесъ: «Да живетъ русскій народъ и святое пра-вославіе!» Голова склонилась на грудь, всѣмъ тѣломъ сперся онъ съ стѣну и черезъ мгновеніе упалъ на землю. Изъ тюрьмы послышалась неистовыи, оглушительныи крикъ и раздирающии сердце рыданія. Это жена о. Максима, Пелагея Ивановна, видѣвшая изъ окна тюрьмы казнь мужа, упала безъ чувствъ и стѣны тюрьмы опалились волниами несчастной женщины. Слышно было еще чѣ-го-риданье. Всѣ обратили вниманіе также на рослую фигуру сѣдобродораго старца въ другомъ тюремномъ окнѣ за рѣшеткой. Это былъ отецъ казненнаго, Тимофѣй Лукичъ Сандовичъ, находившися тоже въ тюрьмѣ и бывшій свидѣтелемъ мученической смерти своего сына. Междѣ тѣмъ, всѣ чиновники, жандармы и нѣкоторыи лица изъ толпы подошли къ упавшему. У меня не хватило силъ подойти и посмотрѣть, я хотѣлъ лишь поскорѣе бѣжать отъ этой страшной сцены. Вдругъ сквозь раздалъся выстрѣлъ. Это жандармъ еще разъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ лежащаго уже на землѣ о. Максима, приложивъ дуло вилотную къ его головѣ. Послѣ казни и узналъ достовѣрно отъ одного чиновника, что о. Максимъ казнены безъ суда. Ночью съ 5-го на 6 сентября, въ 11 часовъ ночи, припѣль призвали изъ краковской корупсной кампанды (?) разстрѣлять его, о чёмъ ему сбѣлась же и объявили. Опять просили разрѣшить ему написать письмо къ женѣ, которая находилась въ той-же тюрьмѣ,

въ соѣднѣй камерѣ. Разрѣшили. Но, когда онъ попросилъ разрѣшить ему лично проститься съ женой и отцомъ, то въ этомъ ему отказали». (Прик. Русь⁴, 1914 г., № 1499).

Оѣтъ уѣздомъ лініи о. Максима объ ожидавшей его казни ничего не упоминаетъ ни о. Курillo, ни тюремный надзиратель Ножинскій, рассказывавший потомъ узникамъ о подробностяхъ разстрѣла.

Раздавшееся выстрѣлы заставили нѣкоторыхъ узниковъ подойти къ окнамъ.

«Od okien, bo ka dy bedzia zastrzelony! —крикнулъ жандармъ. Только, когда убрали тѣло покойника, раздались новыи вычумы окринъ: „Przozie sie na wiec (I), nie bedziemy strzelac, chescemu tylko wugrok oglosic!“ Сразу вѣйкорѣе, а послѣ всѣ узники явились у оконъ, а начальникъ патруля, въ категѣ первоводчика, объявилъ имъ „приговоръ“, вынесенный ротмистромъ Дитрихомъ: „Rat rotniztr za dal wydanie MakSYMowicza (wybitno Sandowicha) i ten zosta  zastrzelony na jego odpowiedzialnosci (I) Je liby kto cos podobnego zrobil, co on, to bedzia zastrzelony.“ Что о. Максимъ былъ действительно разстрѣлянъ по произволному и единовѣрческому распоряженію ротмистра Дитриха, подтвердила также и надзиратель Ножинскій отцу убитаго, ска-

завъ ему съ волненiemъ послѣ казни: «Это все сдѣлалъ этотъ офицеръ; онъ такои, что на жизнѣ и на смерти...»

Понятно, что такая произвольная расправа произвѣла на болѣе впечатлительныхъ узниковъ указанное впечатлѣніе. Нѣкоторые просто изнемогли отъ нерв资料а разстрѣла, такъ что всѣи спахъ или порохъ вызывали у нихъ страхъ и дрожь; нѣкоторые не могли спать сколько ночей подрядъ спать или срывались почною съ постели, чтобы бѣжать.

Мѣсто экзекуціи долго еще привлекало праднѣе любопытство городской толпы, которая съ авторитетными замѣчаніями и улыбками разсмотривала слѣды отъ пуль и пятна крови на стѣнѣ или слушала рассказы и шутки очевидцевъ событія.

Нѣсколько дней спустя совѣтникъ Кальчинскій призвалъ къ себѣ въ канцелярію П. И. Сандовичъ и предложилъ отпустить ее на свободу, однако, изстраивавшаяся и измученная женщина предпочла оставаться въ тюрьмѣ съ родными мужемъ, чѣмъ подвергаться новымъ опасностямъ и гонениямъ на австро-італьянской «свободѣ», въ виду чего внослѣдствіи, 14 сентября, и была отправлена вѣѣть съ отцомъ и братомъ мужа, въ составѣ первого городицкаго транспорта, въ Таргоффъ.

Грибовскій уѣздъ.

(Изъ записокъ о. Василия Ф. Курillo).

Кажется, ни въ одномъ уѣздѣ Галичины не имѣла погибшія Австро-італьянскіе авансы и незванныхъ доносчиковъ и провокаторовъ, какъ въ этомъ уѣздѣ. Отъ нихъ такъ и кипѣло адѣль походу — и въ средѣ разныхъ дерев-

енскіхъ чиновъ и приспѣшниковъ, и среди народнаго, большей частью принадлежащаго Вост. Галичинѣ, учительства, и даже, къ сожалѣнію, среди самого духовенства. И хотя уѣздная власти, относившіяся до тѣхъ поръ къ мѣст-

ныть русскимъ дѣятельямъ въ общемъ довольно корректно, причемъ съѣѣкторы изъ нихъ отдѣльные чиновники даже лично были хорошо знакомы, и не удѣляли сначала всѣмъ этимъ, посыпавшимъ послѣ объявленія войны, многочисленнѣмъ доносамъ надлежащаго вниманія, а даже въ изѣкоторыхъ случаѣхъ реагировали на нихъ выскакившими съ самихъ же изъ вдохновителей авторомъ, — то со временемъ, когда вся власть естественно перешла въ руки военнаго команда, послѣдній и называлъ тѣмъ усилившіе свою нечестивое дѣяніе и явились причиной многихъ и тяжелыхъ страданій и кровавыхъ жертвъ среди мѣстного русскаго населения.

Какъ уже было разказано выше, въ описанныхъ событияхъ, произошедшихъ въ горицкимъ уѣздѣ, еще 31 июля были въ Горицкѣхъ, чьи я были извѣстны, какъ бывшій предсѣдатель „Р. буромъ“ и одинъ изъ мѣстныхъ народныхъ дѣятелей вообще, распущенны кѣмъ-то ложные слухи объ мѣтѣ, — то послѣдовавшемъ будто бы моемъ и о. Гнатющака изъ Крѣпости арестѣ и разстрѣлѣ, за то, что мы, будто бы передѣльте евреевъ, пытались взорвать желѣзно-дорожный мостъ въ Мушинѣ, то счѣти, что я тайкомъ приѣхалъ на агитацию въ Горицк, въ виду чего меня въ ту же ночь даже разыскивали жандармы въ постоломъ дворѣ Былыхъ и другихъ мѣстахъ, но все это, конечно, являлось просто неѣтѣмъ и злобнымъ вадоромъ, такъ какъ я какъ-разъ въ это время отвѣзъ дочь Александру для поступленія, въ качествѣ сестры милосердія, въ Красный Крестъ во Львовъ, такъ что ни въ какіе подобные конфликты съ властями входить, очевидно, пока не могъ. Былъ арестованъ только въ Гор-

лицѣ 3 августа мой сынъ — студентъ Еофиль, о чѣмъ мы узнали, впрочемъ, только изъ его открытки 2 недѣли спустя.

У меня дома, съ с. Флоринкѣ, явились жандармы только въ концѣ августа, причемъ на этотъ разъ ограничились только обискомъ и составленіемъ протокола. Спрашивали тоже о моей дочери Владимира, учительницѣ изъ с. Лоси, но ея не оказывалось дома, такъ что жандармы ушли ни съ чѣмъ.

Затѣмъ, 31 августа, приѣхалъ въ нашу деревню, ст. 6 жандармами, новоизначенный военный комиссаръ при грибовскомъ старостѣ г. Инесѣ, съ цѣлью разслѣданія вопроса объ авторѣ и достоинствѣ подданного въ военную команду въ Новый Санчъ анонимнаго доноса о томъ, что я, о. Качмарчикъ изъ Бѣлцаревой, о. П. Сандовичъ изъ Брунара и о. Вл. Мохнатцкій изъ Чирной, а также цѣлыи рядъ крестьянъ. Ранѣе еще, 5 сентября, прибыли во Флоринку, для производства слѣдствія и наблюденія, 23 жандарма, а въ Снѣтницу даже 60, причемъ они оставались адѣль до 9 сентябрь.

Мой арестъ произошелъ слѣдующимъ образомъ: 11 сентября, въ 3 часа дна, явился ко мнѣ поліцейскій комиссаръ изъ Львова Кручекъ съ агентомъ и жандармомъ и, послѣ производства безрезультатнаго обiska въ домѣ и въ церкви, заявилъ мнѣ, что для объясненія по поводу какого-то письма старосты просить меня явиться къ нему сейчасъ же лично. Поговоривъ этому сообщенію, я выбѣралъ въ путь налегкѣ, не взявъ ничего изъ давно уже приготовленнаго въ случай ареста вещей, разсчитывая, что дѣйствительно, послѣ объясненія со старостой, возвращусь домой. Между тѣмъ, въ Грибовѣ комиссаръ отвѣзъ меня не въ старство, а прімо въ тюрьму, где и сдалъ меня надзирателю, извѣняясь, что дома нельзя мнѣ было этого сказать.

Въ тюрьмѣ засталъ я уже о. Ф. Качмарчика и его сына, помощника нотариуса, Любомира Еофиловича, который находился подъ арестомъ уже 2 недѣли. Отъ послѣднаго я узналъ, что вмѣстѣ съ нимъ находились тутъ въ тюрьмѣ также о. Дмитрій Хилікъ изъ Изѣб и гимназистъ Михаилъ Максимчакъ изъ Флоринки, но затѣмъ ихъ, закованныхъ въ кандалы, вывезли въ Краковъ.

Въ уѣздѣ, въ первую же голову — тѣхъ именно лицъ, на которыхъ указывалъ онъ въ своемъ доносе.

И такъ, того же 10 сентября былъ арестованъ о. Еофиль Качмарчикъ изъ Бѣлцаревой, 11-го — я 14-го — о. Петръ Сандовичъ изъ Брунара и о. Владимиру Мохнатцкому изъ Чирной, а также цѣлыи рядъ крестьянъ. Ранѣе еще, 5 сентября, прибыли во Флоринку, для производства слѣдствія и наблюденія, 23 жандарма, а въ Снѣтницу даже 60, причемъ они оставались адѣль до 9 сентябрь.

Мой арестъ произошелъ слѣдующимъ образомъ: 11 сентября, въ 3 часа дна, явился ко мнѣ поліцейскій комиссаръ изъ Львова Кручекъ съ агентомъ и жандармомъ и, послѣ производства безрезультатнаго обiska въ домѣ и въ церкви, заявилъ мнѣ, что для объясненія по поводу какого-то письма старосты просить меня явиться къ нему сейчасъ же лично. Поговоривъ этому сообщенію, я выбѣралъ въ путь налегкѣ, не взявъ ничего изъ давно уже приготовленнаго въ случай ареста вещей, разсчитывая, что дѣйствительно, послѣ объясненія со старостой, возвращусь домой. Между тѣмъ, въ Грибовѣ комиссаръ отвѣзъ меня не въ старство, а пріомъ въ тюрьму,

гдѣ и сдалъ меня надзирателю, извѣняясь, что дома нельзя мнѣ было этого сказать.

Въ тюрьмѣ засталъ я уже о. Ф. Качмарчика и его сына, помощника нотариуса, Любомира Еофиловича, который находился подъ арестомъ уже 2 недѣли. Отъ послѣднаго я узналъ, что вмѣстѣ съ нимъ находились тутъ въ тюрьмѣ также о. Дмитрій Хилікъ изъ Изѣб и гимназистъ Михаилъ Максимчакъ изъ Флоринки, но затѣмъ ихъ, закованныхъ въ кандалы, вывезли въ Краковъ.

Каждый день въ тюрьму приводили новыхъ арестованныхъ, но ихъ сейчасъ же на слѣдующий день увозили жандармы дальше, только настѣ троихъ (о. Качмарчика съ сыномъ и менѣ) оставляли печемуто на мѣстѣ. Между прочимъ, 14 сентября, какъ уже было упомянуто выше, привезли о. Вл. Мохнатцкаго, о. П. Сандовича и многихъ крестьянъ, причемъ у входа въ тюрьму отняли у нихъ вещи и кѣбѣ, а на другой день повезли ихъ парами на вокзалъ и отправили въ Новыи Сапку.

Но настѣль и напѣтъ чередъ. Въ виду приближенія русскихъ войскъ, которыми, по слухамъ, подходили уже къ Тарнову, въ городе возникла паника и началась спѣшишая эвакуація. Рано утромъ 23 сентября приѣзжалъ къ намъ тюремъ жандармъ и повезъ всѣхъ оставшихся еще въ ней арестованныхъ, всего 20 человѣкъ, на показъ. Тутъ погрузили насъ въ вагонъ III класса и повезли въ Новый Санчъ.

Не дѣважая ст. Каміонка побѣдѣ остановился въ поѣздѣ, такъ какъ сама станція была забита другими поѣздами. Пассажиры, большей частью — бѣженцы, попысились изъ вагоновъ и, съ разрѣшеніемъ жандарма, съ крикомъ и скакомъ обступили напа вагонъ, словно кѣбѣ въ зѣрнѣцѣ. Впрочемъ, сначала они вели себя смироно. Только, когда подошли караулившіе вагонъ тулья солдаты и двинули изъ нихъ, учителя „украинцы“ Шведницъ и Мерени, крикнули: „А, москофили, на крюкъ съ ними!“, — толпа заволновалась и бросилась къ намъ съ такимъ грознымъ видомъ, что напа жандармъ долженъ былъ пригрозить ей ружьемъ. Тѣмъ не менѣе, грубая брань насыпши и даже грудки земли и камни посыпались на насъ со всѣхъ сторонъ и беспокояли

насъ цѣлыхъ 3 часа, пока поѣздъ не тронулся дальше.

Въ Новомъ Санчѣ поѣздъ тоже остановился далеко отъ станціи. Насъ повели пѣшкомъ подъ сильнымъ ки-воемъ жандармовъ и въ сопровождѣніи безчинствующей городской толпы въ окружной судь, гдѣ заперли насъ во дворѣ, такъ какъ въ тюрьмѣ не было уже мѣста. Вечеромъ хотѣли перевести насъ въ жандармскіе управленія на ночь, но мы трое (о. Качмарчикъ съ сыномъ и я) были такъ утомлены и обессилены отъ волненія и голода, что не моглидвигаться дальше, а потому упросили жандармовъ оставить насъ на мѣстѣ. Коенакъ напали на насъ мѣсто въ камерѣ во II этажѣ, куда и помѣстили насъ на ночь, отнявъ предварительно всѣ деньги и вещи, до часовъ и плюнуть включительно. Въ камерѣ застали мы, между прочимъ, о. дра Мастиха изъ Перемышиля, который прѣѣхалъ въ Н. Санчѣ замѣщать отсутствующаго настоятеля прихода, но былъ тотчасъ же, какъ подозрительный, арестованъ, а также катехитъ изъ Тарнополя о. Коренецъ, бѣжавшаго съ цѣлой семьей передъ русскими войсками и задержаннаго на вокзалѣ въ Н. Санчѣ, причемъ семья его осталась безъ всякихъ средствъ на пропитаніе судьбы.

Утромъ повели насъ во дворъ „на прогулку“. Здѣсь мы встрѣтились съ о. Вл. Мокнацкимъ, о. П. Сандовичемъ и другими знакомыми, но говорить съ ними страшно разѣршили. Затѣмъ повели насъ въ канцелярию, гдѣ возвратили намъ отнятые вещи и деньги и велико собирались въ дальнѣйшій путь, причемъ было разѣршено намъ взять на свой счетъ извозчиковъ. Въ сопровождѣніи жандармовъ мы поѣхали на вокзалъ, но по пути жандармы вели

намъ вдругъ сойти съ извозчиковъ и повели насъ пѣшкомъ въ жандармское управление, причемъ наши вещи извозчики увезли съ собою на вокзалъ. Въ управлѣніи мы засѣли напротивъ грибовскихъ соузниковъ, которые проѣхали здѣсь всю ночь въ холодномъ погребѣ, по парно повязанные веревками.

Когда жандармскій комендантъ наѣхъ увидѣлъ, приказавъ пристрои кандалы и сковать меня съ о. Качмарчикомъ за руки вмѣстѣ, остальныхъ же арестованныхъ призвать къ намъ по парно веревками, а въ самомъ концѣ Л. О. Качмарчикъ особо. Дочь коменданта всунула намъ подъ мышку по четверушки хлѣба, послѣ чего насъ повели подъ ругательства и угрозы томы на вокзалъ.

При входѣ на вокзалъ встрѣтила насъ новая толпа криками и камнями, причемъ я тоже получилъ отъ какого-то еврея сильный ударъ камнемъ въ плечо. Всѣхъ дверей мы увидѣли наши вещи, доставленныя сюда извозчиками, но сами мы, о. Качмарчикъ и я, будучи скованы кандалами, не могли ихъ взять, такъ какъ понесли ихъ намъ въ вагонъ наши товарищи по несчастью — владѣльцы лѣсопильни Стависки и цыганъ Бектеровскій.

Но поѣзда для насъ сейчасъ не оказалось, такъ что насъ отвели въ какую-то конюшню, гдѣ мы въ цѣлыхъ простояли на настоѣ, измученные и голодные, до вечера. И опять начались изѣржанія и угрозы, какъ со стороны желѣзодорожниковъ, такъ и солдатъ и офицеровъ, но мы уже къ этому привыкли и относились ко всему равно-душно. Даже напѣлъ комендантъ скотаря, возвратившись изъ города въ пыльномъ состояніи, позвонилъ себѣ угрожать намъ и надѣваться надъ нами.

Поздно вечеромъ повели насъ обратно на вокзалъ и погрузили въ грязные товарные вагоны. На каждой станціи пыньяный комендантъ рекомендовалъ насъ прѣѣхать публикѣ, какъ „измѣнниковъ-москалей“, такъ что изѣржанія и угрозы со стороны послѣдней не было конца. Но, къ счастью, черезъ нѣкоторое время его вѣ-таки сморилъ сонъ и онъ тутъ же на полу завалился спать на подстеленіи нѣсколько солдатскіхъ шинъ.

Въ пути крестьяне сами исподволь посыпали связанный нѣкоторые веревки, послѣ чего уже и съ наѣздахъ были сняты кандалы.

Такъ добѣхали мы до Бѣлой. Здѣсь вели мы находитъ и повели пѣшкомъ черезъ Бѣлъскъ въ окружной судъ, гдѣ оставили въ тюрьмѣ 10 изъ насъ, въ томъ числѣ и меня и о. Качмарчикъ съ сыномъ, освѣльныхъ же 10 крестянъ перевезли на ночь на полицію. Этихъ послѣднихъ, какъ потомъ разѣршилась мой прихожанинъ Юстинъ Бортячъ, поодинокъ призвали ночью въ канцелярию и, подъ угрозой немедленнаго разстрѣла, допрашивали относительно меня и о. Качмарчика, не получали ли мы и не раздавали ли крестьянамъ рублей, чтобъ мы говорили на проповѣдяхъ и т. п. Насъ же, оставшихся въ тюрьмѣ, помѣстили въ канную-то ужасно грязную камеру, но только-что мы успѣли, какъ опять велильи нѣмъ собраться и отвели въ теремную канцелярию, гдѣ жандармъ Бѣцъ (руссікъ по происхожденію) снова наложилъ намъ ручные кандалы и повелъ къ стоявшему на улицѣ автомобилю, причемъ наши вещи наѣхѣли оставить. Когда склонилъ вѣтъ автомобилъ люди спросили его — куда онъ везетъ насъ, онъ только показалъ на шею и под-

нялъ руку вверхъ, будто-бы везетъ наѣсть вѣшнѣ.

Поѣхали мы очень быстро, по 80 килом., въ часъ, и только частые патрули задерживали наѣсть по пути.

Было очень холодно, такъ что я въ легкой одеждѣ чуть не замерз, тѣмъ болѣе, что даже руки, благодаря кандаламъ, нельзя было согрѣть.

Поть утро мы упросили жандарма снять съ наѣзда, такъ какъ мѣдъ вѣдь все-таки никакъ убѣжать не можемъ, но едва онъ это успѣлъ сдѣлать, какъ вдругъ раздался страшный трескъ и грязь, словно отъ орудійного выстрѣла; я почувствовала сильную боль въ вискѣ и потерялъ сознаніе. Когда я очнулся, надо мнѣ стоялъ, наклонившись, жандармъ и изъ всѣ силы трясъ мнѣ, приводя меня такимъ образомъ въ чувство. Оказалось, что напротивъ автомобилъ на полномъ ходу разбился вдребезги и мы вѣдь только чудомъ спаслись отъ смерти. Это случилось въ с. Грушевицѣ возлѣ Лимановъ, 26 сентября. Оставилъ разбитый автомобиль на попеченіе мѣстнаго войта, жандармъ сѣлъ съ нами на прѣѣхавшую подводу и повезъ дальше. По пути встрѣтили мы отрядъ польскихъ легионеровъ, чѣмъ очень наѣзду встрѣчено, такъ какъ они пользовались некоропшой славой, но, къ счастью, все обѣпоилось благополучно.

Въ Лимановѣ наѣзду опять посадили на автомобиль и тѣт-же жандармъ наѣхѣлъ наѣсть въ Новій Санчѣ. Но здѣсь снова произошла задержка, а именно, лопнула шина, такъ что жандармъ отвелъ наѣсть въ тюрьму уже пѣшкомъ. Но тутъ наѣстъ пока не хотѣли принять, въ виду чѣго жандармъ, оставивъ наши вещи въ коридорѣ, повелъ наѣсть въ зданіе суда — прямо въ залу, гдѣ какъ-разъ началься передъ воен-

нымъ трибуналомъ разборъ дѣла о. П. Сандовича и его сына и о. Вл. Мокнацкаго, къ которому теперь присоединили и настѣ троихъ, т. е. о. Ф. Качмарчика, его сына Любомира Щефиловича и меня. *)

Послѣ окончанія судебнаго разбирательства, 27 сентября вечеромъ, настѣ всѣхъ отведѣ обратно въ тюрьму, причемъ о. Качмарчика, его сына и меня помѣстили опять вмѣстѣ, присоединивъ къ намъ еще 8 человѣкъ арестованнѣхъ изъ Ценжковицъ и Бобовой. Здѣсь провели мы нѣсколько томительныхъ дней, такъ какъ мы ничего не знали о приторговѣ и терапевтическихъ только случайными догадками и слухами.

Только 8 октября, когда настѣ перевели въ другую камеру, гдѣ находились уже о. Вл. Мокнацкій, о. Ем. Венгриновичъ, о. Соболевскій, о. Діонісий Мокнацкій и другіе, узнали мы страшную вѣсть о разстрѣлѣ о. Петра Сандовича и его младенческаго сына...

Наконецъ, 6 октября вѣдѣли намъ собираться въ путь и вывезли всѣхъ, кромеъ 4 лицъ, на рынокъ, гдѣ соединились съ нами другая партия арестованнѣхъ изъ полицеекскаго арестотѣля. Затѣмъ погнали настѣ четверками на вокзалъ, куда мы дотащились только на разсѣтѣ. Среди настѣ было тоже нѣсколько женщинъ, въ томъ числѣ дѣвочки о. Ем. Венгриновича и жена о. Соболевскаго. На вокзалѣ сестры изъ Краснаго Креста дали имъ по стакану чаю, мушинъ же не получили ничего.

Утромъ подали пѣздѣть, въ кото ромъ, однако, былъ только одинъ классомъ,

*) О самомъ этомъ процессѣ и страшномъ его результатахъ — разстрѣлѣ о. Петра Сандовича и его сына студента см. дальше особую главу.

сѣній вагонъ III класса, остальные же — грязныя теплушкы, безъ скамеекъ и всякой подстилки, такъ что громадное большинство изъ наш资料 транспорта, насчитывавшаго въ общемъ свыше 250 человѣкъ, должно было размѣщаться гдѣ и какъ попало. Къ тому же хватило изряднаго холода, началь падать сѣть, большинство изъ настѣ не имѣло никакой теплой одежды, такъ что приходилось страдать теперь сутубо, и отъ усталости, и отъ глохноты, и отъ стужи. Въ добавокъ ко всему этому, съ первоѣже станціи начались тяжелыя встрѣчи со стороны враждебной толпы и солдатъ, ругавшихъ настѣ и изѣдавшихся надъ нами на всякихъ лады.

Только со ст. Мишани, гдѣ сѣнилась наша эскортъ, стало немного легче. Тутъ позволили намъ внести иѣзжко скамеекъ, а впослѣдствіи даже жандармы купили для женщины, на ихъ деньги, немецкіе соломы на подстилку. Начали тоже понемногу и кормить настѣ, хотя большей частью только супами и чаемъ, и даже покупали намъ за наши деньги особую пищу.

Вѣдѣли мы черезъ Венгрію, на Корно, Тренчинъ, Прешбургъ. На этой послѣдней станціи чуть не наѣхалъ на настѣ курьерскій пѣздѣтъ, но машинистъ во время двинулъ нашъ пѣздѣтъ назадъ и такимъ образомъ спасъ его отъ неминуемаго крушения.

Изъ другихъ дорожныхъ приключений слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующихъ два характерныхъ эпизода:

Съ нами препровождался въ ссылку также варшавскій раввинъ д-р. Симеонъ Берль. Такъ вѣсть къ нему по пути стали приставать конвоировавшіе настѣ жандармы съ предложеніемъ указать на кого-нибудь изъ нашихъ си-

щенникомъ, какъ на извѣстнаго ему измѣнника и шпионъ, за что обѣщали немедленно отпустить его на свободу. Но честный и въ то-же время хитрый евреи вывернулся изъ этого затруднѣнія такимъ образомъ, что сказалъ: «Изъ этихъ никого не знаю; зналь одного, но его нѣтъ уже въ живыхъ».

Другой случай произошелъ на ст. въ Графѣ. Тутъ продержали настѣ особенно долго, такъ какъ, потому что оказались, какъ-то мѣстные графини, поженевавши посмотрѣть на «измѣнниковъ», а потому до ея прѣѣза изъ города и не отпускали нашего пѣздѣта дальше.

Много волненій и заботы испытывали мы въ дорогѣ по поводу тяжелаго нервнаго разстройства одного изъ нашихъ собратій о. Д. М-го, который уже въ тюрьмѣ все время странно волновался и плакалъ, а въ дорогѣ и со всѣми уже потерялъ всякое самообладаніе, такъ что мы довесили его въ крайніе тяжелѣмъ состоянія на мѣсто.

Наконецъ, 11 октября утромъ привезли настѣ въ Аббисендорфъ, а оттуда уже, подгоняя отборной рутанью и прикладами, погнали пѣшкомъ въ приснопамятное мѣсто нашей заточеніи — страшнѣй Талергофъ.

Сели. Василій Курилло.

Кровавое судилище.

(По запискамъ о. В. є. Курилла).

Въ субботу 26 сентября 1914 г. состоялся въ Новомъ Санктѣ, въ зданіи окружнаго суда, передъ военно-полевымъ судомъ мѣстной экспозитуры краковской военной команды (Expositur des Gerichtes der K. und K. Militärkommandos in Krakau), разборъ комішарнаго дѣла по обвиненію семи мѣстныхъ русскихъ дѣятелей въ государственной измѣнѣ.

Означенный военно-полевой судъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: 1) предсѣдателя майора Виктора Полли, 2) до-кладчика майора аудитора д-ра Мечислава Бѣльскаго, 3) обвинителя оберлейтенанта-аудитора Йосифа Вондрача, 4) письмоводителя лейтенанта Иоанна Душки и 5) защитника оберлейтенанта-аудитора Юлана Фулайта.

Судилище происходило надъ слѣдующими народными дѣятелями Лемковской Руси:

1) о. є. єофиломъ єомичемъ Качмарчикомъ, настоятелемъ прихода въ Бѣльцеврѣ, грибовскаго у., 71 года;

2) его сыномъ Владимиromъ єофиловичемъ, студентомъ университета, 22 лѣтъ;

3) его же сыномъ Любомиромъ єофиловичемъ, помощникомъ настоятеля Снятинъ, 36 лѣтъ.

4) Василіемъ єедоровичемъ Курилломъ, настоятелемъ прихода въ Флоринѣ, грибов. у., 53 лѣтъ.

5) о. Владиміромъ Осиповичемъ Мокнацкимъ, настоятелемъ прихода въ Чирновѣ, грибов. у., 44 лѣтъ;

6) о. Петромъ Васильевичемъ Сандовичемъ, настоятелемъ прихода въ Брунарахѣ, грибов. у., 56 лѣтъ;

и 7) его сыномъ Антономъ Петровичемъ, окончившимъ философскій факультетъ во Львовѣ, 27 лѣтъ.

Утренняя часть разбирательства, до 12 ч. дня, состоялась въ отсутствіи трехъ подсудимыхъ — о. є. є. Качмарчика, Л. є. Качмарчика и о. В. є. Курилла, такъ какъ отправившійся за ними въ Грибовъ жандармъ не успѣлъ доставить ихъ во время на мѣсто суда.

Они были доставлены в судь только в 3 ч. пополудни, послѣ чего и начали только, въ свою очередь, ихъ допросы.

Въ 9 ч. утра предсѣдатель открылъ засѣданіе суда, послѣ чего былъ прочитанъ обвинительный актъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Es stehen hier die Angeklagten, lauter Russophilen, die Mitglieder dieser vertrittenden Partei, durch welche Hunderter und Tausende von unserer Mannschaft in Ost-Galizien zu Grunde gegangen sind. Wie die Geiselnahmen gesessen dieser Angeklagten durch die Agitation zwischen der ruthenischen Bevölkerung in Ost-Galizien Grund und Boden für den Überfall der Russen vorbereitet haben, so haben die Angeklagten dasselbe in west-galischen Bezirken getan. Auf Grund dessen stelle ich den Antrag, diese Kreaturen standrechtlich zu behandeln.“*)

Кромѣ этого общаго и болѣе или менѣе отвлеченнаго обвиненія, вымыслились подсудимыи, въ частности, еще сѣдѣвшій конкретнаго преступленія.

Вѣсьмъ имъ вѣѣтъ вымыслилось въ вину, что они, принадлежа къ „руссофильской“ партіи и составивъ „одинъ общий руссофильскій заговоръ“, возбуждали народъ противъ австрійскихъ властей и „украинской“ партіи, вели усиленную „руссофильскую“ агитацию,

*) Въ переводе: „Тутъ состоялъ подсудимые, одни русофили, члены той измѣннической группы, благодаря которой погибли сотни и тысячи нашихъ сдѣдовъ въ Восточной Галичинѣ. Поэтому тому, какъ единомышленники этихъ подсудимыхъ своей агитацией среди русского населения Вост. Галичинѣ подготоили почву для вторжения со стороны Россіи, также и подсудимо сдѣлали то же самое въ австро-галицкихъ уѣздахъ. Въ силу этого предполагаю поступать съ этими тварями (!) согласно положенію о поленномъ судѣ“.

распространяли „цареславіе и православіе“ и вообще стремились къ отторженію Галичинѣ отъ Австріи и къ соединенію ея съ Россіей, причемъ держали уже даже наготовѣ для встречи „москаль“ русскій флагъ и т. п.

Въ частности, о Качмарчикѣ обвинялся въ томъ, что во время мобилизаций поддавалъ телефономъ (?) какіе-то знаки пролетариатамъ надѣлъ Бѣльцкой русской артиллерией (!), призначавшей публично въ церкви отъ крестьянъ присягу, что не будуть стрѣлять въ русскихъ солдатъ, переписывался съ гр. В. А. Бобринскимъ въ Петербургѣ и участвовалъ въ какихъ то тайныхъ „руссофильскихъ“ свѣдѣніяхъ въ Мукинѣ.

О Можнацкомъ предъявлялось обвиненіе въ томъ, что говорилъ на проповѣди въ церкви, будто напѣтъ царь не Францъ Іоаннъ, а Николай II, собираясь послать въ Россію деяниа въ военныя цѣли и переписывался съ д-ромъ Ю. А. Яворскимъ въ Киевѣ.

О Курило обвинялся тоже въ томъ, что на исповѣди уговаривалъ мобилизованныхъ солдатъ не стрѣлять въ „москаль“, публично въ церкви защищая людей на измѣну австрійскому императору, утверждалъ „Русскую Сурзу“ въ Горлицахъ и рассказывалъ во время переписки циркуляры, чтобы всѣ записывались русскими „ст двумя с.“

О Сандовичѣ — въ томъ, что въ своемъ окружномъ письмѣ къ духовенству, по случаю назначения его благочиннымъ (деканомъ), заявлялъ, что буде неуклонно трудиться въ пользу русского народа (хотя же „ст двумя с.“), въ письмѣ къ о. Д. Хильяку изъ Изѣя Сандовичъ

сына какъ-то листки за подпись епископа Никона (?) съ освобожденіемъ отъ вѣрности австрійскому императору и уговаривалъ крестьянъ, чтобы не вооружали имѣющагося у нихъ оружія австр. властямъ, а только хранили его для русской арміи, въ чёмъ обвинялся тоже и сынъ его, Антонъ Петровичъ.

Наконецъ, оба брата Качмарчикі, В. Ф. и Л. Ф., кроме общихъ обвиненій въ „руссофильской“ агитации и возбужденіи народа противъ „украинцевъ“, обвинялись тоже въ томъ, что во время мобилизаций уговаривали какого-то крестьянина въ Устьяновѣ Гутѣ къ спѣшиству въ поѣзду Россіи.

На чёмъ-же основывались всѣ эти завѣдомо неѣдѣльныя злостныя обвиненія? Конечно, не нужно и говорить, что всѣ они являлись просто только злобыми, чудовищными вымыслами или искалеченіемъ со стороны бессовѣстныхъ личныхъ и политическихъ враговъ. Не говоря уже о неопредѣленныхъ и неуловимыхъ общихъ обвиненіяхъ въ „руссофильскихъ“ убѣжденіяхъ и устремленіяхъ, необходиимо отмѣтить относительно остальныхъ, болѣе конкретныхъ пунктовъ обвиненій, что ни одинъ изъ нихъ не былъ хотѣнъ въ приближеніи установленъ и подтвержденъ въ сѣдѣтій и не самъ судъ какими-нибудь фактическими доказательствами или достовѣрными свидѣтельскими показаніями, а выдѣланъ и поддержаныъ имъ только со слѣпой и жестокой любовью къ безсовѣстнымъ и беспыткѣ доносчики-авторы, главнымъ образомъ, нахваливши суда въ поѣздѣ годы изъ Восточной Галичинѣ, „украинскіе“ священники, учителя и жандармы, безсовѣстныя имена которыхъ и слѣдуетъ привести адѣль наѣчную, позорную память.

Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что никакихъ свидѣтелей защиты на это злостное и неправедное судилище допущено не было, даже въ такихъ, казалось бы, важныхъ и естественныхъ случаяхъ, какъ, напр., грабежевскаго убѣдженія старости, на котораго ссылались подсудимые въ доказательство своей невиновности и политической лояльности вообще, или священниковъ, которые должны были удостовѣрить, что о. Сандовичъ, какъ благочинный, разославъ имъ

только паstryрское посланіе митр. Шептицкаго съ предсогражданемъ передъ провокационными листками и слухами, а не какіе-то мифическіе листки не существующаго еп. Никона, которых никто, кроме доносчика Гуцуляка, въ дѣйствительности не видалъ и видагъ не могъ, или, наконецъ, уѣзжаго врача, который непосредственно передъ арестомъ лечилъ А. П. Сандовича и поэтому могъ бы свидѣтельствовать, что толькъ все время мобилизованъ, вплоть до самого ареста, лежалъ больной въ постели отъ перелома руки, такъ что просто физически никакимъ образомъ не могъ, какъ это утверждалъ толькъ же Гуцулякъ, ходить по селамъ и распространять какіе-нибудь листки, — хотя именно эти обстоятельства, какъ явствуетъ изъ мотивированія обвиненій, и легли въ основаніе смертнаго приговора по отношенію къ обоимъ послѣднимъ подсудимымъ.

Въ такихъ тяжелыхъ и гнусныхъ условиихъ производился этотъ демоніозный и злоумышленный разборъ дѣла до самаго вечера, когда, послѣ краткихъ рѣчей обвинителя и яко-бы защитника, судъ объявилъ, что приговоръ будетъ объявляемъ на слѣдующій день, по утверждению его высшей власти.

Въ концѣ концовъ, однако, этотъ чудовищный приговоръ былъ объявленъ только на третій день, въ именно, 28 сентября, въ 9½ ч. утра, причемъ для выслушанія его были вызваны не всѣ подсудимые, а только оба Сандовичи, которые почему-то одни только были признаны виновными и приговорены къ разстрѣлу.

Вотъ полный текстъ этого конспиративного приговора, являющагося одной изъ самыхъ позорныхъ страницъ политического правосудия отходящей въ

только небытія тюрьмы народовъ — Австро-Італии:

„Im Namen Seiner Majestät des Kaisers und Apostolischen Königs von Ungarn.

Das Gericht des K. u. K. Militärkommandos in Krakau, Expositur in Neu-Sandez, als Staudgericht, hat nach der, unter dem Vorsitz des Majors Victor Polli und der Leitung des Majors Auditors Dr. Mieczyslaw Bielski, in Anwesenheit des Landsturmleutnants Iohann Dusza, als Schriftf\u0144her, des Oberleutnant-Auditors Josef Wondracz, als Ankl\u0144ger, und Oberleutnant-Auditors Julian Fuljsa, als Verteidiger durchgef\u0144hrten Hauptverhandlung \u0144ber die gegen Pfarrer Peter Sandowick und dessen Sohn Anton Sandowick wegen Verbrechens des Hochverrates nach §. 344 C. M.-St. G. erhobene Anklage zu Recht erkannt:

Peter Sandowick, in Ziegelstow, Bezirk Neu-Sandez, am 29 J\u0144ni 1858 geboren, griech.-kath., verheiratet, Vater von neun Kindern, Pfarrer in Brunary,

Anton Sandowick, in Rostoka Wielka, Bez. Neu-Sandez, geboren, 27 Jahre alt, griech.-kath., ledig, Universit\u0144ts h\u0144rer,

sind schuldig, dass sie im Monat September 1914 in Izby vom Episkopat eines gewissen Nykon verfasste Flugschriften, in welehen die Bev\u0144lkerung Galiziens von dem Untertaneneid befreit wird, unter der Bev\u0144lkerung verteilt, was geeignet war eine Gefahr f\u0144r den Staat von aussen herbeizuf\u0144hren. Hierdurch begingen sie das Verbrechen des Hochverrates gemiss §. 344 C. M.-St. G. und werden hief\u0144r, gemiss §. 444 M.-St. P. O. und der Verordnung vom 5 August Res. Nr. 122, zum Tode durch Erschiessen verurteilt.

Gr\u0144nde. Das Standgericht hat als erwiesen angenommen, und zwar auf Grund des Resultats des Beweisverfahrens, dass die beiden Verurteilten russophil gesinnt waren. Die allgemein bekannte Tendenz der Russophilen, Galiziens von \u0144sterreich loszureissen und an Russland anzugesiedeln, wurde im Laufe der Verhandlung durch das zur Verlesung gelangte Protokoll mit dem Zeugen Peter Kluzenzyk best\u0144igt und als erwiesen angenommen. Durch eidliche Aussage des Zeugen Michael Huculak hat das Standgericht als erwiesen angenommen und ist zu der \u0144berzeugung gekommen, dass die beiden Angeklagten Flugschriften, die vom Episkopat eines gewissen Nykon verfasst waren und in denen die Bev\u0144lkerung Galiziens von dem Untertaneneid befreit wird, unter der Bev\u0144lkerung von Izby verteilt, was geeignet war eine Gefahr f\u0144r den Staat von aussen herbeizuf\u0144hren.

Da in dieser Handlung die Merkmale des Verbrechens des Hochverrates enthalten sind, mussten die Angeklagten dieses Verbrechens schuldig erkannt und zur gesetzlichen Strafe verurteilt werden.

Neu-Sandez, 27 Sept. 1914.

Dr. Bielski mp., Major-Auditor.

Wird best\u0144igt und ist die Todesstrafe zu vollziehen

Grybow, 27 Se 914.

Mellon mp., Generalmajor.

Das Urteil wurde den Verurteilten am 28 Sept. 1914 um 9 Uhr 30 Minuten vormittags kundgemacht und um 12 Uhr Mittags vollzogen.

Neu-Sandez, 28 Sept. 1914.

Bielski mp., Major-Auditor.

F\u0144r die Richtigkeit der Abschrift.
M\u0144hrisch-Ostrau, 26 August 1915.
Der Gerichtsbesitzer: Durak, Major.

То-же въ русскомъ переводѣ:

„По указу Его Императорскаго и Королевскаго Величества.

Судъ имп. и кор. военной команды въ Краковѣ, экспозитура въ Новомъ Санчѣ, какъ военно-полевой судъ, посль произведенія, подъ предсѣдательствомъ майора Виктора Полли и руководительствомъ майора-аудитора д-ра Мечислава Бѣльского, въ присутствіи лейтенанта ополченія Іоанна Душки, какъ письмоводителя, оберлейтенанта-аудитора Юсифа Вондрача, какъ обвинителя, и оберлейтенанта-аудитора Юліана Фудзяты, какъ защитника, судебного разбирательства по обвиненію священника Петра Сандовича и его сына Антона Сандовича въ преступлениі государственной измены согласно §. 344 C. M.-St. G., призналъ, что:

Петръ Сандовичъ, род. 29 июня 1858 г. въ Жегестовѣ, новосандовецкаго у., гр.-кат., женатъ, отецъ девяти дѣтей, настоятель прихода въ Брунайахъ,

Антонъ Сандовичъ, род. въ Ростокѣ Великой, новосандовецкаго у., 27 лѣтъ, гр.-кат., холостой, студентъ университета,

виновны въ томъ, что въ м. сентябрь 1914 г. распространяли среди населения въ с. Избахъ составленные епископатомъ пѣкого Никона лѣпѣльные листки, въ которыхъ населеніе Галиции освобождалось отъ вѣро-подалической присяги, чтъ могло вызвать для государства опасность изъвѣгъ. Этими они совершили преступление государственної измены согласно §. 344 C. M.-St. G. и за это

приговариваются, согласно §. 444 M.-St.-P.-O. и распоряжение от 5 августа Res. №. 122, к смертной казни посредством разстрѣла.

Основанія. Военный полевой судъ призналъ доказаннымъ, а именно, на основаніи результатовъ разбирательства, что оба осужденныхъ были у русофильскихъ убѣждѣній. Общепрѣдѣльная тенденція русофильской, оторвавшей Галичину отъ Австро-Италии и присоединившей ее къ Россіи, была въ теченіе разбирательства признана доказанной въ силу прочитанного протокола съ показаніями свидѣтеля Петра Ключникова. Въ виду отданныхъ подъ присягу показаній свидѣтеля Михаила Гуцулляка, призналъ судъ доказаннымъ и пришелъ къ убѣждѣнію тоже относительно того, что оба подсудимые распространяли среди населения въ Изѣбахъ легчайши листкы, которые были составлены епископатомъ польскаго Никона и освобождали населеніе Галичины отъ вѣрноподданнической присяги, что могло вызвать изъвѣнъ опасность для государства.

Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ взыскывалось признаніе преступлений государственной измѣны, то подсудимые должны были быть признаны виновными и приговорены къ законному наказанію.

Новыи Санть, 27 сент. 1914 г.

Дѣлъ Вѣльскій ср., майоръ-аудиторъ.

Утверждается и слѣдуетъ исполнить смертную казнь.

Грибонъ, 27 сент. 1914.

Меліонъ ср., генераль-майоръ.

Приговоръ былъ объявленъ осужденнымъ 28 сент. 1914 въ 9:30 ч. утра и приведенъ въ исполненіе въ 12 ч. днія.

Новыи Санть, 28 сент. 1914.
Вѣльскій, ср., майоръ-аудиторъ.
Съ подлиннымъ вѣрою:
Моравская Острава, 25 августа 1915.
Членъ суда: Дурракъ, майоръ.
Совершенно справедливо замѣчаетъ по поводу этого чудовищнаго приговора „Arbeiter-Zeitung“:

„И такъ, полевой судъ „призналъ доказаннымъ“, что оба подсудимые были русофильскими убѣждѣній“. Такимъ образомъ, сущность преступления составляетъ убѣждѣніе. И такъ, Петър Ключникъ является свидѣтелемъ-экспертомъ относительно направленія цѣл资料 движенья, его мнѣніе о немъ служитъ доказательствомъ о дѣлѣстѣвіи подсудимыхъ! Летучки отъ „епископата польскаго Никона“: — что это можетъ быть такое?.. Мы хотѣли бы видѣть ихъ воочію! Повидимому, и самъ судъ совершенно не видѣлъ этихъ летучекъ и просто на основаніи паговора одного единственнаго человѣка всѣль разстрѣльать людей, которые придерживались „русофильскихъ убѣждѣній“. Это было правосудие полевыхъ судовъ!“

Оба осужденныхъ выслушали приговоръ спокойно и, возвращаясь постѣ этого назадъ въ свою камеру, поступили къ о. Вл. Можицкому, причемъ А. П. Сандовичъ прикрылъ ему черезъ закрытія двери:

— Дядя, мы съ отцомъ приговарены къ разстрѣлу — черезъ два часа!

Въ камерь о. Петра потерпѣлъ сильнѣ словами сидѣвшаго вмѣстъ съ нимъ Аекс. Савчака, онъ все время находился въ болыпомъ волненіи и жаловался, что изъ-за людской злобы приходится умирать.

— Ничего мнѣ не жаль, — говорилъ онъ, — такъ какъ я въ жизни все-равно испытывалъ мало хорошаго,

а только чтѣ будешь съ моей бѣдной семьей, а жена павѣрное не переживетъ этого!

Такъ какъ о. Петру не было разрешено даже проститься съ семьей, то онъ взялъ отъ сидѣвшаго въ той же камерь учителя Зенона Ганкевича изъ Бучача обѣщаніе, что тотъ по освобождѣніи забѣдетъ къ его женѣ и дѣтямъ и успокоятъ ихъ и уѣвѣтъ, что оба они съ сыномъ совершили невиновны, послѣ чего уже вѣсколько успокоился и сдался имъ Божьей волѣ. О. Соболевский читалъ въ службѣ молитвы, онъ молился.

Идя на разстрѣлъ, въ $\frac{1}{2}$ 12 часовъ, осужденные опять поступали въ двери камеры о. Вл. Можицкому и А. П.—чѣзъ закричали:

— Прощайте, дядя, уже идемъ!

Черезъ теремный дворъ провели офицеры осужденныхъ подъ руки, впереди шли два священника: А. П. Сандовичъ еще отглазнулся на окна тюрмы, какъ-бы посыпая сидѣющими въ ней знакомымъ послѣдій привѣтъ. Затѣмъ ихъ отвезли автомобилемъ въ городскую стрѣльницу и тамъ разстрѣляли. Похоронили обѣихъ на мѣстѣ казни. Изъ частныхъ лицъ случайно присутствовалъ при разстрѣле плотникъ Войцѣхъ Жмигродскій изъ Хелміца.

О произведеніемъ разстрѣлѣ грибовскимъ уѣзднымъ старостомъ были разосланы по всемъ селамъ уѣзда особыя объявленія, текстъ которыхъ воспроизведенъ выше на стр. 32-33.

Остальные подсудимые, почему-то, по какому-то неостыжимому капризу „свойствъ“ австро-чешкихъ судей-пажачѣ, были оправданы, иѣ, тѣмъ не менѣе, оставлены и дальше въ тюрьмѣ, а затѣмъ, 6 октября, вмѣстѣ съ остальной массой арестованыхъ въ Новомъ Санть

руссскихъ людей, административнымъ порядкомъ сосланы въ Талергофъ.

—

О. Петъръ Васильевичъ Сандовичъ родился 29 июня 1858 г. въ Жегестовѣ, новосандецкаго уѣзда, въ семье мѣстнаго священника. Потерпѣвъ въ дѣлѣ отца и не имѣя возможноти продолжать ученье, поступилъ послѣ 2 классъ гимназии на службу къ одному помѣщику, которому въ теченіе 2 лѣтъ возвѣщалъ по тути. Затѣмъ былъ принятъ въ бурсу Ставропольскаго Института по Львову, гдѣ и продолжалъ уже безпрепятственно курсъ гимназии до конца, послѣ чего

О. Петъръ Васъ вичъ Сандовичъ.

поступилъ въ духовную семинарію, сначала во Львовѣ, а на послѣдній курсъ въ Перемышль.

Окончивъ духовную семинарію и жененившись на дочери священника Маріи Осиповнѣ Можицкой, былъ въ 1885 г. рукоположенъ въ священники, послѣ чего долго скитался по различнѣмъ приходамъ, пока, наконецъ, не получилъ штатнаго настоятельства прихода въ Брунтарахъ, грибовскаго уѣзда, гдѣ оставался уже до самой своей тра-

гической смерти, состоя вмѣстѣ съ тѣмъ въ послѣдніе довоенныя годы благочиннымъ (деканомъ) мушинскаго деканата.

14-го сентября 1914 г., по доносу мѣстныхъ "украинцевъ" — учителя Михаила Гуцуляка изъ Избы и б. жандарма Петра Ключникова изъ Флоринки, былъ арестованъ, а 28 сентября, по приговору военно-полевого суда, и разстрѣлянъ вмѣстѣ съ сыномъ на городской стрѣльнице въ Новомъ Санчѣ, оставилъ жену и 8 дѣтей, съ которыми ему даже не было разрѣшено проститься.

Антонъ Пѣтровичъ Сандовичъ, сынъ отца Петра, родился 6 июня 1887 г. въ Ростовѣ Великомъ, новосандацкаго уѣзда. Гимназію окончилъ въ Бахнѣ въ 1907 г.,

А. Н. Сандовичъ.

послѣ чего поступилъ на философскій факультетъ львовскаго университета, который окончилъ какъ-разъ наканунѣ войны, весной 1914 г.

По тому же доносу, что и его отецъ, былъ 6 сентября 1914 г. арестованъ, а 28 сентября, вмѣстѣ съ отцомъ разстрѣленъ въ Новомъ Санчѣ.

С. Изѣбъ. Наше село получило во время спиритуализавшей въ начальѣ войны австро-германской расправы печальную известность благодаря тому, что здѣсь жилъ и "дѣйствовалъ" самыи безсознательныи и заездныи на весь югъ "украинскій" провокаторъ и доносчикъ — учитель Михаилъ Гуцулякъ, благодаря неусыпнымъ доносамъ и лжесвидѣтельству котораго и произошелъ, главнымъ образомъ, кошмарный новосандицкій процессъ, закончившися, какъ извѣстно, разстрѣломъ двухъ совершиенно безвинныхъ жертвъ — о. П. Сандовича и его сына. Этому же Гуцуляку, составившему вмѣстѣ съ якъсъ жандармомъ П. Ключниковомъ изъ Флоринки и подавшему посредствомъ солдата М. Пильха въ военную команду въ Новомъ Санчѣ обширный "анонимный" доносъ на почти всѣхъ русскихъ дѣятелей єѣзда, обязаны эти послѣдніе прежде всего своимъ арестомъ и продолжительными терзаніями и мукаами въ Талергофскомъ аду.

Не пощадилъ онъ, конечно, и своихъ односельчанъ, хотя сначала, въ своеи первомъ доносѣ, почему-то и не упомянулъ о нихъ. Но затѣмъ, желая узвестрять упущенное, онъ всетаки постарался о томъ, что и мѣстный наставникъ прихода о. Димитрий Хизлякъ, и много крестьянъ были тоже арестованы и отправлены въ Талергофъ.

С. Сѣнтиница. Въ Сѣнтиницѣ былъ 9 сентября 1914 г., въ числѣ другихъ, арестованъ и вывезенъ въ Краковъ владѣльцемъ лѣсопромышленникомъ Константиномъ Ставицкій. На слѣдующій же день пришелъ къ его сыну Захарію мѣстный лавочникъ-еврей Самуилъ Ригельгаутъ и потребовалъ отъ него уплаты ка-

кого-то долга его отца, когда же онъ, ничего не зная объ этомъ, отказался, то евреи пригрозили ему, что донесутъ на него жандармеріи, будто онъ скажетъ, что "приѣдетъ" "москаль" и не нужно будетъ ничего платить евреямъ."

И дѣйствительно, Захарій Ставицкій былъ черезъ нѣсколько дней тоже арестованъ и препровожденъ въ Грибовъ, послѣ чего къ нему, въ свою очередь, на слѣдующій же день пришелъ въ тюрму другой мѣстный евреи, Йосифъ Ханъ Штейнъ, и предложилъ продать ему лѣсопильно и хо-зяйство, такъ какъ неизвѣстно — возвратится ли онъ и его отецъ еще когда-нибудь домой или погибъ?

Такъ, очевидно, евреи съ жандар-мами нарочно подстроили этотъ арестъ, чтобы, пользуясь растерянностью и стра-коемъ несчастнаго человѣка, выманить эту него его имущество для себя.

Приѣхавъ на каникулы изъ отца, въ с. Войткову, добромильскаго у., онъ не успѣлъ даже отдохнуть послѣ экзамена, какъ тутъ-же, съ объявленіемъ моби-

Феофіль Ігнацій Мохнацкій.

18 января 1915 г., возвращавшися тослѣ временнаго отступленія русскихъ южны, австро-германцы повѣсили на никѣ въ Грибовѣ окончившаго курсъ гимназіи въ Яслѣ Феофіла Ігнат'евича Мохнацкаго, сестра котораго, Марія Ігнат'евна, была, такъ же отмѣчена выше, такъ вѣрски застераравъ толпою солдатъ и другихъ австро-германскихъ хулигановъ на улицѣ въ Іеремышѣ 15 сентября 1914 г. *)

Ф. И. Мохнацкій родился 10 января 1891 г. въ с. Куриловѣ, ланьцутскаго єѣзда, гдѣ отецъ его былъ въ то время

*). См. стр. 108. Въ упомянутой замѣткѣ ошибочно сказано, что Ф. И. былъ раз-ѣздѣнъ.

лизациіи, арестованы его отца, а затѣмъ и сестру, осталыю же семью приказали изъ деревни уѣхать. Тогда онъ вмѣстѣ съ оставшейся семьёю перѣѣхалъ къ своему дѣдушикѣ по матері о. Ф. Качмарчику въ Бѣловареву, грибовскаго у., гдѣ и постигла его нежданная страшная судьба.

1 января 1915 г. выбрался Ф. И. въ Грибовъ за лекарствомъ для своей

младшей сестры. Въ городѣ задержаны два австрийскихъ ссыпника — парикмахер Каминскій и рѣзник Нейгль, которые потребовали отъ него удостовѣрѣнія, когда такового при немъ не оказалось, отвели его въ жандармское отдѣленіе. Жандармы посвидѣли его подъ арестъ, черезъ нѣсколько дней повели въ Бѣлцареву для наведенія справокъ, а затѣмъ обратно отвели въ

Лѣскій уѣздъ.

Въ лѣсскомъ уѣздѣ были арестованы священники: Чертежинскій изъ Бобрик, Гукевичъ изъ Поляничка, Пополюковичъ изъ Серединки, Чайковскій изъ Тарнавы, Генесорскій изъ Кальницы, Кузьмакъ изъ Гичы, Грабецъ изъ Лупкова, Коропасъ изъ Кривого, Константинскій изъ Берегова, Цирко изъ Жеринца. Кроме того, были арестованы въ Угородахъ-Минеральныхъ 2 студента, сыновья мѣстного настоятеля прихода Макара, въ Кельницѣ — 2 студента Генеральскаго, браты арестованного священника, изъ которыхъ одинъ, Антонъ Ивановичъ, былъ домашнимъ редакторомъ у графа Бобринского въ Петербургѣ и прѣѣхалъ недавно въ Кальницу на ваканciю. Въ Тиряевъ-Солиной былъ арестованъ юристъ Швтынскій. Въ самомъ Лѣску, послѣ произведенія обѣска въ магазинѣ „Нива“, былъ арестованъ управляющій Шваковскій. Такжѣ были арестованы помѣщицы изъ Стражиевъ Левъ Чайковскій. Изъ крестьянъ были арестованы: Алексѣй Иваниничъ съ женой изъ Луковаго, Михаилъ Тимосъ изъ Середнѣ-Беліцкаго, пасломщикъ Бурмичъ изъ Терки, Максимъ Нусъ и Іосифъ Мигдала изъ Камянокъ и многіе другие.

(„Діло“, 1914 г., № 190.)

Грибовъ въ тюрьму, где онъ и просидѣлъ еще 2 недѣли. Наконецъ, поставили его передъ военный судъ по обвиненію въ шпионажѣ въ пользу Россіи и въ указываніи дороги русскимъ военнымъ, а на другой день, 18 января, повѣсили тутъ же на ришкѣ, разрѣшивъ ему только письменно проститься съ семьей.

Изъ воспоминаний о. Гр. Макара.

Село Угорцы, въ которомъ я состоялъ уже съмнѣе 30 лѣтъ настоятелемъ прихода, имѣть смѣшанное населеніе (2 трети — около 700 чел. — русскихъ лемковъ, 1 треть латинниковъ — поляковъ и около 80 евреевъ), а потому въ немъ издавна уже замѣчалась внутренняя национальная распри, доходившая въѢкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., во время всѣхъ выборовъ и т. п., до наихудшей, открытой вражды. Особенно усиливаясь и усиливавшись эта внутренняя вражда послѣ того, какъ на мѣсто прежн资料的, спокойного и тактичного римско-католического священника, пришелъ изъ села, смѣнившій его въ 1900 г., новый кенсайдъ, привыкшій съ собой страстности и настойчивость за латинизаторскую и полонизаторскую работу въ селѣ. Значительную распри и смуту начали поднимать одновременно также мѣстный крестьянинъ, прихвостень уѣзданого старости, Юрко Черніга, въ чмъ со временемъ нашелъ усердную поддержку въ лицѣ однаго „украиниста“, цѣлаго служащаго желѣзной дороги.

Тѣмъ не менѣе, однако, дѣло народной организаци и просветительской работы подвигались въ наше сѣль всѣма

успѣшино. Прежде всего было учреждено братство трезвости, которое со временемъ совершенно ликвидировало распространенный въ здѣсъ раньше пьяный разврат. Затѣмъ было построено большой общественный домъ, въ которомъ постепенно были открыты читальня, есодо-сберегательная касса, кооперативъ для бѣдныхъ молочныхъ продуктовъ и яицъ, потребительское общество и „Русская дружина“. Въ связи съ этимъ усилились и утвердились въ селѣ и общее народное сознаніе, сплоченность и стойкость всѣхъ русскихъ жителей, такъ что всякихъ выборовъ неизмѣнно кончились ихъ побѣдой.

Конечно, все это возбуждало тѣмъ болѣйшую зависть и алобу со стороны мѣстныхъ и уѣзденныхъ „украинцевъ“, поляковъ и всѣхъ недоброжелателей русского народа вообще, не въ нормальныхъ правовыхъ условіяхъ они противъ этого ничего существенного подѣлять не могли. Дѣла вражеской мести и расправы наступили только въ исключительныхъ, коммариныхъ условіяхъ военной мобилизации въ 1914 году.

Началось съ ареста двухъ моихъ старшихъ сыновьевъ — студентовъ Романа и Евстаѳія, которыхъ въ августѣ, по неизмѣнному доносу, отправили сначала въ санаторную тюрьму, а оттуда, вмѣстѣ съ цѣльнымъ виновникомъ другихъ арестованыхъ русскихъ, вывезли 29 августа въ Теревинъ.

Меня съ женой и остальными тремя дѣтьми уѣзжاء старость пока не трогало, а только оставило насть подъ домашнимъ арестомъ. Это, конечно, не удовлетворило нашихъ недоброжелателей, которые стали еще съ болѣйшой настойчивостью и злобой сочинять всевозможные доносы и распространять

самые нелѣпые слухи о моей „измѣннической“ и „шпионской“ работѣ.

Когда же благочинный поручилъ мнѣ еще администрацію събѣднаго прихода Бобрик, то это уже совсѣмъ вывело ихъ изъ равновѣсія, такъ что они явно уже стали обижать меня въ ночныхъ разѣздахъ и совѣщаніяхъ съ противогосударственной цѣлью, причемъ подговаривали даже моего слугу лѣкесинѣтельству въ такомъ же направлении.

31 августа явились ко мнѣ 2 жандарма въ сопровождѣніи 4-хъ солдатъ и 4-хъ мѣстныхъ крестьянъ. Сѣдѣстые производили въ читальне. Въ то время, какъ солдаты собирали народъ въ читальне для допроса, хакимѣстръ жандармовъ, послѣ продолжительного съвѣщенія съ латинскими ксендзами у него въ домѣ, вернулся оттуда уже съ готовымъ спискомъ подлежащихъ арестованію лицъ. Послѣ допроса жандармы арестовали меня, четверыхъ крестьянъ и одну жену, то есть, всѣхъ оказавшихся налицо, русскихъ членовъ мѣстнаго сельскаго правленія, которые больше всего являлись солью въ глазахъ польского ксендза и старостинскому прислужникамъ въ селѣ. Имена арестованныхъ, кроме менѣ, слѣдующія: воѣтъ Лешко Волкъ, Михаилъ Лемега, Михаилъ Грибъ, Іосифъ Лемчакъ и Розалий Скальничекъ. Подъ плачъ дѣтей и женщины жандармы отвѣтили попечицу женѣ воїта. Исputанный народъ разбрѣлся по домамъ. Подѣхѣли дѣти, и насть повезли въ городъ Лѣкко.

Здѣсь, послѣ обычныхъ изѣбательствъ и надруганій со стороны уличной толпы и уѣзданаго начальства, насть раздѣлили: меня занесли въ отдельную камеру, а моихъ прихожанъ вмѣ-

стъ съ уголовниками и бандой цыганъ.

На другой день въ тюрьму привели также остальныхъ пять членовъ налего сельского правления, а именно: Іосифа Лемегу, Василия Долгаго, Іосифа Устиновскаго, Ивана Биндаса и Порфирия Биндаса.

3 августа, по приказу тюремного начальства, мы наспѣхъ собрались, послѣ чего были отведены на ст. Лѣско-Лукавица и посажены въ вагонъ, въ которомъ лѣхали польские стрѣлки.

Послѣ чистовой стоянки, поѣздъ двинулся съ мѣста среди дикихъ криковъ, собравшихся у нашего вагона толпы.

Вада отъ ст. Лукавица - Лѣско до Хировъ продолжалась цѣлью ночи, вѣмъ обычныхъ трехъ часовъ. Поѣздъ стоялъ передъ каждой станціей цѣльными часами. Не дѣйзкая Ольшаница, увидѣть я на шоссе знакомую дѣвочку изъ нашего села и, съ разспѣрѣніемъ жандарма, бросилъ ей черезъ окна сто коронъ, прося передать моей женѣ, которая осталась съ дѣтьми безъ гроша. Впослѣдствіи я узналъ, что прежде, чѣмъ дѣвочка пришла въ село, мѣстная жандармерія уже анала о моемъ порученіи; ее тутъ же арестовали, а деньги конфисковали. Кажется, этотъ инцидентъ и явился причиной послѣдовавшей позже ссылки упомянутой дѣвочки и ее матери въ Талергофъ.

Въ Хировъ прибыла наша партія въ 5 часовъ утра. Здѣсь предстояло пересадка.

Хотѣлось отдохнуть; я присѣлъ на скамеечкѣ за спинами своихъ прихожанъ, думая такимъ образомъ защищить себя отъ дурного глаза толпы. Но не тутъ-то было. Поѣздъ тунулъ за поѣздомъ со свѣжими транспортыми вояжами различной породы. Были тутъ мадьяры, преслѣдовавшіе насъ, какъ

кошмаръ, отъ начала до конца нашихъ страданій, были также и германцы. Увидѣвъ насъ, окруженнныхъ конвоемъ, они подходили съ ругательствами, заглядывали въ глаза. Подошелъ какой-то лейтенантъ - тиролецъ и съ окрикомъ:

— Das ist ein Phof, auf! — вырвалъ у меня изъ рукъ тросточку и ударилъ такъ сильно по рукѣ, что остался синий подтекъ, а затѣмъ скватилъ меня за ширворотъ и толкнулъ изъ всей силы впередъ. Послѣ лейтенанта подскочили солдаты и стали плевать мѣй въ лицо и ругать: — „Ты не смѣющіи, ты живодѣръ, руби тебѣ пахнуть, повѣнить его!“ Тутъ опять подошелъ прежній лейтенантъ - тиролецъ, на этотъ разъ уже съ веревкой, которую и забросилъ мѣй на шею. — Zu dѣnn, — раздались голосъ солдатъ. Тогда пальчики добровольца упалили на минутку и возвратились уже съ толстой веревкой, которую опять накинули на меня. Догадываясь, что офицеръ только „путитъ“ и пугаетъ меня, я сказалъ по-іѣменски: „Не дѣйзай глупостей“, — что и подѣйствовало, наконецъ, на зазнавшагося нахала, такъ что онъ оставилъ меня уже въ покой.

Между тѣмъ, на вокзалъ стали сходить все новые солдаты и просто всякий сбродъ. Тогда жандармы, видя, что толпа все увеличивается, теперь только начали разговаривать ею, а наѣхъ вылезли въ вестнибюль и, помѣстивъ въ углу, оставили для охраны четырехъ солдатъ. Однакъ, вся толпа послѣдовала тутъ же за нами. Были тутъ солдаты - мадьяры и іѣмцы, а также какіе-то „вольные“ люди, которые съ подводами тунули за вояжами. Въ то время собралось ихъ въ Хировъ нѣсколько тысячъ. И всякий изъ нихъ старался выместить свою злобу на аре-

стованныхъ „руссофилахъ“, считая наѣсъ главными виновниками своихъ бѣдствій и скитаній. Такъ, напр., какой-то промтавшийся пакокъ изъ Загоры подошелъ къ намъ вновь прѣѣхавшихъ солдатъ и, указывая на насъ, обозвалъ наѣсъ „измѣнниками“ и „шпионами“, поговорилъ чего тѣ, въ свою очередь, стали осыпать насъ разными ругательствами и угрозами. Подошелъ старый пруссакъ съ лицомъ бульдога и ударилъ комнамъ прикорнувшаго на полу крестьянину по сложеннымъ къ молитвѣ рукамъ, у меня же вырвалъ изъ рукъ молитвенную книжку. Оборачиваясь къ окону, Тутъ выбѣгаетъ одинъ изъ мадьяровъ во дворъ и цѣлится въ меня черезъ окно изъ револьвера. Со мной дѣлается дурно. Отбросивъ солдатскую склону изъ огневагаго лица и прошупавъ воду у подошедшаго жандарма, — „Но чѣмъ же я могу сдѣлать, не могу же я запретить имъ, въ противномъ случаѣ растерзать меня,“ — отвѣтилъ жандармъ по польски и ушелъ за водой, но больше не показался.

Тѣмъ временемъ одинъ за другимъ стали отходить со станціи поѣзда, толпа уменьшилась. Наконецъ, остался только упомянутый пакокъ изъ Загоры, который все еще, не унимаясь, ругалъ проклятыхъ „москалей“, липившихъ его состоянія. Но въ концѣ концовъ и ему все это, повидимому, надоѣло, и онъ ушелъ тоже. Настала тишина.

Нѣсколько поѣздовъ стояло подъ нами. Вѣдѣніи и наѣсъ выходить. Боясь идти позади партіи, я выдвинулся впередъ, но не успѣлъ ступить на порогъ, какъ получить отъ какого-то солдата ударъ по лицу. Тутъ я немедленно замѣпкался и отсталъ и totчасъ же получить отъ солдата - мадьяра ударъ камнемъ въ лѣвую лопатку.

Поѣздъ тронулся съ мѣста. На всѣхъ станціяхъ повторялась та же история. Проѣзжіе и железнодорожныѣ служащіе заглядывали въ вагонъ, всѣмъ хотѣлось видѣть и чѣмъ - небудь уязвить „измѣнниковъ - russофиловъ“.

Въ Бакуничахъ подъ Перемышлемъ приказали намъ выйти изъ вагона, а затѣмъ, соединивъ насъ съ находившейся уже тамъ партіей арестованныхъ русскихъ изъ Устрицы, провели четвергами въ крѣпость.

Не успѣли мы тронуться съ мѣста, какъ я получилъ опять ударъ камнемъ въ другую лопатку, отчего я потерялъ равновѣсіе и упалъ, а падая моя при этомъ покатилась поѣздъ подъ колеса локомотива. Во времена нашего пути улицы наполнились толпой - штатскими и военными. Всѣ злобно смотрѣли намъ въ лицо, прибавляя, что пули для измѣнниковъ жалко, или же совсѣмъ сдѣлать съ насъ живьемъ кожу и выпустить изъ насъ книжку.

Окруженные со всѣхъ сторонъ тѣсными колычомъ враждебной толпы, подошли мы къ мосту, ведущему черезъ главный вѣзаулъ. Тутъ уже, къ счастью, толпы на мостъ не пустили, да и отъ другой толпы, собравшейся уже было навстрѣчу намъ по другой сторонѣ моста, Богъ миловалъ, такъ какъ наѣсъ повели прямъ изъ тюремнаго коридора.

Навстрѣчу вышелъ военный чиновникъ, которому жандармъ передалъ тутъ же наши именные списки.

— А гдѣ же доказательства вины, документы? — спросилъ чиновникъ.

— Это все! — сконфузился жандармъ.

Изъ коридора вылезли насъ въ узкій дворъ, где мы простояли съ шести до девяти часовъ вечера, ожидая дальнѣйшей участіи. Въ этой промежутокъ

времени наши ряды были пополнены съезжим транспортом арестованных, состоявшим из 20 человекъ изъ рудецкаго уѣзда. Всѣ они были скованы цепями, а уѣзжихъ изъ нихъ все лицо было въ крови. Между ними находилась также дряхлая старушка въ однотомъ платье, вся скрючившаяся отъ страха и стыда.

Наконецъ, мы дождались тутъ решения военного суда. Вышелъ офицеръ и прежде всего приказалъ снять цепи съ арестованныхъ изъ рудецкаго уѣзда, послѣ чего поручилъ конвойному майору отвести ихъ въ станыльный подъѣздъ, какъ оправданныхъ, домой и защищить ихъ по дорогѣ отъ оскорблений и побоевъ. Затѣмъ онъ обратился къ намъ и, кроме одного Михаила Гриба, всѣхъ остальныхъ тоже велѣлъ отпустить по домамъ.

Мы восприняли духомъ, хотя и жалко было оставлять задержанного еще подъ арестомъ одесскойчину Гриба, которому, какъ выяснилось впослѣдствіи, кромѣ недоказанной измѣны и шпионства, вымыло еще въ вину, будто бы онъ два года тому назадъ выразился, что всѣхъ евреевъ и поляковъ слѣдуетъ выгнать. Но въ концѣ концовъ Грибъ только выигралъ отъ этого недоразумѣнія: послѣ мѣсячнаго заключенія его совершиенно освободили, послѣ чего онъ счастливо вернулся домой и оставался на свободѣ въ теченіи всей войны.

Такимъ образомъ, настъ вывели вновь на улицу. Подъ лозунгомъ: "nechuldig — невиновъ", мы благополучно прошли уже среди тысячи толпы обратно на вокзалъ. Затѣмъ сѣли въ вагонъ, изъ которого только что выгрузили уголь, и ложились прямо на полу. Утромъ мы поднялись, обмазанные,

какъ трубочисты, сажей и всякой другой благодѣстью. Я обратилъ внимание жандарма, что подъѣзжаемъ къ Угорцу, гдѣ намъ уже надо сходить, но жандармъ вдругъ объяснилъ намъ, что конечная цѣль нашейѣѣды — г. Лѣско и что только тамъ могутъ отпустить настъ на свободу. На ст. Угорцы мы передали черезъ знакомыхъ изъѣѣстие домой, что мы освобождены и просимъ прислать за нами подводы.

Но на дѣлѣ выпшло иначе. Въ Лѣскѣ опять засадили настъ въ тюрьму.

Къ утру слѣдующаго дня прѣѣхали наши подводы, а съ ними также родные изъѣѣстия арестантовъ.

Вотъ вижу черезъ окно въ коридорѣ заплаканную лѣтнюю изъ Угорца.

— Чего плачешь? — спрашивалъ Домой вѣдѣ. йдемъ!

— Куда тамъ домой, — отвѣчаетъ дѣвочка, — вѣдѣ направляются въ Сянокъ.

Такимъ образомъ, послѣ напрасныхъ надеждъ и ожиданий, наступило новое разочарование. Наша подводы обступили любопытные евреи, а съ другого конца подкатили къ тюрьмѣ казенныя фуры. Скрѣя сердце, мы заняли на послѣднѣхъ, съ карауломъ, указаныя мѣста. Знакомый солдатикъ, еврей Тратнеръ изъ Угорца, подальше мѣшалъ, послѣ чего мы въ полномъ уныніи тронулись въ путь — до нового этапа.

Издѣятельства и терзанія, перенесенные нами по пути въ Перемышль, показались даже вахтмейстеру жандармеріи чересчуръ жестокими, а потому теперь уже онъ попросилъ уѣзданаго старосту отправить настъ въ Сянокъ не по желѣзной дорогѣ, а на подводахъ и окольнымъ путемъ.

6 сентября прѣѣхали мы въ Сянокъ и остановились передъ зданіемъ уѣзданаго суда. Я соскочилъ съ подводы, чтобы поскорѣе скрыться въ коридорѣ суда отъ любопытныхъ глазъ. Но temporary наизнѣпатель, за немѣнѣемъ свободныхъ мѣстъ въ тюрьмѣ, вѣтъ ответилъ настъ въ староство.

Закрылъ лицо пинелью, я поспѣхъ вѣтъ съ другими въ староство. Тутъ сверху по лѣстницѣ стали сбѣгать къ намъ чиновники, а какой-то ротмистръ такъ толкнулъ меня въ спину, что я упалъ. Но вскорѣ настъ позвали въ канцеляріи для допроса, а тѣмъ временемъ полиція разогнала собравшуюся на улицѣ толпу.

Послѣ допроса отвели настъ въ какой-то пустой магазинъ по другой сторонѣ улицы, куда черезъ пѣткорѣврь времена присоединили къ намъ также партію арестованныхъ изъ Устрѣка и изъ Зарочева, такъ что всѣ собрались тутъ настъ около 50 человѣкъ.

Около четырехъ часовъ для мѣнъ передали, что на улицѣ находится мои жена. Подозвавъ ее къ щели въ двѣрѣхъ магазина, я просилъ ее, между прочимъ, выхлопотать въ старостѣ другое помѣщеніе, гдѣ можно бы отдохнуть послѣ тяжелаго пути. И дѣятельственно, минутъ черезъ пять вызвали меня комиссаръ и приказалъ отвестіи въ уѣзданную тюрьму, гдѣ въ сравнительно удобной камерѣ я встрѣтилъ уже изѣѣкомъ

знакомыхъ мѣстныхъ русскихъ людей. А когда настъ выпустили во дворъ пройтись, мѣнѣ просто не вѣрилось, когда увидѣлъ тутъ передъ собою почти всю сянокскую и лѣскую русскую интелигенцію, съыпше ста человѣкъ.

Переполненіе тюрьмы увѣрило настъ, что долго ждѣть мы не останемся. И дѣятельственно, на слѣдующій день настъ было приказано собираться. Уставили всѣхъ группами по 30 человѣкъ, проѣхали въ десятый разъ карманы и синки и приказали выходить со двора. Къ нашему удивленію, на улицѣ мы застали могильную тишину. Толпа въ ста шагахъ воѣдѣ костела молчала, всѣ перекрестные уличные пункты обставлена стражей, игоры на окнахъ вѣдѣ опущены, — раздается только гулъ пашныхъ шаговъ по мостовой. Для большої торжественности момента не хватало еще только барабана...

Потомъ отвели настъ на вокзалъ. Здѣсь посадили настъ въ классные вагоны по 30 человѣкъ въ кажды, такъ что можно было размѣститься по скамьямъ.

Скоро прѣѣхали мы Карпаты и очутились на венгерской землѣ. Послѣ трехсоточнойѣѣды, черезъ Будапештъ, Комори и другие пункты, прибыли мы, наконецъ, къ мѣсту назначенія — въ приснопамятный Тылергофъ..

Сели. Гр. Макар.

Новосандецкій уѣзъ.

Въ новосандецкомъ уѣзѣ были арестованы сейчасъ въ началѣ войны, въ числѣ другихъ, слѣдующія лица: о. Гавриилъ Гнатишакъ изъ Крынicy съ тремя сыновьями, о. Емиліанъ

Венгриновичъ изъ Тылича съ двумя дочерьми, о. Романъ Прислонскій изъ Жегестова, о. Владимиръ Козловскій изъ Поворозника, дѣръ С. С. Булинъ изъ Мушинъ, крестьянинъ Николай

Громослък изъ Крыницы и множество других крестьянъ почти изъ всѣхъ русскихъ деревень уѣда.

Всѣ они были затѣмъ сосланы въ Талергофъ или Терезинъ, за исключениемъ д-ра С. С. Булника, заключенного въ „Чертовой башнѣ“ въ Вѣй и приговоренного военнымъ судомъ, вмѣстѣ съ другими, къ смертной казни, котора, однако, впослѣдствіи была отмѣнена.

С. Верхомля. Въ ноябрѣ 1914 г. пришли однажды ночью къ войту Андрею Богускому въ Верхомль какое-то два незнакомыхъ человѣка въ штатскомъ платьѣ, которые подпоили его,

Сяноцкій уѣздъ.

Г. Сяночъ. Послѣ первого времененаго отступленія русскихъ войскъ изъ Сяночъ австрійцы жестоко расправились съ однимъ изъ мѣстныхъ русскихъ жителей, учителемъ народной школы Д. Монахцикимъ.

Къ приходу русскихъ войскъ въ городъ Д. Монахцикъ выбѣжалъ на встречу русскимъ солдатамъ, восторженно привѣтствуя ихъ словами, что наша родина честь слѣдѣтъ ждала ихъ прибытия. Это, конечно, видѣли и слышали мѣстные жители изъ поляковъ и спрѣевъ, и когда затѣмъ австрійцы опять заняли Сяночъ, на Монахцикаго было сдѣлано доносъ въ „руссофильствѣ“. Въ виду этого къ нему было посланъ австрійскій уланскій патруль. Солдаты вытащили немощного старика изъ дома, связали его по рукамъ и ногамъ, а затѣмъ привязали его за ноги къ лошади и погнали лошадь по улицѣ. Изуродованное тѣло несчастного было нападено далеко за городомъ въ такомъ

Конецъ I-й части.

улачномъ видѣ, что опознать его можно было только по остаткамъ одежды.

(„Принар. Русь“, 1915 г., № 1548).

С. Уличъ.

(Сообщеніе И. Юхнинъ).

На стаду распространяться о подробностяхъ пережитаго времени; они общенѣцкіи и имѣютъ у насъ всенародный характеръ. Единственно только желаніе оставить дѣтямъ памятку о страданіяхъ отца за русскую идею и дать этимъ хорошій примеръ въ ихъ будущей самостоятельной жизни, заставляетъ меня сообщить тутъ свѣдѣнія о моихъ и отца моего страданіяхъ во время бывшаго австрійскаго военнаго террора.

Въ сель Уличъ были арестованы и сосланы въ Талергофъ: Николай Кибала, мой отецъ Иванъ Юхнинъ и я. Отецъ мой умеръ въ заключеніи, а я, послѣ тяжелой, 4-мѣсячной болѣзни, вернулся съ Н. Кибалой наканунѣ развода Австріи домой, причемъ здоровье мое утеряно навсегда. И. И. Юхнинъ.

г. ЛЬВОВЪ — 1934 г.
Грандиозный Талергофский Съезд (15 тысяч участников) по случаю
открытия памятника на Лычаковском кладбище.

В ПАМЯТЬ
ВОЕННЫХ МУЧЕНИКОВ

ТАЛЕРГОФСКИЙ ПАМЯТНИК
на Лычаковском кладбище во Львове, построен в 1934 г.

Рускій Народе!

О, Рускій Народе! Ти в горю-печали, / в слезах і смутку жизнь свою проводиш, Від виродних братів твоих — яничарів Терпніш і страдаєш, в струях крові бродиш...

Преславний народе! Твердий і нездомний! Кругом Тебе лиго, роздор, переміна, — Хоняти ізмічими Тебе, привославний, Гмісто славний Руси кажуть „Україна”...

Страдальний народе! Не обнес горс
Ще Твої прийдеся тяжко пережити.
Але крінко вірю в ось Твоїї слави,
Знаю, що спікалаши, щоби в часію жити:

Хотяй про Тобою терпніста дорога,
Тяжкії колоди Тобі під ногами,
Але сильно вірю в славний ось побіди,
Що шлях до свободи лежить перед нами!

Печальний Народе! Всегда Ти страдавши,
Бще не один винки чашу горя.
Ще не одне капля Твоїї Рускої крові
Попливі ріками, як вода до моря...

Но з той крові встане поколілє славне
І як ясконце в славі засіє,
Тогди підйомешся, отреші гіркі слози,
Закличеш, що славна Русь все побіджав!...

с. Рінне, 1934.

Фото з альбому «Світ як ми його бачимо»

Братське кладбище в селі Гельдірхен
для загиблих у концлагері Тальергейфен.

“Fern von der Heimat hier ruhen 1.767 Männer, Frauen und Kinder aus Galizien und Bukowina als Opfer des Weltkrieges 1914 — 1917.”

Тальергейфське кладбище “Под соснами” було ликвідовано в 1936 р. Кости мучеників перевезені були на кладбище в деревні Фельдкирхен в братську могилу. Согласно міжнародному соглашенню по охрані воєнних могил, на братській могилі построено часовню і в ній поміщені надписи: “В дали от Родини здесь покоятся 1,767 мужчин, женщин и детей из Галичини и Буковины жертв мировой войны 1914 — 1917 гг.

